

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального
округа

Министерство
транспорта России

ГОУ ВПО

«Дальневосточный государственный
университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 4 (16) 2007

Журнал издается при поддержке
инновационной научно-образовательной программы
«Инновационный научно-образовательный
транспортный комплекс на Дальнем Востоке России»

Хабаровск, 2007

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Сердюков Ю.М.

Заместитель главного редактора: Спасский Е.Н.

Ответственный секретарь: Туркулец С.Е.

Технический секретарь: Листопадова Е.В.

Отдел философии и культурологии:

Бляхер Л.Е., Вальковская В.В., Лившиц Р.Л., Ревич И.М., Романова В.В.,
Сердюков Ю.М. (редактор отдела), Уханов В.А.

Отдел психологии и педагогики:

секция психологии: Воробьева К.И. (редактор отдела),

Невструева Т. Х., Яссман Л.В.

секция педагогики: Лазарева Л.П. (зав. секцией), Шумейко А.А., Куликова Л.Н.

Отдел социологии, политологии и права:

Байков Н.М., Максименко С.И., Мерещкий Н.Е., Печерица В.Ф.,

Пишун С.В. (редактор отдела), Смирнов Б.В., Яровенко В.В.

Отдел истории:

Дробница А.В., Дубинина Н.И. (редактор отдела),

Иконникова Т.Я., Песков В.М., Светачев М.И., Чудесов В.В.

Отдел филологии:

Лебедько М.Г., Модина Г.И., Первушина Е.А., Прияткина А.Ф.,

Прошина З.Г. (редактор отдела), Серкова Н.И.

*Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки РФ*

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д.47).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ №77-16283 от 29 августа 2003 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 3235,

тел./факс: (4212) 35-52-93, E-mail:journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Докучаев И.И.</i> Онтологические основания морфологии культуры.....	5
<i>Конончук Д.В.</i> Образ жизненной первоосновы в истоке греческой и китайской философских традиций	10
<i>Тюрина Ю.А.</i> Влияние паранауки и оккультизма на сферу образования: современное состояние процесса глазами социолога	15
<i>Бортнюк О.А.</i> Зачем Малеру Фауст? Загадки Восьмой симфонии, или Вольные ассоциации к лебединой песне Гёте.....	21

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

<i>Воробьева К.И., Атюнина В.С.</i> Образ успеха в русской языковой картине мира	29
<i>Губин И.И., Губина Т.И.</i> Копинг как личностный ресурс в адаптации человека к социальным изменениям.....	38
<i>Чернобай А.Д., Данченко С.А.</i> Непрерывное морское образование как фактор эффективной подготовки профессионалов	44

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО

<i>Ткаченко А.В.</i> Понятие человеческого капитала и его научные трактовки.....	48
<i>Стремиллова О.В.</i> Маргинальность и ее исследование в социологической традиции.....	53
<i>Марусенко О.Н., Смирнов Б.В.</i> Роль ценностей в активизации человеческого фактора социального института армии	60
<i>Казак О.В.</i> Мотивационный механизм регулирования воспроизводства трудового потенциала Тындинского отделения ДВЖД	66
<i>Шурухнов Н.Г., Гостевский Д.Ю.</i> Систематизация следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации	73
<i>Апоревич В.Н.</i> Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых в результате нарушений правил безопасности при ведении строительных работ.....	77

ИСТОРИЯ

<i>Моисеева Л.А.</i> К истории концепции «Соразвитие» дальневосточного предпринимательства с деловым миром стран АТР в конце XX в.....	87
<i>Барбенко Я.А.</i> Периодизация заселения крестьянами Приморской области во второй половине XIX – начале XX вв.	99
<i>Бондарь М.В.</i> Саморазвитие музыкальных учебных заведений как центров сохранения культуры на юге Дальнего Востока России в конце XX – начале XXI вв.....	109
<i>Марьясова Н.В.</i> Пути духовного возрождения России через особую роль нравственных сил молодежного движения.....	114

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Боголепова Т.Г.</i> Тема и образ Франции в поздней прозе Диккенса.....	118
<i>Еременко А.В.</i> Когнитивные механизмы образования фразеологических единиц, репрезентирующих концепт MARRIAGE в английском языке	128
<i>Крыкова И.В.</i> Национально-культурные особенности семантики англоязычных эргонимов и словесных товарных знаков Японии	133
<i>Надежкина Т.О.</i> Мифологема пути в трилогии А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер»	145

<i>Максимова Ю.С.</i> Способы выражения компромисса и других видов взаимодействия в тексте художественного произведения (по материалам романа Джеймса Клэвелла «Сёгун»).....	151
<i>Забияко А.А.</i> Проза харбинского поэта Георгия Гранина.....	156
<i>Иващенко Е.Г.</i> Военная проза Арсения Несмелова.....	168

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Пахомкина М.Ф.</i> Рецензия на монографию С.Е. Туркулец «Идея проективности в становлении философии права: философские очерки»	172
К сведению авторов	177
К сведению подписчиков	178
Указатель статей, помещенных в журнале «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» за 2007 год.....	179

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МОРФОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ¹

И.И. Докучаев

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре технического университета.

В статье определяется место культуры в системе бытия, показаны взаимоотношения культуры и других форм бытия: общества, человека, природы, обосновывается определение культуры как совокупного способа и продукта человеческой деятельности. На основании проведенного анализа выделяются основные формы культуры и демонстрируются их взаимоотношения.

At the article is determinate the place of culture in the system of being, is demonstrate relationships of culture and another forms of being: society, nature, man; is founded definitions of culture as completely method and produce of human activity. In base of conclusions of article is shows the main forms of culture and its relationships.

Философия культуры позволяет понять существо культуры и наметить пути ее изучения, т. е. построить программу культурологических исследований и дифференцировать отдельные дисциплины культурологии. Это верно, так как философия культуры рассматривает свой предмет не изолированно, а в самом широком контексте – контексте бытия. Проблема места культуры в системе бытия и ее соотношения с другими его регионами – центральная проблема философии культуры. От решения этой проблемы зависит понимание сути культуры, ее строения и исторической динамики. Культуру мы понимаем максимально широко – как совокупность способов и продуктов человеческой деятельности. Это позволяет трактовать культуру как один из важнейших структурных элементов бытия, его регион, который существует вполне самостоятельно, хотя и не изолированно от других регионов. Традиционно в истории философии культуру как самостоятельный регион противопоставляли только природе. Таковы классические философские концепции И. Гердера и Дж. Вико. Однако еще до того, как понятие культуры было операционализировано в этих концепциях, философы античности и средних веков рассматривали явления существенным образом относящиеся к сфере культуры, хотя сами они относили их к сфере человека или общества. Так, Аристотель в «Никомаховой этике» различал естественные вещи, поступки и искусственные вещи, а Фома Аквинский в «О сущем и сущности» различал Бога, ангелов, человека, неодушевленных существ и их свойства. Аналогичные иерархии существ встречаются и в онтологии

Плотина, теологии Николая Кузанского, антропологии Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола и других философов и ученых разных времен. В панлогической диалектической философии Г. Гегеля культура как сфера самоутвердившегося и самораскрывшегося духа представлена в качестве высшей стадии диалектического становления бытия. В XX в. аналогичные проблемы решали в рамках онтологии Николай Гартман, который выделил в качестве высшего уровня бытия общество, а в рамках философской антропологии Макс Шелер и Хельмут Плеснер, сравнивавшие человеческие свойства с особенностями существ, относящихся к различным стадиям эволюции органического мира. В отечественной философской традиции проблемы места культуры в системе бытия ставились такими философами, как В.С. Соловьев и Н.А. Бердяев, рассматривавшими культуру как высшую форму бытия, призванную осуществить его важнейшие цели, такие как всеединство или творческое преображение в духе свободной личности. Все эти концепции содержат справедливое противопоставление природы и культуры, в них разбираются важные аспекты взаимоотношений культуры и важнейших форм природы, ее эволюционных стадий становления. Однако культура очень часто не отличается или смешивается с такими регионами бытия, как человек или общество. Впервые на принципиальное отличие этих регионов обратил внимание М.С. Каган. Учет данного отличия позволил ему поставить проблему системного описания сущности, морфологии и исторической типологии культуры. Действительно, природу, с одной стороны, а общество, человека и культуру, с другой, следует противопоставить, чтобы отличить объективное, типичное, законосообразное и субъективное, уникальное, свободное. Однако это противопоставле-

¹ Статья создана в рамках исследования, поддержанного грантом Президента РФ для молодых докторов наук (проект № МД-5064.2006.6).

ние не снимает тождества логического статуса остальных регионов бытия, т. е. общества и человека, с культурой и природой, ибо объем и содержание их понятий не совпадают, а лишь пересекаются. Эти-то пересечения и позволяют описать строение каждого из них, и в том числе культуры как интересующего нас предмета.

Подводя итог традиционному изучению проблемы культуры в системе бытия, необходимо выделить следующие принципиально отличающиеся уровни природы, которые можно противопоставить культуре как высшей стадии ее эволюции. Это уровни неорганической и органической – в двух ее основных вариантах: растительной (неодушевленной) и животной (одушевленной) природы. Каждый из более высоких уровней включает в свой состав элементы и функции более низких уровней, но не сводится к ним, а добавляет нечто специфическое. Неорганическая природа характеризуется такими фундаментальными свойствами, как тождество частей и целого, инерциальность бытия, существование благодаря законам сохранения материи и энергии. Органическая природа возникает и уничтожается, она сохраняется благодаря генетическим кодам, ее формы представляют собой целые организмы, каждая часть которых не существует самостоятельно и не тождественна целому. Животная природа отличается от растительной наличием психики, т. е. способности реагировать не только на жизненно важные, но и на непосредственно связанные с ними объекты. В своей концепции эволюции психического А.Н. Леонтьев прекрасно показал стадии этой эволюции, от восприятия отдельных свойств этих объектов, до восприятия их специфики и контекста. В ходе этой эволюции человек возникает как существо социальное, субъективное и культурное. Его психика – это сложнейшая система процессов и состояний, способная отражать все многообразие явлений мира, различать субъективное и объективное, рационально абстрагировать отдельные стороны единого объекта, обращать внимание на явления, вообще никак не связанные с решением жизненно важных задач, которые были характерными целями жизни любого животного. Эти возможности человек приобретает благодаря изменению своего тела, социализации (то есть совместной с другими людьми деятельности, дифференцирующейся на различные формы, образующей различные социальные институты и страты) и культуре. Рост человеческой субъективности в количественном и качественном аспектах требует новых форм

фиксации, не известных природе. Этими формами и оказывается культура. Она является способом существования человека и общества, его выражения и сохранения. Природа, культура, общество и человек взаимопределяют бытие друг друга, взаимопреобразовывают его; хотя они существуют как самостоятельные регионы бытия, их невозможно изолировать друг от друга, друг без друга они не могут существовать. Их пересечения составляют самостоятельные формы бытия, однако, они не исчерпывают всего его многообразия: за пределами этих пересечений имеются особые самостоятельные формы культуры, общества, человека и природы.

Для того чтобы лучше понять эту сложную систему взаимоотношений природы, культуры, общества и человека необходимо ввести ряд важнейших параметров измерения этих взаимоотношений. Такие параметры могут быть самыми разными, они изменятся в зависимости от того, какую сферу бытия мы будем рассматривать прежде всего. Поскольку предмет нашего исследования культура, то в качестве параметров окажутся ее важнейшие свойства и формы. К такому относятся варианты человеческой деятельности. Человеку необходимо решать объективные утилитарно практические и теоретические задачи, что он и делает в процессе преобразования и познания мира, ему необходимо также субъективно ориентироваться в мире, что он и делает в процессе ценностно-ориентационной деятельности, человек нуждается в общении с себе подобными, он нуждается в целостном творческом воспроизведении мира, что он и делает в рамках художественной деятельности, т. е. создания и восприятия произведений искусства. Деятельность человека имеет процессуальную и продуктивную сторону, а продуктивная сторона, в свою очередь, имеет материальное и духовное выражение. Совершенно очевидно, что материальное и духовное, процессуальное и продуктивное не существуют изолированно друг от друга, тем не менее они являются особыми сторонами бытия, определяющими относительную независимость форм культуры, которые выступают в качестве результатов их преобразования. Некоторые формы культуры оказываются самостоятельными ее компонентами, сущность которых невозможно понять из сопоставления с сущностью природы, общества или человека. Это связано с тем, что данные формы оказываются взаимосвязанными одновременно и с природой, и с обществом, и с человеком. И знания, и ценности, и произведения искусства целостно вос-

производят весь мир, все компоненты структуры бытия. Можно познать, оценить и творчески воспроизвести и культуру, и природу, и общество, и человека. Знания имеют духовное содержание и материальное (семиотическое) выражения, процессуальная их сторона – познание. Ценности есть результат ценностно-ориентационной деятельности, они также имеют духовное содержание и материальное выражение. Правда этим материальным выражением оказывается не какой-то один класс артефактов, а все артефакты, т. е. вся совокупность культуры является выражением определенных ценностей. Это обстоятельство делает ценности центральной категорией культуры, позволяющей осуществить целостное исследование культуры как особого предмета особой науки – культурологии, которая будет предметно существенно отличаться от науковедения или искусствознания, религиоведения или изучения материальной культуры. Произведения искусства есть результат художественной деятельности, а их материальная и духовная сторона настолько интегрированы друг в друга, что многие исследователи даже склонны говорить об особой онтологической категории – художественном бытии, существенно отличающемся от материального и духовного бытия.

Совершенно иными оказываются результаты взаимоотношений остальных форм человеческой деятельности, т. е. преобразования и общения. Преобразование есть отношение человека к миру как к объекту, а общение – как к субъекту. Преобразование, в отличие от других форм субъектно-объектной деятельности, таких как познание или оценка, не является простым культурным удвоением других регионов бытия, но оно оказывается активным вмешательством в их существо. Это вмешательство приводит к тому, что в структуре культуры и других форм бытия возникают новые компоненты. Поскольку и у культуры, и у человека, и у общества, и у природы имеется материальная и духовная стороны, а преобразование их имеет процессуальный и продуктивный характер, количество этих новых компонентов соответственно возрастет. Общение, в отличие от синтетической intersubъектно-объектной художественной деятельности, также не является простым культурным удвоением культуры, природы, общества и человека. Оно создает новые формы бытия, правда, в отличие от преобразования, уже не на чужой территории, а на своей. То есть все эти формы есть формы культуры и только культуры. Общение с человеком вырабатывает новую общую интерперсо-

нальную или интериндивидуальную реальность. Общение с обществом – новую функциональную или ролевую реальность. Мы подробно рассматриваем типы этой реальности в монографии «Введение в историю общения». Эти различия коренятся в историко-типологических различиях культуры. В традиционной культуре, в которой не сформирован такой тип человека, как уникальная рационально-ориентированная творческая личность, которая возникает только в условиях креативной культуры, а каждый человек является своего рода проекцией традиционных, освященных религиозно-магическим ритуалом, социальных функций, т. е. этнофором, общение между людьми является не интерперсональным (межличностным), а интериндивидуальным. Фактически оно ни чем не отличается от общения с обществом, оно является функциональным и представительным общением, в котором каждый человек представляет свое общество по определенным правилам и с определенными целями. В креативной культуре общение между конкретными людьми и между человеком и обществом будут существенно различаться. Между обществом и человеком возникнет дистанция, которая будет выражаться в возможности реального выбора социальной функции или духовного отношения к ней. Такая деятельность превратит социальную функцию в социальную роль. Поэтому общение между обществом и человеком в такой культуре можно назвать ролевым. Общение же между личностями будет уникальным процессом, который в силу своей уникальности можно вообще рассматривать как форму бытия, выходящую за пределы культуры в сферу общества и человека. Именно об этом состоянии писали такие представители диалогической философии, как М. Бубер, Ф. Розенцвейг и Ф. Эбнер.

Результатом преобразования духовной стороны природы окажутся всевозможные знаки, а материальной стороны – вещи. Процессуальная сторона преобразования природы – технологии. Строго говоря, знак есть культурно-преобразованная природа, приобретающая в результате этого изменения духовную сторону. Поэтому суть подобного преобразования не в изменении чего-то уже существующего, а в создании нового, а именно – смысла вещи. Подобная сторона – не просто знание вещи, существующее вполне самостоятельно, нет, это именно сторона вещи, которую она приобретает, оказываясь в смысловом составе культуры. Существуют три наиболее общих вида смыслов вещи. Мы рассматриваем категорию смысла так, как она понимается в концепциях М.М. Бахтина, А.А. Ле-

онтьева или Л.Ф. Чертова. Это архитектурный, практический и символический смыслы. Архитектурный смысл это элементарный результат ее восприятия, содержащий информацию о ее чувственно воспринимаемых характеристиках, таких как цвет, звук, теплота, плотность и т. п. Архитектурный смысл может быть результатом исключительно духовного преобразования вещи, однако, это обстоятельство не снимает устойчивости подобного преобразования, его технологичности. Практический смысл это социально-культурная функция вещи, которая связана всегда с материальным преобразованием вещи, благодаря которому она приобретает определенную материальную форму и практическую функцию. Так, металл приобретает функцию технического инструмента, когда из него сделали, к примеру, дверной ключ. Символический смысл может быть результатом как материального, так и духовного преобразования. Он всегда накладывается на архитектурный смысл, как бы дополняет его в результате нового социокультурного осмысления или преобразования вещи, а иногда дополняет и практический смысл. Так, дверной ключ, который сделан специально для того, чтобы выполнять символическую функцию доступа в город, может быть сделан таким образом, что им принципиально невозможно открыть ни одной двери, хотя это и не обязательно. Материальная сторона преобразованной природной вещи будет различаться в зависимости от того, какой вид природы подвергся преобразованию и с какой целью. Прежде всего, органическая или неорганическая эта природа. И если органическая, то насколько радикальным было это преобразование. Понятно, что совершенно различными видами подобного преобразования будут domestикация животных и растений или изготовление из них одежды и пищи. Остается добавить, что и за пределами культуры будет существовать природа, о которой культура сформирует уже не смыслы, а знания.

Результатом преобразования духовной стороны общества окажутся социальные институты (устойчивые типы взаимоотношений между людьми), а материальной стороны – социальные страты (устойчивые классы, сословия, группы конкретных людей). Процессуальная сторона преобразования общества – коммуникация или управление. Под социальными институтами и стратами мы вслед за классиками социологии Э. Дюркгеймом и П.А. Сорокиным понимаем, с одной стороны, связи между людьми, а с другой, самих людей, вступающих в эти связи. Фактами культуры социальные институты и страты оказываются постольку, поскольку они устойчивы и

конкретны, т. е. всеми членами общества воспринимаются и используются именно так, а не иначе. Социология вполне может и не обращать внимание на эту устойчивость, и тогда она окажется в сфере социальных взаимодействий, не являющихся вариантами социального института, или в сфере социальных групп, не являющихся стратами. В условиях традиционной культуры в принципе каждая социальная группа – страт, а каждая связь между людьми – институт, даже если это обстоятельство оказывается только фактом коллективного или индивидуального бессознательного. В условиях же креативной культуры граница между устойчивыми стратами и институтами и их неустойчивыми аналогами весьма прозрачна. Большинство из устойчивых стратов и институтов оказывается в состоянии распада. При этом они не перестают быть социальными фактами, поскольку продолжают обеспечивать единство общества. В современном обществе количество функций и отличительных особенностей семьи сведено почти к совокупности статей семейного кодекса, однако, эта форма социального взаимодействия продолжает существовать. Особо следует сказать о природе управления или коммуникации. Как вариант преобразования оно вроде бы должно являться субъектно-объектной деятельностью. Но человек никогда не существует в качестве объекта как такового, по крайней мере до тех пор пока от него требуется быть именно человеком, а не только его частью, например, телом. Поэтому коммуникацию или управление можно квалифицировать как переходный тип между субъектно-объектной деятельностью и общением. Аналогичная переходность свойственна и духовному образованию человека, о котором речь пойдет ниже.

Результатом преобразования духовной стороны человека окажется психический тип человека, а его материальной стороны – человеческое тело. Процессуальная сторона преобразования человека – физическое и духовное образование. Психический тип человека рассматривается нами в культурологическом, а не психологическом значении этого термина. То есть речь идет не о холериках, меланхоликах, сангвиниках и флегматиках, а об определенном культурно-историческом варианте человека, воплощающем те или иные социальные требования, предъявляемые к нему. Дворянин начала или конца XIX века в России это совершенно различные психические типы человека, при определении которых большое значение имеют именно время и место их существования. Психические же типы человека в психологиче-

ском понимании этих терминов не являются фактами культуры, хотя культура может и участвовать в их бытии; они универсальны и свойственны всем людям во все времена. Так, в концепции структуры психики З. Фрейда культура занимает определенное место, а именно выступает в качестве «Сверх-Я», т. е. цели проекций и идентификаций «Я». Хотя сама культура может быть различной, структура ее взаимодействия с «Я» остается неизменной и именно в качестве таковой и изучается психологами. Особым онтологическим статусом обладает и культурное человеческое тело. Этот статус оно приобретает точно так же, как и любая другая природная вещь, т. е. благодаря осмыслению, о котором мы уже упоминали выше. Знание человеческого тела не имеет к этой форме бытия непосредственного отношения. Известно, что морфологическая эволюция человеческого тела прекратилась, и человек не занимался искусственным изменением его существа, вплоть до последнего времени, когда генетика открыла подобные перспективы. Если это произойдет, куль-

тура тела приобретет совершенно иное значение, чем она имеет теперь. А пока она сводится к физической культуре и модификации несущественных компонентов морфологии тела, такой как тауировка, косметика, пирсинг и т. п. Технологии преобразования человека тоже разнятся в зависимости от предмета, на который они направлены и целей, к которым стремятся. Понятно, что физическая культура есть типичный вариант субъектно-объектной деятельности, а вот духовное образование, оставаясь переходной формой между интросубъектной и субъектно-объектной деятельностью, может приближаться то к одной, то к другой. Так, воспитание человеческой личности оказывается гораздо ближе к общению, а обучение человека тем или иным знаниям – к субъектно-объектному преобразованию.

В приложенной к настоящей статье таблице «Морфология (структура) культуры» дана сводка всех основных форм культуры, обнаруженных благодаря учету контекстов ее существования и основных свойств.

Таблица

Морфология (структура) культуры

		Продуктивная сторона		Процессуальная сторона
		Материальная форма	Духовная форма	
О отражение бытия в культуре	Ценностно-ориентационная деятельность (поиск синтетической, объединяющей абсолютную, целостную и утилитарную, информации)	Все артефакты, но в первую очередь мифы и идеология	Ценности (экзистенциальные модели): • экзистенциальные (религиозные и светские); • социальные; • вещественные (природные); • антропологические; • культурные	Оценка и отнесение к ценности (творчество ценностей)
	Познание (поиск абсолютной информации)	Знаки (письменные и вещественные носители знаний)	Знания: • естествознание, • социология, • культурология, • философия, • антропология	Рассуждение и опыт (наблюдение и эксперимент)
	Художественная деятельность (поиск целостной информации)	Художественные произведения, синтез материальной и духовной форм		Творчество и восприятие
Преобразование бытия культурой (поиск	Преобразование общества	Социальные страты (устойчивые группы конкретных людей)	Социальные институты (конкретные и устойчивые связи и нормы, вербальный язык)	Управление (политика) и координация
	Преобразование человека	Тело (косметика и физическая культура)	Психический тип	Физическое и духовное воспитание (образование) и исправление (медицина и пенитенциарная система)
	Преобразование природы	Вещь (органическая (доместигированная и модифицированная) и неорганическая): • пища; • органопроекции (орудия труда, жилище, костюм, средства коммуникации)	Смысл (знаки): • признаки; • функции; • символы (парадоксальные (искусственные и естественные языки) и классические знаковые системы)	Технологии
Общение				Представительное (ритуалы, игры) и межличностное общение

ОБРАЗ ЖИЗНЕННОЙ ПЕРВООСНОВЫ В ИСТОКЕ ГРЕЧЕСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЙ

Д.В. Конончук

Конончук Дмитрий Васильевич – старший преподаватель кафедры философии Тихоокеанского государственного экономического университета.

В статье предпринята попытка компаративистского анализа образа мирового первоначала как жизненной первоосновы всего сущего в генезисе и раннем становлении греческой и китайской философских традиций. Делается вывод о том, что общие черты в способах полагания этого образа обусловлены характерной для архаики специфической моделью причинности. В соответствии с этой моделью сущность всякого сущего мыслилась как процесс его порождения, а первоначало приобрело, в частности, форму фундирующего мир витального принципа.

There is an attempt in the article of comparative analysis of primary origin image as living basis of all being in genesis is made. It is drawn such conclusion, that common patterns in ways of thinking of this image caused by typical for archaic specific model of causality. In accordance with this model the essence of every being was thought as a process of it's beginnings, and a primary origin came, particularly, to a form of vital principle funding the world.

В исследованиях истоков философии Востока и Запада акцент обычно делается на специфическое в культурах и способах мышления. При этом черты сходства в генезисе различных философских традиций зачастую либо отодвигаются на задний план, либо не учитываются вообще. В данной статье мы постараемся показать, что, несмотря на несомненные принципиальные различия в формах философской интуиции, такая значимая идея, как идея мирового первоначала, имеет в обоих случаях много общего. И общность эта, в частности, заключается в том, что первоначало мыслилось как динамическая жизненная первооснова. Сходные черты в обеих духовных традициях объясняются комплексом причин как исторического, так и культурно-антропологического плана. Вопрос же о том, каким образом впоследствии обе традиции разошлись, в силу его объемности, мы, к сожалению, вынуждены оставить здесь без внимания.

Идея сходства архаических представлений в самых разных уголках земного шара, разумеется, далеко не нова. В историко-антропологическом и культурологическом знании она развивается, начиная со второй половины XIX в., с работ таких классиков, как Э. Тайлор, Л. Морган, Дж. Фрэнзер и др. Очевидно, что вершины исторической антропологии XX в. (работы М. Элиаде, К. Леви-Строса, Р. Опианса, Дж. Кэмпбелла, В.Н. Топорова и мн. др.) без компаративистского анализа представить себе невозможно. Но хотя сходные системы представлений могут иметь многие культуры, собственную философскую традицию произвела на свет не каждая. И влиянию сходных в различных культурных регионах представлений первобытной архаики на становление именно философского взгляда на мир, уделяется, на наш взгляд, все же недостаточное внимание.

И эта недостаточность, как представляется, способствовала консервации популярного в «школьной» истории философии мнения: если для Востока «общим местом» всегда был взгляд на мир как на динамическую форму, на процесс становления, то вершины философской мысли античности связаны с представлением о поисках неизменной, тождественной сущности вещей, что изначально предполагает рассмотрение мира как противоположной, т. е. статической модели. Последняя характеристика не абсолютна, но все же справедлива для всего постпарменидовского развития греческой философии. Однако при рассмотрении более раннего периода, связанного с самим генезисом традиции, такого рода схема дает сбой. Не случайно А.Ф. Лосев в свое время утверждал, что «о становлении учит решительно вся досократика»¹. Наше собственное исследование ранней истории греческого понятия *архэ* («Архе» – «начало», «основание», «рождение», «власть») сразу в нескольких пластах – этимологическом, контекстуально-синтаксическом и, наконец, культурно-историческом, привело к выводу о том, что изначально мировое Архе, как и *фюсис* («Фюсис» – «природа», «рождение»), мыслилось греками как динамический процесс становления сущего, причем семантика *архэ* позволяет выделить в себе оттенок циклического «поворота», а также тождественности «начала» и «конца»². Как мы полагаем, не только китайская, но и греческая философская традиция имела в своем истоке взгляд на мир как на динамическую структуру, как на единый грандиозный процесс. Представления о первоначале определяли комплекс взглядов на общую динамику мира.

¹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М., АСТ, 2000. С. 400.

² Данное положение здесь мы оставляем без экспликации в силу неизбежной объемности последней.

Изначальная близость взглядов на первоначало в генезисе греческой и китайской философских систем обнаруживается, в частности, в наличии в их тезаурусах трех групп образно-символических фигур (или смыслообразов³) со схожей семантикой. Эти семантические группы функционировали в мышлении предельных оснований мира, выступая как своего рода варианты полагания первоначала. В результате выстраивается трехчастная космологическая схема, в которой каждая из групп смыслообразов выступает как модус этого первоначала. Схема выглядит следующим образом:

1) жизненная первооснова, собственной природой конституирующая само существование мира в его динамике ($\nu\rho\nu\nu\sigma$, $\alpha\eta\rho$, $\alpha\theta\eta\rho$ ⁴ и ψ [1]⁵);

2) цикл трансформации состояний вещей, конституирующий качественную определенность внутри мировой динамики ($\sigma\tau\omicron\upsilon\chi\epsilon\iota\alpha$ ⁶ и $\sigma\iota\nu$);

3) абсолютный, иногда мыслящийся как темпоральный, континуум, конституирующий упорядоченность этой динамики, а позже – и ее смысл ($\alpha\lambda\epsilon\iota\rho\nu$, $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ ⁷ и дао).

Эти три модуса первоначала зачастую мыслились синкретично. Скажем, $\alpha\lambda\epsilon\iota\rho\nu$ Анаксимандра мог пониматься не только как общемировой континуум, в пределах ($\tau\epsilon\iota\rho\alpha\tau\alpha$) которого

³ Смыслообраз – термин, введенный Ф.Х. Кессиди для номинации природы образно-символических фигур языка наподобие $\nu\rho\nu\nu\sigma$ (влаги) Фалеса или $\tau\eta\rho$ (огня) Гераклита; любопытно заметить, что за несколько десятилетий до этого Ю.К. Шуцкий «мыслеобразами» номинировал понятия «И цзин» (См.: Шуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен» // Конфуций. Уроки мудрости: сочинения. М., Эксмо; Харьков, Фолио, 2006. С. 552).

⁴ «Югрон», «азр», «эйфэр»; в дальнейшем – «влага», «воздух», «эфир».

⁵ Как известно, многие китайские термины, имея различные значения и письменно транслируясь различными иероглифами, при этом омонимичны. Например, понятие $\sigma\iota\nu$ (1) в первую очередь известно в конфуцианском аспекте – как «качество», «свойство», что отлично от упоминаемого нами понятия $\sigma\iota\nu$ (3) как аналога греческого $\sigma\tau\omicron\upsilon\chi\epsilon\iota\alpha$. Очевидно, что неразличение подобных нюансов способно ввести в заблуждение. Поэтому в данной работе заимствована схема индексации китайских понятий, разработанная для словаря «Китайская философия». Так, употребляемый термин следует понимать в соответствии с последней приведенной к этому моменту в квадратных скобках индексацией. Полный список терминов с индексами значений см.: Китайская философия: энциклопедический словарь. М., Мысль, 1994. С. 555–567.

⁶ Греческое слово «стойхейон» (отсюда рус. «стихия» как часть комплекса первостихий) по своему смыслу достаточно существенно отличалось от более позднего и вошедшего в классический историко-философский тезаурус латинского понятия «элемент».

⁷ Соответственно «апейрон» и «Логос».

происходит процесс рождения-гибели всех вещей⁸, но и как гилозоистическая, жизненная первооснова, эта *sui generis* «мировая душа». В данной статье рассматривается первоначало в рамках именно этой последней сферы представлений.

Образ жизненной первоосновы отчетливо выражен в китайской культуре. Для обширного ряда феноменов китайской культуры, в том числе, естественно, и для философии, исключительным по своей значимости является понятие *ци*. Традиционный философский смысл *ци*, который с трудом укладывается в традиционные европейские системы представлений, состоит в достаточно парадоксальном смысловом сочетании первосубстанции и первосубстрата, движущего и движимого, духа и материи. *Ци* обычно мыслилось в качестве единой, пронизывающей весь мир и составляющей его витальной энергии. «Древнекитайский философ-скептик Ван Чун (I в. н.э.), рассуждая о природе *ци*, привел пример, который можно считать классическим: подобно тому, как лед при нагревании превращается в воду, а вода – в пар, так и *ци*, сгущаясь становится веществом, а истончаясь – духом»⁹. Чжао Чжицзянь комментирует главу 40 «Дао дэ цзина» со словами «вещи исходят из сущего (ю)», понимая под сущим именно *ци*¹⁰. В главе 22 «Чжуан-цзы» весьма показательно говорится о том, что «жизнь следует за смертью, а смертью начинается жизнь. Разве кому-нибудь известен их порядок? Рождение человека – это скопление эфира (*ци*). Соберется эфир, образуется жизнь, рассеется – образуется смерть... Поэтому и говорится: «Единый эфир пронизывает всю вселенную», поэтому мудрый и ценит единое»¹¹. Гилозоисти-

⁸ Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – М.: Наука, 1989. С. 127 (12 В1).

⁹ Торчинов Е.А. Пути философии Востока и запада: познание запредельного. СПб., Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2005. С. 57–58. Ср. комм. Люй Хуэйцина (XI в.): «У древних тело сливалось с сознанием, а сознание сливалось с энергией (*ци*), энергия сливалась с духом, а дух сливался с вечноотсутствующим»; а также Чжу Дэчжи (XV–XVI вв.): «вещи – это уже проявившаяся жизненная сила (*ци*); а образы (сян) – это еще не проявившаяся жизненная сила» (цит. по комм. В.В. Малявина: Дао дэ цзин. Ле-цзы. Гуань-цзы. Даосские каноны. М., Астрель, АСТ, 2002).

¹⁰ См. также, напр., главы 42, 51.

¹¹ Чжуан-цзы. Путь полноты свойств. М., Эксмо, 2005. С. 235. К слову, формулировка очень напоминает уже проскользнувший у нас знаменитый фрагмент Анаксимандра 12 В1: «А из каких [начал] вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [=ущерба] в назначенный срок времени». (Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. С. 127).

ческая природа *ци* уходит своими истоками в очень древний слой первобытного анимизма: представление об одухотворенности всего сущего было, как известно, характерно для детства человеческой культуры повсеместно. Китайская философская интуиция первоначально нуждалась в смыслообразе *ци* не только потому, что *ци* полагалось как предельный бескачественный перво-субстрат, что делало смыслообраз в целом удобным в качестве отправной точки для мышления схемы универсальной дуальности мира (инь-ян) или цикла состояний сущего более низкого порядка (у син). Этот китайский смыслообраз тончайшего вещества-энергии, как и его греческие (и не только) аналоги, имел витальное содержание, и именно в этой жизненной потенции семантики *ци*, на наш взгляд, заключается причина выражения первоначала посредством данной категории. Ведь *ци* и по сей день в традиционной китайской медицине отождествляется с субстанцией, которая явно не имея не только эфирной, но и гилеоморфистской природы, считается тем не менее носительницей жизни – с кровью.

Почему в архаическом мышлении первоначало отождествляется с витальностью? На наш взгляд, дело заключается в том, что в этом мышлении сущность некоего сущего отождествляется с процессом возникновения последнего. Ядром такого представления, как правило, является некоторый универсальный принцип, образующий собой базовую характеристику самого первоначала. Специфику архаического понимания причинности классик отечественного культурологического знания В.Н. Топоров охарактеризовал следующим образом: «Определение и объяснение состава мироздания и роли, которую играют в нем его объекты, равнозначно ответу на вопрос «как это возникло», описанию всей цепи порождения этих объектов»¹². Иными словами, фактическая сущность вещей в архаической ментальности была отождествлена с причастностью порождающему началу, образно этим началом выражалась, а тем стержневым принципом, который конституировал собой всю телеархическую модель мира, явился жизненный принцип. Поистине, по словам Аристотеля, «Начало (*αρχή*) для Ахилла Пелей, а для тебя – твой отец»¹³. Ведь если мир мыслится живым, что характерно для архаики, то всякое существование ассоциирует-

ся с витальностью. Во всех развитых мифологиях мира космология и космогония неразрывны. В них обычно торжествует генетизм: в первую очередь соответствующие мифы объясняют то, как возник мир, а не то, скажем, из чего он состоит. Греческие термины «Архе» и «Фюсис» с их семантикой процесса «вечного порождения» в рамках подобной мыслительной схемы исключительно уместны. Жизненная первооснова конституировала цепь взаимопорождения вещей: облеченная в конкретные мифопоэтические фигуры, а затем и в раннефилософские смыслообразы, она мыслилась как гарант продолжения существования мира в целом, его универсальная скрепа. К слову, именно здесь, на наш взгляд, следует искать истоки мышления первоначала как темпорального континуума¹⁴, однако, это отдельная проблема.

Отдельного, весьма обширного анализа требует и следующий вопрос: а в чем причины самой телеархии? Почему характерная для детства человечества модель причинности приобрела именно такую форму? Это тема для отдельного исследования; скажем лишь, что наиболее эффективным представляется поиск корней этой особенности архаического мышления на путях тех учений, которым удалось, на наш взгляд, наиболее глубоко продвинуться в исследовании феноменов человеческого: фундаментальной аналитики присутствия Хайдеггера и аналитической психологии Юнга.

Что касается исторического фона, то ситуация возникновения философского знания имеет в Греции и Китае много общего. Генезис и раннее становление как греческой, так и китайской философских традиций относится к периоду «Осевого времени», смысловое и событийное содержание которого для Китая и Греции во многом совпало¹⁵. «Осевое время» пришлось на важней-

¹⁴ См., напр.: Asmis A. What is Anaximander's Apeiron? // *Journal of the History of Philosophy*. 1981. Vol 19. № 3. P. 294–297.

¹⁵ Любопытно, что конфуцианская традиция, подобно греческой, также выделяла именно семь древних мудрецов (шэн – «совершенномудрых»; см.: Китайская философия: энциклопедический словарь. С. 505), а само понятие «шэн» испытало семантический дрейф от посвященного совершенномудрого в «простого «мудреца» и советчика» (см.: Маслов А.А. Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. М., Алетейа, 2005. С. 26–27), что очень походит на судьбу известного греческого понятия σοφιστής. Кроме того, появившийся на свет в пифагорейском кругу термин φιλοσοφός не просто изначально имел, подобно шэн, сакральное значение, но продолжал нести его даже во времена Платона (Подробнее см: Адо П. Что такое античная философия? М., Изд-во гуманитарной литературы, 1999; Эберт Т. Сократ как пифагореец и анамнезис в диалоге Платона «Федон». СПб., Издательство СПб. ун-та, 2005).

¹² Топоров В.Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира. Т. 2. М.: НИ «Большая российская энциклопедия», 1997. С. 6.

¹³ Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 306.

шие с точки зрения собственной истории каждой цивилизации периоды. В Китае оно оказалось связано с эпохами Чуньцю и Чжаньго – соответственно «Весен и осеней» и «Сражающихся царств» (VIII – III вв. до н.э.). Это было время становления ведущих в истории Китая и АТР в целом идеологических и философско-религиозных систем, восходящих к жившим в это время реальным и полуполюгендарным основателям. Аналогичным образом в Греции «Осевое время» нашло свое выражение в судьбоносном для всей Западной культуры классическом периоде (VII – IV вв. до н.э.), заложившем основы европейского философского мировоззрения и в конце концов призвавшим к жизни мыслителей, творчество которых надолго определило пути и судьбы Западного философского (и не только) знания – Платона и Аристотеля. В Греции, еще в большей степени, чем в Китае именно в этот период происходило оформление категориального аппарата философии. И, конечно, помимо этой общности содержания осевых эпох, обе духовные традиции – и китайская, и греческая – имели общий источник – архаико-первобытное прошлое. А как уже отмечалось выше, далеко не нова идея о том, что культурные формы, паттерны и представления архаики зачастую оказываются удивительно схожими даже в совершенно автономных и лишенных какой бы то ни было взаимной коммуникации культурных областях.

Так, и представления о витальном начале, как правило, отождествленном с физической субстанцией воздушной или эфирной природы, были широко распространены у самых разных народов. Скажем, в ветхозаветной традиции слово *ruah* обозначало Дух и ветер одновременно. Дух Яхве (в тексте – Дух Божий, *ruah elohim*) носился над водами первичного хаоса до начала творения мира (Быт. 1:2). Яхве часто обращается к персонажам Ветхого Завета именно в виде *ruah*, который нисходит, влагается в сердце, сообщает, воодушевляет и др.¹⁶ На наш взгляд, именно жизненное начало было положено и в основание наиболее ранних учений греческой философии.

Берущая свое начало от Аристотеля историческая традиция первым в ряду греческих философов называет Фалеса, сына Эксамия из Милета, основателя ионийской школы натурфилософии. Хронологически с его учением совпадает учение Ферекида, сына Бабия из Сироса, и в древности первым философом иногда считали

именно Ферекида¹⁷. *υρουρ*, знаменитое первоначало Фалеса (и Ферекида, как утверждает автор II в. Ахилл Татий¹⁸), обычно переводится как «вода», в то время как более точное значение этого слова – «влага». Именно в контексте не «водного», но «влажного» это слово употребляется, скажем, у Аристотеля¹⁹. *υρουρ* Фалеса, начиная с древности, получил множество интерпретаций. В данном случае для нас важно то, что исторически первый в Западной философии смыслообраз мирового первоначала, как и в философии Восточной, в себе семантические потенции витальности; вероятно, в силу этого он и стал первым. Фалеса можно считать первым в Западном мире человеком, сформулировавшим в частном учении идею о том, что движущим что бы то ни было в мире началом является душа: «Аристотель и Гиппий утверждают, что он (Фалес – Д.К.) приписывал душу даже неодушевленным телам, ссылаясь на магнит и на янтарь»²⁰. В мире Фалеса «все полно богов». Гилозоистический смысл этого положения Фалеса постулировал еще Платон: «Ввиду того, что душа или души оказались причиной всего этого и к тому же они обладают всеми нравственными совершенствами, мы признаем их божествами... Найдется ли человек, который, согласившись с этим, стал бы отрицать, что «все полно богов»²¹.

Витальность *υρουρ* Фалеса постулируют многие из числа авторитетных исследователей мировосприятия древних греков. «Вода является элементом не только в смысле принципа происхождения из нее земли путем ступения или воздуха путем разрешения, но она является также и принципом жизни (курсив авт. – Д.К.) и даже души»²². Особенный интерес в этом смысле представляет работа Р. Онианса, который специально и очень подробно рассматривает вопрос греческих представлений о душе. Дело в том, что во времена Фалеса (да и в более поздние времена – отголоски подобных представлений можно обнаружить даже у Плотина) душа-*θυμος* («тюмос»), а впоследствии и душа-*ψυχη* («псюхе»),

¹⁷ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. С. 84 (7 А1), 86 (7 А5).

¹⁸ Там же. С. 87 (7В 1а).

¹⁹ Аристотель. Метафизика. С. 71 (1983b 18-28).

²⁰ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 70 (I, 24).

²¹ Платон. Законы // Он же. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 360 (899b).

²² Лосев А.Ф. Лексика древнегреческого учения об элементах // Вопросы филологии. Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. Ученые записки. Т. 341. М., 1969. С. 236.

¹⁶ См., напр., Чис. 11: 25–26, Суд. 3:10, 11:29, Ис. 63:11 Иез. 11:19 и др.

представлялась особого рода влагой, добываемой из пищи и составляющей основу человеческого сознания, частью которого является ум (*νοῦς*). Согласно Ониансу, тумос – это «дыхание, связанное с кровью, это не воздух, но какой-то входящий внутри пар, смешивающийся и взаимодействующий с наружным воздухом; тумос убывает при плохом питании тела и усиливается, получая хорошую пищу»²³. Испаряя тепло, вода могла мыслиться как своего рода источник психе, по крайней мере, мнение о «частицах теплоты, поднимающихся из воды», было для античной культуры характерно и в более поздние времена²⁴. К слову, изначальное значение *ци*, запечатленное в обозначающем это понятие иероглифе – «пар, поднимающийся над жертвенным рисом».

Именно гилозоистическая интерпретация древнейшего греческого Архе позволяет сформировать взгляд на учение ионийской философской традиции до Гераклита включительно как на целостную парадигму. В центре такой интерпретации лежит взгляд на Архе ионийцев именно как на жизненную первооснову. Ведь следует вспомнить, что ближайшие идейные преемники Фалеса – Анаксимандр и Анаксимен – утверждают воздушную природу сущего, как представляется, в том же самом смысле, в котором древнекитайские мыслители понимают *ци* – в смысле витального перво-субстрата. Даже сам термин «гилозоизм» был предложен в XVII в. именно с целью обозначения направления мысли ионийцев. Дело в том, что *αἴρ* Анаксимандра и Анаксимена означает не столько эмпирический воздух, сколько некую «взвесь», «пар» или «туман», и оба милетца мыслят *αἴρ* в качестве тончайшего из элементов-стойхейонов, способного по этой причине служить элементарной составляющей и своего рода предельным основанием любого тела²⁵. Все сущее соответственно мыслится ими как продукт разной степени сгущения и разрежения *αἴρ*, что в свою очередь вполне коннотируется с вышеупомянутым представлением Ван Чуна о *ци*. «Анаксимен, Анаксимандр,

Анаксагор и Архелай полагали, что природа души воздушна»²⁶. Гераклит также был склонен понимать свой космический цикл как гилозоистический. Как сообщает нам Аристотель «и Гераклит утверждает, что душа (*ψυχή*) есть начало (*ἀρχή*), поскольку она, мол, есть испарение (*ἀναθυμίασις*), из которого составляется все остальное»²⁷. То, что знаменитый огонь (*πῦρ*) Гераклита мыслился в качестве «тончайшего» предельного основания сущего, является лишним аргументом в пользу взгляда на природу последнего как на «эфирную». Даже «объемлющий» людей гераклитовский Логос А.Ф. Лосев призывает интерпретировать как атмосферу²⁸. Такого рода синкретизм не должен удивлять, так как в отношении представления о стойхейонах (и не только о них) он был распространен вплоть до Аристотеля, в частности, до его концептуализации *αἴθηρ*. Скажем, по свидетельству Александра Афродисийского, Анаксимандр «полагал началом природу, среднюю между воздухом и огнем или между воздухом и водой (о ней говорится и так, и так)»²⁹. Как и в случае с *ци*, первичным выступало не столько физическое воплощение первоначала, сколько фундирующий его витальный принцип.

Таким образом, мы можем утверждать, что при зарождении философской традиции в двух культурных регионах, несмотря на все их различия, сюжет о мировом первоначале имел сходные черты. Философское знание возникло в Греции и в Китае в сходных исторических условиях, и общая для первобытной космологии самых разных народов модель причинности необходимо вошла в него как исторически первая форма вопрошания о сущности вещей. В соответствии с этой моделью сущность всякого сущего, включая и мир в целом, мыслилась как процесс его возникновения и становления. Ядром этой модели выступает принцип продолжения жизни в целом. В силу этого и греческая, и китайская философские традиции начали свой путь со сходных представлений, одним из которых явился образ фундирующей мир жизненной первоосновы.

²³ Онианс Р. На коленях богов. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 69. Двойная структура души – душа-сознание и душа-жизнь – практически универсально характерна для мифологического мировосприятия и находится параллели у китайцев в виде *хунь* и *по*, позже *шэнь* и *гуй*. (См.: Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. С. 100–101). В китайских текстах, особенно в даосских, эти термины часто так или иначе отождествляются с *ци*.

²⁴ Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л., Наука, 1970. С. 245.

²⁵ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. С. 121–122 (12 А 16), 129–131 (13 А 5–8).

²⁶ Там же. С. 126 (12 А 29).

²⁷ Аристотель. О душе // Он же. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 378 (I 405a).

²⁸ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. С. 389.

²⁹ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. С. 120 (12 А 16).

ВЛИЯНИЕ ПАРАНАУКИ И ОККУЛЬТИЗМА НА СФЕРУ ОБРАЗОВАНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОЦЕССА ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГА¹

Ю.А. Тюрина

Тюрина Юлия Александровна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры «Социальная работа и социология» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В статье представлены основные результаты исследования автором проблемы влияния паранауки и оккультизма на систему высшего образования на Дальнем Востоке России. Полученные выводы основаны на результатах социологического исследования, проведенного в высших учебных заведениях Амурской, Камчатской областях и Хабаровского края.

The article is dedicated to the research made by the author in the field of occultism and its influence on the system of higher education on the Russian Far East. The received data are based on the results of the sociological research made in the higher educational institutions of Amurskaya, Kamchatskaya oblast and Khabarovsk territory.

Оживление интереса к мистике, паранауке и оккультизму – неоспоримый факт российской действительности постсоветского периода.

Каковы основные причины этого? На наш взгляд, дело заключается в следующем: во-первых, в указанный период общество столкнулось с множеством кризисных явлений в политической, социально-экономической, культурной сфере, что породило у людей чувство неуверенности, разочарования в традиционных общественных ценностях; во-вторых, произошел небывалый рост информационных технологий и новых средств коммуникации, которые существенно повлияли на характер социальных отношений и многократно умножили потоки информации, вовлекающие социальный субъект во взаимодействие другими субъектами².

Все это резко увеличило роль ненаучных форм знания на фоне острейшего дефицита средств и возможностей адекватной оценки воспринимаемой информации и расширило сферу неопределенности, которой не всегда способны противостоять традиционные ценности, логика и здравый смысл. В результате в массовом сознании формируются, если так можно выразиться, обновленные «могущественные» символы веры (т.е. веры в существование могущественных таинственных факторов, способных помочь нам преодолеть неопределенность, помочь «определить», «решить», «узнать», «получить», «достиг-

нуть» и т. п.). И сфера паранауки и оккультизма стала активно претендовать на эту роль носителя «могущественных» символов веры. Паранаука и оккультизм агрессивно вторгаются в жизнь людей, пытаются брать на себя решение их проблем, вторгаясь тем самым в сферу деятельности некоторых социальных институтов. Насколько сильно влияние со стороны паранауки и оккультизма на жизнедеятельность людей и социальные институты, в частности на здравоохранение и образование? Попыткой ответить на этот вопрос является социологическое исследование в Дальневосточном регионе России (в городах Хабаровске, Благовещенске и Петропавловске-Камчатском), проведенное группой ученых под руководством проф. Ю.М. Сердюкова.

Образование стало объектом пристального внимания, поскольку именно в системе образования происходит трансляция знания от одного поколения к другому. В последние десятилетия система образования подвергалась постоянным изменениям и трансформациям, что не могло не породить кризисных явлений. Вполне возможно, именно это и объясняет экспансию паранауки и оккультизма в сферу научной и образовательной деятельности в России. Учебная и специальная монографическая литература содержит порой некритическое или даже отмеченное явной симпатией изложение околонуучной и псевдонаучной информации³.

Нас прежде всего интересовало насколько в повседневной практике групп и ассоциаций индивидов, определяющих и воспроизводящих институциональное поведение в сфере высшего образования (преподаватели, сотрудники и студенты), наблюдается включенность на уровне

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Исследование влияния паранауки и оккультизма на социально-экономическое и культурное развитие Дальнего Востока России (на материалах Амурской, Камчатской областей, Хабаровского края)», проект 06-03-00450а.

² Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания / И.Т. Касавин. СПб. 1999.

³ Сердюков Ю.М. Альтернатива паранауке / Ю.М. Сердюков. М. : Academia, 2005.

информированности и участия в сферу паранауки и оккультизма. Особо отметим, что группа «преподаватели» представляла для нас наибольший интерес, так как именно преподавательский состав является основным транслятором знания и непосредственным организатором учебного процесса. Специфика отечественного образования состоит в том, что в нем превалируют субъект-объектные отношения между преподавателем и студентом. Преподаватель в России максимально контролирует учебный процесс, что обуславливает его исключительно высокую роль.

***

Резкий переход системы образования России конца XX столетия от ситуации полного контроля государством к ситуации спонтанного выживания дал свои результаты, а именно – целый ряд трудноразрешимых проблем, среди которых падение качества образования, его обесценивание и т. д. Ликвидация «внешних» государственных средств оценки и регуляторов информационных потоков в условиях нарастания порожденных глобализацией потоков информации из-за рубежа привела к тому, что «внутренние» средства оценки образования не выдерживают натиска финансово-материальных проблем. Резкое снижение уровня жизни и статуса работников системы образования, а соответственно и качества их подготовки как *ученых* и педагогов обуславливает в конечном итоге «вымывание» научности образования и масштабное распространение дилетантства в научно-преподавательской среде. Тем самым создается благоприятная почва для деятельности экстрасенсов, магов, колдунов и иных носителей паранаучного знания.

Полученные в ходе проведенного исследования результаты подтверждают нашу гипотезу о том, что ситуация в системе образования нестабильна. До четверти респондентов – представителей сферы образования отметили, что они не ощущают в настоящее время стабильности и в профессиональной, и в общественной сфере, и в личной жизни. Более 13 % пессимистически оценивают перспективы на будущее, что позволяет говорить об их глубокой дезориентации.

Заметим, что наиболее высокий уровень восприятия настоящего как нестабильного демонстрирует группа «преподаватели вуза». По всем трем направлениям, как-то профессиональная, общественная сфера или личная жизнь – процент респондентов в этой группе, выбравших ответ «нестабильное» на вопрос «Как бы Вы

охарактеризовали свое сегодняшнее положение дел?» – самый высокий по сравнению с двумя остальными группами «студенты» и «сотрудники вуза».

Наиболее оптимистично настроено на будущее студенчество. В целом пессимистически оценивающих перспективы на будущее в группах «преподаватели вуза» и «сотрудники вуза» примерно одинаковое количество, чуть более 20 %. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что среди преподавателей, воспринимающих настоящее как нестабильное, 4,5 % смотрят в будущее со страхом и отчаянием.

Выявив долю респондентов, ощущающих настоящее как нестабильное, мы получили возможность оценить количество людей, предрасположенных к вере в чудесное и сверхъестественное. Тем самым мы обрели способ приблизительной количественной оценки среды, благоприятной для влияния паранауки и оккультизма. Так, 43,4 % респондентов, представляющих образование, отмечают возможность объяснения неизвестных либо трудно поддающихся исследованию явлений с помощью сверхъестественных, сверхприродных сил или с помощью чуда. Из трех групп опрошенных (преподаватели, студенты, сотрудники) наименьший процент допускающих такую возможность – среди преподавателей (36,5 % положительных ответов). Категорически отрицающих такую возможность – 48,0 % преподавателей. Следовательно, более половины преподавателей допускают или, по меньшей мере, не отвергают категорически возможности существования сверхъестественных сил (что касается студентов, то среди них уровень критicismа еще ниже. Лишь только 29,1 % студентов не верят в существование сверхъестественного). Столь высокий уровень легковерия среди преподавателей, т. е. среди людей, обязанных профессионально заниматься преумножением и ретрансляцией научных знаний, заставляет сделать вывод, что для значительной их части характерен дилетантизм.

Работники сферы образования допускают возможность объяснения неизвестных либо трудно поддающихся исследованию явлений с помощью сверхъестественных, сверхприродных сил в различных сферах. На первое место по возможности проявления была поставлена религия, на второе – медицина и на третье – наука. В таком же порядке «выстроили» сферы и преподаватели, отвечая на данный вопрос. Что касается религии, то тут вряд ли требуются дополнительные комментарии. Религия – это такая

сфера общественного сознания, в которой идея сверхъестественного выступает в качестве системообразующей. Полученный нами результат может быть истолкован таким образом, что респонденты в целом правильно представляют себе сущности религии. Ответ относительно медицины свидетельствует уже о другом: о том, что респонденты не имеют твердых материалистических убеждений. Но вот более 10 % преподавателей отмечают возможность объяснения неизвестных либо трудно поддающихся исследованию явлений с помощью сверхъестественных, сверхприродных сил в науке. Это как истолковать? Наука по определению построена на отрицании сверхъестественных явлений, и то, что она не может объяснить в настоящий момент, она рассматривает как проблему, подлежащую разрешению рациональными методами в дальнейшем. Непонимание данного фундаментального факта людьми, считающимися профессиональными учеными, есть свидетельство их дилетантизма.

Такое драматическое снижение уровня профессионализма в преподавательской среде можно объяснить, в том числе и общими проблемами в сфере образования России: более чем скромным финансированием образования в целом и отсутствием финансирования научно-исследовательской деятельности, что объективно повлекло за собой ориентацию высших учебных заведений на выживание и зарабатывание всеми возможными способами денег, а не на развитие научных исследований.

В последнее время получила распространение практика финансирования научных исследований через систему грантов, но это не решает проблемы. Чтобы повысить заработную плату до минимально приемлемого уровня, преподаватели вынуждены соглашаться на увеличение учебной нагрузки. С 1991 г. количество студентов российских вузов возросло в 2 раза, а преподавателей – в 1,3 раза, увеличилось количество преподавателей, работающих сверхставки, и преподавателей-совместителей. Все это не могло не сказаться отрицательно на научной работе преподавателей и как следствие на участии в НИР студенчества⁴. Итог закономерен: наука «вымывается» из высшей школы.

Кроме того, в течение двух последних десятилетий произошло существенное ухудшение качественного состава преподавательского корпуса в целом. По результатам исследования, проведенного Центром социологических исследований Минобразования РФ, четвертая часть препо-

давателей российских вузов имеют стаж работы в высшей школе не более пяти лет. «Это можно было бы принять за критерий омоложения кадров, если не тот факт, что во многих вузах их состав пополняется за счет неустраившихся специалистов находившихся в застое предприятий, уволенных в запас военных, лишившихся своего профессионального поприща политиков советского периода»⁵.

В ходе исследования нами были предложены вопросы с целью определения у респондентов способности к разграничению научного и ненаучного знания. Для этого им предлагалось дать оценку ряда феноменов, относящихся явным образом к сфере паранауки и оккультизма. Реальность данных феноменов до сих пор остается под вопросом, поскольку их описание и объяснение не удовлетворяют объективным критериям, нормам проверки и обоснования, принятым в научном сообществе. Среди феноменов, относящихся к сфере паранауки и оккультизма, респондентам для оценки по критерию научности были предложены: парапсихология (телепатия, ясновидение, телекинез), парамедицина (способы целительства, выходящие за рамки «официальной» медицины), оккультные практики (магия, колдовство и т. п.), полтергейст, лозоискательство, «эффект пирамиды».

Все предложенные в нашем списке составляющие были признаны в той или иной мере научными направлениями (полтергейст; лозоискательство; «эффект пирамиды» – 33,7 %; оккультные практики – до 3,00 %) или же смесью науки и вымысла (парамедицина – 47,2 %; оккультные практики – до 19,4 %). Наибольшую способность различать научное и ненаучное знание продемонстрировали студенты. Преподавательский состав в своих ответах по вопросу о научности перечисленных высказывался не столь определенно, и даже оккультные практики (магия, колдовство и т.п.) только 50,68 % респондентов-преподавателей признали антинаучными. Четверть преподавателей считает, что полтергейст, лозоискательство, «эффект пирамиды» – это научные направления; парамедицину полагает научным направлением 10,9 %, а парапсихологию – 9,6 % преподавателей (табл. 1).

Возникает закономерный вопрос: если сознание работников сферы образования и студентов несвободно от влияния мистики, то не означает ли это, что какая-то часть из них сама вовлечена в сферу паранауки и оккультизма?

⁴ Шереги Ф.Э., Стриханов М.Н. Наука в России: социологический анализ. М.: ЦСП, 2006. 456 с.

⁵ Там же. С. 130.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы охарактеризовали следующие составляющие, относящиеся к сфере паранауки и оккультизма?»

Ответ		Число респондентов, выбравших определенный ответ, %			
Сфера паранауки и токультизма	Возможные характеристики	Представители сферы образования в целом	Преподаватель вуза	Сотрудник вуза	Студент вуза
Парапсихология (телепатия, ясновидение, телекинез)	Они антинаучны	28,2	19,6	17,8	34,7
	Они представляют смесь научного и вымысла	47,2	46,6	52,1	42,1
	Это одно из научных направлений	9,6	10,8	8,2	12,8
	Ваш ответ	0,6	1,4	0,0	0,3
Парамедицина (способы целительства, выходящие за рамки «официальной» медицины)	Они антинаучны	27,8	20,3	21,9	37,1
	Они представляют смесь научного и вымысла	47,0	48,0	45,2	38,0
	Это одно из научных направлений	10,9	10,8	16,4	11,3
	Ваш ответ	0,2	0	0	0
Оккультные практики (магия, колдовство и т.п.)	Они антинаучны	61,3	50,7	50,7	68,3
	Они представляют смесь научного и вымысла	19,4	20,3	23,3	16,0
	Это одно из научных направлений	3,0	2,7	1,4	3,0
	Ваш ответ	0,4	0,0	0,0	0,0
Полтергейст, лозоискательство, «эффект пирамиды»	Они антинаучны	15,8	17,6	12,3	17,2
	Они представляют смесь научного и вымысла	33,1	31,8	21,9	31,5
	Это одно из научных направлений	33,8	25,0	35,6	36,5
	Ваш ответ	0,2	0,7	0,0	1,2

***

Предвидя такую возможность, мы предусмотрели соответствующие вопросы в анкете. Результаты нашего исследования таковы. На уровне информированности включенность представителей образования в сферу паранауки и оккультизма довольно высокая, так как только 10,9 % респондентов ничего не знает о данной сфере. Наиболее осведомлены по составляющим сферы паранауки и оккультизма преподаватели. В целом менее всех неосведомленных среди сотрудников вуза 2,7 %.

Основными каналами получения информации о сфере паранауки и оккультизма для принявших участие в опросе представителей образования являются средства массовой информации (СМИ), а именно телевидение и газеты. Преподавательский состав черпает информацию о сфере паранауки и оккультизма как из СМИ, так и из научно-популярной литературы.

Но знакомство не ограничивается простой информированностью. Некоторые представители сферы образования обращались к услугам сферы паранауки и оккультизма хотя бы один раз. Таких выявлено от 20 до 34 % респондентов (в зависимости от группы – «преподаватели», «студенты», «сотрудники вуза»). Среди сотрудников вуза таких – 24,7 %, среди преподавателей – 14,9 %. Есть и те, кто ответил, что сам практикует в данной сфере, хотя их количество довольно мало (0,7 %).

Основные причины обращения преподавателей и сотрудников к услугам параученых и знахарей: проблемы с собственным здоровьем, здоровьем родных и близких, трудности в семье, для студентов – проблемы в любви. Для 3,4 % преподавателей и 3,3 % студентов обращения актуальны при принятии важных решений. Для решения проблем в работе (учебе) к исследуемым методам прибегает 3,0 % студентов.

Ценности, которые, по мнению респондентов, могут быть приобретены с помощью пред-

ставителей сферы паранауки и оккультизма, – душевное спокойствие (42,7 %), здоровье (28,4 %), удача (12,8 %) и любовь (11,1 %). Как видим, душевное спокойствие занимает первое место в списке ценностей, которые возможно приобрести при обращении к представителям паранауки и оккультизма, что, если учесть общий тревожный фон мироощущения, позволяет прогнозировать рост востребованности услуг данного рода в будущем. Каковы мотивы обращения к знахарям, гадалкам и т.п. «специалистам»? Большинство студентов (22,3 %), преподавателей (16,9 %) и сотрудников (16,4 %) обращалось к представителям паранауки и оккультизма из любопытства (табл. 2). Тем не менее среди студентов (9,2 %) и преподавателей (6,8 %) есть и те, кто по причине разочарования в рациональных методах решения своих проблем. В наибольшей степени это характерно для сотрудников вуза (26,0 %).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос:
«Укажите, пожалуйста, причины
Вашего обращения к представителям
паранауки и оккультизма»**

Ответ	Число респондентов, выбравших определенный ответ, %			
	Представители сферы образования в целом	Преподаватель вуза	Сотрудник вуза	Студент вуза
1. Любопытство	21,2	16,9	16,4	22,3
2. Другие известные методы не смогли мне помочь в решении возникших проблем	10,3	6,8	26,0	9,2
3. Другое (укажите, что именно)	3,6	4,1	4,1	3,3
4. Я не прибегал к услугам представителей паранауки и оккультизма	62,0	62,8	53,4	62,9

В эффективность действий всех представителей паранауки и оккультизма верят 9,6 % респондентов, в эффективность некоторых из них верит 15,6 %. Категорично отрицают эффективность действий представителей паранауки и оккультизма только 35,7 % отвечающих.

Из трех групп респондентов менее всего верят в эффективность действий представителей паранауки и оккультизма – преподаватели;

из них верит в эффективность всех оккультных методик – 5,4 %, в эффективность некоторых – 10,8 %, не верят в эффективность – 43,2 %, что составляет самый большой процент по всем трем группам (табл. 3).

Мы рассматривали еще один показатель, который представляет интерес в плане соотношения вненаучного и научного знания. Из всего массива выборки, включающей различные профессиональные группы, нами была отобрана группа респондентов, определяющих науку как свою профессиональную сферу деятельности. Результат не может не вызвать чувства удивления. В эффективность деятельности представителей паранауки и оккультизма из респондентов, которые идентифицируют себя со сферой науки, верят 23,1 % (табл. 3) – это самый большой показатель по данному вопросу по всему массиву выборки.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос:
«Верите ли Вы в эффективность
действий представителей паранауки
и оккультизма?»**

Ответ	Число респондентов, выбравших определенный ответ, %				
	Представители сферы образования в целом	Представители науки	Преподаватель вуза	Сотрудник вуза	Студент вуза
1. Да, конечно, верю	9,6	23,1	5,4	11,0	12,8
2. Верю в эффективность только некоторых представителей	15,6	7,7	10,8	19,2	17,8
3. Нет, не верю	35,7	34,6	43,2	34,2	33,2
4. Затрудняюсь ответить	38,5	15,4	39,9	32,9	36,8

В эффективность деятельности представителей паранауки и оккультизма не верят более 35 % респондентов – представителей образования, но шарлатанами их считают только 13,3 % отвечающих. Среди преподавателей шарлатанами представителей паранауки и оккультизма считают шарлатанами 9,5 %, а среди сотрудников и студентов 12,3 % и 14,2 % соответственно. Большинство респондентов (70,5 %) считает, что среди представителей паранауки и оккультизма есть как шарлатаны, так и люди действительно обладающие уникальными способностями и помогающие в решении проблем.

Таким образом, хотя преподаватели менее

всех верят в эффективность услуг представителей паранауки и оккультизма, однако, в шарлатанстве этих представителей обвиняют менее всего именно преподаватели.

Нас интересовал также вопрос о том, допускают ли представители сферы образования возможность применения паранаучных и оккультных методов в своей профессиональной деятельности (обычно или хотя бы в особых случаях). Мы получили следующий результат: 7,5 % представителей сферы образования в целом и 5,5 % преподавательского состава в частности допускают такую возможность (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы думаете, возможно ли
практическое применение паранаучных
и оккультных методов в сфере
Вашей профессиональной деятельности?»**

Ответ	Число респондентов, выбравших определенный ответ, %			
	Представители сферы образования в целом	Преподаватель вуза	Сотрудник вуза	Студент вуза
1. Да	4,1	4,1	1,4	4,5
2. Да, но только в особых случаях	3,4	1,4	0	4,2
3. Нет	68,8	81,1	72,6	64,1
4. Затрудняюсь ответить	22,4	12,8	20,6	27,3

им известны случаи практического применения паранаучных и оккультных методов в сфере их профессиональной деятельности; среди преподавателей таковых – 4,1 %.

Краткое резюме. Проведенное нами исследование позволило доступными социологии методами количественно оценить степень влияния паранауки и оккультизма на сферу образования. Как видим, такое влияние – реальный факт, который не может не наводить на размышления. Существующая в настоящее время парадигма образования ориентирована на науку как главную сферу духовной жизни и на рациональность, как основную ценность цивилизации. Паранаука и оккультизм размывают и то, и другое, разрушая тем самым и систему образования, и фундамент современной цивилизации. Можно с удовлетворением констатировать, что преподаватели вуза и студенты в своем основном большинстве настроены по отношению к паранауке и оккультизму критически. А можно взглянуть на картину и иначе: паранаука и оккультизм бытуют там, где их не должно быть по определению. Мы склонны расценивать открывшуюся картину как дающую серьезный повод для беспокойства.

Более 5,5 % респондентов утверждают, что

ЗАЧЕМ МАЛЕРУ ФАУСТ? ЗАГАДКИ ВОСЬМОЙ СИМФОНИИ, ИЛИ ВОЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ К ЛЕБЕДИНОЙ ПЕСНЕ ГЁТЕ

О.А. Бортнюк

Бортнюк Ольга Анатольевна – аспирантка кафедры социально-культурного сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

«Фаустиана» является довольно обширным направлением в музыке XIX века. Автор обращается к нему в контексте различных интерпретаций сюжета в искусстве. Предпринята попытка соединения философского мировоззрения Фауста и концепции построения мира в Восьмой симфонии Г. Малера. Цель статьи заключается в понимании и анализе семантики стиля Восьмой симфонии Г. Малера в свете общей аналитической проблемы синтеза музыки и текста. Претворение Г. Малером идей и сюжета драмы И. В. Гёте «Фауст» затрагивает актуальную проблему философии в музыке.

“Faustiana” is rather a wide fend in music of the 19th century. The author turns to it while interpreting the plot in the field of art. There were attempts to connect Faust’s philosophical outlook and the conception of the world structure in G.Maler’s Eighth Symphony. The aim of the article is the comrehension and analysis of the semantics of the style of Maler’s Eigth Symphony in the aspect of the general analytical problem of the combination of music and a text G.Maler’s rendering of the ideas and the plot of Gothe’s drama “Faust” touches upon the topical problem of philosophy in music.

*Вы, жившие на свете до меня,
Моя броня и кровная родня
От Аллигери до Скиапарелли,
Спасибо вам, вы хорошо горели.
(Арсений Тарковский. 1959.)*

Музыкальная «Фаустиана» имеет богатую историю. Композиторы, использовавшие в музыке текст драмы Гёте, брали его, как правило, целиком, хотя мелкие купюры и имели место. Достаточно вспомнить оперы: «Фауста» Шарля Гуно и «Мефистофеля» Арриго Бойто. По «Народной книге о докторе Фаусте» создана опера «История доктора Иоганна Фауста» Альфреда Шнитке. Кроме того, можно привести целый список ораторий, кантат и балетов, в основе которых – драма Гёте. Среди наиболее известных – оратория «Осуждение Фауста» Берлиоза и кантата «История доктора Иоганна Фауста» Шнитке. Терпсихору на помощь призывали композиторы Дж. Паницца, М. Коста и Дж. Байети: их балет «Фауст» впервые увидел свет рампы в Милане в 1849 г. Спустя почти век, в 1975 г., французским хореографом Морисом Бежаром, в Брюсселе был поставлен балет «Наш Фауст» симфоническом – на музыку Баха и аргентинских танго. В же царстве к драме Гёте ближе всех подошел Ференц Лист: его «Фауст-симфония» с хоровым финалом – результат увлечения темой Мефистофеля.

Нередко композиторы использовали всего лишь отдельные темы из «Фауста»: как вариант для небольшого музыкального произведения выбирался какой-то отдельный законченный эпизод. Например, «Маргарита за прялкой» Шуберта или кантата «Первая Вальпургиева ночь» Мендельсона. Сюжет и идею драмы Гёте компо-

зиторы воплощали в различных музыкальных жанрах и формах: «Мефисто-полька», три «Мефисто-вальса» и соната си минор («Фаустовская») ¹ Листа, «Восемь сцен из "Фауста"» Берлиоза, Струнный квартет ре минор австрийского композитора рубежа XIX–XX вв. Хуго Вольфа ². Творец масштабных музыкальных произведений, великий симфонист Вагнер, в Увертюре «Фауст» также не «омузыкаливал» всю драму, но только одну Фауст-идею. Цикл из шести романсов Верди (1838) содержит два романа на стихи из «Фауста» в итальянском переводе. Именно эти музыкальные творения стали первой публикацией композитора, своего рода «путе вкой в жизнь». Но разделить драму на две части и взять только вторую – на это не решались ни Гуно, ни Лист, ни Шнитке.

Восьмая симфония Густава Малера состоит из двух частей: 1-я часть – латинский средневековый гимн «Veni creator spiritus» («Приди, Дух Животворящий»), 2-я часть – сцены из второй части «Фауста» Гёте. Язык первой части – литургическая латынь, язык второй – литературный немецкий XVIII в. Малер посчитал для себя достаточным взять лишь вторую часть шедевра Гё-

¹ Хотя в сонате не содержится разъясняющих подзаголовков, современники уверенно называли ее «фаустовской». В ней своеобразно претворены образы Гётевской поэмы.

² С эпиграфом из Гётевского Фауста: «Entbehren sollst du, sollst entbehren» – Смирять себя! – вот мудрость прописная.

те. Ту, что по своей форме близка к опере. Малер, без важной на то причины, не мог исключить из либретто к Восьмой симфонии всю первую половину трагедии Гёте, но ради философского воплощения идеи он был способен в силу пророческих предвидений и личной внутренней мотивации (на это ссылается дирижер Э. Лайнсдорф³) на небольшую купюру в тексте.

Но этим вольное обращение с «Фаустом» не ограничилось. Драматург назвал свое произведение по имени главного героя – «Фауст». Можно предположить, что именно Фауст как литературный герой должен стать «во главу угла» музыкального произведения, содержащего литературный текст драмы Гёте. Категория музыкального содержания – музыкальная тема⁴. Но у Малера Фауст не наделяется отдельной музыкальной темой. Нечто подобное происходит в «Фауст-симфонии» Листа⁵, где для воплощения образа Мефистофеля композитор тоже не создает специальной темы, очерчивая носителя отрицания и зла посредством карикатурно искаженных тем Фауста и проецируя, тем самым, музыкальными средствами иллюзию – «отражение в кривом зеркале»⁶. Изучая Восьмую симфонию Малера и задаваясь во-

³ «Глубокую психологическую мотивировку имеет купюра, которая сделана Малером в тексте заключительной сцены Гётевского «Фауста», использованном во второй части Восьмой симфонии. Композитор определенно намеревался положить на музыку всю сцену из 267 строк, но пропустил целый эпизод в тридцать шесть строчек, начиная со слов отца Серафима, ни разу не появляющегося в симфонии. ...Отец Серафим рассказывает историю о «Детях, рожденных в полночь», основанную на поверье, записанном в 1551 году и известном Гёте. ...Младенцы, умирающие...вскоре после рождения – блаженные дети. Не требуется особой психологической подготовки, чтобы понять, почему Малер должен был изъять из своего текста упоминание о мертвых детях. Незадолго до того, как трагедия (смерть собственных детей) обрушилась на его собственную семью, он написал «Песнь об умерших детях». Тревожное чувство, что этой пьесой он сам себе предсказал последовавшие вскоре роковые события, объясняет его желание вновь затронуть вселяющую ужас тему. Так, за нехваткой тридцати шести строк кроется вызывающая к состраданию трагедия». Лайнсдорф Э. В защиту композитора. М.: Музыка, 1988. С. 28.

⁴ Медушевский В. Интонационная форма музыки. М., 1993; Холопова В. Музыка как вид искусства. СПб, 2000; Мазель Л.; Асафьев Б.

⁵ В «Фауст-симфонии» Ф. Лист воссоздает образы героев поэмы Гёте: Фауста (1 часть), Маргариты (медленная 2 часть) и Мефистофеля (финал, гротескное скерцо).

⁶ Возможно, этот прием служит Ф. Листу для выражения идеи: Мефистофель – «отец лжи» (библейский образ), носитель отрицания и зла, и не несет в себе созидательного начала, из чего следует, что собственной темой такой персонаж обладать не может.

просом «почему так?», представляется возможным выстроить приоритетно-причинный ряд. Выдвинутых гипотез может быть несколько. Итак, исходная ситуация (заданная программа): литературный герой не имеет в панораме симфонического действия своего голоса и конкретного музыкального образа. Малер, не только как композитор, но и как дирижер, причем, отдающий предпочтение в своей дирижерской практике Моцарту и Вагнеру⁷ – королю лейтмотивов, не мог без важной на то причины лишиться ведущего героя драмы Гёте музыкальной характеристики – лейттемы. Следовательно, в симфонии центральный образ драмы не имеет собственной интонационной формулы не по случайному стечению обстоятельств или творческому произволу «раба» сиюминутного порыва вдохновения. Малер не наделяет Фауста конкретной музыкальной темой с конкретным умыслом. С каким же?

Возможно несколько предположений.

1. Фауст – выражение авторского я композитора⁸, отражение одной из граней его творческой сути, потому образ «растворен» в тематизме всей второй части Восьмой симфонии. Малер взглянул на мир из «окна» «Симфонии тысячи участников»⁹ глазами Фауста. Но «Фауст» Восьмой – это ни в коем случае не музыкальный «автопортрет» в его общепринятом музыковедческом значении. Это именно – «слова от автора». Шуман и Шостакович оставили потомкам свои музыкальные автопортреты-монограммы, трактуя буквен-

⁷ Об этом предпочтении упоминал в своих рецензиях на Петербургские концерты Малера известный петербургский критик А.П. Коптяев: «В Германии Малер приобрел известность, главным образом, своим истолкованием Моцарта и Вагнера. [...] Моцарт и Вагнер – очевидно – боевые кони г. Малера» («Санкт-Петербургские ведомости» за 1902 год, № 68, 11/12 марта).

⁸ «Я вижу все в новом свете, я сам нахожусь в непрерывном движении и совсем не удивился бы, если б заметил вдруг, что у меня новое тело (как Фауст в последней сцене)». В письме к Бруно Вальтеру зимой 1909 г. Приводится по: Секкерсон Э. Малер. Урал LTD, 2000. С.163.

⁹ Название «Симфония для тысячи участников» принадлежит импресарию Малера Эмилю Гутману, владельцу концертного агентства, занятого в подготовке первого исполнения Восьмой симфонии. Малер же вообще запрещал давать Восьмой симфонии какие-либо названия. В письме к Гутману он писал по поводу Восьмой: «Моя симфония ... вообще не имеет названия, и я запрещаю впредь давать ей какие-либо наименования». Письмо написано в 1909 г. и включено в издание воспоминаний Э. Гутмана «Густав Малер в роли "организатора"» (Gutmann E., Gustav Mahler als Organisator). «Die Musik». № 18. 1911. S. 364–368; перепечатано П. Реверсом в GMUB. S. 87–91.

ные обозначения звуков как инициалы¹⁰: каждой латинской букве авторской подписи находится нотный аналог, и это воспринимается как лейт-тема. Например, монограмма ВАСН (Бах) «переводится» на язык музыкальных знаков как Си-бемоль (В) – ля (А) – до (С) – си(Н). Малер же не пишет автопортрета и не идентифицирует себя с одним из классических немецких (европейских) архетипов. Образ «Фауста» в нашем случае – только одна грань творческого облика мастера. Таким образом, композитор выражает свое отношение к мировому порядку и фиксирует свое впечатление от лицезрения картины мира. Это своего рода взгляд экстраверта, направленный вовне. Передачей впечатлений в звуке запомнятся чуть позже цивилизованному миру композиторы-импрессионисты. В музыкальном арсенале Малера импрессионистские «штучки» играют, скорее, умозрительную роль: он не использует этот стиль музыкального письма в том чистом виде, создать который «умудрились» Дебюсси, Равель и иже с ними. Малер транспонирует идею Гёте к собственному личностному диапазону, расширив образ до регистра грандиозного симфонического полотна. В литературе есть пример «прочтения» образа Гёте относительно своей личности. Так, в рассказе в девяти письмах «Фауст» Тургенев проецирует образ Фауста на себя. Он проводит параллель между героиней повести Верой и гётевской Гретхен (Маргаритой). Образ Веры в повествовании «от автора» ассоциируется с виденной в детстве красивой, чистой вазой из прозрачного алебаstra. А сам посланник писем предстает разрушителем – Фаустом – извне управляемым неведомой злой силой. Он «раскачал цоколь», расшатал основу, на которой держался мир героини, и хрупкая конструкция рухнула¹¹.

2. Фауст – не конкретный образ, но – способ реализации сверхзадачи, т. е. Фауст представлен Малером как концепт культурной среды. Объем интерпретации и масштабы реализации идеи предполагают разрастание образа и, возможно, включение в него межкультурных или поликульту-

турных связей¹². Следовательно, Фауст-идея может осмысливаться не только как элемент ментальности европейца и европейской культуры в целом, но и как ВОЗМОЖНОСТЬ объединения миллионов: не одного народа, не одного материка, не одной расы, но – всех. Всего многомиллионного мира. Бетховен в Девятой симфонии представлял возможным осуществление именно такой сверхзадачи посредством лозунга-призыва. Задача Малера – вселенских масштабов. Он возжелал объединения Космоса с Землей: он хотел говорить с Богом напрямую¹³. Эта тема глубоко разработана у романтиков, ее питали различные источники. Например, идеи шведского философа и теолога XVIII в. Эммануила Сведенборга, который говорил о соответствиях: мира земного – миру небесному, притом, что первый не столь совершенен и менее одухотворен. В каждом человеке заключено небо в своей мельчайшей форме. «Нет ничего в мире земном, чему не соответствовало бы нечто в горнем мире», – писал Сведенборг.

Представление о единстве Миров характерно и для автора Восьмой. Осуществление этой идеи должно, по замыслу Малера, подвигнуть всю Вселенную на звучание, поскольку Восьмая – своего рода мост между миром дольным (человечеством) и горним (Космосом), некий резонатор, способный заставить звучать Вселенную.

Фауст-симфония – это грандиозное музыкальное полотно, в котором участвует множество голосов. Идея – та же, что и у Бетховена: заставить мир звучать. Но для чего и для кого? У Бетховена – для победы над обстоятельствами и миром. У Малера – для достижения вечной гармонии.

¹² «Наше назначение – правильно понять противоположности, то есть сперва как противоположности, а потом как полюсы некоего единства». Гессе Г. Игра в бисер : пер. с нем. С.К. Апта. М. : Правда, 1992. С. 83.

¹³ Эту свою мысль Малер обобщает в письмах и высказываниях. «Когда я слушаю музыку, – даже когда дирижирую, – то могу услышать вполне определенные ответы на все свои вопросы, и у меня возникает ощущение полной ясности и уверенности». Из письма Малера – Бруно Вальтеру; приводится по: Секкерсон Э. Малер. Урал LTD, 2000. С. 163. «Как вспоминал Малер, случалось, что, сидя за своим столом, он словно не мог понять, как ноты оказываются на бумаге. «"Не мы создаем – нас создают... Человек – это всего лишь инструмент, на котором играет Вселенная"». Там же. С. 71. «Величественный символ для творящего – это Иаков, который борется с Господом, пока Тот его не благословляет. Если бы евреи ничего другого не придумали, они все равно остались бы колоссами. Меня Господь тоже не хочет благословить. Только в страшной борьбе за рождение своих произведений вырываю я это у Него». Из разговора с Н. Бауэр-Лехнер. Приводится по: Барсова И. Трижды лишенный родины // Музыкальная академия. № 1. 1994. С. 178.

¹⁰ Интонационные обороты-монограммы ВАСН, DEsCH. А. В. Денисов, аспирант кафедры теории музыки Санкт-Петербургской консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова, в своей статье «К проблеме семиотики музыки» упоминает о достаточно древней истории знаков-монограмм и приводит пример интонации-монограммы в мессе «Hercules» из имени и титула герцога Феррарского. «Музыкальная академия». № 1. 2000. С. 214.

¹¹ «Я возмужал – и легкомысленно разбил сосуд в тысячу раз драгоценнейший...» Тургенев И.С. Избранное. М. : Современник, 1981. Фауст. Рассказ в девяти письмах. С. 177–178.

3. Малеру был нужен не Фауст, а «Фауст»: не герой, не личность, а прочный литературный фундамент. Фауст, в соответствии с традицией Вагнера¹⁴, не конкретная личность, а идея, т. е. Фауст-концепция. В этом сходятся некоторые музыковеды¹⁵ (как и литературоведы¹⁶) – исследователи творчества Г. Малера¹⁷. Философская идея заключается в антагонизме добра и зла – Бога и дьявола – в их непримиримом состязании. «Бог и дьявол борются, а поле битвы – сердце человека» (Достоевский). И душа Фауста – всего лишь поле битвы, где победит Бог. Таков канон мистериальной трагедии. Пассивная созерцательность и активная воля – вот два начала, неразлучно сосуществующих в человеке. Фауст несет в себе дуализм человеческой природы, колеблющейся между «идеалом Мадонны и идеалом содомским» (Достоевский).

4. Малер намеревался построить мир и на этой «стройке века» попасть в музыкальную «Книгу рекордов Гиннеса» – обогнать собратьев по скрипичному ключу. Правда, это уже двойная гипотеза: и «построить», и «обогнать». Итак, «построить мир». Сама идея не нова. Масоны-каменщики, например, строили свои здания как микромиры, беря за эталон идею Космоса в качестве совершенного мироустройства. В музыке это реализовано в Девятой симфонии Бетховена. Повторить рекорд, достать до звезды – кто этого не хочет? Цель Малера выше: не встать вровень, а превзойти. Малер был честолюбивым человеком¹⁸.

Симфоническое творчество прошло несколько этапов. Особенный его расцвет, безусловно, эпоха венских классиков: Гайдн-Моцарт-Бетховен. У этой троицы симфония стала четы-

рехчастной и заняла нишу музыкальной философии, особенно в творческом наследии Бетховена. И именно у Бетховена в финале его последней, Девятой симфонии, запел хор. Малер, видимо, ужасно ревновал. Его фраза «мое время придет» стала чуть ли не афоризмом¹⁹. Он был уверен, что придет время, когда Бетховена исполнять не будут, а будут исполнять его²⁰. Для этого было необходимо достать, как минимум, две звезды: написать такую Восьмую, после которой уже можно было бы осуществить высокие задачи Девятой, не «подставляя стремянку». И написать такую Девятую, после исполнения которой все бы забыли, что Бетховен вообще знал ноты. Восьмая была для Малера генеральной репетицией – он готовил трамплин к своей Девятой. Маячила тень Бетховена и его Симфонии с хором. Бетховенская Девятая казалась Эверестом, где *ас* от симфонизма представил чудеса музыкального альпинизма. Поэтому симфонии под номером Девять композиторы, зачастую, суеверно обходили стороной, либо «помещали» среди своего творческого наследия наподобие амулета. Борис Тищенко, например, вообще пропустил Девятую симфонию, и после Восьмой сразу приступил к сочинению Десятой. А Феликс Мендельсон-Бартольди вступил в соревнование с финалом Девятой симфонии Бетховена: в 1840-м году написал симфонию-кантату «Хвалебный гимн». Это была неудачная попытка²¹. Да и Малер, грешным делом, после Восьмой написал симфонию без номера²², но с названием «Песнь о

¹⁴ Герои опер Вагнера – в первую очередь носители тех или иных идей.

¹⁵ Барсова И., Беккер П., Соллертинский И. и др.

¹⁶ Вильмонт Н.Н. Гёте. История его жизни и творчества. М., 1959. Аникст А.А. Творческий путь Гёте. М., 1986. Конради К.О. Гёте. Жизнь и творчество. Т. 1, 2. М., 1987.

¹⁷ Крупнейший из малероведов И. Барсова, ссылаясь на П. Беккера, считает, что Фауст Гёте – скорее идея, или концепция, нежели конкретная личность. Беккер полагал, что «фаустовское отступило для Малера на задний план, и единственное, что относилось в музыке Малера к "Фаусту" Гёте, это идея любви как очищающей, освобождающей, просветляющей силы». Bekker P. Gustav Mahlers Sinfonien. Berlin, 1921. S. 273. Приводится по: Барсова И. Симфонии Густава Малера. М., 1975. С. 251.

¹⁸ Я человек, я посредине мира,

За мною – мириады инфузорий,

Передо мною мириады звезд.

Я между ними лег во весь свой рост –

Два берега связующие море,

Два космоса соединивший мост.

(Тарковский А. «Посредине мира». 1958).

¹⁹ На нее ссылаются многие авторы, в частности, Секресон Э. Малер. Урал LTD, 2000. С. 9.

²⁰ И как прав он оказался! Его восьмая стала залогом успеха большого культурного мероприятия. В последние десятилетия она исполняется довольно часто. Достаточно назвать один из фестивальных вечеров «Вера, Надежда, Любовь...», посвященных 75-летию симфонического оркестра имени Чайковского. Дирижером Владимиром Сиренко и Национальным симфоническим оркестром Восьмая исполнена в Киевской филармонии в октябре 2001 г. и дирижером Николаем Дядюрой – там же, спустя шесть лет. Исполнение Восьмой в Москве приходится на 1997 и 1998 гг., в Санкт-Петербурге – на октябрь 1992 года.

²¹ См.: Мейлих Е.И., Мендельсон-Бартольди Ф. Л., 1973.

²² «Малер был крайне суеверным человеком, поэтому он решил изъять... обозначение номера произведения, которое фактически было его Девятой симфонией, – "Песни о земле" ("Das Lied von der Erde"), – пытаясь устранить угрозу, которую заключали в себе все отмеченные роковой печатью девятые симфонии (Брукнер, Шуберт и Бетховен умерли, не успев сочинить десятой). Никакие уловки, естественно, не помогли избежать или даже предупредить неизбежное. Несмотря все-таки оказалась его последней симфонией». Секресон Э. Малер. Урал LTD, 2000. С. 130.

земле»²³, тем самым прочно срастив два свои любимых жанра: симфонию и песню. И так, его девятая симфония называлась «Песнь о земле»²⁴. И только после «Песни» пришла пора проставить на титульном листе клавира порядковый номер девять²⁵.

Малер, кстати сказать, сохраняет традицию преемственности. Он, следуя Бетховену, срастившего оду Шиллера «К радости» с музыкальной тканью симфонического полотна, обращается за либретто к корифею европейского драматического искусства – Гёте – и обряжает плоть идеи в богатырский вокально-симфонический хитон.

Масонско-философская идея строительства мира у Малера раскрывается и через формообразование: гимны на двух языках (латыни и немецком) – симфоническая рамка Восьмой. На латыни в католическом костеле и чуть позже на немецком – в лютеранском приходе во времена Баха, исполнялись хоралы. Изначально гимн (хорал) – музыкальная формула, отражающая сакральную суть и исполняемая в храмовом пространстве. В светском обществе по мере его секуляризации гимн трансформируется в кант (эпоха Петра Первого в России), в военные гимны-марши и гимны государственного значения, часто несущие отпечаток сакральной родословной. Австрийский композитор, дышащий воздухом традиций Вены, использует гимны-хоралы как носители дополнительной информации: хорал дает точный адрес места звучания и фокусирует внимание на духовном смысле жизни и на сакральной личности – *Creator Spiritus*.

5. Для трамплина к Девятой нужна была глобальная идея. Персонифицированная в образе Фауста идея радио – духовное ядро европейской культуры. Здесь можно вообще говорить о Фауст-концепте, об архетипе Фауста. В контексте европейской культуры имя «Фауст» становится нарицательным и воплощает собой идею познающей и мятущейся в поиске истины души.

²³ И. Барсова утверждает, что «Песнь о земле» – симфония по жанру.

²⁴ Из воспоминаний Анны Бар-Мильденбург: «В первый раз упомянув в разговоре со мной "Песнь о земле", он назвал ее "симфонией в песнях". Она должна была стать его Девятой симфонией. Но потом он изменил намерение: вспомнив о Бетховене и Брукнере, для которых Девятая явилась пределом творчества и жизни, он не захотел искушать судьбу». Густав Малер. Письма, воспоминания / ред. Д. Фришман. М., 1970. С. 432.

²⁵ Из воспоминаний Анны Бар-Мильденбург: «Теперь это была настоящая симфония, и зловещего обозначения "Девятая симфония" больше нельзя было избежать». Густав Малер. Письма, воспоминания / ред. Д. Фришман. М., 1970. С. 432.

В русской культуре, богатой на парадоксы с ее вечным сакраментальным вопросом: «Что есть истина?» Фауст-идея осмысливается иначе. Интересно, что русские Фауст-ассоциации кардинально отличаются от общеевропейских. К примеру, Булгакову (роман «Мастер и Маргарита») тоже построен на фундаменте драмы Гёте) детские годы запомнились так: «...гостиная со старенькой мебелью красного плюша. Уютное кресло с треснувшей ножкой. В раме, пыльной и черной, портрет на стене. Цветы на подставках. Пианино раскрыто и партитура Фауста на нем... В горьких снах я вижу абажур, клавиши, Фауста и её ...»²⁶. Кстати, абажур как символ покоя и семейного уюта не раз возникает в произведениях Булгакова²⁷. Булгаковский «Фауст» на попугае в световом ореоле абажура воспринимается как символ вхождения в покой, попадания в сферу покоя, и потому срастается с самим источником покоя – света – в неделимое целое, оказывается искомым результатом поиска: образом покоя. Для ментальности европейца Фауст – это процесс поиска, для русской души – результат поиска, итог, финиш.

6. Фауст как герой – не самоцель, а модель, метод постижения Бытия. Центральная тема симфонии – суть бытия и творчество, лежащее в основании мира. Суть, основа, смысл бытия – в идее любви, реализуемой посредством вечной женственности. Исследователь творчества Малера, музыковед Беккер писал, что «фаустовское» отступило для Малера на задний план, и единственно, что относилось в музыке Малера к «Фаусту», это идея любви как очищающая, освобождающая, просветляющая сила²⁸.

Персонифицировать Фауст-образ через музыкальный тематизм Малер не планировал. По верному замечанию Барсовой²⁹, ему в процессе звучания Восьмой были нужны «созерцатели», миллионы, а не отдельные личности. Другое дело – женские образы, поднимающие героя, как по лестнице, от мира дольного к миру горнему: в партитуре Восьмой представлен достаточно объемный спектр архетипа Прекрасной Дамы – от Гретхен (Маргариты) до Матери Глоризы (Бо-

²⁶ Владимир Енишерлов. *Времен прослеживая связь*. М.: Современник, 1985. С.138.

²⁷ Например, в «Белой гвардии»: «Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен. Никогда не убегайте крысёй побегой на неизвестность от опасности: у абажура дремлите, читайте – пусть воет вьюга, – ждите, пока к вам придут». Там же.

²⁸ Bekker P. *Gustav Mahlers Sinfonien*. Berlin, 1921. S. 273.

²⁹ Барсова И. *Симфонии Густава Малера*. М., 1975. С. 251.

гоматери). Традиция персонификации и трансформации образа и потребность растворения в покое существует давно – от Беатриче Данте и Лауры Петрарки до Прекрасной Дамы Блока. Каждый из них в восприятии образа видит нечто большее, чем объект обожания. Малер раскрывает женские образы в Восьмой подобно цветку: от бутона (Маргарита как отправной пункт в развитии идеи любви и вечной женственности) до зрелого цветения (Мать Глорियोла как конечная пристань странствия и символ вечного покоя).

«Малера, цитата Барсовой, – не интересует личность Фауста. Его внимание целиком направлено на Гретхен, воплощающую для него теперь одну из ступеней в бесконечном движении к вечной женственности»³⁰. Она подмечает, что Малер сближает мысль о небесной благодати (первая часть) с идеей очищения страданием души Гретхен (вторая часть): в момент произнесения Гретхен ее финальных слов звучит музыкальная побочная тема первой части. Фауст – предвзвешен к видению идеала, к желанию, постижению и приближению вечно женственного.

7. Отказ от звукового абриса Фауста – спор с Бетховенским преодолением судьбы в Пятой Симфонии. И Малер сознательно не выписывает «тему судьбы» – символ вмешательства в жизнь рока, фатума, внешних темных сил³¹. Судьба Фауста детально повторяет судьбу библейского Иова; в этом сходятся некоторые литературовед-

³⁰ Барсова И. Симфонии Густава Малера. М., 1975. С. 285.

³¹ Хотя ассоциировать Фауст-образ (Фауст-идею) с темой судьбы представляется соблазнительным. К слову, литераторы часто шли этим торным путем. И. Тургенев в рассказе в девяти письмах «Фауст» с точностью статиста проводит тему судьбы по всем письмам. В четвертом письме зафиксировано начало чтения книги. Тургенев и называет ее на протяжении всего произведения высоко – «Книга» – как-будто ставит на одну полку со Священными текстами. Слово «книга» мелькает по страницам в каждом письме, но можно ли было предположить, какими оно заиграет красками. Это отождествление книги с роком, судьбой, фатумом, предопределением начинает высвечиваться уже в 4-м письме. И, здесь же, после чтения книги – пророчество:

«Закрывая собою заходившее солнце, вздымалась огромная темно-синяя туча...

– Быть грозе, – заметил Приимков. [...] Глаза у ней красны. Она в последний раз плакала, когда Саша у нас скончалась. Вот что вы наделали с вашим "Фаустом"! – прибавил он с улыбкой. Слабо и далеко сверкнувшая молния таинственно отразилась на ее недвижном лице.

– Все по милости "Фауста", – продолжал Приимков».

Так, в первый раз звучит тема судьбы. Финал же предопределен: «Мне кажется, кто раз ступит на эту дорогу, тот уже назад не вернется». Тургенев И. С. Избранное. М.: Современник, 1981. Фауст. Рассказ в девяти письмах. – С. 155–156, 158–160.

ды, исследующие творчество Гёте³². В пятой симфонии Бетховена лейттема – музыкальное воплощение и Фауста, и Иова. Достаточно вспомнить известнейшие слова самого Бетховена о Пятой, ставшие программой симфонии: «Так судьба стучится в дверь». В музыкальном наследии человечества вмешательство извне фатума, те мных сил, передается, как правило, через жанр вальса. Это и вальсы Иоганна Штрауса, исполняемые на балу у Воланда в «Мастере и Маргарите» Булгакова. И вальс на балу у Ларинных в опере «Евгений Онегин» Чайковского, разрезающий буквально все произведение и всю жизнь героев на «до» и «после»: до вальса жизнь героев идиллична, во время вальса происходит роковая ссора Ленского и Онегина и вызов на дуэль, после вальса – череда трагических событий, и, в том числе, братоубийство (вернее, другоубийство). Рвутся нити жизни, дружбы, любви, приятельства. Жизни складываются иначе, чем предполагалось. Еще один яркий музыкальный пример – музыкальные иллюстрации к пушкинской «Метели» Г. Свиридова. Там, также звучит вальс, затягивающий героев в воронку непонятных, непредсказуемых событий без их на то воли.

Малер не включает в симфонию вальс, но Адажио из второй части написано в размере 3/4. Это не вальс, это лишь полунамек: неотвратимый рок как извне приходящая сила проходит мимо прекрасного мира Восьмой (аллюзия Песача – Исхода: ангел смерти прошептал мимо). В начале статьи отмечалось, что эта тема во многом спровоцировала трагические события личной жизни композитора (смерть дочери Марии), и он стал осторожно и суеверно (по замечанию Лансдорфа) относиться ко всему, что он использовал и о чем писал. Восьмая открывает в творчестве Малера «поздний период», где он отступает от темы трагической зависимости личности от судьбы (Секкерсон Э.), характерной для «среднего периода» его творчества. Малер «среднего периода» фокусирует внимание на глубинах человеческой души в минуты кризиса или наивысшего напряжения (там же). Как следствие, в творчестве этого периода в полный голос звучит «тема судьбы, или рока» – в V, VI и VII симфониях и в «Песне об умерших детях». Исследователь Э. Секкерсон справедливо отмечает родство творчества Малера «среднего периода» с творчеством Достоевского. Эта линия получает свое развитие в фильме А. Сокурова «Тихие страницы» (по роману Достоевского «Преступление и

³² Аникст А.А. Фауст. М., 1986.

наказание»). Режиссер окончательно породнил Малера и Достоевского в смысловом пространстве своего киноромана. В финале к/ф контрапунктируют две темы: пластическая (цветовая) – образ «белой девочки» Сонечки Мармеладовой, и музыкальная – тема смерти (фрагменты из «Песен об умерших детях» Малера)³³. Тема судьбы «выписана» крупным планом, ее звучание мощно, ведь действительность неотвратима: Раскольников идет на каторгу, Сонечка отправляется вместе с ним. Вместе с тем символизм белого цвета (света) расширяет контекст «темы судьбы» у Малера, сообщая ей новое звучание: тема судьбы трансформируется в тему надежды, спасительности и непреложности любви. Режиссер таким образом как бы разгадывает замысел самого Малера: отступить от навязчивого, пристального музыкального воплощения «темы судьбы» и в самом грандиозном из своих произведений (Восьмая симфония) красной нитью провести тему любви. Здесь Малер отказывается от сквозной темы судьбы в симфоническом действе Восьмой. Ведь Фауст – сложившийся архетип в европейской культуре и сознании человечества, и потому неизменно провоцирует каждого творца, воплощающего этот образ в своем произведении, следовать «по инерции» за сложившимся концептом – ФАУСТ³⁴. Но Малер «изменяет» архетипу ФАУСТ. Фауст есть, музыкальной темы – нет. Нет темы судьбы. Малер сам строит свой идеальный мир, преодолевая предопределение рока.

8. Малера занимает не Фауст как таковой, а Маргарита (Гретхен). То же делает и Булгаков, который буквально переосмысливает и переименовывает Фауста, выводя на «страничные подмости» Мастера, созидającego только в духовных сферах. И у Малера, и у Булгакова от Фауста остается энергетика вечной молодости, страсть, бунт и победа, причем победа достаточно условная, мыслимая как весомый результат творческого горения всей жизни. А вот женский образ (Маргарита) меньше подвергся метаморфозам творческой фантазии и Малера, и Булгакова. Безусловно, образ в корне переосмысливается, но остается хотя бы имя! И неиз-

менно предназначение Маргариты, главная миссия в ее судьбе: спасительность любви, поднимающая женский образ до степени Божественности и возводящая его в ранг «вечной женственности». И так происходит не только на страницах партитуры Восьмой симфонии или в романе Булгакова. Например, у Н.Г. Помяловского в повести «Молотов»³⁵, написанной под влиянием гётевского «Фауста», главные – не Мефистофель и Фауст, а Маргарита, ее свободный выбор жениха и образа жизни. Феминизм в чистом виде. А Фауста как такового здесь нет. Только тень от него легла на жизненную «дорогу» героини Помяловского. Но даже тени иногда достаточно, чтобы изменить жизнь. В повести Помяловского после прочтения «Фауста» герои говорят о любви и борются за любовь. Для понимания замысла Малера будет интересно, на наш взгляд, проследить эволюцию образа Маргариты в этой повести. Помяловский использует прием «книга в книге»: в середине повести он упоминает гениальную поэму Гёте. Повесть занимает сто пятьдесят страниц. Через восемьдесят страниц от начала повести Надя ненароком выказывает Молотову наличие в своей библиотеке двух «Фаустов» сразу – Тургенева и Гёте. Вокруг гётевского экземпляра разгораются страсти. Молодые люди признаются друг другу в любви. Через семьдесят страниц назначат свадьбу. «Фауст» находится ровно посередине, как-будто бы Помяловский находит золотое сечение своего творения, согнув повесть пополам, отсчитав страницы. Как и полагается добротнo сделанному литературному произведению, золотое сечение более приближено к концу, нежели к началу (центр тяжести несколько смещен). Оно и понятно: герои – молодые люди, они живут будущим. Примечательно, что такая книга хранится не у Надиного отца, или матери, или старого генерала-жениха. Она есть у Нади, и, как косвенно следует из повествования, у Молотова. «Фауст» – это вечная молодость, энергия, порыв, страсть, бунт и победа. Такая вот закладка, такое вот лирическое отступление, такой вот вальс.

Душа героини запрятана в комод, как и книга. Ей надо душу освободить, на свет Божий представить. «Поэзию жизни, любовь не так легко заметить, ее всем напоказ не выставляют, ее

³³ Брейтман А.С. Базовые ценности русской культуры в их отражении киноискусством : монография. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2002. С. 101–102.

³⁴ Наделенный конкретной музыкальной темой, образ Фауст предопределил бы движение внутренней, музыкальной жизни Восьмой. «Звучание есть продолжение человеческой личности». Лайнсдорф Э. В защиту композитора. М., Музыка, 1988. С. 186.

³⁵ Помяловский Н.Г. Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. Биографическая справка Н. Якушина. М.: Худож. лит., 1987. 415 с. К работе над повестью Помяловский приступил в апреле 1861 года.

нужно откапывать в глубине повседневности, отыскивать, как клад, который ближний от ближнего прячет глубоко и далеко», – высказывается главный герой³⁶. Как освободить любовь? Просто открыть ящик комода. И когда героиня вытаскивает книгу, она освобождает от пыли и заточения и душу. «Судьба круто поворачивала Надину жизнь по противоположному направлению»³⁷. Вот во что обошелся девушке «Фауст». Поэма «Фауст» – это символ: героиня высвобождает волю. Фауст на рубеже XIX–XX вв. мыслится как символ поиска гармонии и освобождения от иррациональности мышления. Его брали многие и использовали на свой лад. Имя «Фауст» становится нарицательным. У маэстро Малера были предшественники.

9. Для понимания замысла Малера важно определить тональность Восьмой симфонии. И. Барсова, например, акцентирует внимание на Ми-бемоль мажоре как тональности победы. Симфония-соперник (Девятая Бетховена) написана в Ре-мажоре, традиционно символизирующем свет, солнце и золото. Малер «поднимает» свою симфонию на полтона выше, заранее определяя посыл: стать выше (хоть на ступеньку, на клавишу, на звук!) и победить. Итак, Ми-бемоль мажор – тональность победы. Но, в то же время, одноименный³⁸ минор трагичен. Ми-бемоль минор – это похоронный, черный цвет, обратная сторона медали. В теории Чарльза Пирса³⁹, с его идеей знаков-символов, для которых связь между формой и содержанием устанавливается произвольно по соглашению, в размышлениях Римского-Корсакова, Скрябина и Шопена, тональное пространство – не только закономерная организация музыкальной материи, но и носитель определенной информации. Кроме того, в музыкальной традиции бемольные тональности – сфера для воплощения женских образов. С начала и до конца симфонии Малер утверждает победу вечной, Божественной Мудрости, наделяя эту ипостась Бога силой творить. Посредством звука и слова он по своему грандиозному замыслу утверждает на всей «территории» симфонического полотна творческое начало как Мудрость, Дух и

Вечную Женственность⁴⁰. Также утверждение имеет прочную литературно-философскую традицию. Неслучайно у древних греков Муза – вдохновительница творческой братии – женский образ. Дух Животворящий – Creator Spiritus – появляется в ТАНАХе, в Книге Берейшит⁴¹, как тот, кто «насиживает» творимый мир, т. е. представлен образом птицы-наседки. Прослеживается аналогия с Новым Заветом, где Дух Святой персонифицирован в образе голубя, а в некоторых книгах Ветхого Завета – даже и голубицы. Кроме того, в Книге Притч Соломоновых Дух Творящий представлен как личность по имени Мудрость, и это существительное – "Хохма"⁴², а не "Хахам"⁴³, т. е. женского рода. Таким образом, главное действующее лицо в симфонии – не Фауст, как у Гёте, а Дух Животворящий, Creator Spiritus. А Фауст – есть идея, концепция, метод постижения творческого начала, способ реализации сверхзадачи и персонификация авторского «Я» Малера.

Таким образом, взгляд на творчество Густава Малера в широком музыкально-литературном и философском контексте (от прямой полемики с Бетховеном до ассоциативных сближений с персонажами Тургенева и Помяловского) позволяет сделать вывод о том, что в своей Восьмой симфонии композитору удалось выйти за рамки чисто музыкальные и прикоснуться к глубинному ядру европейской культуры в целом.

³⁶ Помяловский Н.Г. Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. Биографическая справка Н. Якушина. М.: Худож. лит., 1987. 415 с. К работе над повестью Помяловский приступил в апреле 1861 года. С. 175.

³⁷ Там же. С. 176.

³⁸ В теории музыки так называются все те тональности, гаммы которых построены от одной и той же тонике, например: до мажор – до минор, ре мажор – ре минор и т. д.

³⁹ Пирс Ч.С. Из работы «Элементы логики. Grammatica Speculativa». В кн.: Семиотика. М., 1983.

⁴⁰ Термин «Вечная Женственность» использовали исследователи симфонического творчества Малера, в том числе И. Барсова.

⁴¹ Берейшит – Книга Бытия из Пятикнижия Моисея (Торы), подлинного текста Ветхого Завета.

⁴² Хохма, Хахама (Мудрость, Мудрая) – ж.р. חֹכְמָה, חָכְמָה

⁴³ Хахам (Мудрец, Мудрый) – м.р. חָכָם

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

ОБРАЗ УСПЕХА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

К.И. Воробьева
В.С. Атюнина

Воробьева Кларисса Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Атюнина Вера Сергеевна – аспирант, старший преподаватель кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В статье представлены результаты изучения общих представлений об успехе в наследии русского народа. Авторы, основываясь на данных эмпирического исследования, анализируют сходства и различия между представлениями об успехе, успешности, счастье и благополучии в обыденном сознании; приводят основные итоги реконструирования субъективного семантического пространства образа успеха: категориальную структуру и содержание представлений об успехе.

The article shows the results of studying of general representations about success in Russian people heritage. The authors analyze similarities and distinctions between representations about success, progress, happiness, and well being in ordinary consciousness on the basis of empirical researches and tries to reconstruct a subjective semantic field of the success image, its category structure and content of representations about success.

Представления о мире всегда даны в рамках некоторой культурно-исторической системы значений – определенной социальной среды, общности, культуры. Система значений, которую человек получает от предшествующих поколений, в том числе и через художественную литературу, фольклор, не только обеспечивает процесс усвоения человеческого опыта, но и создает условия для восприятия мира и формирования образов мира.

Как утверждает В.Н. Телия, «система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях»¹.

Изучение истоков содержания лексемы «успех» в русской языковой картине мира осложняется отсутствием научных работ непосредственно по данной проблеме. Но не следует забывать, что человеческие понятия имеют свою историю и судьбу, их содержание претерпевает эволюцию и в разные эпохи может существенно отличаться. Не составляет исключения и понятие «успех», в своем современном виде являющееся результатом синтеза двух разнородных традиций – языческой и христианской.

Общие представления об успехе имеют глубокие корни в русской лингвокультуре. Но в на-

следии русского народа их можно изучать лишь опосредованно, через анализ содержания различных языковых единиц, среди которых ключевыми являются «святость», «праздник», «благодарить», «успение». Рассмотрим их в контексте двух славянских традиций – язычества и христианства.

Основываясь на работах А.В. Юдина, мы полагаем, что тема успеха в русской языковой картине мира непосредственно связана с темой «святости»². Святость на протяжении многих веков была духовной доминантой русской народной (а до петровских времен – и элитарной) культуры. Как писал о. Иоанн Кологривов, «русское благочестие веками питалось идеалом святых: от пламени зажигала свой светоч вся “Святая Русь” – святая не в смысле моральной святости, но святая потому, что идеал святости составляет для нее самую высшую из всех вообразимых ценностей»³.

В.И. Даль определяет понятие «святой» как «духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; все, что относится к Божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения нашего, духовный, божественный, небесный... Святым зовут вообще все заветное, дорогое, связанное с истиною и с благом»⁴.

² Юдин А.В. Русская традиционная народная духовность. М.: Школа «Языки русской культуры», 1994. 331 с.

³ Кологривов И. Очерки по истории русской святости. Б.м.: Siracusa, 1991. С. 13.

⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1998. С. 161.

¹ Телия В. Н. Русская фразеология. М., 1996. 215 с.

К такому толкованию близки и современные определения, в которых подчеркивается обладание божественной благодатью, заветностью; истинность, величие и важность. Например, В.М. Живов утверждает, что основной смысл понятия святости «состоит в причастности человека Богу, его обоженности, то есть проникнутости Божественными энергиями и соединенности с Богом, в его преображении под действием благодати Божией»⁵.

В.Н. Топоров, анализируя содержание святости в язычестве, рассматривает ее как энергию, заставляющую двигаться, расти, умножаться, энергию перехода от мертвого хаоса к живому космосу. В «переводе» на человека, это можно объяснить следующим образом. Жизнь земная, «мертвая» – это «хаос» – праздник, безделье, но есть энергия, которая движет людей к «настоящей», «живой» неземной жизни – «космосу» (порядку). И эта энергия – святость⁶. Современное понимание святости ориентировано, прежде всего, на идеальные ценности, на сферу духовного. Сохранение исконного слова «святой» во всех славянских языках говорит о большой важности и глубокой укорененности традиционного понятия святости и связанных с ним представлений.

А.В. Юдин отмечает, что в язычестве прежде всего это представления о празднике, праздничном времени, противопоставленном будням. Можно сравнить само название праздника в украинском языке – свято, а также святки⁷. Но праздник в язычестве – это не праздник в современном понимании как «выходной, нерабочий день; день или ряд дней радости, счастья, игр, развлечений, веселья»⁸. Праздник в языческой традиции связан с порывом к «святому», высшему, к иному миру, со смертью и воскресеньем. Праздничное время отнюдь не считалось «лучшим», оно было благоприятно разве что для смерти, а безделье, гостевание, трапезы и возлияния были ритуальными и имитировали «будущую жизнь» после смерти. Во время праздника усиливается хаотическая сторона мира, поэтому сущность его двойственна⁹.

⁵ Живов В.М. Святость: краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 90.

⁶ Топоров В.Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре – SVET // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 191.

⁷ Юдин А.В. Русская традиционная народная духовность. М.: Школа «Языки русской культуры», 1994. 331 с.

⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1998. С. 578.

⁹ Юдин А.В. Русская традиционная народная духовность. М.: Школа «Языки русской культуры», 1994. 331 с.

Не разрушается это представление о празднике как категории святости и в христианской традиции, а лишь обретает несколько иную форму. Результаты исследований Т. Чередниченко показали, что праздник в христианстве не может быть таковым без элементов аскезы. Праздник всегда предваряется постом: ущемлением, воздержанием, ограничением, страданиями¹⁰.

Анализ данных представлений позволил нам проследить в идеях «святости» и «праздника» такие характеристики, как аскеза, «переход в новое состояние», «рост», «движение», «перерождение» посредством «умирания» и «воскрешения». В этих характеристиках обнаруживаются исторически общие черты между языческими и христианскими представлениями о стремлении к святости и современным пониманием стремления к успеху, и его содержания. Например, такие характеристики, как «профессиональный рост», умирание в качестве невесты и рождение в качестве жены.

Интересными в рамках работы являются данные истории языка. Как указывает В.Н. Топоров, общеславянский корень *свят-* (*свет-*, *свент-*), имеющий родственные связи со сходными по звучанию словами балтийских и древнеиранского языков, восходит к индоевропейскому корню со значениями возрастания (набухания) некоторой физической массы, материи (для сравнения – рост растения) и сверх того – «некоей внутренней плодоносящей силы, духовной энергии и связанной с нею и о ней оповещающей внешней формы – световой и цветовой»¹¹. Здесь, полагаем, разгадка древней близости корней *свят-*, *свет-*, *цвет-* (цветущий, процветающий) и построения синонимического ряда: «святой – цветущий – процветающий», «преуспевающий – процветающий».

Наряду с представлением о празднике, важно проанализировать, и представление о благодати. По мнению А.В. Юдина, «благодать» заключается для традиционного языческого сознания в преодолении смерти новым рождением: смерть зерна даст новую жизнь побегами нового урожая («воскресающими» и восстающими изпод поверхности земли), а затем плоды¹². Речь шла о том благодатном возрастании-процветании

¹⁰ Чередниченко Т. Праздничность // Новый мир. 2002. № 11. С. 29–60.

¹¹ Топоров В.Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре – SVET // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. 280 с.

¹² Юдин А.В. Русская традиционная народная духовность. М.: Школа «Языки русской культуры», 1994. 331 с.

некоей животворящей субстанции, которое вело к созреванию плода как завершению всего предыдущего развития и прорыву к новому, более высокому состоянию, вечному рождению, максимальному плодородию, прибытку.

Эти представления являются еще одним доказательством близости идеи святости с идеей успеха, хотя бы потому, что в обоих понятиях присутствуют характеристики стремления к росту, максимальному прибытку, созреванию плода (достижению результата), высокому положению/состоянию. Уже здесь мы видим развитие первоначального значения «увеличиваться», «набухать» в сторону большей отвлеченности, «идеальности».

На основе языческого понимания святости, праздника и благодати как «образа предельного изобилия», по мнению В.Н. Топорова, «сформировалось понятие “духовной святости”, некоего “сверхчеловеческого” благодатного состояния, когда происходит творчество “в духе”»¹¹. Творчество – это тоже своего рода возрастание и умножение. В данном контексте интересно просматривается взаимосвязь смысла лексемы *благодать* (*благо – дано*) как категории святости и лексемы *благополучие* (*благо – получено*) как категории успеха.

Таким образом, перед нами разработанная и уточненная концепция языческой традиции понимания святости, вынужденно столкнувшаяся с христианской. Подчеркнем, что после Крещения идея святости существенным образом преобразовалась. По мнению В.Н. Топорова, святость переориентировалась с природы на человека (и сверхчеловеческое), с материально-физического на идеально-духовное, с конкретного и зримого на абстрактное и незримое. В результате этого понятие святости начинает актуализировать такие смыслы, как «чистота», «непорочность», «праведность», а образом проявления этих свойств становится не материально-предметное, а «энергетическое» возрастание, своего рода «светолучение», харизматический ореол¹¹. Это светолучение передавалось образами сияния, блеска, солнечных лучей, золотого цвета.

В XI–XII вв. сформировалась, по мнению В.Н. Топорова, одна из ключевых идей-концепций, которая легла в основу всей русской жизни. Согласно ей святость мыслилась «как высший нравственный идеал поведения, как особая жизненная позиция, понимаемая как жертвенность, как упование на иной мир, на ценности, которые не от мира сего»¹¹. История свидетельствует о том, что соблюдение традиций в соответствии с данной концепцией приводило к некоторому духовному максимализму, свойст-

венному русским исканиям, к пренебрежению ценностями «этого мира», общественным служением, но и открывало особый, специфически русский путь к вершинам духа. Отсюда, полагаем, корни негативного отношения к *успешным* людям в России.

Не будет, наверное, преувеличением усмотреть здесь некоторый след всеобщности святости языческого праздника, сопряженной с полной перемены на время всех знаков и ценностей, с перераспределением на мир иной. Это определило особый, специфический облик русской духовной культуры первых веков христианства. В данный период формируются зачатки одного из двенадцати православных праздников – Успение Божьей Матери. Философия этого праздника в том, что смерть не есть уничтожение нашего бытия, а только переход от земли на небо, от тления и разрушения к вечному бессмертию¹³. Нами установлено, что праздник Успения продолжает языческую традицию понимания святости и начинает формировать концепцию успеха в славянской языковой картине мира на понятийном уровне.

Лексема *успение* относится к ряду древнерусских языковых единиц и рассматривается в значении «засыпание, сон; смерть, кончина»¹⁴. Однако нельзя исключать влияние культурно-религиозного наследия на внутреннюю форму категории *успение*. Последнюю можно определить как «критическую точку» в «жизни» человека. Эта «критическая точка» является состоянием «перехода» из физического мира «живых» в идеальный мир «мертвых»; из хаоса (праздника) в космос (порядок); состоянием «возрождения» души – перехода к новому состоянию – «бессмертию».

В подтверждение точки зрения о зарождении современной концепции успеха в традициях язычества и христианства нами проанализированы работы В.П. Аникина, Т.И. Гавриловой, О.А. Седаковой. Последние рассматривали персоналии и атрибутику похоронного и свадебного ритуалов^{15,16}. Было отмечено следующее: 1) *успешность* (*успение* – смерть, кончина) в христи-

¹³ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1993. 560 с.

¹⁴ Там же. С. 172.

¹⁵ Гаврилова Т.И. Персоналии похоронного ритуала (на материале Курского региона) // Фольклорная лексикография: сб. науч. тр. Курск: Изд-во КГПУ, 1996. Вып. 5. С. 22–25.

¹⁶ Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий // Чтения в Императорском обществе истории древностей российских при Московском университете. М., 1865. Кн. 2. С. 26.

анской традиции – термин, обозначающий переход от одного состояния (социального, физического или духовного) в другое; 2) *приспех* – это атрибутика свадебного ритуала, элемент обрядовой пищи на определенном этапе его совершения.

Действия и семантика в похоронном ритуале свидетельствует о том, что «телесное» человека умирало, а его «духовное» – обретало новую жизнь, достигая своей цели, приобретало новый статус. То же самое – достижение своей цели, приобретение нового статуса, мы можем увидеть и в свадебном обряде (христианском) – невеста «умирала» как дочь для родителей, но «рождалась» как жена для мужа.

Изучение успеха в русской языковой картине мира было бы не полным без рассмотрения ряда слов, имеющих один корень с лексемой «успех». На материалах словаря В. Даля нами был проведен анализ следующих лексем: 1) доспевать; 2) недоспелый; 3) поспешать; 4) предспешать; 5) споспешенье; 6) успевать¹⁷. Анализ семантики выделенного ряда слов показал, что успешный человек обладал статусом. Успешного мужчину называли «успешником», а успешную женщину – «успешницей». Установление статуса успешного человека на языковом уровне позволило выделить основные характеристики кластера «успех», которые можно отследить и в современной концепции успеха. Среди этих характеристик следующие: рост (динамика, творчество), достижение результата в каком-либо деле (плод), наличие инструментария для достижения результата, наличие рабочего места, обладание высоким уровнем умений и мастерства в каком-либо деле, определенный вид одежды (доспехи), возможность достойно отдохнуть после работы (досуг).

Анализ словарных статей позволил установить, что для описания субъективного опыта жизни в русской языковой картине мира используются такие понятия синонимического ряда лексемы успех, как удача, счастье, благополучие. В иностранных лингвокультурах эквиваленты понятий «счастье» и «благополучие» обозначены одной языковой единицей, переводимой на русский язык как успех.

Таким образом, общие представления об успехе имеют глубокие корни в русской лингвокультуре. Изучение их содержания через анализ понятий – «святость», «праздник», «благодать», «успение» позволило выявить несколько значений понятия успех в русской языковой картине мира:

1) идеальное (переходное состояние, стремление к совершенному идеалу, воздержание, обладание высоким уровнем умений и профессионального мастерства);

2) действенно-результативное (рост, движение, получение плода посредством «умирания» и «воскрешения»);

3) атрибутивное («праздный» образ жизни, досуг, особая еда, рабочее место, доспехи);

4) пространственно-временные характеристики (успевание);

5) цветосветовые характеристики (свет, блеск, «золотой», цветущий, процветающий).

Выявленные основные значения и особенности синонимического ряда лексемы «успех» составили теоретический базис для собственного психологического исследования, задачей которого являлось выявление на эмпирическом уровне (на русской выборке испытуемых): 1) взаимосвязей понятий успех, успешность, счастье и благополучие в семантическом пространстве личности; 2) представлений об успехе в обыденном сознании.

В процессе решения сформулированной задачи мы отвечали на следующие вопросы. Имеются ли сходства и различия в обыденном сознании между представлениями об успехе, успешности, счастье и благополучии? Являются ли категории *успех*, *успешность*, *счастье* и *благополучие* составляющими одного синонимического ряда? Оказывает ли влияние переживание успешности, счастья и благополучия на достижение успеха личностью? Каково содержание образа успеха в обыденном сознании?

Реконструкция субъективного семантического пространства образа успеха, являющегося операциональным аналогом категориальной структуры индивидуального сознания, позволила решить задачи и ответить на вопросы, сформулированные выше. В процессе эмпирического изучения образа успеха основными были избраны методы психосемантики: метод частного семантического дифференциала «Образ успеха»; проективные методы – цветоассоциативный эксперимент и «Четыре рисунка успеха». Представим последовательно результаты применения избранных методов.

Обработка данных, полученных с помощью СД «Образ успеха» (на стимулы *успех*, *успешность*, *счастье*, *благополучие*), осуществлялась посредством факторного анализа. В результате мы получили ряд категорий, наиболее полно характеризующих исследуемые образы. Они представлены в сравнительной таблице в порядке убывания процента выбираемой дисперсии.

¹⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1998. 688 с.

Таблица

**Категориальные структуры,
эксплицированные на общей выборке
испытуемых**

Образ успеха	Образ успешности	Образ счастья	Образ благополучия
доступный	особенная	удовлетворяющее	доступное
удовлетворяющий	развивающая	стабильное	комфортное
объективный	творческая	познаваемое	противоречивое
трудный	противоречивая	доминирующее	результативное
особенный	объективная	комфортное	удовлетворяющее
статус	доминирующая	особенное	особенное

Полученные категориальные структуры позволили установить пересечения семантических полей в исследуемых образах-представлениях, обнаружить сходства и различия. Например, в факторных структурах появились некоторые различия на уровне приоритетов:

– в представлениях об успехе ведущими являются признаки, собранные в категории «доступный», аналогично эти характеристики объединяются и в представлениях о благополучии. Это говорит о том, что успех и благополучие в обыденном сознании личности – явления достижимые и доступные;

– успешность в сознании личности представлена как «особенное», индивидуальное явление в жизнедеятельности человека. Это говорит о том, что в современной России доминирует индивидуальная модель успешности, которая находит свое отражение в представлениях людей. В настоящее время современной наукой не предложены универсальные критерии успешности, в связи с этим ее называют индивидуальной и особенной;

– счастье (в частности, семейное) в представлениях современного человека – источник получения удовольствий. В его категориальной структуре выявлены характерные факторы «стабильное» и «познаваемое». Надо отметить, что по сравнению с другими образами, испытуемые оценили счастье как наиболее устойчивое и надежное, как явление, наименее поддающееся негативным влияниям со стороны.

Наряду с выявленными приоритетами были установлены и характерные отличия, свойственные отдельным образам. Среди них следующие:

– для образа успеха характерными выступают категории *трудный* и *статус*, указывающие на процесс достижения жизненного успеха – *трудный*, и его результат – *статус*;

– в образе успешности отличительными являются категории *развивающая* и *творческая*. Они, по нашему мнению, указывают на принадлежность успешности к ряду характеристик определенной деятельности, например, профессиональной;

– в структуре образа счастья выявлены такие особенные категории, как *стабильное* и *познаваемое*. Полагаем, что, по сравнению с другими явлениями, люди оценивают счастье, как наиболее устойчивое и надежное, не поддающееся негативным влияниям со стороны. Возможно, ощущение счастья сопровождает респондентов чаще, чем состояние успешности, благополучия и жизненного успеха в целом;

– благополучие представлено категориями, являющимися одновременно критериями, с помощью которых человек может лично оценить свой уровень этого состояния без помощи со стороны других людей.

В содержании изучаемых образов нам удалось выявить совпадения, которые свидетельствуют о пересечении семантических полей их категориальных структур:

– в образе благополучия не обнаружено отличительных категорий, все они совпадают с факторами, представленными в структурах семантических пространств остальных исследуемых образов. Это указывает на высокую степень пересечений данного образа с представлениями об успехе, успешности и счастье;

– в категориальных структурах всех образов встречается фактор *особенный*, характеризующий изучаемые явления как неповторимые и индивидуальные в жизнедеятельности каждого человека.

Итак, подчеркнем, что между представлениями о жизненном успехе, профессиональной успешности, семейном счастье и субъективном благополучии в обыденном сознании имеются как сходства, так и различия. Успешность (профессиональная) является составляющей социального успеха, а счастье и благополучие – личного успеха. Это отражают пересечения (сходства) семантически близких образов, относящихся к одному классу (личный успех). Успешность, являясь единичной переменной социального успеха в системе оцениваемых образов, имеет се-

мантические пересечения только с образом успеха (жизненного). Вместе с тем исследуемые образы имеют характерные особенности, кроме образа благополучия. Однако последний нельзя не назвать особенным. Его категориальная структура представлена факторами, указывающими на то, что благополучие – это явление исключительно личного характера, не оцениваемое посредством социальных критериев.

С целью выявления между изучаемыми образами взаимосвязей и взаимозависимостей, данные частного СД «Образ успеха» были подвергнуты процедурам вычисления ранговых коэффициентов корреляции по Спирману. В результате нами было установлено: 1) у переменной – успех самая тесная связь с переменной успешность ($r = 0,878$), чуть меньше с переменными благополучие ($r = 0,858$) и счастье ($r = 0,773$); 2) у переменной успешность – с категориями успех ($r = 0,878$), благополучие ($r = 0,841$), счастье ($r = 0,730$); 3) у переменной счастье самая тесная связь с переменной благополучие ($r = 0,880$), чуть меньше с переменными успех ($r = 0,773$) и успешность ($r = 0,730$); 4) переменная благополучие самую тесную связь имеет с переменной счастье ($r = 0,880$) и меньшую с категориями успех ($r = 0,858$) и успешность ($r = 0,841$).

Представленные выше данные свидетельствуют о том, что направления корреляционных связей между изучаемыми категориями являются положительными, а степени тесноты высокими. Характерно, что самой высокой степенью тесноты в семантическом пространстве личности связаны между собой категории *успех* и *успешность*, а также *счастье* и *благополучие*. Это обстоятельство подтверждает положение о том, что категории успех (жизненный), успешность (профессиональная), счастье (семейное), благополучие (субъективное) являются составляющими одного синонимического ряда и характеризуют различные стороны жизнедеятельности человека.

Вычисление коэффициентов корреляции Пирсона позволило установить слабую корреляцию между переменными успех и успешность ($r = 0,333$), а с переменными счастье ($r = 0,821$) и благополучие ($r = 0,847$) – высокую. Это указывает, по нашему мнению, на то, что успех (в частности жизненный) обусловлен фактом успешности, счастья и благополучия в жизнедеятельности личности: чем выше значения последних трех переменных, тем выше будет значение X-переменной (в данном случае «успеха»). При этом успех в большей степени зависит от благо-

получия и счастья и в меньшей – от успешности. Для ощущения жизненного успеха человеку необходимо, в первую очередь, переживать состояние счастья и благополучия, и только потом получать удовлетворение от достигаемой профессиональной успешности; однако значимость последней от этого не уменьшается – степень ее влияния на ощущение жизненного успеха является статистически значимой.

Очередным этапом в процессе изучения представлений об исследуемых объектах стало применение метода цветоассоциативного эксперимента. Стимульным материалом служил набор лишенных текстуры восьми цветовых поверхностей-карточек. За каждым цветом закреплено символическое значение, которое можно расшифровать как некий текст, характеризующий изучаемые образы в их психологическом смысле, а также в значениях, сформированных в русской лингвокультуре.

Отметим, что на предъявляемые стимулы (успех, успешность, счастье, благополучие) испытуемые предпочли выбрать яркие цвета: красный, желтый, фиолетовый, зеленый. Проанализируем результаты более подробно.

Лидирующий красный цвет, предпочтительный испытуемыми, как символ успеха (52 %) и успешности (36 %) в полной мере отражает психологический смысл этих понятий – стремление к достижению, успеху, инициатива, наступление, деятельность борьба, и возбуждение.

Надо отметить, что основания для предпочтения красного цвета в качестве символа успеха и успешности обнаруживаются в русской языковой культуре. М.О. Сурина, исследуя цветовую символику различных культур, обнаружила, что красный, наряду с белым, – любимый цвет восточных славян, цвет древнерусских князей¹⁸. Характерно, что в XVI–XVII вв. в одежде знати и простолюдин было очень много этого цвета. Слово «красный» в русском языке означало – «светлый, яркий, хороший, красивый, ценный». Красный воспринимался как прекрасный, веселый, радостный, как цвет молодости. Красный – символ жизни, радости, праздника в Древней Руси. В иконописи он имеет различное значение в зависимости от формы, включающей этот цвет, и структуры всего изображения. Например, красный плащ Георгия Победоносца воспринимался как знак царской власти и одновременно – сим-

¹⁸ Сурина, М.О. Цвет и символ в искусстве, дизайне и архитектуре. М. : ИКЦ «Март», 2003. С. 43.

вол мученичества. В Ветхозаветной культуре красный, наряду с белым и золотым, считался символом Света¹⁹.

Таким образом, красный цвет как символ успеха и успешности имеет глубокие корни в русской лингвокультуре, что находит свое отражение в обыденном сознании личности. Успех, успешность – это жизнь, радость, свет, добро, красота, праздник, движение, стремление, инициатива, наступление, деятельность, власть, и, вместе с тем, борьба, мученичество, как признаки аскезы. Надо отметить, что данные характеристики можно применить и для описания счастья, так как количество ассоциаций этого стимула с красным цветом очень велико.

Важным является тот факт, что больше всего цветоассоциативных выборов на стимул счастье обнаружено вокруг желтого цвета (57 %). Согласно интерпретации Люшера, желтый символизирует ожидания, надежду на удачу и случай, оптимизм, избегание проблем, стремление к изменению, выходу, освобождению, расслаблению. Если учитывать, что лексему счастье употребляют в контексте «семья, дом, любовь», то интерпретация данного цвета в полной мере характеризует ожидания человека от семейных или личных отношений; дом – это то место, где можно скрыться, освободиться от проблем, расслабиться, получить положительные эмоции, что и способствует переживанию счастья.

В русской культуре желтый воспринимался как радостный, солнечный, весенний цвет. В XVI в. свадебный наряд невесты состоял из желтого летника и красного сарафана. Венец невесты также был желтым. В первый день свадьбы невеста одевала желтые летники, во второй – красный сарафан, являвшийся символом замужества²⁰. Все это нашло отражение в обыденном сознании личности. И неслучайно среди лидирующих цветовых выборов находятся желтый и красный на стимул счастье. Желтый – предвещающий, светлый, ожидаемый; красный – достигнутый, наступивший. При этом и желтый, и красный символизируют положительные эмоции.

Интересным представляется то обстоятельство, что благополучие ассоциируется в сознании личности чаще всего с зеленым (32 %). Анализ содержания благополучия через интерпретацию этого цвета в психологии позволяет увидеть представления, сформированные в обыденном

сознании. Итак, для личности благополучие – это прежде всего стремление к самоутверждению, повышению положения, власти, уважению, признанию, превосходству. Зеленый, в данном случае, – уверенность, независимость, настойчивость. В культуре Древней Руси зеленый – это символ юности, цветения (процветания), роста. Фразеологические выражения со словом «зеленый» означают «свободный проезд на всем пути следования» («зеленая улица»)²¹.

Таким образом, представления о благополучии сосредоточены вокруг идей роста, процветания и выбора новых возможностей, перспектив по улучшению своего положения, признанию, стремления к самоутверждению. Отметим, что относительно остальных стимулов зеленый цвет прочно обосновался на четвертом месте по количеству выборов.

Глубоким психологическим смыслом обладает в исследуемом контексте фиолетовый цвет. Он стабильно расположен на третьем месте по количеству цветоассоциативных выборов относительно всех предъявленных стимулов. В психологической интерпретации фиолетовый характеризует стремление к отождествлению, идентификации испытуемых с исследуемыми объектами. Характеризует успех, успешность, счастье и благополучие с точки зрения эротических и эстетических устремлений людей, переживающих данное состояние, желание понравиться, обратиться на себя внимание, произвести впечатление, получить одобрение. В русской культуре фиолетовый символизирует интеллект, знание, святость, трезвость, покаяние. У христиан этот цвет – символ священнического права и власти, истины и поста²².

Итак, по результатам цветоассоциативного эксперимента можно подчеркнуть следующее: в представлениях об успехе, успешности, счастье и благополучии имеются семантические пересечения. Эти образы в одинаковой степени ассоциируются с властью, трудностями (пост – воздержание и праздник), интеллектом, реализацией эстетических и эротических устремлений, желанием производить впечатление и получать одобрения. Но в содержании успеха и успешности больше акцентов на деятельность, активность и движение; счастья – на семейную жизнь, дом, любовь; благополучия – на рост, процветание, новые перспективы, самоутверждение, власть,

¹⁹ Сурина, М.О. Цвет и символ в искусстве, дизайне и архитектуре. М. : ИКЦ «МарТ», 2003. С. 43–44.

²⁰ Там же. С. 45.

²¹ Там же. С. 48–49.

²² Купер Дж. Энциклопедия символов. М. : «Золотой век», 1995. С. 361.

превосходство, признание. Важным является то, что испытуемые отождествляют свое состояние с изучаемыми явлениями.

Завершая процесс реконструирования образа успеха, обратимся к интерпретации результатов проективной методики «Четыре рисунка успеха» на стимул успех. Это позволит уточнить особенности содержания данного образа. Анализ 127 рисунков позволил выявить ряд значений, характеризующих содержание образа успеха в семантическом пространстве личности.

1. Успех, ассоциирующийся чаще всего (19,7 %) с ярким салютом или фейерверком, характеризуется как явление яркое, насыщенное, доставляющее радость, удовольствие и наслаждение. Об этом свидетельствуют изображения улыбок, радостных лиц людей, воздушных шаров. Вместе с тем успех (как и салют) не является чем-то постоянным и стабильным, а исчезает, спустя непродолжительное время, как воздушные шары в небе. Однако его переживание оставляет яркий эмоционально позитивный след.

Молния, изображенная в рисунках успеха, в русской лингвокультуре олицетворяет духовное озарение, просвещение, откровение, неожиданное воплощение истины, прорывающееся сквозь время и пространство, оплодотворение²³. В этом контексте изображение молнии, так же как салюта, ярко характеризует успех как результат и эмоциональное состояние человека, переживающего успех.

2. Все изображения горы, лестницы, пирамиды сопровождалась отметками «цели» на вершине или стрелками, указывающими вверх. Гора символизирует вершину рая, место встречи неба и земли. Достижение высоты (цели) свидетельствует о переходе на новый уровень. Лестница и пирамида, как и гора, имеют примерно одинаковое символическое значение. Подъем на высоту вызывает противоречивые чувства. Это и врожденная боязнь высоты, и восприятие вертикали (она кажется длиннее такой же по размеру горизонтали). Здесь же и восторженная радость отрыва от обыденного, приземленного. Чувство страха борется с жаждой самоутверждения, познания. Отсюда вполне понятный восторг от открывающихся с вершины перспектив, от прикосновения к «небесам бесконечности»²⁴.

Достижение вершины горы и нахождение на ней дает возможность наблюдать и контролировать

все, что происходит окрест, а значит, по мнению И. Морозова, обладать властью. Он утверждает, что в русской культуре «нередко “царская власть” и “гора” становились просто тождественными понятиями»²⁵. Итак, наряду с отражением эмоционального аспекта, в рисунках на стимул успех, выявлен аспект власти, полноту ощущения которой дает переживание этого состояния.

Эту же идею, идею власти, можно обнаружить в изображениях человека на возвышенности – на троне, на пьедестале, на сцене, за кафедрой. Э. Канетти, исследуя феномен «массы и власти», отмечал: «Стоящий горд тем, что свободен и не нуждается в опоре. Тот, кто поднялся, завершил определенное усилие – так велик, как это вообще для него возможно»²⁶. «Стоящий» внушает его готовность к действию, живость и подвижность. Важной деталью в этих рисунках является наличие зрителей, находящихся внизу по отношению к тому, кто находится на возвышенности. Изображение звезды и флага, короны и шляпы как символов успеха также свидетельствует о выделении аспекта власти в содержании изучаемого феномена²⁷.

Солнце – символ высшей космической силы, силы прекрасного, дарящего свет и радость. Наряду с этим, тепло и свет Солнца – это созидание и мудрость. Поэтому «власть» в контексте успеха (в представлениях испытуемых) позитивная и не подавляющая.

3. Диплом, медаль, кубок, венок, плоды на деревьях, символическая цифра «1», цветы, изображенные в рисунках, свидетельствуют о результативности процесса достижения успеха. Причем в представлениях испытуемых, успехом считается достигнутый результат лидера (первое место). Краеугольное суждение «...и на меньшее я не согласен», тенденция быть лучшим и добиваться своих целей, результатов в жизнедеятельности.

4. Денежные знаки, купюры, мешки с золотом, изображение собственного офиса или отдельного рабочего места, атрибутов профессиональной деятельности (например, компьютера, дипломата, портфеля) свидетельствуют о возможностях и потенциале, которые дает процесс и результат достижения успеха. Стремление к этим благам позволяет человеку ни в чем не нуждаться.

Изображение сюжетов отдыха на берегу моря (пляж, пальмы, остров, спортивная площадка)

²³ Там же. С. 207.

²⁴ Морозов И. Основы культурологии. Архетипы культуры. Мн. : «ТетраСистемс», 2001. С. 112.

²⁵ Там же. С. 104.

²⁶ Канетти Э. Масса и власть. Б.м., 1997. С. 414.

²⁷ Морозов, И. Основы культурологии. Архетипы культуры. Мн. : «ТетраСистемс», 2001. 608 с.

указывает на возможности организовывать свой досуг, восстанавливать силы.

5. Автомобиль, часы и галстук как атрибуты успеха свидетельствуют об активности, стремительности, мобильности, своевременности и респектабельности человека, идущего к успеху или достигшего его.

6. Дом, квартира, счастливая семья, любовь являются основаниями для выделения такой отдельной составляющей характеристики успеха, как семейное счастье.

7. Изображения «подарка судьбы» и «Лампы», в которой заключен «Джин», свидетельствуют о факторе удачи в достижении успеха. Вместе с тем удача в представлениях испытуемых не идентифицируется полностью с явлением успеха. Что доказывает отражение этой идеи в рисунках лишь 1,57 % респондентов.

Итак, в результате применения проективно-графического метода «Четыре рисунка успеха» на стимул успех, эмпирическим путем были выявлены основные аспекты его содержания: эмоции и чувства, власть, результаты, потенциал, стремление и развитие (рост), семья, удача.

Таким образом, анализ категории «успех» в русской языковой картине мира на теоретическом уровне и изучение в обыденном сознании личности методами экспериментальной психо-семантики представлений об успехе, успешности, счастье и благополучии позволил сформулировать следующие выводы:

1) общие представления об успехе имеют глубокие корни в русской лингвокультуре. Образ успеха в обыденном сознании личности формируется под влиянием русской языковой культуры. Категориальная структура образа успеха

представлена факторами, раскрывающими систему его значений: доступный, удовлетворяющий, объективный, трудный, особенный. Содержание образа успеха представлено значениями: действенно-результативное (процесс и результат достижений); потенциальное (источник роста и развития, перехода на новый «уровень»); атрибутивное (имидж, статус, состоятельность, отдых); мотивационно-эмоциональное (удовлетворение желаний инициативы, стремления, переживание удовлетворения);

2) профессиональная успешность, семейное счастье и субъективное благополучие являются составляющими синонимического ряда кластера «успех». Они активно используются личностью для описания субъективного опыта жизни в русской языковой картине мира и характеризуют различные стороны жизнедеятельности человека;

3) успех в обыденном сознании – явление, обусловленное профессиональной успешностью, семейным счастьем и субъективным благополучием человека. В семантическом пространстве личности *успех* является источником получения положительных эмоций и чувства удовлетворения. Его способен достичь каждый, однако продвижение к нему включает в себе трудности, активно и инициативно преодолевая которые человек «растет» и развивается, расширяет свои возможности и потенциал. Успех всегда подразумевает достижение результата, и не отрицает фактор удачи.

Ощущение жизненного успеха в большей степени зависит от переживания счастья и благополучия, в меньшей – от профессиональной успешности.

КОПИНГ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС В АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА К СОЦИАЛЬНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ

И.И. Губин

Т.И. Губина

Губин Игорь Иванович – аспирант кафедры психологии Дальневосточного государственного гуманитарного университета.

Губина Татьяна Ивановна – старший преподаватель кафедры психологии Полтавского государственного педагогического университета.

В статье раскрывается содержание основных понятий проблемы адаптации, конкретизируются понятия способов поведения по ее преодолению. Рассматривается адаптация социальная, профессиональная; адаптированность; качества адаптации; копинг-поведение; копинг-стратегии; копинг-ресурсы; критерии эффективности копинг-поведения.

The article reveals object matter of main problems of adaptation, specificities modes of behavior by its overcoming, discovers following terms: social adaptation, occupational adaptation, adapting, its characteristics, copying-behavior, copying-strategy, copying-resources, copying behavior criteria of efficiency.

Современная жизнь характеризуется чрезвычайной потребностью в адаптации человека. Слово «перемена» становится в новом тысячелетии ведущим мотивом. Влияния быстро изменяющихся экономических, политических и социальных условий приводит к проблемам ориентировки человека в окружающей его социальной действительности. Адаптивность становится важнейшим качеством личности в современном динамичном обществе. На психологическом уровне процесс адаптации проявляется как ощущение внутреннего дискомфорта, неуверенности, рост психического напряжения, повышение тревожности, явный и скрытый конфликт с социальным окружением. В период адаптации резко увеличиваются энергетические затраты организма, проявляются физиологические сбои в функционировании отдельных органов. Осложненный процесс адаптации может вызвать нарушения трудоспособности, потерю квалифицированной рабочей силы. Вследствие невозможности адаптации к новым формам труда наблюдается рост числа заболеваний «стрессовой этимологии», различных форм «личного неблагополучия»: психическое истощение, десоциализация, отчуждение труда, различные формы профессионально-личностных деформаций. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы, связанные с функционированием, адаптацией и выработкой личностью эффективных стратегий преодоления ситуаций, связанных с кардинальными изменениями в разных сферах деятельности человека.

Проблема адаптации привлекает внимание отечественных ученых. Теоретические, методические и практические вопросы адаптации нашли отражение в работах: В.А. Абабкова, М. Перре¹, Л.И. Анциферовой², Г.А.Балл³, В.А. Бодрова⁴, Л.И. Дементий⁵, О.И. Зотовой, И.К. Кряжевой⁶, А.А. Налчаджяна, В.Г. Подмаркова⁷, А.Л. Свенцицкого и ряда других исследователей. Вопросы адаптации рассматриваются и зарубежными учеными, представителями различных теоретических концепций: Р. Моос, А. Биллингс⁸, К. Гар-

¹ Абабков В.А., Перре М.А. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. СПб.: Речь, 2004. 166 с.; Абабков В.А. Система исследования семейного стресса и копинга // Обзорные психиатрии и медицинской психологии, 1998. № 2. С. 65–67.

² Анциферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал, 1994. Т. 15. № 1. С. 3–19.

³ Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 92–100.

⁴ Бодров В.А. Когнитивные процессы и психологический стресс // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 4. С. 64–74; Бодров В.А. Проблема преодоления стресса // Психологический журнал, 2006. № 1. С. 122–133.

⁵ Дементий Л.И. К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. 2004. № 3. С. 20–25.

⁶ Зотова О.И. Кряжева И.К. Методы исследования социально-психологических аспектов адаптации личности // Методология и методы социальной психологии / отв. ред. Е.В. Шорохов. М.: Наука, 1977.

⁷ Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию. М.: Мысль, 1973.

⁸ Billings A.G., Moos R.H. Coping, stress and social resources among adults with univocal depression // J. of Person and Soc. Psychology. 1984. V.46. P. 877–891 A.G.,

вер⁹, С. Фолкман¹⁰, Н. Наап¹¹, Р. Лазарус¹², К. Матени¹³, Р. Райт¹⁴, Д. Терри¹⁵, М. Вебер¹⁶ и других.

Понятие «адаптация» (лат. *adaptatio* приспособление) широко используется в разных отраслях современной науки. Введение в научный оборот термина связано с именем известного в XVIII в. немецкого физиолога Ауберта, который использовал его для характеристики явлений приспособления органов чувств человека в ответ на действия раздражителей разной модальности и силы.¹⁷ В дальнейшем проблема адаптации вышла за рамки биологических наук и стала проникать в медицину психологию, социологию, а затем и в кибернетику, экологию и другие науки.

В современной психологической науке понятие *адаптации* считается многозначным, разнообразным и разноуровневым явлением. В наиболее распространенном смысле, под адаптацией понимается процесс целостного, системного, многоуровневого приспособления, в котором задействованы физиологический, психофизиологический, психологический и социальный уровни.¹⁸ Адаптация основывается не на пассивности личности, а на «активно преобразующих связях человека с окружающей средой и представляет собой непрерывное единство тех и других форм связи». То есть под адаптацией понимается равновесие, которое устанавливается между отдель-

ным индивидом и средой. Термином «адаптация» обозначают как процесс изменений происходящих с человеком в новых условиях, так и его результат, выраженный в состоянии адаптированности человека к новым условиям среды. Адаптированный человек – это тот, кто наилучшим образом отвечает конкретным условиям жизни.¹⁹

Понятие «социальная адаптация» употребляется в социальной психологии при изучении вхождения личности в новую социальную среду или изменений, каких-либо сторон жизни личности.²⁰ Исследователи чаще всего выделяют следующие направления адаптационных изменений:

- по видам адаптационной среды, к которой приспособляется (или приспособливает ее к себе) индивид – профессиональная адаптация, семейная, политико-правовая, учебная и др.

- по структурным компонентам адаптивной среды – предметно-деятельностная (к функциональному содержанию и условиям труда в определенной сфере деятельности) и личностная (к социально психологическому климату коллектива, и к доминирующему в нем настроению, ценностным ориентациям, к стилю управления и системе ролей, особенностям межличностных отношений, которые вытекают из социального статуса данного работника и т. п.).²¹

Таким образом, адаптация к профессиональной деятельности есть один из видов социальной адаптации и по своей структуре состоит из предметно-деятельностных и личностных компонентов.

Рассматривая этапы включения работника в производство, исследователи выделяют первичную и вторичную адаптацию.²² Первичная адаптация – включение личности (впервые в жизни) в деятельность производственного коллектива, и вторичная – все последующие изменения работы или профессии, вызванные не только переходом на новое место работы, но также техническими, технологическими и организационными нововведениями в данном коллективе.

⁹ Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach // *Journal of Personality and Social Psychology* 1989. V.56. P. 267–283.

¹⁰ Folkman S. and Lazarus R.S. Coping and emotion // *Monat A. and Richard S. Lazarus. Stress and Coping. N.-Y., 1991. C. 207–227.*

¹¹ Haan N. Coping and defending: Processes of self-environment organization. N.-Y. : Academic Press, 1977. 457 p.

¹² Lazarus R.S., Folkman S. Coping and adaptation. / AV.D. Gentry (Eds.) // *The handbook of behavioral medicine. N.-Y. : Guilford, 1984. P. 282–325.*; Lazarus Richard S. and Folkman Susan The concept of coping // *Monat A. and Richard S. Lazarus. Stress and Coping. N.-Y., 1991. C. 189–206.*

¹³ Marheny K. B., Aycock D.W., Hugh J.I., Cutlette W.L., Silva-Cannella K.A. Stress coping: A qualitative and quantitative synthesis with implication for treatment // *Counseling Psychologist. 1986. V.14. P. 103–122.*

¹⁴ Rice P.L. Stress and health. California: Brooks / Cole Publishing Company, Pacific Grove, 1992.

¹⁵ Terry D.L. Coping resources and situational appraisals as predictors of coping behavior // *Pers. Individ. Diff. 1991. V.12 (10). P. 1031–1047.*

¹⁶ Weber H. Belastungsverarbeitung // *J. fur Klinische Psychologie. 1992. B 21 JVb.*

¹⁷ Энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1982. С. 22.

¹⁸ Семиченко В.А. Психология деятельности. К. : Издатель Эшке А.Н., 2002. 248 с.

¹⁹ Свенцицкий А.Л. Понятие о производственной адаптации личности // *Промышленная социальная психология / под ред. Е.С. Кузьмина, А.Л. Свенцицкого. Л. : ЛГУ, 1982. С. 244.*

²⁰ Свенцицкий А.Л. Понятие о производственной адаптации личности // *Промышленная социальная психология; под ред. Е.С. Кузьмина, А.Л. Свенцицкого. Л. : ЛГУ, 1982. С. 64–68.*

²¹ Зотова О.И. Кряжева И.К. Методы исследования социально-психологических аспектов адаптации личности // *Методология и методы социальной психологии / отв. ред. Е.В. Шорохов. М. : Наука, 1977.*

²² Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию. М. : Мысль, 1973.

Исследователи выделяют признаки качества адаптации. Так, В.Г. Подмарков предложил считать показателем высокой адаптации малый срок, необходимый для эффективного включения в производство, высокие показатели выполнения должностных обязанностей, органичное вхождение в коллектив, активную позицию в качестве его единицы. Наиболее часто упоминающиеся показатели адаптации можно разделить на объективные и субъективные. К объективным показателям относят:

- продуктивность деятельности, рассматриваемую в соответствии с реальными и потенциальными способностями личности;
- реальное положение в коллективе, в том числе профессионально-квалификационный рост, стаж работы;
- авторитет работника.

Субъективными критериями адаптации являются:

- удовлетворенность индивида своим трудом в данной организации;
- отношение к различным аспектам и условиям деятельности и общения;
- отношение к себе как субъекту деятельности.²³

Особое значение для процесса адаптации имеют личностные ресурсы человека. Необходимость ломки привычного рабочего стереотипа, перестройки системы ценностных ориентаций, принципов и форм организации жизнедеятельности – сложный процесс, который при неудовлетворительной адаптации сопровождается негативными переживаниями, нервными срывами и стрессовыми реакциями. Процессы преодоления человеком трудных жизненных событий в психологической науке принято обозначать как совладающее, адаптивное поведение или копинг (англ. преодолеть, справляться).

Копинг-поведение отражает многообразные формы активности человека и рассматривается как важный процесс социальной адаптации. Основная функция копинга, по мнению многих зарубежных и отечественных ученых, состоит в адаптации человека к требованиям ситуации.²⁴

²³ Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию. М.: Мысль, 1973.

²⁴ Абабков В.А., Перец М.А. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. СПб.: Речь, 2004. 166 с.; Абабков В.А. Система исследования семейного стресса и копинга // Обозрение психиатрии и медицинской психологии, 1998. № 2. С. 65–67; Бодров В.А. Проблема преодоления стресса // Психологический журнал, 2006. № 1. С. 122–133; Дементий Л.И. К проблеме диагностики социального кон-

На основе анализа работ различных авторов можно выделить три подхода к пониманию определения «копинг». Первый подход представляют неопсихоаналитики, где копинг-процессы рассматриваются как эгопроцессы, направленные на продуктивную адаптацию личности в затруднительных ситуациях. Функционирование копинг-процессов предполагает включение когнитивных, моральных, социальных и мотивационных структур личности для совладания с проблемой. В случае неспособности личности к адекватному разрешению той или иной проблемы включаются защитные механизмы, способствующие пассивной адаптации. Защитные механизмы определяются как ригидные, дезадаптивные способы совладания с проблемой, препятствующие адекватной ориентации индивида в реальной действительности. Иначе говоря, копинг и защита функционируют на основании одинаковых эгопроцессов, но являются разнонаправленными механизмами в преодолении проблем. Второй подход определяет копинг как качества личности, которые предполагают использование относительно постоянных вариантов ответа на стрессовые ситуации. А. Биллингс и Р. Моос выделяют три способа совладания со стрессовой ситуацией:

- копинг, нацеленный на оценку, – преодоление стресса, включающее в себя попытки определить значение ситуации и ввести в действие определенные стратегии: логический анализ, когнитивная переоценка и др.;

- копинг, нацеленный на проблему, – совладание со стрессом, имеющее целью модифицировать, уменьшить или устранить источник стресса;

- копинг, нацеленный на эмоции, – преодоление стресса, включающее в себя когнитивные, поведенческие усилия, с помощью которых

текста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. 2004. № 3. С. 20–25; Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30; Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology 1989. V. 56. P. 267–283; Folkman S. and Lazarus R.S. Coping and emotion // Monat A. and Richard S. Lazarus. Stress and Coping. N.-Y., 1991. С. 207–227; Marheny K. B., Aycock D.W., Hugh J.I., Cutlette W.L., Silva-Cannella K.A. Stress coping: A qualitative and qualitative synthesis with implication for treatment // Counseling Psychologist. 1986. V.14. P. 103–122; Rice P.L. Stress and health. California: Brooks / Cole Publishing Company, Pacific Grove, 1992; Terry D.L. Coping resources and situational appraisals as predictors of coping behavior // Pers. Individ. Diff. 1991. V.12 (10). P. 1031–1047; Weber H. Belastungsverarbeitung // J. fur Klinische Psychologie. 1992. B 21 JVb.

человек пытается уменьшить эмоциональное напряжение и поддержать аффективное равновесие.²⁵

В третьем подходе копинг выступает как динамический процесс, который определяется субъективностью переживания ситуации и многими другими факторами. Представители данного подхода Р. Лазарус и С. Фолкман обозначили психологическое преодоление как когнитивные и поведенческие усилия личности, направленные на снижение влияния стресса. Активная форма копинг-поведения или активное преодоление является целенаправленным устранением или изменением влияния стрессовой ситуации, ослаблением стрессовой связи личности с окружающей средой. Пассивное копинг-поведение или пассивное преодоление определяется как интрапсихические способы совладания со стрессом с использованием различного арсенала механизмов психологической защиты, которые направлены на редукцию эмоционального напряжения, а не на изменение стрессовой ситуации.²⁶ Преодоление вступает в действие не только в тех случаях, когда сложность задачи превышает возможности привычных реакций, но и при необходимости изменить поведение в трудных жизненных ситуациях.²⁷

Для определения копинга используются понятия: «coping stress», «coping behavior». Значение понятие «coping stress» – «успешно справляться», «преодолевать», «совладать» определяется разными авторами как усилия в поиске сохранения реальности, как любое усилие, позволяющее переносить воздействие стрессоров наименее травмирующим образом.²⁸ Преодоление направлено на гармонизацию отношений между субъектом и средой или на снижение его эмоциональных переживаний.²⁹ Понятие «coping behavior» Р. Лазарус и С. Фолкман определили как

постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия, прилагаемые человеком для того, чтобы справиться со специфическими внешними и/или внутренними требованиями, которые чрезмерно напрягают или превышают ресурсы человека. Копинг-поведение используется для описания характерного способа поведения человека в различных ситуациях.³⁰

Копинг-поведение реализуется посредством применения копинг-стратегий на основе личных и средовых копинг-ресурсов. Оно является результатом взаимодействия блока копинг-стратегий и копинг-ресурсов, представляющих собой совокупность условий, способствующих успешной адаптации и обеспечивающих формирование копинг-стратегий. Выделяют следующие виды копинг-ресурсов: физические (здоровье, выносливость); социальные (индивидуальная социальная сеть, социально-поддерживающие системы); психологические (убеждения, устойчивая самооценка, общительность, интеллект, мораль, юмор) и материальные ресурсы (деньги оборудование).³¹

Термином «стратегии совладающего поведения» в литературе иногда обозначаются два разных объекта:

1. Общая, глобальная направленность активности в ответ на трудную жизненную ситуацию.

Некоторыми авторами данное явление обозначается как модус, или тип совладающего поведения. Многие авторы используют в этом случае слово «стратегия». Мы склонны называть эту направленность типом совладающего поведения, или общей стратегией. В качестве таковых мы рассматриваем следующие общие стратегии: 1) проблемно-ориентированный тип совладания; 2) эмоционально-ориентированный тип совладания; 3) тип совладания, ориентированный на оценку ситуации.

Р. Лазарус выделил три типа стратегии совладания с угрожающей ситуацией: механизмы защиты Эго; прямое действие – нападение или бегство, которое сопровождается гневом или страхом; совладание (*копинг*) без аффекта, когда реальная угроза отсутствует, но потенциально существует³²;

²⁵ Billings A.G., Moos R.H. Coping, stress and social resources among adults with univocal depression // J. of Person and Soc. Psychology. 1984. V. 46. P. 877–891.

²⁶ Lazarus R.S., Folkman S. Coping and adaptation. / AV.D. Gentry (Eds.) // The handbook of behavioral medicine. N.-Y.: Guilford, 1984. P. 282–325.

²⁷ Бодров В.А. Когнитивные процессы и психологический стресс // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 4. С. 64–74.

²⁸ Haan N. Coping and defending: Processes of self-environment organization. N.-Y., Academic Press, 1977. 457 p.; Marheny K. B., Aycocock D.W., Hugh J.I., Cutlette W.L., Silva-Cannella K.A. Stress coping: A qualitative and qualitative synthesis with implication for treatment // Counseling Psychologist. 1986. V. 14. P. 103–122.

²⁹ Marheny K. B., Aycocock D.W., Hugh J.I., Cutlette W.L., Silva-Cannella K.A. Stress coping: A qualitative and qualitative synthesis with implication for treatment // Counseling Psychologist. 1986. V. 14. P. 103–122.

³⁰ Lazarus R.S., Folkman S. Coping and adaptation. / AV.D. Gentry (Eds.) // The handbook of behavioral medicine. N.-Y.: Guilford, 1984. P. 282–325.

³¹ Бодров В.А. Проблема преодоления стресс // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 122–133.

³² Lazarus R.S., Folkman S. Coping and adaptation / AV.D. Gentry (Eds.) // The handbook of behavioral medicine. N.-Y. : Guilford, 1984. P. 282–325.

2. Более конкретные «подходы» к трудной ситуации, виды реакций на нее, способы действия в ней.

Некоторые из этих конкретных стратегий включаются в один из типов совладающего поведения, другие реализуются в рамках нескольких типов. Авторы называют эти реакции способами, или стратегиями совладающего поведения. На наш взгляд, эти стратегии в большей степени обозначают способы, приемы реализации типов совладания. Мы называем эти способы частными стратегиями, в отличие от типа совладающего поведения. К таким частным стратегиям совладающего поведения относятся: конфронтативный копинг, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство–избегание, планирование решения проблемы, положительная переоценка (стратегии-шкалы опросника Р. Лазаруса). Инструментально реакции совладания нацелены на то, чтобы повлиять либо на окружающий мир, либо на самого себя (или на то и другое), что можно охарактеризовать, используя понятие типа адаптации и выделив соответственно два вида этих реакций: внешнюю по отношению к системе ассимиляцию и внутрисистемную аккомодацию. В какой-то мере этому соответствуют копинг, ориентированный на проблему (*problem focused*), и копинг, ориентированный на эмоции (*emotion focused*), – типы совладания более высокого порядка.³³ Проблемно-ориентированный (*problem-focused*) стиль, направленный на рациональный анализ проблемы, связан с созданием и выполнением плана разрешения трудной ситуации и проявляется в таких формах поведения, как самостоятельный анализ случившегося, обращение за помощью к другим, поиск дополнительной информации. Субъективно-ориентированный стиль (*emotion-focused*) является следствием эмоционального реагирования на ситуацию, не сопровождающегося конкретными действиями, и проявляется в виде попыток не думать о проблеме вообще, вовлечения других в свои переживания, желание забыться во сне, растворить свои невзгоды в алкоголе, наркотиках или компенсировать отрицательные эмоции едой. Эти формы поведения характеризуются наивной, инфантильной оценкой происходящего. Здесь под эмоциональным стилем реагирования понимается исключительно негативные пережи-

вания, что является чертой защитного поведения. Таким образом, при совладании с трудными ситуациями выделяют две основные функции копинг-поведения: разрешение проблемы, составляющей суть противоречия ситуации, и регулирование негативного эмоционального состояния, возникающего в трудной ситуации.³⁴

На основе анализа описанных разными исследователями форм копинг-поведения Е. Хайт выделил и описал 26 стратегий, разделив их на адаптивные варианты, неадаптивные и относительно адаптивные. В каждый вариант входят когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии.³⁵

Расширенную классификацию копинга предложили американский исследователь К. Гарвер и его сотрудники.³⁶ По их мнению, наиболее адаптивными копинг-стратегиями являются те, которые направлены непосредственно на разрешение проблемной ситуации. К таким копинг-стратегиям авторы отнесли следующие: «активный копинг»; «планирование»; «поиск активной общественной поддержки»; «положительное истолкование и рост»; «принятие».

Другой блок копинг-стратегий, по мнению авторов, также может способствовать адаптации человека в стрессовой ситуации, однако, он не связан с активным копингом. К таким стратегиям совладания относятся: «поиск эмоциональной общественной поддержки»; «подавление конкурирующей деятельности»; «сдерживание». Третью группу копинг-стратегий составляют те, которые не являются адаптивными, однако, в некоторых случаях помогают человеку адаптироваться к стрессовой ситуации и справиться с ней. Это такие приемы преодоления, как: «фокус на эмоциях и их выражение»; «отрицание»; «ментальное отстранение»; «поведенческое отстранение». Отдельно К. Гарвер выделяет такие копинг-стратегии, как «обращение к религии», «использование алкоголя и наркотиков», а также «юмор».³⁷

Приведенные выше классификации копинг-стратегий не означают то, что человек постоянно

³⁴ Folkman S. and Lazarus R.S. Coping and emotion // Monat A. and Richard S. Lazarus. Stress and Coping. N.-Y., 1991. С. 207–227.

³⁵ Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30.

³⁶ Carver, C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology 1989 V. 56. P. 267–283.

³⁷ Дементий Л.И. К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии, 2004. №3. С. 20–25.; Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию. М. : Мысль, 1973.

³³ Lazarus R.S. Psychological stress and coping process. N.-Y. : McGraw, 1966. This is the background image for an unknown creator of an OCR page with image plus hidden text. 132 29 p.

использует какую-то одну из них. В той или иной ситуации личность прибегает к целому комплексу копинг-стратегий в зависимости от своих личностных особенностей и характера ситуации, т. е. притом, что существуют паттерны копинг-поведения, процесс копинга представляет собой комплексный и динамический ответ на стресс.³⁸

Копинг может способствовать овладению ситуацией, ослаблять или смягчать ее воздействие, может быть неконструктивным и неэффективным и приводить к дезадаптации и ухудшению функционирования человека в социуме. В многочисленных работах отмечается, что при недостаточном развитии конструктивных форм совладающего поведения увеличивается патогенность жизненных событий, и эти события могут стать «пусковым механизмом» в процессе возникновения психосоматических и других заболеваний. Исходя из основных функций копинг-поведения, выделяют два критерия его эффективности: объективный и субъективный. В качестве первого принято рассматривать критерий достижения цели, характеризующей данную трудную ситуацию, который выражен в получении определенного результата при реальном разрешении проблемы, доступном наблюдению. Субъективный критерий связан с психологическим благополучием человека и сохранением его устойчивого эмоционально-положительного самочувствия, которое обеспечивает нормальное функционирование в трудных жизненных ситуациях. Кроме этих двух основных критериев эффективности совладания, в литературе выделяют другие, более долгосрочные критерии, по которым также можно судить об успешности применения той или иной стратегии совладания. Такими могут быть характеристики взаимодействия с социальным окружением (социальное благополучие), связанные с необходимостью устанавливать и поддерживать отношения с другими людьми, так как совладание очень редко бывает делом только одного человека. Надежным критерием эффективного совладания также считается ослабление чувства уязвимости к психологи-

ческим нагрузкам³⁹, которое формируется через укрепление уверенности человека в собственных силах справляться с трудностями, ощущение оптимизма и т. д.

Таким образом, *копинг* или преодоление стресса рассматривается как деятельность личности по поддержанию или сохранению баланса между требованиями среды и ресурсами, удовлетворяющими этим требованиям. Психологическое предназначение *копинга* состоит в том, чтобы как можно лучше «адаптировать человека к требованиям ситуации, позволяя ему овладеть ею, ослабить или смягчить эти требования».⁴⁰ Р. Райт понимает *копинг* как сочетание творческого, созидательного и рефлексивного поведения, возникающее в ответ на сложные и необычные ситуации.⁴¹ Копинг представляет собой важный фактор психосоциальной адаптации, который обусловлен тремя компонентами: способностью организма справиться с условиями окружающей среды, способностью приспособиться к ним и поддерживать психическое равновесие. Поэтому главная задача «*сoping*» – «обеспечение и поддержание благополучия человека, физического и психического здоровья и удовлетворенности социальными отношениями».⁴²

На сегодняшний день исследования *копинга* только начинают развиваться в различных прикладных аспектах психологической науки. Однако уже сейчас ученые, занимающиеся проблемами преодолевающего поведения, должны уделять особое внимание поиску причин и выявлению механизмов оптимальных форм реагирования и преодоления для обеспечения условий эффективной адаптации к изменениям социальных условий жизни, и в том числе к интенсивным изменениям в профессиональной деятельности. Это поможет обеспечить преодоление адаптационных затруднений в стремительно изменяющихся социальных условиях.

³⁸ Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology 1989. V. 56. P. 267–283; Folkman S. and Lazarus R.S. Coping and emotion // Monat A. and Richard S. Lazarus. Stress and Coping. N.-Y., 1991. C. 207–227; Lazarus Richard S. and Folkman Susan The concept of coping // Monat A. and Richard S. Lazarus. Stress and Coping. N.-Y., 1991. C. 189–206.

³⁹ Terry D.L. Coping resources and situational appraisals as predictors of coping behavior // Pers. Individ. Diff. 1991. V.12 (10). P. 1031–1047.

⁴⁰ Абабков В.А., Перец М. А. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. СПб. : Речь, 2004. С. 66.

⁴¹ Rice P.L. Stress and health. California: Brooks / Cole Publishing Company, Pacific Grove, 1992.

⁴² Weber H. Belastungsverarbeitung // J. fur Klinische Psychologic. 1992. B 21 JVb. P. 20.

НЕПРЕРЫВНОЕ МОРСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛОВ

*А.Д. Чернобай
С.А. Данченко*

Чернобай Альбина Дмитриевна – старший преподаватель Морского государственного университета им. адмирала Г.И. Невельского.

Данченко Светлана Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент Морского государственного университета им. адмирала Г.И. Невельского.

На настоящем этапе развития общества и реформы высшего образования в России непрерывное профессиональное образование может стать реальным путем повышения эффективности формирования специалиста. В качестве примера авторы анализируют и раскрывают особенности непрерывного морского образования и обосновывают его необходимость.

During this period of society progress and higher education reforms in Russia a persistent professional education could be the real method of increasing of specialist's forming efficiency. This article authors have analyzed and investigated, as an example, the peculiarities of persistent marine education and have founded it's necessity.

Прогресс в обществе неразрывно связан с совершенствованием образования, и в частности профессионального. Одним из приоритетных направлений совершенствования подготовки кадров, способных на высоком профессиональном уровне решать задачи современного производства, является внедрение системы непрерывного профессионального образования.

Непрерывный процесс обновления живого знания может быть реализован лишь с помощью гибкой системы образования. Такая система образования предполагает органическое сочетание предварительного общего и профессионального образования до трудовой деятельности с последующим непрерывным повышением квалификации¹.

Непрерывный способ образовательной деятельности занимает фундаментальное положение и имеет универсальное значение для переориентации целевой направленности образования и адекватной перестройки его структурных элементов. Подобная система образования нацелена на подготовку к универсальной деятельности, так как повышается возможность производственной и социальной адаптации личности в быстро меняющемся мире.² Одна из основных идей непрерывного образования состоит в том, что на качественно новом уровне ставится вопрос о связи учебной и производственной деятельности человека³.

Концепция организационной модели системы непрерывного профессионального образования основана на принципах:

– интеграции учреждений общего среднего, начального, среднего и высшего профессионального образования в единое образовательное пространство подготовки кадров;

– системности построения учебного процесса профессиональной подготовки с последовательным переходом обучаемого с одного образовательного квалификационного уровня на другой;

– непрерывности – общий принцип организации деятельности всех звеньев системы образования. Он конкретизируется требованиями поступательности, планомерности, интегративности и преемственности функционирования системы⁴;

– профессиональной направленности и индивидуализации обучения;

– свободного и сознательного подхода обучаемого к выбору образовательных программ и маршрутов, учитывающих уровень подготовки, способностей и желания обучаемого и спрос на рынке труда молодых специалистов⁵.

Единство системы непрерывного образования обеспечивается взаимосвязью и преемственностью всех ее звеньев, возможностью свободного перехода на новые, более высокие, ступени образования в соответствии с индивидуальными способностями.

Целостность непрерывного образования обеспечивается рядом системобразующих факторов. Важнейший из них – направленность всех звеньев образования на всестороннее, гармоничное развитие личности, создание необходимых условий для ее развития⁶.

¹ Зинченко Г.П. Непрерывное образование – веление времени. М.: Знание, 1988. 64 с.

² Там же. С. 12

³ Там же. С. 26

⁴ Там же. С. 51

⁵ Там же. С. 50–51.

⁶ Гершунский Б.С. Перспективы развития системы непрерывного образования / под ред. Б.С. Гершунского. М.: Педагогика, 1990. 224 с. С. 33.

Таким образом, можно констатировать, что все звенья системы образования находятся во взаимосвязи и взаимодействии друг с другом. Это объективно способствует целостности системы, ее единству, что, однако, не означает единообразия в работе учебных заведений.

Организационными составляющими системы непрерывного профессионального образования являются подсистемы профессиональной ориентации, начального, среднего и высшего профессионального образования и повышения квалификации.

Представленные подсистемы в совокупности образуют пять циклов познания профессии по возвышающейся спирали.

Пространственно-временные рамки рассматриваемой модели предусматривают возможность свободного включения в нее различных государственных образовательных учреждений: средних школ, технических училищ, лицеев, техникумов, колледжей, институтов, университетов и академий. Они формируют образовательные основные и дополнительные программы, определяют цели, содержание и методику обучения и разрабатывают соответствующие системы контроля знаний и умений.

1. Программа профессиональной ориентации, реализуемая средними школами, имеет целью профессиональную подготовку обучаемых и приобретение ими представлений о своей будущей профессии.

2. Программа начального профессионального образования, реализуемая техническими училищами и лицеями, имеет целью подготовку квалифицированных рабочих. Она основана на конкретно-образном познании выбранной профессии и приобретении профессиональных навыков самостоятельного выполнения технологических операций.

3. Программа среднего профессионального образования, реализуемая колледжами и техникумами, имеет целью подготовку специалистов нижнего звена организации и управления производством. Программа ориентирует обучаемых на приобретение ими умений использования известных технических решений при разработке конкретных технических задач.

4. Программа высшего профессионального образования, реализуемая вузом, имеет целью подготовку специалистов среднего звена организации и управления производством. Она нацеливает учащегося на творческую научно-исследовательскую деятельность, получение новой информации, создание новых конструкций и

технологий.

5. Программа повышения квалификации предоставляет возможности повышения образовательных потребностей граждан, их научной или педагогической квалификации.

Система непрерывного профессионального образования может быть организована через последовательную реализацию образовательных программ: сначала начального и (или) среднего, а затем высшего профессионального образования с предоставлением возможности получения образования следующего уровня по сокращенным ускоренным программам. Последовательное прохождение учебных программ, несмотря на увеличение общих сроков обучения, формирует более полное представление о специальности и усиливает мотивацию и необходимость непрерывного расширения и углубления объема знаний. Этот вариант способствует прочному и долгосрочному усвоению и накоплению знаний. По мере постепенного повышения уровня профессиональных задач возникает потребность тщательного изучения общетеоретических и общепрофессиональных дисциплин. При этом существенно улучшается качество подготовки специалистов, успеваемость, снижается процент отчисления и др.

Существующая система морского образования тесно связана с производством и в целом обеспечивает потребности предприятий и организаций в подготовке, переподготовке и повышении квалификации специалистов морского транспорта. Подготовка специалистов для морского транспорта имеет свою специфику и должна проводиться в строгом соответствии с Международной конвенцией по подготовке и дипломированию моряков и несению вахты 78/95.

Отраслевая система непрерывной подготовки основана на использовании гибких образовательных структур и преемственности учебно-воспитательного процесса по схеме: морской лицей – колледж (училище) – академия (университет) с сохранением традиционного принципа совмещения теоретического и практического обучения по морским специальностям.

В международном морском судоходстве принято два уровня подготовки командных кадров: уровень управления (специалисты, занимающие должности старшего помощника капитана и капитана, второго механика и старшего механика) и уровень эксплуатации (специалисты, занимающие должности ниже указанных, привлекаемые к вахтенному обслуживанию судовых технических средств на мостике и в машинном

отделении). Соответственно и требования к подготовке специалистов уровня эксплуатации ниже, чем к специалистам уровня управления. Если специалистами уровня эксплуатации могут стать выпускники морских академий (университетов), колледжей и мореходных училищ, то следующий уровень доступен только для выпускников морских академий (университетов).

Именно непрерывность системы позволяет осуществлять подготовку инженеров из лиц, окончивших учебные заведения среднего профессионального образования, в сокращенные (3,5 года) сроки обучения. Кроме того, такая система реализует все этапы дипломирования моряков – от квалификационных свидетельств по рабочим профессиям и морских дипломов уровня эксплуатации до морских дипломов уровня управления.

В морских академиях (университетах) введено в практику обучение в сокращенные сроки по основным профессиональным образовательным программам с учетом предшествующей подготовки курсантов в морских колледжах и мореходных училищах, а также по дополнительным программам второго образования на заочных факультетах.

Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского обеспечивает подготовку, переподготовку, повышение квалификации командиров флота и специалистов для судоходной деятельности. В университете интегрирован комплекс учебных заведений различного уровня: лицеи; колледжи; институты. Обучаясь в университете, можно получить: среднее (полное) общее образование; начальное профессиональное; среднее специальное; высшее (бакалавр, специалист, магистр). Специалисты со средним специальным образованием, обучаясь по сокращенным программам, могут получить высшее профессиональное образование.

Морское образование должно быть доступно, качественно. Повышение качества возможно в реализации непрерывной системы образования: лицей – колледж – вуз. Такая форма подготовки позволит сделать профессиональный отбор еще на ранних ступенях обучения. Значит, по окончании вуза флот пополнится стабильно работающими высококвалифицированными и профессионально адаптированными молодыми специалистами. В этом случае сроки обучения сокращаются до 4,8 лет. Повышение уровня образования предусмотрено для тех, кто наберет необходимый плавательный ценз.

Морякам необходим высокий уровень знаний, соответствующий мировым стандартам. А высокий уровень знаний не возможен без вдумчивого понимания причин выбора профессии, без достаточного уровня внутренней мотивации как учебной – человек должен знать, что учиться необходимо, необходимость получения знаний, так и профессиональной – возможность самореализации именно в этой профессии и удовлетворенность от процесса и результат деятельности⁷.

Начало реализации системы непрерывной подготовки специалистов для морского флота России в структуре департамента морского транспорта было положено в Морском государственном университете в 1992/93 учебном году. С тех пор она претерпела некоторые изменения и в настоящее время выглядит следующим образом.

Первый уровень. На этой ступени обучения подготовка ведется в школах юных моряков, мореходных школах пароходств, гуманитарно-техническом лицее, лицейских классах и во Владивостокском морском колледже.

Детско-юношеская спортивная школа «Мореход». Основная цель школы – дать возможность школьникам приобщиться к морской профессии, получить азы морского дела и привить навыки в морских видах спорта: яхтенном, шлюпочном, морском многоборье, плавании и др. Школа, по сути, является первой ступенькой в морском образовании.

На время летних каникул при университете создается детский оздоровительный лагерь «Мореход» городского типа, где и выполняется основная оздоровительно-спортивная, культурно-патриотическая программа работы со школьниками.

Лицейские классы. В них обучаются школьники выпускных (10–11) классов средних школ. Основная задача лицейских классов – ознакомление учащихся с морскими профессиями, которые они смогут получить, обучаясь в университете, создание условий для обеспечения самоопределения и самореализации личности путем освоения образовательных программ.

В настоящее время организованы лицейские классы на базе 10–11-х классов средних школ гг. Владивосток, Находка, Артем, Арсеньев, пос. Кировский, где готовят будущих специалистов для Дальневосточного, Приморского и Сахалинского пароходств. При планировании и организации учебного процесса в лицейских классах ставятся следующие цели и задачи: профессиональная

⁷ Седых В. Будущее России – в квалифицированных кадрах // Морской флот. 2002. № 1. С. 39.

ориентация выпускников средних школ для работы на морском транспорте; привитие необходимых теоретических и практических навыков по выбранной специальности для последующего обучения в Морском университете с присвоением после окончания колледжа начальной рабочей квалификации (матрос, моторист, электрик), в лицейских классах учащиеся проходят подготовку по программе матрос-моторист; подготовка учащихся к получению высшего образования, творческому труду в различных сферах научной и практической деятельности.

Во время обучения в морских классах лицеисты проходят шлюпочную практику, их знакомят с бытом и требованиями морского университета. Выпускной экзамен в лицейских классах является вступительным на вторую ступень обучения в МГУ. Не прошедшие по конкурсу могут продолжать обучение в ВМК для получения среднетехнического морского образования на соответствующем курсе колледжа.

Владивостокский морской колледж. Довузовская подготовка на базе Владивостокского морского колледжа реализуется через лицей и лицейские классы, по окончании которых выпускники продолжают обучение в университете или колледже. Морской колледж принимает на учебу граждан, имеющих полное среднее образование. Окончившие колледж получают диплом техника-специалиста, установленного образца, рабочий диплом (штурман малого плавания, судомеханик 3-го разряда, оператор ГМССБ) и могут продолжить обучение в Морском государственном университете по соответствующей специальности. В период обучения предусмотрена плавательная практика на судах заграничного плавания. Обучение в колледже заканчивается итоговой аттестацией с выдачей диплома о среднем специальном образовании. Выпускники колледжа могут продолжить образование в университете по ускоренной программе или на заочном факультете. Обучение на этом уровне строится на базе среднего (полного) общего образования по программам профессионального базового высшего образования, т. е. программам подготовки бакалавров. Выпускники колледжа могут продолжить свое образование в группах ускоренного обучения МГУ (со 2-го или 3-го курса) в зависимости от специальности или по заочной форме обучения.

Второй уровень – профессиональное высшее образование. Вторая ступень обучения в МГУ является основной и заканчивается Государственной аттестацией с присвоением квалификации инженера по соответствующей специально-

сти. При этом дипломированным специалистам выдается диплом о высшем специальном образовании, позволяющий им занимать должности, например, 4-го, 3-го, 2-го помощника капитана или 4-го, 3-го, 2-го механика (с учетом служебного роста).

Третий уровень – профессиональное высшее образование с итоговой аттестацией на выдачу диплома специалиста с высшим образованием, также к этому относится и послевузовское образование (ФПК). Процесс обучения не заканчивается получением диплома, так как последовательность профессионального роста от 4-го механика до старшего механика, от помощника до капитана, подкрепляется проверками знаний, аттестациями и курсами повышения квалификации, является безусловным продолжением углубления и расширения специальных знаний и навыков. Послевузовское образование предусматривает процесс обучения для дипломированных специалистов по направлению производств. Этот этап обучения реализует третий уровень системы непрерывного профессионального образования, в соответствии с которым осуществляется подготовка и переподготовка специалистов высшей квалификации для производственной деятельности.⁸

Предлагаемая непрерывная система образования благодаря своей гибкости, позволяет быстро реагировать на спрос рынка труда, меняя по необходимости траекторию подготовки специалистов различных квалификационных уровней.⁹

Таким образом, внедрение непрерывного образовательного процесса в практику позволяет, во-первых, обеспечить преемственность образовательных учебных программ, повысить качество профессионального образования и учебно-воспитательного процесса, во-вторых, реализовать потребности предприятий в обновлении и пополнении своего кадрового состава за счет адресной подготовки специалистов, знакомых с производственной спецификой предприятия.

⁸ Килин В.А. Особенности практической подготовки в системе непрерывного многоуровневого образования // Проблемы реализации непрерывной многоуровневой системы высшего морского образования : материалы науч.-метод. конф. / Дальневосточная государственная морская академия им. адм. Г. И. Невельского, 1997. С. 154.

⁹ Алексеев В.И. Непрерывное образование в Морском государственном ун-те // Обеспечение качества профессионального образования в условиях реформы высшей школы : материалы XXIX науч.-метод. конф. / Морской государственный ун-т им. адм. Г. И. Невельского. Владивосток. 2005. 127 с. С. 31–34.

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО

ПОНЯТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЕГО НАУЧНЫЕ ТРАКТОВКИ

А.В. Ткаченко

Ткаченко Анна Викторовна – аспирантка кафедры социальной работы и социологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Автор рассматривает понятие человеческого капитала, модели его состава и структуры. Излагаются позиции различных авторов, касающихся трактовок этой категории.

The author of the article has investigated concept of the human capital, the model of its content and structure. Besides, the opinion of other researchers about various definitions of the human capital theory is also observed in the article.

Стало общим мнением, что эффективность развития экономики современных государств в огромной степени зависит от того, сколько средств оно вкладывает в своих людей. Без этого невозможно обеспечить его поступательное развитие. Идея человеческого капитала имеет давние корни в истории экономической мысли. Однако как самостоятельный раздел теории человеческого капитала оформилась только на рубеже 50–60-х годов XX в. Заслуга ее выдвижения принадлежит известному американскому экономисту, лауреату Нобелевской премии Теодору Шульцу, а базовая теоретическая модель была разработана в книге Гарри Беккера (также лауреата Нобелевской премии) «Человеческий капитал» (первое издание 1964 г.). Эта книга стала основой для всех исследований в данной области и была признана классикой современной экономической науки.

Под человеческим капиталом понимается воплощенный в человеке запас способностей, знаний, навыков и мотиваций. Его формирование, подобно накоплению физического или финансового капитала, требует отвлечения средств от текущего потребления ради получения дополнительных доходов в будущем. К важнейшим видам человеческих инвестиций относят образование, подготовку на производстве, миграцию, информационный поиск, рождение и воспитание детей.

Понятие «человеческий капитал» – это социальная категория, которую объясняют исследования экономической социологии. По мнению теоретика человеческого капитала Л. Трору, концепция человеческого капитала играет центральную роль в современном экономическом анализе, а также и в социологии.¹

Сторонники данного концептуального направления понимают под человеческим капиталом, с одной стороны, совокупность производственных способностей современного работника, а с другой – издержки государства, предприятия и самого человека на формирование и постоянное совершенствование этих способностей.

В российской экономической энциклопедии человеческий капитал определяется как «особый вид капиталовложений, совокупность затрат на развитие воспроизводственного потенциала человека, повышение качества и улучшение функционирования рабочей силы. В состав объектов человеческого капитала обычно включают знания общеобразовательного и специального характера, навыки, накопленный опыт».²

«Человеческий капитал» – как определяют его большинство западных экономистов – состоит из приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены человеческие существа и которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях производства товаров и услуг».³

«Он есть форма капитала, потому что является источником будущих заработков, или будущих удовлетворений, или того и другого вместе. Он человеческий, потому что является составной частью человека».⁴

Человеческий капитал, по С.С. Хьюбнеру, может иметь такое же научное толкование, какое имеет обычный капитал. Его операционное определение может быть получено «капитализацией стоимости человеческой жизни с помощью облигаций, придав им пожизненную ренту (для данной рабочей силы) и обращаемость (как ис-

¹ Щетинин В.П. Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 12. С. 42.

² Экономическая энциклопедия. М., 1999. С. 275.

³ Капелюшников Р.И. Современные западные концепции формирования рабочей силы. М.: Наука, 1981. С. 16.

⁴ Там же.

точнику кредита), рассматривая их по принципу обеспечения и используя метод амортизационных фондов для обеспечения реализации рассматриваемого объекта, если только человек имеет перспективу будущей деловой активности, а его семья – обязательства перекрыть существующий риск неопределенности длительности человеческой жизни».⁵

Сторонники теории человеческого капитала разработали количественные методы анализа эффективности вложений в образование, медицинское обслуживание, подготовку на производстве, миграцию, рождение и уход за детьми и их денежной отдачи для общества и семьи. Главное внимание в этом анализе уделяется производимым способностям человека и дифференциации доходов, вызываемой различными уровнями инвестиций в их производство.

Для более полной и развернутой характеристики человеческого капитала используют функциональный подход. Принцип функциональности характеризует явление не только с точки зрения его внутренней структуры, но и конечного целевого использования. Поэтому человеческий капитал – это не просто совокупность навыков, знаний, способностей, которыми обладает человек. Во-первых, это накопленный запас навыков, знаний, способностей. Во-вторых, это такой запас навыков, знаний, способностей, который целесообразно используется человеком в той или иной сфере общественного воспроизводства и способствует росту производительности труда и производства. В-третьих, целесообразное использование данного запаса в виде высокопроизводительной деятельности закономерно приводит к росту зарплаток (доходов) работника. И, в-четвертых, увеличение доходов стимулирует, заинтересовывает человека путем вложений, которые могут касаться здоровья, образования и др., увеличить, накопить новый запас навыков, знаний и мотиваций, чтобы в дальнейшем его вновь эффективно применить.

К специфическим особенностям человеческого капитала в современных условиях относятся следующее:

- он является главной ценностью общества и главным фактором экономического роста;
- его формирование требует от самого человека и всего общества значительных затрат;
- существуя в виде навыков и способностей,

он является определенным запасом, т. е. может быть накапливаемым;

- человеческий капитал может физически изнашиваться, экономически изменять свою стоимость и амортизироваться;

- он отличается от физического капитала по степени ликвидности;

- человеческий капитал неотделим от его носителя – живой человеческой личности;

- независимо от источников формирования, которые могут быть государственными, семейными, частными и др., его использование и получение прямых доходов контролируется самим человеком.

В экономической и социологической литературе существует несколько подходов к классификации видов человеческого капитала. Виды человеческого капитала можно классифицировать по элементам затрат, инвестиций в человеческий капитал. Например, выделяют следующие его составляющие: капитал образования, капитал здоровья и капитал культуры.

По типу характера содействия социальному благосостоянию общества различают потребительский и производительный человеческий капитал. Потребительский капитал создает поток услуг, потребляемых непосредственно, и таким образом содействует общественной полезности. Это может быть творческая и образовательная деятельность. Результат такой деятельности выражается в предоставлении потребителю таких потребительских услуг, которые приводят к появлению новых способов удовлетворения потребностей или повышению эффективности уже существующих. Производительный капитал создает поток услуг, потребление которых содействует общественной полезности. В этом случае имеется в виду научная и образовательная деятельность, имеющая непосредственное практическое применение именно в производстве (создание средств производства, технологий, производственных услуг и продуктов).⁶

Человеческий капитал формируется путем инвестиций в человека в виде затрат на образование и подготовку рабочей силы на производстве, на охрану здоровья, миграцию и поиск информации о ценах рабочей силы и доходах.

Одно из важных положений теории человеческого капитала заключается в том, что его увеличение находится среди главных причин социального и экономического развития, потому что

⁵ Huebner S.S. «The Human Value in Business Compared with the Property Value» Proc. Thirty-fifth Ann. Convention Nat. Assoc. Life Underwriters (July, 1914). P. 18–19.

⁶ Дейнтри Даффи. Человеческий капитал. <http://www.osp.ru/cio/2000/06/023.htm>

человеческий капитал составляет большую часть благосостояния общества.

Следующая модель (рис. 1) позволяет представить состав человеческого капитала, выделить главные его части, чтобы затем исследовать эту категорию более детально.

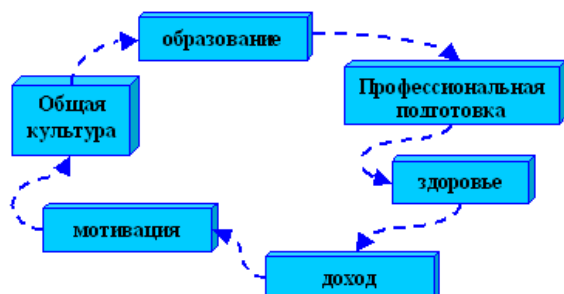

Рис. 1. Модель состава человеческого капитала

В процессе формирования личности как носителя человеческого капитала участвуют все социальные институты общества в зависимости от стадий развития человека и их функциональной значимости и роли. Причем в каждую новую стадию человек входит как сырой материал, а выходит из нее в виде готового продукта с нужными положительными качествами (капиталом), потенциально готовым осуществлять экономическую, социальную, духовно-нравственную деятельность.

Модель структуры человеческого капитала (рис. 2) представляет собой описание каждого из элементов рассматриваемой категории и взаимосвязь между ними.

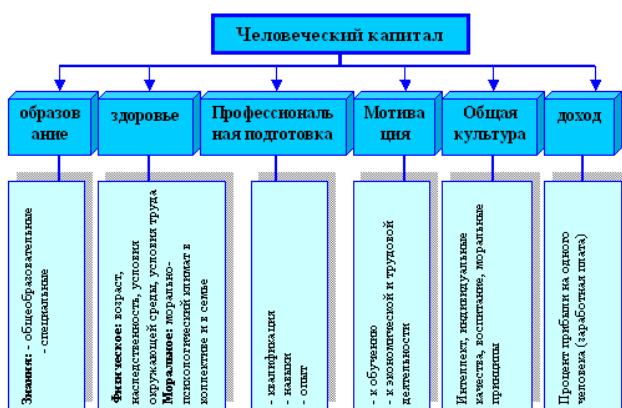

Рис. 2. Модель структуры человеческого капитала

Образование включает в себя все те знания, которые человек получает на протяжении своей жизни, т. е. общеобразовательные (школьное образование и общеобразовательные дисциплины в высших учебных заведениях) и специальные

знания (специальные предметы, нацеленные на получение знаний в конкретной области).

Работоспособность человека в любой сфере занятости на любой должности в значительной степени зависит от его здоровья. Элемент «здоровье» можно разделить на такие две составляющие, как моральное здоровье и физическое здоровье. Физическое – это все то, что человек получает при рождении и приобретает потом, влияющее на его физиологию, а именно наследственность, возраст, условия окружающей среды и условия труда. Моральное и социальное здоровье обеспечивается морально-психологическим климатом в семье и в коллективе.

Профессиональная подготовка включает в себя квалификацию, навыки и опыт работы.

Мотивация может быть как к обучению, так и к экономической и трудовой деятельности.

Под доходом подразумевается определенный процент прибыли на одного человека или с одного человека, т. е. результат использования человеческого капитала.

Общая культура включает в себя все те индивидуальности, которыми отличается один человек от другого, а в частности это интеллект, творческие способности, воспитание, которое формирует определенные моральные принципы, а также все те человеческие качества, которые могут повлиять на деятельность предприятия: ответственность, коммуникативность, креативность.

Все элементы человеческого капитала связаны между собой, например, повышая свое образование, человек увеличивает и капитал, и здоровье, и процент своего дохода, и повышает общую культуру. Знания и навыки, которыми обладает работник и которые приобретены им благодаря образованию и профессиональной подготовке, включая сноровку, получаемую с опытом работы, составляют определенный запас капитала. Денежная ценность этого запаса капитала определяется ставками заработной платы, по которым человеческий капитал могут «арендовать» работодатели на рынке труда. Поиск работы и миграция увеличивают ценность человеческого капитала конкретных людей благодаря увеличению цены (ставок заработной платы, получаемой в единицу времени за использование знаний и навыков работника).⁷

В экономике объем капитала учитывается через инвестиции, поэтому инвестиции в человеческий капитал служат основой оценки челове-

⁷ Корицкий А.В. Введение в теорию человеческого капитала : учеб. пособие. Новосибирск : СибУПК, 2000. 112 с.

ческого капитала и операций с его движением. В литературе состав и величины инвестиций в человеческий капитал оцениваются по-разному.

Так, А.И. Добрынин и С.А. Дятлов отмечают, что «из множества инвестиций в человеческий капитал наиболее важным являются вложения в здоровье и образование. Охрана здоровья, снижение заболеваемости, смертности продлевают жизнь человека, а, следовательно, время функционирования человеческого капитала. В течение жизни человека происходит естественный износ человеческого капитала. Инвестиции, связанные с охраной здоровья, способствуют замедлению этого процесса. Общее и специальное образование, подготовка на производстве повышают уровень и запас знаний человека, тем самым увеличивают объем и качество человеческого капитала». Признание важнейшей роли инвестиций в образование и здравоохранение встречается в большинстве работ западных ученых. Вместе с тем не менее важны инвестиции в формирование творческих и предпринимательских способностей, которые не всегда связаны только с накоплением объема знаний или сохранением здоровья.⁸

Таким образом, человеческий капитал является главной ценностью современного общества, а также основополагающим фактором социального и экономического роста как страны в целом, так и отдельно взятого предприятия. И чтобы увеличить человеческий капитал, необходимо обращать внимание на каждую его составляющую.

Однако теорию человеческого капитала вряд ли можно считать общепринятой. Еще в 1960–1970-е годы она вызвала резкую критику с позиций марксистской теории постоянного и переменного капитала, и это отношение в какой-то мере сохраняется до сих пор. Не случайно Р. Капелюшников в статье «Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению» отмечал: «Теоретические новации Беккера далеко не всегда ожидали благожелательный прием. Идея человеческого капитала, кажущаяся столь очевидной, была встречена в штыки педагогической общественностью, усмотревшей в ней умаление культурной ценности образования и низведение человека до уровня машины».⁹

На уязвимость понятия «человеческий капитал» обращал внимание и Т. Шульц: «Сама

мысль о капиталовложениях в человеческие существа кажется недопустимой для некоторых из нас. Наши ценности и вера не позволяют нам смотреть на людей как на капитальные товары, за исключением рабства, а оно ужасает нас... Таким образом, рассматривать людей как богатство, которое может быть увеличено путем инвестиций, – значит вступать в противоречие с глубоко укоренившимися ценностями. Представляется, что это снова низводит человека до простого материального компонента, человек превращается в нечто, напоминающее собственность».¹⁰

Эти и некоторые другие аспекты теории человеческого капитала по-прежнему подвергаются критике со стороны специалистов в области экономики и педагогики. Может быть, все дело в нашем восприятии не очень удачного термина «человеческий капитал»? И в этом тоже. Но главное в другом, более существенном: в превалировании технократического подхода к характеристике элементов человеческого капитала и недооценке его социально-экономического содержания.

Недостаточная глубина раскрытия сущностных качеств человеческого капитала заложена в принадлежности этой концепции к неоклассическому направлению современной экономической науки. А для нее характерны позитивизм, сводящий задачи науки к описанию явлений, как они обнаруживаются на поверхности, внеисторизм и асоциальность.¹¹

Современный этап развития теории человеческого капитала не ограничивается исследованиями экономистов. Теоретические подходы к анализу поведения человека, используемые в концепции человеческого капитала, применяются в разработке проблем предложения мужского и женского труда, экономических мотивов семейного поведения (планирования семьи и внутрисемейного производства), спроса на труд в долгосрочном периоде, уровней и дифференциации оплаты труда по квалификационным уровням и регионам, расовой и половой дискриминации при оплате труда, уровней занятости и безработицы, структуры рынка труда и роли профсоюзов и государства в его регулировании.

Важнейшей закономерностью, определяющей современное развитие мировой экономики,

⁸ Добрынин А.И., Дятлов С.А. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб.: Наука, 1999. 309 с.

⁹ США: Экономика, политика, идеология. 1993. № 11. С. 18.

¹⁰ Цит. по: Вуз и рынок. Кн. 1. Коммерческая деятельность в системе высшей школы России. М., 1992. С. 304.

¹¹ Щетинин В.П. Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 12. С. 45.

является возрастание роли человеческого фактора. Человек, обладающий запасом знаний, умений и навыков общего и профессионального характера становится ведущим фактором развития и стабильности экономики. Акценты развития смещаются от производства физического капитала к производству и накоплению человеческого капитала.

По ряду показателей развития человеческого капитала – грамотности взрослого населения, средней продолжительности и качеству обучения, развитию бесплатной медицинской помощи – Россия до недавнего времени находилась в числе стран с высоким их уровнем. Однако незавершенность реформ, особенно в социальной сфере, отсутствие последовательной долгосрочной социально-экономической стратегии и эффективной социальной политики привели к тому, что основные показатели развития человеческого капитала ныне значительно ухудшились. Дальнейший ход российских реформ во многом зависит от преодоления этих негативных тенденций и создания условий для успешного развития человеческого капитала. В этом залог экономического роста страны и социального благосостояния населения.

МАРГИНАЛЬНОСТЬ И ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

О.В. Стремиллова

Стремиллова Ольга Владимировна – преподаватель кафедры социальной работы и социологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В статье представлен обзор теоретико-методологических подходов к исследованию маргинальности. Утверждается, что маргинальность – чрезвычайно многообразное, неоднозначное и сложное социальное явление, имеющее множество форм проявления. В заключение автор делает вывод о том, что в настоящее время можно вести речь о трех основных концепциях маргинальности.

In this article the synopsis of theoretical and methodical approaches for the analysis of marginality is given, as well as determination of marginality is given. Marginality is extremely multiform, ambiguous and complex public phenomenon, which has an ensemble of the manifestation forms.

История возникновения и функционирования термина «маргинальность» чрезвычайно важна для его понимания. Она сравнительно коротка, но предельно насыщена интеллектуальными разнонаправленными поисками и оригинальными находками.

В зарубежной и отечественной практике анализа маргинальных явлений среди специалистов не сложилось единого общепринятого представления об этом феномене. Нет универсального определения понятия «маргинальность». Социологи, историки, политологи, философы по-разному понимают сущность, содержание и значение маргинальных явлений в социальной жизни.

Попытаемся рассмотреть существующие в социологии подходы к определению природы маргинальных явлений, а также сделать некоторые обобщения.

Впервые в социологию понятие «маргинальный человек» ввел американский социолог Роберт Эзра Парк, опубликовав в 1928 г. в американском социологическом журнале статью под названием «Человеческая миграция и маргинальный человек» («Human Migration and the Marginal Man»). Он первый обратил столь пристальное внимание на явление маргинальности, маргинального человека и, в частности на их связь с миграционными процессами.

Р. Парк употреблял это понятие для обозначения проблем социокультурной адаптации мигрантов, оказавшихся в новом, непривычном для себя социальном и этнокультурном пространстве. Маргиналы в данном понимании – люди, не способные интегрироваться в референтное общество вследствие того, что они находятся на грани двух различных культур, не принадлежа полностью ни к одной из них. Главное, что определяет природу маргинального человека, по мнению Р. Парка, – это чувство моральной дихото-

мии, раздвоения и конфликта, когда старые привычки отброшены, а новые еще не сформированы.¹

Р. Парк приходит к выводу о том, что маргинальная личность воплощает в себе такой тип культурных взаимоотношений, складывающихся на новом уровне цивилизации в результате глобальных этносоциальных процессов. «Маргинальный человек – тип личности, который появляется в то время и том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества, народы, культуры. Судьба обрекает этих людей на существование в двух мирах одновременно; вынуждает их принять в отношении обоих миров роль космополита и чужака».²

Следовательно, для Р. Парка интересны в первую очередь процессы цивилизации, проблемы урбанистики. Маргинальность для Р. Парка – характерная черта определенного этапа развития общества – имеет значение в основном для понимания сложных социальных явлений в целом.

Концепция Р. Парка была развита его учеником Э. Стоунквистом. Основные свои идеи он изложил в своем монографическом исследовании «Маргинальный человек» (1937)³, где предложил рассмотреть проблему маргинального человека через призму культурного конфликта. Рассматривая проблемы неприспособляемости и приспособляемости маргинальной личности, Стоунквист видит ее как личность «между двух огней» в контактах культур, где две культуры переплетаются и где осваивающая пространство

¹ Баньковская С.П. Парк Роберт Эзра // Современная западная социология : Словарь. М., 1990. С. 256.

² Там же. С. 11.

³ Стоунквист Э. Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта // Современная зарубежная этнография : реферативный сб. М. : ИС РАН, 1979. С. 90–112.

культура комбинирует, объединяет особенности обеих культур. В своих исследованиях он сосредотачивается на выяснении психологических аспектов маргинальности. Проблемы маргинальных личностей возникают лишь после осознания членами подчиненной группы своего неравноправного положения. Это осознание порождает психологическую неустойчивость, раздвоенность и может выплеснуться в суициде или аномии. Э. Стоунквист применяет следующие психологические характеристики, отражающие степень остроты культурного конфликта:

- дезорганизованность, ошеломленность, неспособность определить источник конфликта;
- ощущение «неприступной стены», непригодности, неудачливости;
- разочарованность, отчаяние;
- разрушение «жизненной организации», психическая дезорганизация, бессмысленность существования;
- эгоцентричность, честолюбие и агрессивность.⁴

При определенных обстоятельствах такие люди могут быть лидерами социально-политических, националистических по своему характеру движений или же влачить жалкое существование вечных изгоев.

Делая акцент на этнопсихологических моментах, Э. Стоунквист рассматривает жизненный путь маргинального человека. Это серьезный шаг вперед по сравнению с Р. Парком, который мало касался вопросов индивидуального развития маргинальной личности.

Он выделяет три фазы эволюции «маргинального человека»:

1) индивид не осознает, что его собственная жизнь охвачена культурным конфликтом, он лишь «впитывает» господствующую культуру;

2) конфликт переживается осознанно – именно на этой стадии индивид становится «маргиналом»;

3) успешные и безуспешные поиски приспособления к ситуации конфликта.⁵

Первая фаза соответствует периоду так называемого защищенного детства, когда индивид еще не испытывает никаких внутренних конфликтов, еще не осознает в должной мере своей этнокультурной или расовой идентичности.

⁴ Феофанов К.А. Социальная маргинальность: характеристика основных концепций и подходов в современной социологии // Общественные науки за рубежом (РЖ). 1992. № 2. С. 70. (Серия 11. «Социология»).

⁵ Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict. New York: Russel & Russel, 1961. P. 92–93.

На *второй стадии*, когда расширяются социальные контакты и сопутствующие им конфликты юности, могут возникнуть кризисные ситуации с конфликтом культурных ценностей и норм. Социальная адаптация требует от такого человека мучительных поисков своего места в обществе.

На *третьей стадии* возможны несколько защитных реакций. Человек может успешно приспособиться и обрести внутренний покой, тем самым, выйдя за рамки маргинальности, перестав быть маргиналом, это, во-первых. Во-вторых, он может оставаться частично приспособленным, но все же маргинальным человеком. И, наконец, в-третьих, трудности приспособления могут оказаться, настолько велики в сравнении с возможностями и способностями данного индивидуума, что он окажется не в состоянии приспособиться к сложившейся ситуации и постепенно дезорганизуется.

Таким образом, следует сделать вывод, что если Р. Парк рассматривал маргинальную личность как человека на рубеже двух культур и двух обществ, который никогда не будет принят в новое сообщество, оставаясь в нем личностью с расщепленным сознанием и психикой, то Э. Стоунквист полагал, что процесс адаптации может привести к формированию личности с новыми свойствами.

В дальнейшем концепция маргинальности особенно активно разрабатывалась в американской социологии. Американская традиция акцентирует внимание на культурном конфликте при переходе из одной социальной общности к другой как источнике формирования маргинального типа личности. Работки Р. Парка и Э. Стоунквиста, обозначивших направление исследования «культурной маргинальности», продолжили такие исследователи, как А. Антоновски, Г. Дики-Кларк, Дж. Ленски и другие, сосредотачивающие свое внимание на психосоциальном влиянии на личность двусмысленности статуса и роли, которые возникают при столкновении культур.⁶ Данный взгляд на маргинальность нашел свое отражение в статусно-ролевой концепции маргинальности.

Одним из первых статусно-ролевой подход к проблеме маргинальности применил американский социолог Дж. Ленски. Несоответствие друг другу статусов, которыми обладает человек, автор рассматривал как важнейший признак маргинальности.

⁶ Попова И.П. Маргинальность. Социологический анализ : учеб. пособие. М. : Союз, 1996. С. 10–11.

Германский социолог Т. Баргацки, опираясь на работы Дж. Ленски и Г. Дики-Кларка, а также на положение К.-Д. Оппа о том, что личности приписывают тем большее несоответствие статусу, чем больше отклоняются черты личности от ожиданий, имеющих у партнера по взаимодействию, приходит к выводу о необходимости принципа ролевой двусмысленности. Маргинальность, по его мнению, возникает тогда, когда поведение личности определяется принадлежностью, как минимум, к двум различным социальным ролям.⁷

В свою очередь, Р. Мертон определял маргинальность как специфический случай теории референтной группы. Маргинальность, по его мнению, появляется в том случае, когда индивидум через предварительную социализацию готовится к членству в позитивной референтной группе, которая не склонна его принять. Подобное состояние подразумевает двойную идентификацию, незавершенную социализацию и отсутствие социальной принадлежности.⁸

Г. Дики-Кларк считал, что понимание маргинальности только как продукта культурного конфликта является упрощением, так как «подчиненные группы» часто усваивают культурные стандарты «доминирующих групп». Автор следующим образом формулирует свое понимание маргинальной ситуации: группы или индивиды занимают определенные позиции в обществе, т. е. они включены в систему социальных отношений, с одной стороны, а с другой – принадлежат к определенной культурной страте. Можно сказать, что он углубляет понимание структуры маргинального конфликта.⁹

Важным теоретическим шагом в разработке проблем маргинальности можно считать определение маргинального статуса. Так, американский психолог Т. Шибутани, в его понимании маргинальности является доминирование социальных изменений, трансформации социальной структуры, приводящие к временному разрушению согласия. В результате человек оказывается перед лицом нескольких эталонных групп с различными, часто противоречащими друг другу требова-

ниями, которые одновременно удовлетворить невозможно. В этом отличие от ситуации в стабильном обществе, когда эталонные группы в жизни личности подкрепляют друг друга. Это и является источником маргинальности.

Он отмечает, что маргинальный статус – это позиция, где воплотились противоречия структуры общества.¹⁰ Такой подход позволяет отойти от традиционно принятого со времен Р. Парка акцентирования на социально-психологических характеристиках маргинальной личности, выдвигая на первый план маргинальность «по определению». Маргинальные группы формируют свое собственное сообщество и следуют его ценностям. В то же время маргинальный статус потенциально является источником невротических симптомов, тяжелых депрессий. В самых тяжелых случаях они могут завершиться карательными мерами по отношению к самим себе.

Таким образом, статусно-ролевая концепция маргинальности фиксирует феномен разбалансированности, напряженности социальных статусов человека, и поэтому она не ограничивает маргинальность той или иной социальной группой или общностью. Согласно данной концепции любой человек при определенных условиях и обстоятельствах может стать маргинальной личностью.

В европейской традиции в исследовании проблемы маргинальности и маргиналов преобладают два основных подхода, которые можно условно обозначить как «англо-немецкий» и «французский». Немецкая и английская традиции занимают сходные между собой позиции в восприятии маргинальности. Она понимается как отрицательный вариант результатов процесса структурной деформации и трансформации общества, и связанной с этим социализацией человека в нем (В. Хинрикс, К. Рабан)¹¹. Для них маргиналы, прежде всего – деклассированные элементы общества, социальное «дно», или эмигранты – выходцы из стран «третьего» мира. Они рассматривают маргинальность с позиций адаптации ее субъектов в социуме.

Специфика французских исследований маргинальности связана с политическими событиями мая 1968 г. Появляется новый тип маргинала, созданного этой политической атмосферой – «близкого к природе, с цветком в руках или на

⁷ Ермилова А.В. Лица без определенного места жительства как маргинальная группа современного российского общества : дисс. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2003. С. 18.

⁸ Mancini V.J. No owner of soil: The concept of marginality revisited on its sixtieth birthday // Intern. Rev. of mod. Sociology. New Delhi, 1988. Vol. 18. № 2. P. 188.

⁹ Попова И.П. Маргинальность. Социологический анализ : учеб. пособие. М. : Союз, 1996. С. 12.

¹⁰ Шибутани Т. Социальная психология / общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1969. С. 475.

¹¹ Балабанова Е.С., Бурлуцкая М.Г. Маргинальность в современной России : коллективная монография. М. : МОНФ, 2000. С. 8–10.

ружье». ¹² В нем воплотились маргинальные формы протеста, добровольного ухода от традиционного общества, своеобразные защитные реакции преимущественно молодежных субкультур в условиях кризиса и массовой безработицы (автономистское движение, альтернативное движение, неохиппи, возвращение в деревню). Среди традиционных маргинальных групп появляются так называемые интеллигенты-маргиналы. На первый план выходит проблема маргинализованного политического сознания.

Этот «романтический» период маргинальности наложил своеобразный отпечаток на ее понимание во Франции. Утвердила себя и точка зрения на маргинальность как на результат конфликта с общепринятыми нормами и «продукт распада общества, пораженного кризисом». ¹³ Основой данного типа маргинальности является отрицание. Добровольный уход маргиналов за рамки господствующих общественных отношений, обычаев, сложившейся политической ситуации, означает стремление стать вне общества, оказаться в некоей тотальной оппозиции. В этом смысле маргинализм продолжает и развивает идеологию левых движений во Франции.

В немецкой научно-исследовательской литературе характерен подход к маргинальности в области социальной структуры как в общественной позиции, характеризуемой высокой социальной дистанцией по отношению к доминантной культуре «основного общества». Эта позиция находится в основном на низшей ступеньке иерархической структуры (в этом смысле «на краю») общества, а социальная категория людей, которые находятся в маргинальном положении, здесь обозначаются как окраинная группа (а также «маргинальная», «проблемная группа», «социально презируемые слои», деклассированные; в обыденной речи – «осадки», «дно», «отбросы», «прокаженные», «асоциальные»). К социальным окраинным (маргинальным) группам причислены различные гетерогенные группы, например, цыгане, иностранные рабочие, гомосексуалисты, проститутки, алкоголики, наркоманы, бродяги, молодежные субкультуры, нищие, преступники и освобожденные уголовники. ¹⁴

¹² Фарж А. Маргиналы // 50/50. Опыт словаря нового мышления / под. общ. ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. М.: Политиздат, 1989. С. 145.

¹³ Там же. С. 146.

¹⁴ Медведева С.В., Хинрикс В. Маргинальные социальные группы на восточноевропейском рынке труда // Общественные науки за рубежом. М., 1992. С. 77–79. (Серия 11. «Социология»)

В последнее время в связи с воссоединением Восточной и Западной Германии исследователи обратились к новым маргинальным группам, появившимся на рынке труда в результате этого сложного политического процесса. Описываются такие отличительные черты поведения и установок, как, например, бедность контактов, разочарованность, пессимизм, апатия, агрессия, отклоняющееся поведение и т.д.

В то же время здесь, как правило, речь идет не о теоретических, а об очевидных критериях отнесения. Для определения маргинальности предлагаются различные теоретически обоснованные критерии измерения, например, низкий уровень признания общеобязательных ценностей и норм и участия в их осуществлении в социальной жизни; относительная депривация, недостаточная организационная и конфликтная способность, как определяющие черты окраинного положения.

Таким образом, особенности современного процесса маргинализации в странах Западной Европы связывается, прежде всего, с глубокой структурной перестройкой системы производства в постиндустриальных обществах, определяемой как последствия научно-технической революции.

В работах российских исследователей систематическое изучение маргинальности как социального феномена началось в конце 80–90-х годов XX в. Это связано с изменениями социальной реальности, а также с кризисными явлениями, требующими исследовательской активности.

В советской социологической литературе проблема маргинальности изучалась недостаточно главным образом в связи с проблемами адаптации, социализации, эталонной группы, статуса, роли. ¹⁵

Пожалуй, раньше других отечественных ученых к теме маргинального человека обратился С.Н. Артановский. Делая обзор и оценку работ американских социологов 30–60-х годов, изучавших проблему маргинального человека, он писал: «Понятие «маргинальной», «промежуточной» личности (Marginal Man), широко используемое сегодня в американской социологической литературе, не ново. И раньше было известно, что личность может в различные исторические эпохи занимать промежуточное положение, например, между поколениями, между социальными классами; она может находиться на грани

¹⁵ Социология: словарь-справочник / отв. ред. Г.В. Осипов. Т. 3. М., 1991. С. 94–95.

различных национальных культур или идеологических систем. В таких случаях в социологии применяется понятие «промежуточной» личности». ¹⁶

В 1989 г. в совместной советско-французской работе «50/50. Опыт словаря нового мышления» Е. Рашковский находит тот ракурс проблемы маргинальности, который больше всего волновал советское общество в первые годы перестройки. Очень образно выглядит его замечание о созвучии термина «маргинальный» с санскритской категорией «марга», означающей свободно отыскиваемый человеком духовный путь. Исходя из того, что «маргинальный статус стал в современном мире не столько исключительным, сколько нормой существования миллионов и миллионов людей» ¹⁷, концепция маргинальности становится ключом к поиску парадигмы плюралистичного, толерантного общежития. Таким образом, подчеркивается политический аспект проблемы, имеющий «принципиальное значение для судеб современной демократии». ¹⁸

Сегодня в исследовательской российской литературе можно найти попытки рассмотрения всех обозначенных выше типов маргинальности. Среди них отмечаются два основных подхода.

Первый подход основывается на том, что маргинальность является культурным феноменом. Характеризуя сам феномен культурной маргинальности, В.Н. Шапинский акцентирует внимание на «включенности субъекта (индивида, группы, сообщества и т. д.) в социальную структуру общества, в политические институты, экономические механизмы и «нахождение его в то же время, в пограничном, пороговом состоянии по отношению к культурным ценностям данного социума». ¹⁹ Он отмечает, что проблема маргинальности не должна быть сведена к проблеме существования индивида или группы на границе двух или более социальных структур данного социума и локализации феномена маргинальности в рамках определенных групп, субкультур, так как это обедняет сущность понятия маргинальности, делая его характеристикой девиантного поведения, а объектом анализа маргиналь-

ности – определенные социальные группы. Именно культурологический подход снимает эту проблему, рассматривая маргинальность как особый тип отношений, «что и обуславливает подвижность категорий, которая поэтому не может быть «фиксированным» качеством той или иной группы». ²⁰

Российский социолог Н.О. Навджавонов рассматривает маргинальность как проблему личности в контексте социальных изменений. Маргинальная личность – теоретическая конструкция, отражающая процесс плюрализации типов личности в процессе усложнения общественной структуры, усиления социальной мобильности, призванная помочь изучению современного человека. Автор понимает под маргинальной личностью следующее:

- интериоризация индивидом ценностей и норм разных социальных групп, социокультурных систем (нормативно-ценностный плюрализм);

- поведение индивида в данной социальной группе, социокультурной системе на основе норм и ценностей других социальных групп, социальных систем;

- невозможность социальной самоидентификации индивидов;

- определенные отношения «индивид – социальная группа» («социокультурная система») (т. е. исключение, частичная интеграция, амбивалентность индивида). ²¹

Многие работы, посвященные проблеме маргинальности, написаны Е. Стариковым. Так, в работе «Маргиналы» автор утверждает, что социальное понятие маргинальности служит для обозначения пограничности, периферийности по отношению к каким-либо социальным общностям (национальным, классовым, культурным). Маргинализация, по Е. Старикову, в ее типичной классической форме – это «во-первых, потеря объективной принадлежности к данной социальной общности без последующего вхождения в иную общность, а, во-вторых, последующая отсюда потеря субъективной идентификации себя с определенной группой, размывание норм и ценностей исходной субкультуры и без соответствующего приобщения к новой субкультуре». ²²

Главный признак маргинальности – разрыв социальных связей. Быть маргиналом, человеком

¹⁶ Артановский С.Н. Проблема «личности на рубеже культур» // Вопросы философии. 1967. № 7. С. 171.

¹⁷ Рашковский Е. Маргиналы // 50/50. Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. М. : Политиздат, 1989. С. 147.

¹⁸ Там же. С. 148.

¹⁹ Шапинский В.А. Проблема маргинальности в культуре // Ценности культуры и современная эпоха. М., 1990. С. 9.

²⁰ Там же. С. 10.

²¹ Навджавонов Н.О. Проблема маргинальной личности: постановка задачи и определение подходов // Социальная философия в конце XX века. М. : МГУ, 1991. С. 149.

²² Стариков Е.Н. Маргиналы // В человеческом измерении. М. : Прогресс, 1989. С. 180.

на перепутье, т.е. переходить из одного социального класса в другой, само по себе ни плохо, ни хорошо. Даже в обществах с жестко фиксированной «наследственной» социальной структурой всегда были социальные перемещения. Есть и так называемые «запланированные» маргиналы: например, студенты, а если брать шире – молодежь в целом как специфическая переходная группа. Поэтому совершенно не верно отождествлять понятия «маргинал» и «люмпен». Люмпенизация – это предельный случай маргинализации. Маргинализация является признаком социальной мобильности лишь до определенного уровня, перейдя который она уже означает нестабильность социальной структуры.

В работе «Маргиналы и маргинальность в советском обществе» Е. Стариков делает попытку формулирования основных причин маргинализации советского общества. Процесс маргинализации на современном этапе автор представляет как процесс деклассирования, идущий с верхнего «социально-психологического этажа». ²³ Если на Западе для разрушения профессионального этноса требуется очень длительный период, то в нашей стране в доперестроечный период тот же самый результат достигался расхлябанностью и дезорганизованностью правительства, уравниловкой и всякого рода соревнований.

В другой работе Е. Старикова, в которой главным критерием маргинальности в современном российском обществе определяется размытое, неопределенное состояние его социальной структуры. Автор приходит к выводу о том, что «ныне понятие «маргинализация» покрывает практически все наше общество, в том числе и его «элитные группы». ²⁴ Маргинальность в современной России, во-первых, вызвана массовой нисходящей социальной мобильностью и ведет к нарастанию социальной энтропии в обществе. Во-вторых, понятие маргинальности теряет свой дифференцирующий характер – «выделять маргиналов просто как структурный элемент противоположный «немаргиналам», уже не имеет смысла». ²⁵

Маргинализация становится главной характеристикой состояния современной социальной структуры российского общества, определяющей все остальные черты классогенеза в России. Рез-

кое изменение положения одних, «выпадение» других социальных элементов составляет, по сути, основу процесса маргинализации, являющейся «наиболее сложной политической проблемой, которую несет перестройка структуры хозяйства и переход к рынку». ²⁶

Особенности образования маргинальных позиций связываются с массовой десоциализацией и ресоциализацией, потерей прежней самоидентификации и неопределенностью социального статуса. Н. Лапин выделяет также промежуточную маргинальную позицию в ценностных ориентациях. ²⁷

Сложные социальные процессы, определяющие специфику маргинального статуса, усложняют состав затронутых маргинализацией групп. В их числе прежде всего называют категории беженцев, безработных, мигрантов, бомжей. Выделяют также частных предпринимателей, использующих наемный труд, субъектов малого бизнеса на индивидуальной и семейной основе, в том числе фермеров, членов трудовых товариществ.

Предпринимаются так же попытки рассмотреть маргинальность в качестве набора социально-психологических характеристик, развивающихся под влиянием безработицы как «фактор социального исключения, при котором утрата профессионального статуса влечет за собой ухудшение позиции индивида в его референтных группах». ²⁸

В рамках собственно социологического подхода проблема маргинальности затрагивалась и исследовалась чаще всего фрагментарно. Обобщая имеющиеся в литературе определения маргинальности, И.П. Попова дает структуру этого понятия, исходя из того, что это:

- 1) многозначное и многоуровневое понятие;
- 2) разработка концепции маргинальности предполагает опору на междисциплинарный подход; предлагает следующее понимание маргинальности, которое, по нашему мнению, является на сегодняшний день самым приемлемым.

Маргинальность – состояние групп и индивидов в ситуации, которая вынуждает их под влиянием внешних факторов, связанных с рез-

²³ Стариков Е.Н. Маргиналы и маргинальность в советском обществе // Рабочий класс и современный мир. – 1989. № 2. С. 145.

²⁴ Стариков Е.Н. Социальная структура переходного общества (опыт инвентаризации) // Полис. 1994. № 4. С. 88.

²⁵ Там же. С. 88.

²⁶ Беляева Л.А. Российское общество в преддверии рынка: тревоги, ожидания, надежды // Мир России. 1992. № 1. С. 46.

²⁷ Лапин Н.И. Тяжкие годы России // Мир России. 1992. № 1. С. 21.

²⁸ Поляков В.И. Проблема маргинализации в контексте безработицы. Социально-психологический аспект / Безработица в России. М.: РАУ, 1993. С. 47.

ким социально-экономическим и социокультурным переструктурированием общества в целом, изменять свое социальное положение и приводит к существенному изменению или к утрате прежнего социального статуса, социальных связей, социальной среды, а также системы ценностных ориентаций.²⁹

В рамках такой структурной модели маргинальность может пониматься как положение индивида между двумя группами, делающего его более или менее чужим для обеих групп. При этом личностные, социальные, культурные дистанции между членами групп не обязательно накладываются на географическую разобщенность. Маргинальный человек остается «чужим» даже при пространственной близости.

Таким образом, мы можем выделить следующие составляющие характеристики маргинальной ситуации:

- промежуточность, окраинность, пограничность положения индивида;
- погруженность индивида в процесс переходности, или в контекст смены социокультурных парадигм, которая характеризуется дезадаптацией;
- феномен психологической «двойной» адаптации, когда индивид оказывается «между двумя местами или сразу в двух местах».³⁰

Подводя итог взглядов на проблему, необходимо отметить, что в настоящее время сложи-

ших случаях: в случае неудачи при попытке отнесения к позитивной референтной группе; нахождение в роли, которая лежит между двумя рядом расположенными ролями; членство в группах, определяемых как маргинальные.

• *Социальная маргинальность* рассматривается с точки зрения структурной трансформации общества вследствие разного рода социально-экономических и политических процессов.

Таким образом, маргинальность представляет собой чрезвычайно многообразное, неоднозначное и сложное общественное явление, имеющее множество форм проявления, тесно и многозначно связанных как между собой, так и с другими социальными явлениями и процессами.

лись три концепции, описывающие основные значения термина «маргинальность». Это концепции этнокультурной, статусно-ролевой и социальной маргинальности.

• *Этнокультурная маргинальность* в ее классическом понимании относится к процессам кросс-культурных контактов и ассимиляции. В основе этого типа маргинальности – взаимоотношения систем ценностей двух культур, в которых участвует индивид, результатом которых становится двусмысленность, неопределенность статуса и роли.

• *Статусно-ролевая маргинальность* – маргинальность этого типа возникает в следую-

²⁹ Попова И.П. Маргинальность. Социологический анализ : учеб. пособие. М. : Союз, 1996. С. 31.

³⁰ Урманцев Ю.А. Природа адаптации (системная экспликация) // Вопросы философии. 1998. № 12.

РОЛЬ ЦЕННОСТЕЙ В АКТИВИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА АРМИИ

*О.Н. Марусенко
Б.В. Смирнов*

Марусенко Олег Николаевич – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Хабаровского пограничного института ФСБ России.

Смирнов Борис Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы и социологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В данной статье рассматриваются ценности военной службы, их роль в активизации человеческого фактора и пути формирования их у военнослужащих. Представлены результаты социологического исследования, проведенного авторами в войсковых частях Дальневосточного региона.

The article is devoted to the research of the military service values, their role in the activization of human factor and ways of its formation among military men. The authors present the results of social investigations, carried out in the military units of the Far Eastern Region.

Ценности как сложное образование социальной жизни, ее духовной сферы привлекали и привлекают серьезное внимание исследователей – специалистов по этике, философии, социологии, психологии и педагогике. Значительный вклад внесли в этот анализ и военные ученые: Б.Л. Валеев, В.И. Губенок, В.П. Кузнецов, А.С. Ниловидов, Г.Н. Миронов, Ю.В. Славинский, Ч.Д. Табунов, И.Г. Тимофеев и др.

В результате философско-этическая мысль за последние годы получила дальнейшее развитие и обогатилась новыми положениями и выводами, имеющими важное практическое значение. В период продолжающегося реформирования общества и армии, вопрос о широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики остается актуальным. Он требует, чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, позволяющие правильно ориентироваться в практической деятельности. Сегодня мы острее, чем когда-либо, воспринимаем силу ценностей, стремимся понять, постигнуть их настоящую истину. С другой стороны, столь же наглядно выступают многозначность и неопределенность этого понятия, что ведет к путанице, взаимному непониманию исследователей.

Большинство авторов характеризуют ценности через определенные свойства, такие как полезность, приятность, достоинство. В то же время, В.А. Василенко¹, В.А. Ребрин² выделяют та-

кое свойство, как значимость и социальная значимость. По сравнению с другими свойствами социальная значимость предмета может выступить самым общим элементом в определении понятия «ценность». Социально значимое – это то, что представляет большое значение для какой-либо социальной общности. Кроме того, социальная значимость характеризует общественный характер ценности, указывает на то, что ценность возможна только в человеческом обществе. Нравственная ценность является одной из ее разновидностей. Например, С.С. Соловьев³ относит нравственные ценности в группу военно-профессиональных ценностей, куда вошли основные суждения, с которыми в обществе связываются представления о военнослужащих и офицерском корпусе. К ним прежде всего относятся нравственные устои и стиль поведения, объединяемые понятиями «воинская честь» и «достоинство», «повышение ответственности за судьбу России и ее безопасность», «войсковое товарищество», «воинские ритуалы и традиции», «военная форма одежды». Сюда же попали такие специфические установки, как стремление соблюдать воинскую дисциплину, упорядочить и организовать свою жизнь, желание продолжать семейную династию. Основными доминантами ценностных ориентаций этой группы выступает «военная специализация» и «романтизм». С этой точки зрения представляется возможным использовать категорию социальной значимости в качестве одного из исходных положений в определении «моральная ценность».

¹ Василенко В.А. Ценность и оценка. М. : Мысль, 1973. С. 18.

² Ребрин В.А. Общественное благо и общественный долг. М. : Мысль, 1971, С. 54.

³ Соловьев С.С. Трансформация ценностей военной службы // СОЦИС. 1996. № 9.

Нравственные ценности универсальны, т. е. общеприменимы по своему характеру. Их природа не меняется со сменой исторических эпох, типов общественного строя, властных режимов. Добро везде остается добром, зло – злом, а честь – честью. Меняется только отношение к нравственным ценностям, мера их восприятия. Сегодня особенно важен решительный поворот к нравственным ценностям и нормам поведения в первую очередь политической и военной элиты, государственных служащих, сотрудников спецслужб. В этом залог укрепления их духа и российской государственности. В период трансформации общества происходит и трансформация ценностей военной службы. Так, проведенное авторами в 2006 г. социологическое исследование среди военнослужащих, проходящих службу в частях Дальневосточного региона, курсантов-выпускников Хабаровского пограничного института ФСБ России и абитуриентов, поступающих в данный институт (всего было опрошено 1227 человек), относительно ценностей военной службы показало, что сегодня все перечисленные категории на одно из первых мест, наряду с причастностью к защите Отчества, ставят ценности и материального порядка (рис. 1).

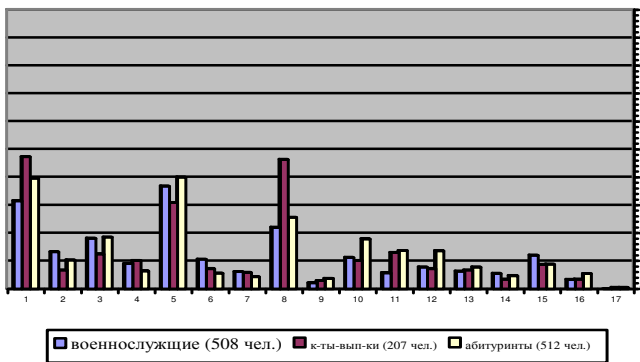

Рис. 1. Значимые ценности военной службы: 1 – интересная и престижная профессия; 2 – семейные традиции военной службы; 3 – принадлежность к группе, для которой важны воинская честь и достоинство; 4 – льготы и преимущество; 5 – причастность к защите Отчества, быть полезным обществу; 6 – возможность решить жилищные проблемы; 7 – увидеть жизнь в разных регионах страны; 8 – обеспечить необходимый материальный уровень жизни семьи; 9 – возможность командовать людьми; 10 – испытать себя в сложных условиях; 11 – достичь высоко социального статуса за счет военной карьеры; 12 – быть всегда в хорошей физической форме; 13 – воинские традиции; 14 – возможность избежать безработицы; 15 – организованный образ жизни; 16 – управлять системой вооружения и военной техникой; 17 – нет ответа

Как следует из рис. 1 все вышеперечисленные категории на одно из первых мест, наряду с

причастностью к защите Отчества, ставят ценности материального порядка, что характерно для современной армии.

Формирование и развитие ценностей происходит в рамках взаимодействия следующих элементов: морального сознания, нравственных отношений и моральной практики. По всей видимости на состояние военной службы непосредственное влияние оказывает наличие целого комплекса противоречий в различных областях жизни общества. Например, в социальной сфере противоречия между растущей социальной активностью масс и бюрократическим стилем деятельности в различных областях административного управления, сдерживающим развитие гласности, критики, плюрализма мнений, социальных позиций, взглядов, свободомыслия; между провозглашением и утверждением гуманистических основ в развитии общества и многочисленными нарушениями принципа социальной справедливости; между показным благополучием незначительной части общества и реальным уровнем благосостояния большей части трудящихся; между сложившимся упрощенным представлением о социально-классовой структуре общества и ее фактическим состоянием.

На современном этапе общество и государство требуют, с одной стороны, от армии высокой боеспособности в деле защиты Отчества, а с другой – крайне недостаточно решают материальные, бытовые и социальные вопросы военнослужащих, которые рождают недовольство конфликтные ситуации, связанные с прохождением службы.

В подтверждение этому можно привести результаты социологического опроса, проведенного авторами в 2006 г. среди военнослужащих, проходящих службу в частях Дальневосточного региона (всего опрошено 508 человек), представленные в рис. 2.

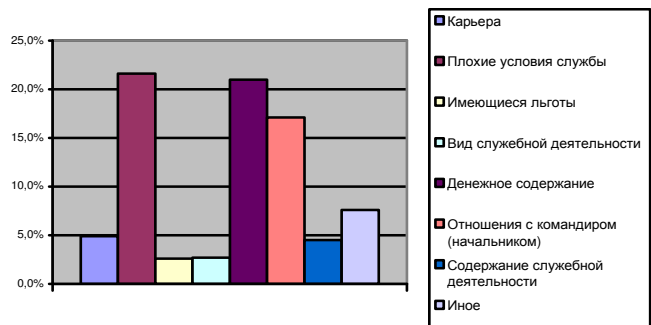

Рис. 2. Проблемы, вызывающие недовольство у военнослужащих

В современном обществе и армии обостряются противоречия между огромным интеллектуальным и духовным потенциалом и его неэффективным использованием; между потребностями людей к утверждению и распространению нравственных культурных основ в обществе и армии, и растущей бездуховностью, распущенностью и бескультурьем; между сложностью и противоречивостью социальных процессов в обществе, армии и упрощенным их толкованием; между постоянно повышающимися требованиями к профессиональным знаниям военнослужащих, и слабой работой в области кадровой политики в вооруженных силах.

Исходя из элементов морали и выделяя в них ценностные составляющие, раскроем внутреннюю структуру моральных ценностей военнослужащих, которые включают:

1) моральное сознание, нормы, принципы и идеалы, принятые в данном обществе;

2) нравственные отношения, которые проявляются во взаимосвязи общества и личности военнослужащего (формирование гармонично развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство, приоритет общественных интересов над личными). Ядром нового мышления является признание приоритета общечеловеческих ценностей;

3) моральную практику военной деятельности, которая проявляется в форме реализации новых или видоизмененных норм, принципов и идеалов современного образа жизни военнослужащих.

Критерием оценки системы моральных ценностей выступает степень их соответствия нравственному прогрессу личности на пути достижения и реализации идеалов общества. А внутренним источником их развития является противоречие между наличием нравственных ценностей и потребностью, вытекающей из объективной необходимости. Так Ю.В. Согомонов⁴ подчеркивает: «Нравственная жизнь общества опирается на моральные принципы, которые являются общепризнанными. Вместе с тем реальные ценности характеризуются большим разнообразием, они часто находятся под влиянием негативных, в том числе центробежных, процессов». Такие процессы сегодня характерны, в том числе и для реформируемой армии. Подтверждением этого является проведенный авторами в 2006 г.

социологический опрос среди молодых офицеров (всего опрошено 160 человек до 5 лет службы) частей Дальневосточного региона по причинам их увольнения с военной службы.

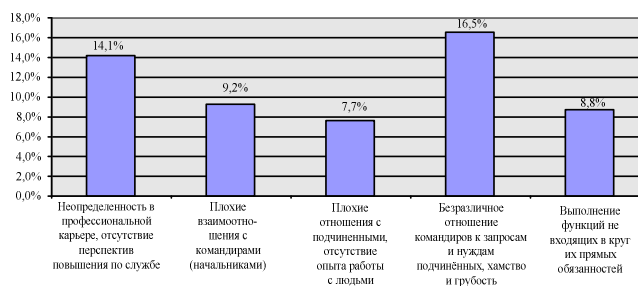

Рис. 3. Причины увольнения с военной службы молодых офицеров

Все вышеизложенное позволяет перейти к исследованию вопроса влияния моральных ценностей на человеческий фактор, раскрытию механизма и основных направлений активизации человеческого фактора в условиях воинской службы.

Человеческий фактор – это понятие емкое и многогранное, отражающее взаимосвязь различных сторон социально активной деятельности масс, социальных групп, личностей. Причем, как правило, эта деятельность мотивированная, т. е. осознанная с позиций тех или иных социальных потребностей и интересов. Как отмечает В.И. Гидиринский⁵, понятие человеческого фактора отражает определенным образом мотивированную деятельность людей, выступающую одновременно и как причина, и как необходимое условие тех или иных социальных преобразований. Человеческий фактор есть реальная сила «человеческого материала», превращающая определенные объективные возможности в действительность. Содержание человеческого фактора составляет реализацию сущностных (физических, психологических, социально-профессиональных, политических, нравственных и пр.) сил индивидов в процессе преобразования ими природной и социальной действительности. Это характерно, в том числе и для военной социокультурной среды.

Понятие «человеческий фактор» – это специфическое обозначение роли человека, военнослужащего в системе социальных, экономических, производственных, военных, технических и других отношений, всего того, что связано с ним как с субъектом воинской деятельности в раз-

⁴ Согомонов Ю.В. Социология морали: нормативно-целостные системы // СОЦИС. 2003. № 9. С. 38.

⁵ Гидиринский В.И. Человеческий фактор: сущность, содержание, пути активизации в ВС СССР : сб. науч. статей. М. : ВПА, 1987. С. 253.

личных ее видах, а также в общественной жизни. Сущность человеческого фактора в условиях современной армии – творческая деятельность военнослужащих, являющихся главной движущей силой преобразований в армии, их причиной, целью и условием.

Основными слагаемыми человеческого фактора военнослужащих являются: разум, талант, глубокое уважение и готовность к добросовестному выполнению своих обязанностей по службе на общее благо, высокая ответственность, инициатива, дисциплинированность, сознательное, заинтересованное отношение к задачам защиты Отечества, чувство нового, политическая культура, патриотизм, воинский долг, честь, моральная чистота, социальная активность и др.

Человеческий фактор и его слагаемые могут проявляться в различных сферах общественной жизни. Правомерно и необходимо говорить о человеческом факторе и в военном деле – это конкретные люди, их способность и решимость до конца выполнить свой воинский долг по защите Отечества. Это личный состав, обслуживающий боевую технику и оружие, несущий боевое дежурство, постоянно совершенствующий свое воинское мастерство, повышающий идейную стойкость, уровень дисциплины и организованности.

Таким образом, человеческий фактор (применительно к условиям военной службы) – это деятельность воинов армии и флота, обеспечивающая ход и исход войны, функционирование и развитие вооруженных сил, выступающая главным источником качественных преобразований в военном деле. Так, военно-профессиональные ценностные ориентации отражают выраженную «военную специализацию», с потребностью в самореализации. Наиболее характерными для них являются стремление работать по интересной военной специальности, к которой имеется наибольшая предрасположенность, и желание управлять военной техникой. Это рассматривается респондентами, как дело настоящего мужчины, и подкрепляется интересом к военной профессии.

Так, в ходе проведенного авторами в 2006 г. социологического исследования по вопросу приоритетов в выборе профессии офицера среди курсантов-выпускников Хабаровского пограничного института ФСБ России и абитуриентов (всего опрошено 719 человек), были получены следующие результаты, приведенные на рис. 4.

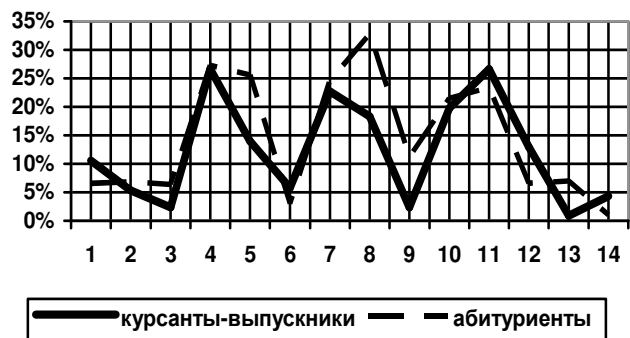

Рис. 4. Приоритеты в выборе профессии офицера: 1 – эта профессия моих родителей, поэтому осознанно следую их примеру; 2 – считаю, что мой профессиональный выбор не вполне осознанный, случайный, по примеру друзей, «за компанию»; 3 – попробую избежать службу в армии по призыву; 4 – привлекает социальная значимость профессии офицера, ее престижность; 5 – возможность материального обеспечения себя и своей семьи; 6 – социально-правовая защищенность, наличие льгот; 7 – гарантии занятости, стабильности в жизни, чувство уверенности в завтрашнем дне; 8 – чувство долга за безопасность Родины, служению Отечеству; 9 – возможность получить престижную юридическую специальность, пользующуюся спросом на рынке труда, дающую возможность иметь заработок на «гражданке»; 10 – желаю самоутвердиться в жизни, обрести независимость от родителей, приобрести почет и уважение со стороны гражданских лиц; 11 – личная склонность, следую давней мечте стать офицером; 12 – возможность получить бесплатное высшее образование; 13 – вопреки моему мнению, настойчивость проявляют родители; 14 – иное (нет ответа, не помню)

Сущностными слагаемыми человеческого фактора в военном деле правомерно считать сплав тех военно-социальных качеств, которые обобщенно характеризуют собственно личностную сторону боевого потенциала Вооруженных сил РФ, а именно: воинское мастерство, идейная стойкость, организованность и дисциплина личного состава, его верность патриотическому долгу.

Человеческий фактор в условиях армии проявляется в основных видах воинской деятельности:

- в общественно-организационной сфере как общественно-политическая активность воинов;
- служебно-функциональной (или военно-профессиональной) сфере как военно-профессиональная активность воинов;
- духовной сфере как идейно-нравственная активность;
- социально-бытовой сфере как самодеятельная форма активности воинов.

Говоря об активизации человеческого фактора, мы исходим из того, что сравнительно быстро отдачу можно получить, если привести в действие организационно-экономические и со-

циальные резервы и, в первую очередь, активизировать человеческий фактор, добиться того, чтобы каждый на своем месте работал добросовестно и с полной отдачей сил.

Для активизации человеческого фактора в армии необходимо проведение в вооруженных силах научно-обоснованной системы мероприятий, направленных на расширение объективных и субъективных условий для более полного раскрытия способностей воинов в интересах защиты Родины и их широкое творческое участие в решении задач военного строительства (укреплении боевого потенциала, повышении боевой готовности и боевой способности войск).

Какова же специфика влияния ценностей общества на активизацию человеческого фактора в армейских условиях?

Исходя из методологических положений теории ценностей, в соответствии с основными сферами общественной жизни в систему активизации человеческого фактора можно включить: экономические ценности; духовные ценности; эстетические ценности; моральные ценности; правовые ценности; материальные ценности; научные ценности. В центре этой системы находится человек как высшая ценность общества, а в условиях армии – воин как гражданин и защитник своей Родины.

Важнейшими условиями воздействия моральных ценностей на активизацию человеческого фактора боеготовности являются:

- усиление внимания к человеку, к его нуждам, запросам, интересам, требовательность, определяемая ответственностью каждого перед народом, Родиной за выполнение воинского долга;

- привлечение воинов к сознательному, активному, творческому участию в общественных делах коллектива, учитывая особенности каждого;

- личный пример военачальников;

- действенная, результативная воспитательная работа;

- возрождение, восстановление, утверждение во всей полноте и значимости авторитета моральных ценностей во всех областях воинской деятельности и общественной жизни.

Моральные ценности, опираясь на авторитет мнения воинского коллектива, ориентируют воинов на добровольное их усвоение в качестве внутренних личных социальных побуждений к совершению высоконравственных поступков во всех сферах воинской деятельности. Основными звеньями этого процесса являются:

- ценностные моральные требования обще-

ства к личности воина, их моральная оценка личностью воина путем соотнесения со своими индивидуальными потребностями и интересами;

- выработка у воина нравственной установки как предрасположенности к действиям в соответствии с моральными ценностями;

- формирование нравственной позиции воина как меры готовности выполнить ценностные требования морали;

- проявление нравственной позиции воина в воинской деятельности по защите Родины через высокое воинское мастерство, непоколебимую стойкость, сознательную воинскую дисциплину и организованность, а также верность патриотическому долгу.

Ценности проявляются в основных сферах воинской деятельности.

I. В общественно-политической сфере воинской деятельности моральные ценности активизируют человеческий фактор через проявление нравственных качеств воинов, таких как: оптимизм, высокая активность, преобладание общественных интересов над личными; ответственность за порученное дело перед коллективом; гордость за службу в рядах армии; честность, и т. д.;

2. Специфической областью деятельности в воинском коллективе является военно-функциональная сфера, в которой воины выступают как специалисты – вооруженные защитники общества, занятые коллективным трудом. Этот труд коллективен не только по своей «технологии», но и по своему социальному предназначению (не «Я» противостояю противнику, а «Мы» противостояю противнику), и по своей социально-психологической мотивации, возбуждающей дух состязательности у воинов.

Высокие нравственные качества воинов выступают и в форме социальной активности в изучении военного дела, в эксплуатации и использовании боевой техники и орудия, в поддержании высокой боевой готовности, в соблюдении крепкой воинской дисциплины. Кризис духовных ценностей – один из самых болезненных процессов деструктивно влияющих на морально-психологическое состояние личности и общества, а также тяжело преодолимых, поскольку связан с потерей смысловых ориентиров жизнедеятельности, службы и социальных отношений, особенно у молодежи которой предстоит служить в армии, в реформируемый период. Показательные в этом плане исследования, проведенные Министерством обороны и опубликованные в журнале «Военные комиссариаты» (№ 6, 2005 г.), по отношению молодежи к заключению

контракта на военную службу, и приведенные нами на рис. 5.

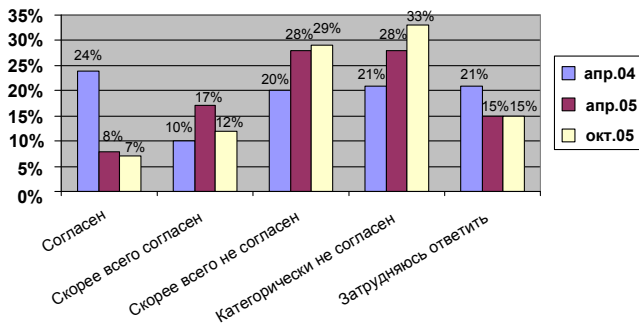

Рис. 5. Отношение молодежи к заключению контракта на военную службу

Как видно, безотлагательной стала задача разрешения кризиса идентичности и скорейшей духовно-ценностной идентификации граждан России прежде всего на государственном уровне.

3. Важной сферой деятельности воинов является досуг. Здесь нравственные качества проявляются самым непосредственным образом. В этой сфере могут иметь место нарушения воинской дисциплины и т. д. Наиболее характерными положительными нравственными качествами, проявляемыми в этой сфере, являются гуманизм, коллективизм, товарищество, и т. д.

Таким образом, в ходе воинской деятельности моральные ценности оказывают активизирующее воздействие на человеческий фактор через формирование нравственных качеств субъектов этой деятельности.

Каковы же основные направления воздействия моральных ценностей на активизацию человеческого фактора?

К ним относятся следующие:

1) формирование у военнослужащих армии и флота научного мировоззрения, высокой стойкости;

2) важным направлением воздействия моральных ценностей на активизацию человеческого фактора в армии является воспитание у личного состава высокой воинской дисциплины, утверждение в воинских коллективах порядка и организованности;

3) активизация человеческого фактора в армии ценностями морали тесно связана с воспитанием воинов в духе верности патриотическому долгу. Военно-патриотическое воспитание в первую очередь связано с формированием у воина высоких нравственно-патриотических идей, убеждений, чувств, переживаний, характеризующих осознанную готовность и способность воинов решать сложные задачи по защите Родины при полном напряжении духовных и физических сил.

Таким образом, проведенное теоретическое осмысление проблемы и результаты социологических исследований показали следующее:

1. Моральные ценности – это социально значимые нравственные явления, выражающие нравственный прогресс общества, армии, личности и способствующие реализации признанных идеалов человечества.

2. В современных условиях в сознании и поведении части военнослужащих наблюдается деформация нравственных ценностей, некоторые из них заражены вирусом эгоизма, равнодушия, что приводит к социальной пассивности, отклонениям от уставных нравственных норм.

3. Основными направлениями воздействия моральных ценностей на активизацию человеческого фактора, боевой готовности армии и флота являются: формирование морально-психологической стойкости личного состава; укрепление сознательной воинской дисциплины и порядка; воспитание воинов в духе верности патриотическому долгу и совершенствование воинского мастерства; использование различных современных форм и методов воспитания военнослужащих.

МОТИВАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЫНДИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ДВЖД

О.В. Казаку

Казаку Олеся Викторовна – преподаватель кафедры социальной работы и социологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В статье на основе проведенного социологического исследования анализируется мотивационный механизм регулирования воспроизводства трудового потенциала Тындинского отделения дороги. Мотивация железнодорожников рассматривается с точки зрения структурного подхода. Делается вывод, что в мотивационном механизме определяющим является мотив обеспечения.

In the article, a motivated mechanism of regulating the reproduction of labour potential of Tynda rail road structural department of Far Eastern railway is analyzed on the sociological research basic. A motivation of railway men is considered according to structural approach. This issues that the determining factor is the motive of welfare.

Реструктуризация железнодорожной отрасли привела к изменению ее инфраструктуры и обусловила социально-демографические проблемы региона – настоящие и перспективные. В этих условиях важнейшим ресурсом, от которого зависит качество дальнейших действий железной дороги, является ее персонал. К приоритетным направлениям в работе с персоналом ОАО «РЖД» необходимо отнести постоянное и всестороннее развитие трудового потенциала работника и трудового коллектива, привлечение в данную отрасль наиболее высококвалифицированных кадров. Это требует совершенствования кадровой политики на основе комплексного регионального и отраслевого исследования трудовых ресурсов, изучения мотивационной сферы, оценки уровня конкурентоспособности персонала железной дороги и анализа перспектив развития дороги.

Тындинское отделение дороги, в качестве структурного подразделения Дальневосточной железной дороги, является центральным звеном Байкало-Амурской магистрали или Северного широтного хода. Планируемое увеличение грузо- и пассажиропотока по Северному широтному ходу (согласно генеральной схеме развития (на период до 2010–2015 гг.) увеличение объема перевозок более чем в два раза – от 10 до 23 млн тонн в год), изменение технологии обслуживания поездов, осуществление структурной реорганизации требуют новых подходов к развитию транспорта и повышению эффективности использования трудовых ресурсов с учетом трудовой мотивации персонала и разработке на их основе моделей воспроизводства трудового потенциала работников железнодорожной отрасли.

Современная ситуация в Тындинском районе является сложной, а по некоторым аспектам – кризисной. Неустойчивость труда и жизни связаны с недостаточной развитостью социальной

инфраструктуры, сырьевой направленностью региона, низким уровнем жизни и ее качества, тяжелыми климатическими условиями (местность приравненная к крайнему Северу). Социально-экономические проблемы обуславливают состояние трудового потенциала Тындинского района, который характеризуется в последние время высокой трудовой и миграционной мобильностью населения, низким уровнем удовлетворенности работников трудом, низкой мотивацией к труду. Статистические данные показывают: за последние 15 лет с зоны БАМа уехало 76 тыс. человек – это 37 % населения. Поэтому около десяти тысяч работающих на Тындинском отделении – это та основа, которая должна стать фундаментом для воспроизводства трудового потенциала Тындинского отделения в целом. Железная дорога на севере Амурской области способствует сохранению населения в этом регионе, что в стратегическом плане не менее важно, чем строительство самой дороги.

С учетом существующей тенденции старения кадров железнодорожная отрасль в скором времени столкнется с рядом проблем, таких как хроническая нехватка рабочей силы, уменьшение величины «кадрового ядра», снижение квалификационного и творческого потенциала, способности воспринимать инновации, снижение качественных характеристик социально-демографического потенциала и уровня социального здоровья.

Разрешение перечисленных социально-демографических и экономических проблем, повышение конкурентоспособности предприятия возможно посредством разработки и применения определенных методов кадровой и социальной политики. В свою очередь, эффективность управленческих решений и мер обеспечивается проведением соответствующих социологических исследований, которые логически должны пред-

шествовать выработке стратегии развития предприятия. Выявление эффективности мотивационного механизма трудового потенциала Тындинского отделения ОАО РЖД стало целью социологического исследования, проведенного автором в 2005–2006 гг., методом раздаточного анкетирования и неформализованного интервью, с использованием многоступенчатой выборки (N = 574 чел.).

Применение категории «мотивационный механизм отрасли» в социальном механизме регулирования воспроизводства трудового потенциала основано на существовании устойчивой взаимосвязи между мотивацией и стимулированием трудовой деятельности, а также компонентами и условиями развития трудового потенциала. Результаты проведенного социологического исследования показали, что мотивационный механизм может выступать в качестве универсальной методики комплексной оценки состояния трудового потенциала и определения направлений стимулирования воспроизводственного процесса.

В исследовании была выдвинута основная гипотеза – в мотивационном механизме наиболее важным является мотив обеспечения.

Для исследования мотивации персонала в сохранении и развитии трудового потенциала железнодорожной отрасли необходимо определить соотношение мотивов и стимулов. В социологии мотив рассматривается как осознаваемая потребность субъекта в достижении определенных благ, желательных условий деятельности и как внутренние побуждения активности индивидов и социальных общностей в отличие от внешних – стимулов. Одновременно социологи уже указывают на то, что стимулы как объективные условия действий людей могут перерасти в мотивы в том случае, если они становятся субъективно значимыми, отвечают потребностям субъекта. Таким образом, мотивы определяют внутренние побуждения (осознаваемую потребность), отмечая в то же время необходимость наличия внешних условий (стимулов) для реализации этой потребности. Мотивационный механизм позволяет выявить реальную иерархию мотивации работника, показать взаимосвязь между внутренними и внешними побудителями поведения личности. Мотивационный механизм отрасли был интерпретирован на основе структурного подхода как совокупность мотивов трудового поведения:

– *мотив обеспечения* – ориентация работника на приобретение материальных средств, достижение благополучия, удовлетворение витальных потребностей;

– *мотив призвания* – осмысленное стремление личности реализовать в труде свои физические и духовные потенции, социальную активность, проявить себя;

– *мотив престижа* – ориентация работника на социально-привлекательные позиции, престижной общественно-значимой роли, стремление захватить, удержать, повысить эту свою позицию;

– *мотив личной аффирмации* – утвердиться в чем-то, доказать что-то, стремление добиться других, не связанных с данной работой целей;

– *мотивобщения* – реализация коммуникативных потребностей.¹

Материалы анкетирования показали, что ведущая роль в системе трудовой активности как основного мотива обеспечения по-прежнему отдается заработной плате, которая воспринимается большинством как форма социальной оценки трудового потенциала работника, его трудового вклада. В качестве наиболее острой проблемы в жизни на сегодняшний день респонденты выделили материальное положение семьи (57 %). Особенно остро эта проблема стоит у женщин до 40 лет (67 %) и у мужчин старше 40 лет (62 %).

В ходе исследования у большинства работников, независимо от стажа, должности, пола, была выявлена ориентация на зарабатывание – более половины респондентов считают наиболее ценным и значимым в трудовой деятельности оплату труда (по девятибалльной шкале ее как высшую ценность оценили 83 %). Ценностное отношение к труду рассматривается опрошенными как способ самореализации – 29 %, возможность подняться по карьерной лестнице – 18 % и 55 % – возможность заработать, что еще раз подтверждает приоритет социально-экономических стимулов. Хотя 64 % железнодорожников отметили свою готовность трудиться, даже если они не будут нуждаться в деньгах, а, значит, наши респонденты не мотивированы исключительно денежным эквивалентом, им свойственны и бескорыстные мотивы, тяга к труду как самоценности.

Вторично заняты 15 % респондентов, 20 % всех мужчин и 10 % женщин, более половины из них – это работники до 30 лет, что вызвано необходимостью улучшения их материального положения. Небольшое число вторично занятых на рынке труда, при низкой удовлетворенности размером оплаты связано с «посменным» ха-

¹ Герчиков В.И. Трудовая мотивация: понятие, выявление и управление // Личность. Культура. Общество. 2000. № 3(31). С. 222–234.

рактором работы, ее тяжестью, также часть работников работает на линейных станциях и ежедневно вынуждены тратить несколько часов только на дорогу до места работы. Эти факторы ведут к истощению человеческого и трудового потенциала. Как правило, у таких работников еще и нет времени на эффективное восстановление жизненных сил из-за отсутствия времени для полноценного проведения досуга.

Железнодорожников не устраивает размер заработной платы по следующим причинам: все респонденты отметили неспособность заработной платы удовлетворить потребности семьи – 16 %, из них мужчины до 30–23 % и старше 40 лет – 24 %, но женщины старше 40 лет – 9 %; независимость заработной платы от степени вложения труда – 26 %, работники до 40 лет – 31 %; непропорциональный рост заработной платы по сравнению с ростом цен и инфляции – 56 %, так ответили 60 % женщин до 30 лет, 58 % – до 40 лет и 64 % старше 40 лет. Мужчины данный вариант выбирали реже соответственно – 48 %, 50 % и 56 %.

Ответы респондентов на вопрос «Могли бы вы работать интенсивнее, если бы вам повысили уровень зарплаты?» распределились следующим образом: 34 % ответили – да, конечно; 51 % – да, возможно; 11 % – возможно, нет и 5 % – нет, конечно, при этом отметили – «куда работать еще интенсивнее?». Данные таблицы показывают дифференциацию ответов респондентов в социально-демографическом разрезе.

Таким образом, специфика мотива обеспечения трудового коллектива Тындинского отделения дороги обусловлена тем, что мотив обеспечения – оплата труда, приобретает самостоятельную ценность, усиливая стремление работников зарабатывать больше, вне зависимости от содержания труда. Данный мотивационный механизм не способствует сохранению и развитию трудового потенциала отрасли. В этих условиях особое значение приобретает содержание стимулирования воспроизводства трудового потенциала.

Мотив призвания в высокой степени реализован в трудовой деятельности: респонденты отметили, что нынешняя работа вполне соответствует их способностям, возможностям и уровню квалификации. Труд рассматривается не только как источник средств к существованию, но и как способ подняться по карьерной лестнице и самореализоваться. Некоторые женщины предложили свой вариант ответа: «труд – это жизнь». Полученные данные показывают, что у женщин меньше чем у мужчин возможность реализовать свою квалификацию, знания и навыки в работе. Так, для женщин в большей степени характерно стремление проявить свои творческие способности, что связано и с тем, что часть респонденток получили ранее образование по другим специальностям, нежели работают сейчас. Среди мужчин этот показатель так же достаточно высок – более четверти всех опрошенных. Семьдесят пять процентов респондентов считают, что уровень их образования соответствует должности, что противоречит статистическим данным уровня образовательного потенциала Тындинского отделения дороги. Более 20 % опрошенных считают свой уровень образования высоким, чем это необходимо в соответствии с занимаемой ими должностью. И только 3 % полагают свое образование недостаточным.

Железнодорожники моложе 30 лет считают, что уровень их квалификации соответствует занимаемой должности – 66 %, выше, чем требуется – 22 %, ниже – 12 %. Работники до 40 лет ответили соответственно 75 %, 19 % и 6 %. Респонденты старшего возраста – 51 %, 11 % и 38 %. Уровень самооценки квалификации у женщин в среднем выше, чем аналогичные показатели у мужчин. Более 20 % женщин ответили, что их квалификация выше должностных требований, так же ответили только 14 % мужчин. Но их соответствие отметили 77 % мужчин и только 49 % женщин.

Таблица

Интенсивность труда в контексте половозрастных характеристик, %

Могли бы вы работать интенсивнее, если бы вам повысили заработную плату?	Мужчины, до 30 лет	Мужчины, до 40 лет	Мужчины, от 40 лет	Все мужчины	Женщины, до 30 лет	Женщины, до 40 лет	Женщины, от 40 лет	Все женщины
1. Да, конечно	50	46	39	47	16	28	24	21
2. Да, возможно	40	45	42	42	68	52	56	61
3. Возможно, нет	6	4	16	7	14	20	4	13
4. Нет, конечно	4	4	3	4	2	0	16	5

Используют железнодорожники свой трудовой потенциал с разной степенью. Так, полностью используют свой трудовой потенциал, работают с отдачей сил 23 % респондентов; работают больше чем могут и должны – 16 %; работают столько, сколько нужно – 44 %; работают не в полную меру сил – 12 % респондентов; особо не выкладываются на работе – 4 % опрошенных. Также мы попросили респондентов оценить уровень их трудолюбия; 28 % считают себя очень трудолюбивыми; 66 % – в средней степени трудолюбивыми и 3 % – не очень трудолюбивыми.

Более половины работников повышали уровень квалификации за последние пять лет (62 %), но среди тех, кто не повышал квалификацию много тех, у кого стаж работы на предприятии менее пяти лет. При этом данные интервью показывают, что рабочие массовых профессий нередко отказываются повышать свой образовательноквалификационный уровень, поскольку это «грозит» назначением на руководящие должности (мастером), а значит за все ошибки, произведенные рабочей бригадой, отвечать именно ему, в том числе в материальном плане – из его зарплаты вычтут надбавки, оставив лишь оклад. Особенно остро эта проблема стоит в зимнее время, когда сильные морозы и снегопады еще более затрудняют работу. Величина же оклада может составлять от 30 до 50 % возможной заработной платы.

Более 60 % работников Тындинского отделения дороги считают работу в ОАО «РЖД» престижной, у женщин до 30 лет и мужчин до 40 лет этот показатель поднимается до 72 %. Свое предприятие считают престижным 59 % опрошенных. В качестве причин «неуспешности организации» работники называют отсутствие должной федеральной поддержки и конфликты в коллективе – по 18 % и 42 % назвали «неграмотное руководство предприятием». На вопрос о том, нравится ли им работать в ОАО «РЖД» 40 % ответили положительно; 13 % высказали нейтральную позицию – «нормально, все равно»; так же 40 % отметили, что им не очень нравится работать в ОАО «РЖД» (при этом эти респонденты отметили, что им нравилось работать в МПС), но приходится; 2 % определенно не нравится работать и 5 % затруднились с ответом. В разрезе возраста самые оптимистичные оценки дали работники в возрасте от 30 до 40 лет – 46 %, но в этой же категории самые негативные оценки – 4 % не нравится работать в ж.-д. сфере. Среди них женщины соответственно – 53 % и 5 %. Среди

респондентов, вынужденных работать в ОАО «РЖД» и предпочитающих МПС, наиболее велика доля мужчин от 40 лет – 61 %.

Часть работников (41 %) хотят сменить место работы, из них 44 % хотят трудоустроиться не на железной дороге, а оставшиеся 56 % – «перетрудоустроиться» в Тындинском отделении, перейти в другой коллектив или сменить характер работы. Желание сменить место работы респонденты объясняют такими причинами, как: работают не по специальности (4 %) и неудовлетворенны ею (6 %); однообразная работа (7 %); нет условий для личностного роста (10 %); нет перспектив по улучшению жилищных условий (12 %), слабая материальная обеспеченность (13 %), и на первом месте – размер заработной платы (24 %). У мужчин от 30 лет и старше этот показатель увеличивается до 31 % (респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов).

Многие работники (38 %) участвуют в разработке и принятии различных решений. Также респонденты отмечают, что именно этой возможности им недостает для более эффективной работы.

Таким образом, *мотив престижа* имеет высокие показатели как в оценке отрасли, так и конкретно Тындинского отделения. Многие работники стремятся к осуществлению властных полномочий и осуществлению денежных операций, могут и хотят участвовать в принятии решений различного уровня и периодически повышают квалификацию. Но есть и исключения – работники массовых профессий, трудящиеся на линейных станциях – соглашаясь с оценкой престижности предприятия, они не стремятся к повышению собственного статуса, т. е. для них мотив личного престижа не является определяющим в трудовой деятельности.

Мотивация трудовой деятельности обусловлена и приоритетными факторами выбора рабочего места, определяющих желание и стремление человека занять данную должность с целью реализации своих различных стремлений и желаний, т. е. *мотивы личной афирмации*.

Значимость факторов при выборе рабочего места для респондентов, распределенных по возрастным категориям на рис. 1.

Следовательно, определяющими мотивами трудовой деятельности для железнодорожников являются: кадровая политика администрации; условия работы; высокая заработная плата; отношения с коллегами; уверенность в будущем и гарантия занятости; безопасность труда. Наиме-

нее значимы такие факторы, как дополнительные льготы; отношения с подчиненными, возможность творческого и личностного роста.

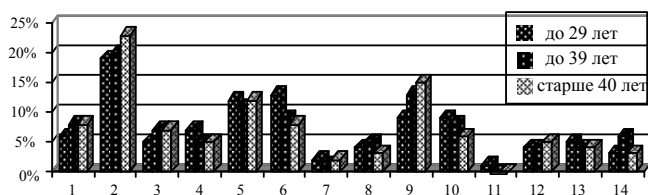

Рис. 1. Ответы на вопрос «Критерии выбора работы», распределенные по возрастным категориям к числу опрошенных, %: 1 – политика администрации в отношении персонала; 2 – заработная плата; 3 – дополнительные льготы; 4 – возможность достижения успеха; 5 – отношения внутри коллектива; 6 – возможность продвижения, карьера; 7 – высокая степень ответственности; 8 – возможность творчества и личностного роста; 9 – уверенность в будущем, гарантия занятости; 10 – удобный график работы; 11 – удаленность от дома; 12 – полная реализация своего потенциала; 13 – возможность повышения квалификации; 14 – возможность участия в управлении

Еще одним важным мотивом трудовой деятельности выступает уровень социальных связей личности – *мотив общения*. Анализируя ответы железнодорожников по определению любимого для них занятия, отмечается, что общение с друзьями занимает ведущее место в структуре свободного времени. На втором и третьем месте по значимости – хобби и вечернее общение с семьей, просмотр фильмов, чтение. На четвертом месте – занятия физическими упражнениями, посещение спортзала, катка и т. п. (16 %). Лишь около 4 % респондентов готовы проводить свое свободное время лежа на диване и смотря телевизор. Кроме того, часть респондентов постоянно занимается спортом, посещает не только спортивные секции, а еще и представляет свое предприятие на соревнованиях различного уровня. Многие железнодорожники отмечают необходимость создания спортивных секций в рамках организации, проведения спартакиад, в том числе для всей семьи.

Большинство мужчин-железнодорожников предпочитают проводить свое свободное время с коллегами (59 %), в отличие от женщин (47 %). В разрезе возраста были получены следующие данные: чаще общаются с коллегами в свободное время люди среднего возраста – 58 %, реже других – работники до 30 лет, но они же ответили, что у них много друзей в организации (53 %). Мужчины проявляют большее дружелюбие: 43 % ответили «много друзей в организации» и 42 % «не много друзей», а женщины соответ-

венно – 24 % и 57 %. Самыми «недружелюбными» оказались женщины до 30 лет – 31 % ответили, что у них нет друзей в трудовом коллективе, что связано с трудностями адаптации молодых работниц в железнодорожной среде.

Отношения в трудовом коллективе считают благоприятными 27 % опрошенных и скорее благоприятными – 51 %, скорее не благоприятными – 20 % и не благоприятными – 2 % респондентов. Была выдвинута дополнительная гипотеза, что у молодых женщин возможен ролевой конфликт из-за несоответствия ожиданий как статуса замужних женщин, имеющих детей и статус работника железнодорожного транспорта, что подтверждается следующими данными. Вновь оценки молодых женщин носят более «негативный характер» – 33 % считают отношения скорее не благоприятными, а молодых мужчин – наиболее позитивный – 86 % оценили отношения как благоприятные. 56 % всех респондентов назвали отношения «нормальными», среди них: 66 % мужчин и 76 % женщин старше 40 лет, 13 % женщин от 30 до 40 лет; 11 % респондентов оценили отношения в трудовом коллективе как «прекрасные, дружеские», так думают 19 % работников от 30 до 40 лет и только 4 % старше 40 лет. Самые высокие оценки даны женщинами в возрасте от 30 до 40 лет – 25 %. Внутриколлективные отношения назвали «формальными, прохладными» 16 % и 15 % ответивших отметили, что бывает напряженность в отношениях и среди них 26 % женщин до 30 лет и 19 % до 40 лет. Для мужчин же характерна другая оценка отношений – конфликтными, напряженными их считают 19 % старше 40 лет, среди более молодых железнодорожников подобные оценки высказали только 7 % респондентов.

Конфликты, нетерпимость друг к другу отметили только 2 % всех опрошенных. В качестве основных причин конфликтов респондентами названы наличие разных мнений (43 %) и проблемы, возникающие в ходе работы (32 %), отсутствие взаимопонимания и психологическая несовместимость, а также «плохое воспитание». Кроме того, учитывая специфику железнодорожной отрасли, целесообразным видится выделение в качестве важного мотива трудовой активности – *мотив безопасности*, как оценка безопасности рабочего места, уровня санитарно-гигиенических условий и возможности законодательно защитить себя в неблагоприятных условиях. В связи с этим недовольство работой железнодорожниками вызвано в первую очередь большим нервным напряжением и низким уров-

нем технического обеспечения труда. Кроме того, названы такие причины, как отсутствие перспектив продвижения и улучшения жилищных условий. Немалую роль здесь играет фактор невозможности реализовать в своей трудовой деятельности квалификации, знаний, умений.

Труд железнодорожника часто обусловлен неблагоприятными условиями – это отмечают 64 % мужчин и 70 % женщин. Остальные удовлетворены условиями труда, но так ответили в основном руководители различных уровней и ИТР, работа которых чаще проходит в кабинетах. Среди факторов, оказывающих наиболее неблагоприятное влияние на здоровье, 25 % мужчин и 40 % женщин указали большое нервное напряжение, на втором месте – большие физические нагрузки, на третьем месте – высокий уровень вибрации, шума, неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия. 7 % всех респондентов отметили среди таких факторов нерегулярное предоставление отгулов и отпусков. По мнению респондентов, в их организации законодательство по обеспечению безопасных условий соблюдается 60 %; иногда соблюдается – 24 % и не соблюдается – 16 %. Контроль за состоянием здоровья ведется 53 %; иногда 20 % и отрицательный ответ – 17 %. Обеспечение бесплатными средствами защиты от вредных условий труда соответственно – 70 %, 20 % и 10 %. Негативные оценки были даны соблюдению законодательства в сфере регулирования сверхурочной работы – только 27 % ответили, что оно соблюдается, 17 % – что иногда и 66 % – не соблюдается, причем так ответили почти все рабочие массовых профессий.

Уверенность в своем будущем и своей семье, позитивное отношение к жизни снижают показатели мотива безопасности. Железнодорожники на вопрос как они и их семья будут жить в следующем году, по сравнению с этим годом, ответили: намного хуже – 4 %; немного хуже – 9 %; также 52 %; немного лучше – 25 % и намного лучше – 11 %. Чаще пессимистический прогноз давали женщины старше 40 лет (намного хуже – 11 %) и самые оптимистичные – молодые женщины (намного лучше – 20 %). Треть респондентов не обеспокоена своим будущим, уверена в нем, с этих позиций их мотив безопасности жизни и труда можно считать удовлетворенным.

Из вышеизложенного следует, что мотив безопасности, являясь значимым в сфере железнодорожников, не удовлетворяется в ходе трудовой деятельности для большинства работников. Здесь наиболее высоко оценивается фактор уве-

ренности в обеспеченности работой, нет угрозы увольнений. Остальные же факторы безопасности имеют низкую оценку. В теории А. Маслоу мотив безопасности отнесен к базисным, поэтому целесообразным было бы повышение степени удовлетворенности данного показателя работников Тындинского отделения дороги.

Анализируемая мотивация трудовой деятельности является важным структурным компонентом категории трудовой потенциал, понимаемой как совокупность различных качеств, определяющих трудоспособность работника, и является обобщающим показателем личностного фактора производства. К ним относят: способность и склонность работника к труду; состояние его здоровья; выносливость; тип нервной системы; объем общих и специальных знаний; трудовые навыки и умения, определяющие способность к труду определенной квалификации; уровень сознания и ответственности, социальной зрелости. Расчет индекса развития трудового потенциала был предложен С.П. Горисовым, который в качестве критериев измерения рассматривал следующее:

– состояние здоровья, рассчитываемый как уровень смертности населения трудоспособного возраста;

– уровень профессионального образования, понимаемый как индекс полноты охвата профессиональным образованием и индекс полноты охвата высшим образованием (его верхняя граница – 46 %). Индекс уровня профессионального образования трудового потенциала рассчитывается как среднее арифметическое индекса полноты охвата профессиональным образованием и индекса полноты охвата высшим образованием;

– материальное благосостояние определяет условия воспроизводства и развития рабочей силы, влияет на состояние здоровья и трудовую мотивацию;

– возможности для реализации в трудовой сфере, т. е. участие в эффективной занятости, режимов работы, рабочего места в соответствии со своей профессиональной подготовкой, целями, желаниями и склонностями – важные условия развития трудового потенциала.²

Сводный индекс развития трудового потенциала рассчитывается как среднее арифметическое четырех индексов – состояние здоровья, уровень профессионального образования, материальное благосостояние, безработица.

² Горисов С.П. Региональные различия качества рабочей силы в России // Трудовое право. 2004. № 9 (55). С. 27.

По Тындинскому отделению дороги были получены следующие показатели: сводный индекс – 0,539; состояние здоровья – 0,45; уровень образования – 0,701; материальное благосостояние – 0,284; безработица – 0,723. Сводный индекс по России составляет 0,532, т. е. сводный индекс по Тындинскому району даже выше, чем в среднем по стране. Но это достигается за счет высокого уровня образования и низкого уровня безработицы. Материальное же положение жителей наоборот практически в два раза ниже, чем среднероссийские показатели.

Расчет индекса удовлетворенности мотивов позволяет обработать полученные в ходе исследования данные и отобразить их количественно. Индекс удовлетворенности рассчитывается по формуле:

$$Y = (+1)a + (0)b + (-1)c / N = a - c / N,$$

где a – число работников, положительно оценивших данный элемент; b – число работников, давших нейтральную оценку; c – число работников, отрицательно оценивших данный элемент; $+1$ – положительная оценка, 0 – нейтральная, -1 – отрицательная оценка.

В результате расчета среднего индекса удовлетворенности мотивов работников Тындинского отделения дороги были получены следующие оценки: мотив обеспечения – $-0,39$; мотив призвания – $0,7$; мотив престижа – $0,14$; мотив личной аффирмации – $-0,21$; мотив общения – $0,42$; мотив безопасности – $0,63$. В целом индекс удовлетворенности мотивов составил $-0,21$. Хотя значение индекса невелико, но носит положительный характер.

Определение провалов в мотивационном механизме осуществляется с помощью графического метода при построении его профиля (рис. 2). Анализ степени и расчет индексов удов-

лодежи, ориентация на вторичную занятость у 15 %, но и другие хотели бы подработать, но нет времени – это может стать источником «потенциальных аварий».

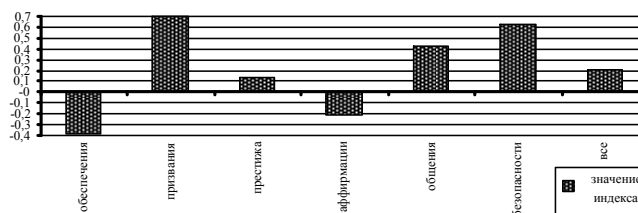

Рис. 2. График индексов удовлетворенности мотивов работников Тындинского отделения дороги

Таким образом, полученные социологические данные подтвердили основную гипотезу исследования. В трудовой деятельности работников Тындинского отделения в мотивационном механизме определяющим выступает мотив обеспечения, индекс удовлетворенности которого имеет отрицательное значение. Следовательно, мотивационный механизм отрасли характеризуется значительными дисфункциями, не способствуя сохранению и развитию трудового потенциала ее работников, что должно учитываться при планировании социальной политики данного предприятия и разработке мотивационно-стимуляционных механизмов работы с персоналом Тындинского отделения ОАО «РЖД».

летворенности мотивов трудовой деятельности работников Тындинского отделения дороги позволил выявить неблагоприятное и противоречивое состояние в этой сфере. Значения индексов удовлетворенности и их графическое отображение выявили значительные провалы в мотивационном механизме обеспечения и личностной аффирмации железнодорожников, высокие показатели мотива безопасности. Выявлена негативная тенденция неудовлетворенности заработка у мо-

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ КОДЕКСОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н.Г. Шурухнов
Д.Ю. Гостевский

Шурухнов Николай Григорьевич – доктор юридических наук, профессор Московского гуманитарного университета.

Гостевский Денис Юрьевич – помощник прокурора Привокзального района г. Тулы.

В статье рассматриваются концептуальные вопросы, связанные с изучением следственных действий и их систематизацией в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

The article dwells on the issues connected with the research of investigative actions and their subsequent systematization according to the forced criminal-remedial legislation.

Теория систематизации своими корнями уходит в эпоху становления научного знания и связана с философскими взглядами таких мыслителей Древней Греции, как Фалес, Анаксимандр, Гераклит, Пифагор, Демокрит, и др. «Древняя атомистика, – пишет Л.А. Петрушенко, – это первая серьезная предпосылка современной теории систем»¹.

«Философский анализ систем и системности, – указывает А.Ю. Головин, – присутствует в произведениях Ф. Бэкона, П. Гассенди, Э. Кондильяка, Д. Милля, Гегеля, К. Маркса и других философов и науковедов. Формирование современной теории систем пришлось на 50-е – конец 70-х годов XX столетия. Значительный вклад в ее развитие внесли Р. Акофф, Л. Берталанфи, К. Боулдинг, В.Г. Афанасьев, И.В. Блауберг, Б.М. Кудров, С.С. Розова, А.И. Уемов, Ю.А. Урманцев, В.Н. Садовский, В.С. Тюхтин, Э.Г. Юдин и другие ученые».²

Системой принято называть выявленную совокупность взаимосвязанных элементов (составляющих), которая представляет собой единую целостность. По мнению Д.П. Горского, А.А. Ивина, А.Л. Никифорова: «Система характеризуется следующими особенностями:

1) целостностью – свойства целого принципиально несводимы к сумме свойств составляющих его элементов, зависимость каждого элемента системы от его места и функций в системе;

2) структурностью – поведение системы обусловлено не столько особенностями ее отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры;

3) взаимозависимостью системы и среды – система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой;

4) иерархичностью – каждый компонент системы, в свою очередь, может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система сама является элементом более широкой системы;

5) множественностью описаний – в силу принципиальной сложности каждой системы ее адекватное познание требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы...»³.

Исходя из того, что при разработке системы конкретной науки, за исходную категорию принимаются постулаты, разработанные философией, то возникает необходимость остановиться на них. Существуют следующие требования:

а) выявление зависимости каждого элемента от его места и функций в системе с учетом того, что свойства целого несводимы к сумме свойств его элементов;

б) анализ того, насколько поведение системы обусловлено как особенностями ее отдельных элементов, так и свойствами ее структуры;

в) исследование механизма взаимодействия системы и среды;

г) изучение характера иерархичности, присущей данной системе;

¹ Петрушенко Л.А. Единство системности, организованности и самодвижения. М., 1975. С. 62.

² Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М., 2002. С. 11.

³ Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике. М., 1991. С.172–173. «Система – объединение некоторого разнообразия в единое и четкое расчлененное целое, элементы которого по отношению к целому и др. частям занимают соответствующие им места» // Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М, 2004. С. 415. «Систематизация – объединение предметов или знаний о них путем установления существенных связей между ними; установление порядка между частями целого на основе определенных закономерностей, принципов или правил». Большая советская энциклопедия. Второе изд. Т. 39. М., 1956. С. 160.

д) обеспечение всестороннего многоаспектного описания системы;

е) рассмотрение системы как динамичной развивающейся целостности.⁴

Ориентируясь на приведенные положения системного подхода⁵, будем анализировать нормы уголовно-процессуального законодательства, определяющие цели, назначение следственных действий, субъектов их производства, порядок проведения, обеспеченность государственным принуждением и т. п. Это позволит нам, в конечном итоге, сформировать систему и дать определение следственного действия.

Системный подход (на следующем этапе) позволит научно-обоснованно осуществить классификацию следственных действий, являющуюся одним из необходимых условий их дальнейшего изучения уголовно-процессуальной наукой, определения их внутренних и внешних связей внутри и за пределами системы, обоснованной реализации их на практике.

Законодатель не привел перечня, не дал общего определения следственного действия, стараемся вывести это из анализа отдельных норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В соответствии с п. 19 ст. 5 УПК РФ неотложными считаются следственные действия, осуществляемые органом дознания⁶ после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

В соответствии с частью первой ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ.

⁴ Философия / под ред. проф. В.П. Кохановского. Ростов-на-Дону «Феникс», 2003. С. 482–483.

⁵ «Системный подход – направление методологии научного познания и социальной практики, в основе которого лежит рассмотрение объектов как систем; ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта, на выявление многообразных типов связей в нем и сведение их в единую теоретическую картину».

⁶ Считаю, что употребление термина «орган дознания» является, по меньшей мере, не корректным. Анализируемые следственные действия проводят должностные (уполномоченные) лица органа дознания, так как сам орган это сделать не может, здесь требуется физическое лицо.

В соответствии с п. 32 ст. 5 УПК РФ следственное действие является процессуальным.

Часть пятая статьи 152 говорит о производстве следователем, дознавателем неотложных следственных действий по уголовному делу, которое им не подследственно. Статья 157, посвященная производству неотложных следственных действий органом дознания, не дает их перечня, не обозначает целей, а говорит, что они проводятся по преступлениям, по которым производство предварительного следствия обязательно.

Статья 38 УПК РФ, устанавливающая полномочия следователя, говорит о том, что он самостоятельно принимает решения о производстве следственных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с законом требуется получение судебного решения и (или) санкции прокурора (п. 3 ч. 2).

Пункт пятый части второй статьи 74 УПК РФ допускает протоколы следственных действий в качестве доказательств. Об этом говорится и в ст. 83 УПК РФ с указанием на соответствие протоколов требованиям, установленным Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Часть третья статьи 146 УПК РФ именуется осмотр места происшествия, освидетельствование и назначение судебной экспертизы следственными действиями, предназначенными для закрепления следов преступления и установления лица, его совершившего.

Регламентируя место производства предварительного расследования ч. 1 ст. 152 УПК РФ говорит, что в случае необходимости производства следственных действий в другом месте, следователь вправе произвести их лично либо поручить их производство соответственно следователю или органу дознания.

Законодатель разрешает следователю – члену следственной группы и ее руководителю участвовать в следственных действиях, производимых другими следователями (ч. 5 ст. 163 УПК РФ).

Определяя общие правила производства следственных действий, часть первая статьи 164 УПК РФ, в качестве таковых называет эксгумацию, освидетельствование, обыск, выемку и говорит о том, что они производятся на основании постановления следователя.

Часть вторая этой же статьи, в качестве следственных действий называет осмотр жилища, обыск и выемку в жилище, личный обыск, выемку предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях, наложение ареста на

корреспонденцию, наложение ареста на имущество⁷, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, контроль и запись телефонных и иных переговоров. Со ссылкой на определенные случаи, перечисленные в пунктах 4–9 и 11 части второй статьи 29 УПК РФ, устанавливается особый процессуальный режим их производства, процедура которого расписана в ст. 165 УПК РФ. Анализируемая статья говорит о государственном принуждении, которое распространяется на определенную категорию участников следственного действия.

Часть шестая статьи 164 УПК РФ указывает на возможность применения при производстве следственных действий технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств.

Часть восьмая, отсылая к правилам, изложенным в ст. 166 УПК РФ, говорит о том, что в ходе производства следственного действия ведется протокол.

Анализируя приведенное, а также главы 24, 25, 26 и 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации приходим к выводу, что в качестве следственных действий законодатель называет:

- 1) осмотр места происшествия (ст. 176);
- 2) осмотр местности (ст. 176);
- 3) осмотр жилища (ст. 176);
- 4) осмотр иного (кроме жилища) помещения (ст. 176);
- 5) осмотр предметов (ст. 176);
- 6) осмотр документов (ст. 176);
- 7) осмотр трупа (ст. 178);
- 8) эксгумацию (ст. 178);
- 9) освидетельствование (ст. 179);
- 10) следственный эксперимент (ст. 181);
- 11) обыск в каком-либо месте (в том числе в жилище, ст. 182);
- 12) выемку предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну (ч. 3 ст. 183);
- 13) выемку документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях (ч. 4 ст. 183);
- 14) личный обыск (ст. 184), обыск у какого-либо лица (ст. 182);

⁷ Здесь имеет место противоречие – наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ) сам законодатель называет иной мерой процессуального принуждения.

15) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185);

- 16) контроль и запись переговоров (ст. 186).
- 17) допрос свидетеля (ст. 188);
- 18) допрос потерпевшего (ст. 188);
- 19) допрос подозреваемого (ст. 92, 189, 190);
- 20) допрос обвиняемого (ст. 173, 189);
- 21) очную ставку (ст. 192);
- 22) предъявление для опознания (ст. 193);
- 23) проверку показаний на месте (ст. 194);
- 24) назначение судебной экспертизы (ст. 195);
- 25) получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202);
- 26) допрос эксперта (ст. 206).

Следует сказать, что представленная система следственных действий является наиболее развернутой в сравнении с приведенными другими учеными. Так, профессор С.А. Шейфер считает, что в соответствии с новым УПК РФ следователь вправе проводить 11 следственных действий. К их числу закон относит:

- 1) допрос (обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и свидетеля);
- 2) очную ставку;
- 3) назначение и проведение экспертизы;
- 4) осмотр (места происшествия, жилища и иного помещения, трупа, предметов и документов);
- 5) освидетельствование;
- 6) обыск (в жилище, в ином помещении, личный, на местности);
- 7) выемку (обычную, документов, содержащих государственную тайну, почтово-телеграфных отправлений);
- 8) следственный эксперимент;
- 9) предъявление для опознания.
- 10) проверку показаний на месте.
- 11) контроль и запись переговоров⁸.

По мнению А.П. Рыжакова, «большинство ученых к следственным действиям относят следующие: 1) осмотр; 2) освидетельствование; 3) выемку; 4) обыск; 5) задержание подозреваемого в совершении преступления (не все признают следственный характер этого следственного действия); 6) предъявление для опознания; 7) следственный эксперимент; 8) допрос свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и эксперта; 9) очную ставку; 10) производство экспертизы; 11) контроль и запись переговоров»⁹.

⁸ Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. С. 38.

⁹ Рыжаков А.П. Следственные действия (понятие, виды, порядок производства). М., 2001. С. 1.

Ю.В. Гаврилин, А.В. Победкин, В.Н. Яшин рассматривают осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, обыск, выемку, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, допрос, очную ставку, предъявление для опознания, проверку показаний на месте, производство (назначение) судебной экспертизы¹⁰.

Ряд авторов к числу следственных действий относят задержание подозреваемого (ст.ст. 91-92 УПК), наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК)¹¹.

Характеризуя основные черты следственного действия, Р.А. Усманов пишет: «Это одно из процессуальных действий, проводимых субъектом расследования. Проводить его может только следователь, прокурор, орган дознания, дознаватель. В УПК РФ подробно описывается процедура следственного действия, которую в обязательном порядке необходимо соблюдать. Порядок и результаты этого действия отражаются в протоколе. Протокол следственного действия является источником доказательств, а его содержание представляет собой доказательственную информацию.

Сравнительный анализ показывает, что задержание подозреваемого не содержит все эти черты. В частности, протокол данного действия констатирует лишь сам факт задержания. Других сведений, представляющих интерес с точки зрения доказывания, в нем чаще всего нет. В связи с этим нельзя говорить о том, что данный документ можно рассматривать как источник судебных доказательств.

Отдельно можно остановиться на цели проведения данного действия. Она носит двойственный характер. С одной стороны, задержание проводится для пресечения противоправной деятельности лица, с другой – для обеспечения производства по уголовному делу. В то же время цель любого следственного действия заключается в собирании доказательств»¹².

Не вдаваясь в полемику по содержанию приведенного, скажем главное: законодатель не отнес ни задержание, ни наложение ареста на имущество к числу следственных действий. В соответствии с Уголовно-процессуальным законодательством они являются мерами процессуального принуждения: первая – задержанием подозреваемого, вторая – иной мерой процессуального принуждения. М.И.Еникеев, В.А. Образцов, В.Е. Эминов, рассматривая тактику задержания, совершенно обоснованно называют его мерой процессуального принуждения¹³.

Имеются точки зрения, в соответствии с которыми эксгумация, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, получение образцов для сравнительного исследования не относятся к числу следственных действий. При этом указывается, что их проведение не дает новой доказательственной информации, а лишь подготавливает и обеспечивает производство следственных действий¹⁴.

С таким выводом вряд ли можно согласиться. К тому есть несколько доводов: во-первых, законодатель (мы на это уже специально указывали) называет их следственными действиями; во-вторых, процедура их производства специально расписана законодателем; в-третьих, их производство не исключает сбора доказательств.

Приведенная систематизация позволяет сформулировать следующее определение: следственное действие – это предусмотренная уголовно-процессуальным законом, обеспеченная государственным принуждением деятельность соответствующих должностных лиц, предусматривающая реализацию совокупности познавательных приемов, технических средств, направленных на поиск, обнаружение, проверку, изъятие, исследование и фиксацию следов преступления, закрепления доказательств или создания условий для их получения в процессе производства предварительного расследования преступлений.

¹⁰ Гаврилин Ю.В., Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия : учеб. пособие. М.: Книжный мир, 2006.

¹¹ Лаврухина Ю.С., Громов Н.А. Понятие следственного действия // Следователь. 2006. № 5. С. 28; Уголовный процесс России : учеб. М., 2001. С. 309.

¹² Усманов Р.А. Информационные основы предварительного расследования. М., 2006. С. 73.

¹³ Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология. М., 2007. С. 207–212.

¹⁴ Уголовный процесс : учеб. / под ред. Р.А. Журавлева. М., 2000. С. 107.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

В.Н. Аноревич

Аноревич Вера Николаевна – старший преподаватель кафедры гражданского, предпринимательского и транспортного права Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В представленной работе предпринята попытка сформулировать полную модель преступного нарушения правил безопасности при ведении строительных работ.

This article is devoted to catch the full model of the criminal breach of the non-dangerous rules during the construction work.

Преступное нарушение правил безопасности при ведении строительных работ является довольно сложным по своей юридической природе составом преступления. Поэтому криминалистическая характеристика преступного нарушения правил безопасности при ведении строительных работ служит для следователей и дознавателей источником отправных сведений для лучшей организации работы по данным уголовным делам. Кроме того, криминалистическая характеристика, как отмечает Э.В. Лантух, помогает конкретизировать и индивидуализировать план расследования конкретного дела и, в частности, облегчает:

- выбор стратегии, тактики расследования и необходимых технических средств;
- выявление и устранение обстоятельств, способствующих совершению преступления;
- принятие уголовно-процессуальных решений¹.

В последние годы криминалистическая характеристика преступлений продолжает активно исследоваться и обсуждаться учеными. Проблема заключается в том, что понятие данной категории по-разному рассматривается современными учеными и учеными прошлых лет, а множество точек зрения не способствует эффективному использованию частных криминалистических методик в расследовании преступлений.

Ряд юристов определяют криминалистическую характеристику как описание способов совершения преступлений данного вида, применяемых преступниками технических средств, источников получения этих средств; типичных материальных следов преступления, имеющих иметь значение вещественных доказательств, предметов посягательств, личности преступника и потерпевшего и т. д.²

Другие специалисты считают, что криминалистическая характеристика – это совокупность данных, которые способствуют раскрытию и расследованию преступлений и поэтому имеют криминалистическое значение³.

Третья группа авторов полагает, что криминалистическая характеристика – это научная абстракция, содержащая в себе обобщенные знания о типичном, и именно в таком качестве, как некий ориентир, который может использоваться следователем для раскрытия и расследования преступлений⁴.

Четвертая группа исследователей проблем криминалистической характеристики преступлений указывают на то, что криминалистическая характеристика преступлений – это типовая информационная модель, совокупность данных или

ские основы криминалистики. М., 1984. С. 113–133; Образцов В.А. Учение о криминалистической характеристике преступлений // Криминалистика. М., 1995. С. 38–51; Образцов В.А., Танасевич В.Г. О криминалистической характеристике преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 25. М., 1976. С. 94–104; Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследования преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 30. М., 1979. С. 110–122.

³ Винокуров С.И. Криминалистическая характеристика преступления, ее содержание и роль в построении методики расследования конкретного вида преступлений // Методика расследования преступлений. М., 1976. С. 8; Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. М., 1975. С. 9.

⁴ Белкин Р.С., Быховский И. Дулов А. Модное увлечение или новое слово в науке? // Соц. Законность. 1989. № 9. С. 57; Гавло В.К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск, 1980. С. 122; Шиканов В.И. Проблемы использования специальных познаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис.... д-р юр. наук. М., 1980. С. 18; Ялышев С.А. Использование информационно-поисковых систем для выдвижения типичных версий о личности преступника при раскрытии краж личного имущества граждан на железнодорожном транспорте: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1989. С. 14–15.

---

¹ Лантух Э.В. Методика расследования убийств, сопряженных с поджогом: дис. ... канд. юр. наук. СПб., 1998. С. 16–17.

² Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. С. 46–56; Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретиче-

сведений, полученных в результате специальных исследований⁵.

И последняя группа ученых-криминалистов, представляет ее как систему обобщенных фактических данных о расследуемых преступлениях, имеющих криминалистическое значение, и отмечают, что это не случайная разобшенная сумма элементов, не связанных между собой, а система, обладающая определенной целостной структурой; обобщенные фактические данные, закономерно отражающие криминалистически значимые признаки преступления; сведения и основанные на них научные выводы, которые способствуют раскрытию и расследованию преступлений; информация, выявленная в процессе обобщения практики расследования и судебного разбирательства; система сведений, необходимых следователям для осуществления всестороннего, полного, объективного и быстрого раскрытия и расследования преступлений⁶.

В результате обобщения разнообразных высказываний известных исследователей в области криминалистической характеристики преступлений можно в той или иной степени согласиться с мнениями всех выделенных нами групп авторов.

Популярным определением криминалистической характеристики на сегодняшний день является определение И.А. Возгрин, который понимает криминалистическую характеристику преступлений как «систему обобщенных фактических данных и основанных на них научных выводов и рекомендаций о наиболее типичных криминалистически значимых признаках преступных деяний, знание которых необходимо для организации и осуществления их всестороннего, полного, объективного и быстрого раскрытия и расследования»⁷.

⁵ Бурданова В.С., Кузьминых К.С., Владимиров В.Ю. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: лекция. СПб., 1998. С. 4. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкина. М., 1994. С. 333.

⁶ Видонов Л.Г., Видонов В.Л. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений и закономерных связях между ее элементами // Криминалистическая характеристика / под ред. В.В. Клочкова. М., 1984. С. 95; Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Ч. 4. СПб., 1993. С. 22–24; Коновалова В.Е. Колесниченко А.Н. Теоретические проблемы криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика / под ред. Клочкова В.В. М., 1984. С. 16; Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Соц. законность. 1977. № 2. С. 58.

⁷ Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Ч. 4. СПб., 1993. С. 22.

Таким образом, криминалистическую характеристику преступных нарушений правил безопасности при ведении строительных работ можно определить, как систему обобщенных фактических данных и основанных на них научных выводов и рекомендаций о наиболее типичных криминалистически значимых признаках этих преступлений, знание которых необходимо для организации и осуществления их всестороннего, полного, объективного и быстрого расследования.

Р.С. Белкин выявил, что большинство авторов указывает на следующие элементы криминалистической характеристики: типичные следственные ситуации; способ совершения преступления; способ сокрытия преступления, маскировка; типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения; характеристика личности преступника; обстановка преступления (место, время и другие обстоятельства)⁸.

С учетом всего вышеизложенного и на основании проведенного нами анализа уголовных дел о преступных нарушениях правил безопасности при ведении строительных работ, типичными элементами криминалистической характеристики данных преступлений будут являться:

- особенности выявления данных преступлений;
- способ совершения;
- обстоятельства, характеризующие материальную сторону преступления (место, время, обстановка, последствия);
- данные о личности преступника;
- данные о личности потерпевшего;
- причины преступления.

Анализ уголовных дел показывает, что преступные нарушения правил безопасности при ведении строительных работ выявляются в результате их непосредственного обнаружения должностными лицами Федеральной инспекции труда, прокуратуры и органов внутренних дел.

Чаще всего признаки преступлений, предусмотренных ст. 216 УК РФ, выявляются в ходе расследования несчастных случаев государственными инспекторами труда (50 % от числа возбужденных уголовных дел)⁹. По окончании расследования его материалы направляются в прокуратуру для рассмотрения вопроса о при-

⁸ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. С. 312.

⁹ Данное расследование производится на основании Трудового кодекса РФ и Положения о расследовании и учете несчастных случаев на производстве, утвержденного Министерством труда 11 марта 1999 года, при получении сведений о тяжелой или смертельной травме, и носит административно-правовой характер.

влечении виновных лиц к уголовной ответственности. Таким образом, государственные инспектора труда только выявляют допущенные нарушения и указывают лиц, их совершивших, а уголовно-правовая оценка данных нарушений как преступных, так и не преступных, и определение вины конкретных лиц в данных нарушениях, является обязанностью органов прокуратуры.

Другим способом обнаружения должностными лицами Федеральной инспекции труда нарушений правил безопасности в строительстве является проведение ими проверок соблюдения правил охраны труда и техники безопасности строительными организациями (9 % случаев). После обнаружения нарушений государственным инспектором труда составляется протокол об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.44 КоАП РФ (сокрытие страхового случая), после чего производится расследование несчастного случая на производстве. В дальнейшем материалы несчастного случая передаются в прокуратуру для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Непосредственное обнаружение органами прокуратуры преступных нарушений правил безопасности в строительстве обычно происходит либо в результате подачи потерпевшим жалобы в прокуратуру на незаконные действия должностных лиц строительной организации, либо в тех случаях, когда нарушение повлекло смерть пострадавшего, либо если пострадали несколько человек (31 %). Тогда следователь прокуратуры или районный прокурор выезжает на место происшествия, производит осмотр и по его итогам принимает решение по вопросу о возбуждении уголовного дела.

На практике существует еще один способ выявления нарушений правил безопасности в строительстве, при рассмотрении которого достаточно сложно определить субъекта данной деятельности. Их доля в общем числе возбужденных уголовных дел составляет 10 %. Речь идет о тех несчастных случаях, когда администрация предприятия или медицинского учреждения, куда был доставлен пострадавший, сначала оповещают о несчастном случае не государственных инспекторов труда и прокуратуру, а работников милиции, которые выезжают на место происшествия, производят его осмотр, опрашивают очевидцев и лиц, причастных к несчастному случаю, а затем передают собранные материалы в прокуратуру для принятия решения о дальнейшем движении дела.

Характеристика способа преступления как действий (бездействия) субъекта преступного

посягательства является одной из актуальных проблем следствия. В способе преступления содержится значительный объем информации о преступлении. Не случайно ряд криминалистов считает его одним из главных элементов криминалистической характеристики преступления, ибо он определяет основные пути и направления расследования¹⁰.

Г.Г. Зуйков, один из известных специалистов в этой области считал, что данная категория достаточно полно изучена криминалистами, в связи с чем сложилось ее традиционное и устойчивое понятие как «системы взаимосвязанных, детерминированных условиями внешней среды и психофизическими свойствами личности преступника, ситуационно повторяющихся действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, которое осуществлялось в определенном порядке и направлены на достижение преступной цели»¹¹. Другие авторы под способом совершения преступления понимают «комплекс действий, совершаемых преступником в определенном порядке и направленных на достижение преступной цели»¹². С.П. Митричев понимает способ преступления как последовательную систему действий, направленную на достижение преступной цели¹³.

Таким образом, с учетом изложенного можно констатировать, что до настоящего времени понятие способа преступлений в криминалистике еще не получило единообразного признания и продолжает развиваться.

В связи с этим, с нашей точки зрения, следует согласиться с мнением, что способ преступления – это система взаимосвязанных и взаимообусловленных действий, с помощью которых преступник достигает своей цели¹⁴.

Необходимо отметить, что многие авторы рассматривают способ совершения преступления только применительно к умышленным преступлениям, анализируя такие его элементы, как подготовка к совершению преступления, непосред-

¹⁰ Зуйков Г.Г. Установление способа совершения преступления при помощи криминалистических экспертиз и исследований. М., 1970. С. 15–16; Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации. Хабаровск, 1985. С. 17.

¹¹ Зуйков Г.Г. Поиск преступников по признакам способа совершения преступлений. М., 1970. С. 86.

¹² Куранова Э.Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений // Вопросы криминалистики. М., 1962. № 6–7. С. 165.

¹³ Митричев С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1973. С. 14.

¹⁴ Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Ч. 4. СПб., 1993. С. 26.

ственно его совершение и сокрытие уже совершенного преступления. И только некоторые ученые правомерно считают, что способ совершения преступления в криминалистическом аспекте присущ умышленным и неосторожным преступлениям¹⁵, к которым относятся и преступления, совершаемые в результате нарушения правил ведения строительных работ. Но, по мнению Г.Г. Зуйкова, способ совершения неосторожного преступления не включает в себя такой элемент (этап), как подготовка¹⁶. Таким образом, Г.Г. Зуйков предполагает, что структурное содержание способа совершения всех неосторожных преступлений всегда является усеченным. Указанная точка зрения является достаточно спорной.

Способ совершения преступления – это объективная характеристика преступного действия и не зависит от того, с какой формой вины оно совершается¹⁷. Кроме того, преступление «никогда не является единовременным актом, а представляет собой сложную систему поступков и действий виновного как до, так и во время и после преступного события»¹⁸. Таким образом, все элементы действия по подготовке, совершению и сокрытию преступления должны присутствовать и в структуре способа совершения неосторожного преступления как объективная характеристика указанного комплекса действий. В то же время возможны случаи, когда способ совершения определенной части неосторожных преступлений может быть усеченным, т. е. не включать в себя ни подготовку, ни сокрытие преступления. В указанных случаях данные элементы способа совершения преступления будут носить факультативный характер. Усеченный способ совершения преступления может иметь место и при умышленном преступлении, когда не осуществляется подготовка к его совершению, а также и его сокрытие.

В криминалистическом аспекте подготовка к совершению преступления как элемент способа совершения преступления представляется, как комплекс осознанных действий субъекта, предшествующий общественно опасному поведению, которое приводит к указанным в уголовном законе вредным последствиям. Так, к обвиняемым

в совершении преступлений данного вида в 65 % случаев ранее применялись дисциплинарные взыскания, причем в 35 % случаев именно за нарушения в области охраны труда. К уголовной ответственности привлекались ранее 15 % обвиняемых, в 9 % случаев – за преступления, предусмотренные ст. 216 УК РФ.

Еще одним аспектом данной проблемы является то, что исключение из способа совершения преступления такого элемента, как подготовка к совершению преступления, приведет к исключению криминалистического изучения деятельности не только предшествовавшей совершению неосторожного преступления, но и всего комплекса причин и условий, которые способствовали преступным нарушениям правил производства строительных работ. А своевременное выявление и устранение обстоятельств, которые обуславливают рассматриваемые преступления, является одной из главных и наиболее важных задач расследования.

Таким образом, изучение и анализ литературы, а также исследование уголовных дел о преступном нарушении правил безопасности при производстве строительных работ показало, что при совершении этих преступлений преступники обычно прибегают к использованию следующих способов преступного нарушения правил безопасности при производстве строительных работ, которые обладают наиболее важным криминалистическим значением:

– совершение преступления посредством произнесения слов, письменного выражения информации, жестов – такой способ совершения преступления характерен для должностных лиц, которые в производственных процессах осуществляют управляющее воздействие на подчиненных им работников, т. е. посредством активных действий;

– совершение преступления посредством физического воздействия субъекта преступления на неодушевленные предметы внешнего мира, например, включение различного рода агрегатов, машин, приборов и т. п. – такой способ совершения преступления характерен для конкретных исполнителей производственных операций;

– совершение преступления посредством бездействия, т. е. невыполнения целого ряда предписаний нормативных правовых актов – такой способ совершения преступления в равной мере характерен для должностных лиц и для рядовых работников.

Особое внимание при исследовании данных о способе преступления как одного из элементов криминалистической характеристики преступле-

¹⁵ Зуйков Г.Г. Криминалистическое понятие и значение способа совершения преступления. М. : «Труды ВШ МООН СССР». Вып. 15. 1967. С. 66.

¹⁶ Там же. С. 66.

¹⁷ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М. : Госюриздат, 1960. С. 71.

¹⁸ Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова. М., 1968. С. 4.

ний следует уделить понятию сокрытия преступления. Правильно замечает Р.С. Белкин, что важным фактором, существенно влияющим на успешный ход расследования преступления, является сокрытие преступления как деятельность (элемент преступной деятельности), направленная на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника и их носителей¹⁹.

В целях сокрытия своих противоправных действий преступники в основном выбрасывают либо прячут применяемые ими при этом различные орудия и средства, сдают в пункты приема различные металлические детали, а также уничтожают следы происшествия, уничтожают техническую документацию или документацию организации охраны труда на данном строительном предприятии.

Преступная деятельность человека, как и любая другая, планируется и осуществляется в определенных временных, территориальных, климатических, социальных и иных условиях, т. е. в окружающей среде. Средой (или обстановкой) преступления является совокупность тех объектов (людей, вещей), их состояния, связей и отношений, на фоне и с учетом или под воздействием которых совершается это преступление.

Именно поэтому важным элементом криминалистической характеристики преступных нарушений правил безопасности при производстве строительных работ являются обстоятельства, характеризующие место, время и обстановку происшествия.

В частности, структурирование данного понятия позволяет, как утверждает В.А. Образцов, определить круг его составных элементов, а значит, и обстоятельств, подлежащих выяснению по делу (время суток, день недели, месяц, место преступления, погодные условия, прилегающие к указанному месту коммуникации, наличие поблизости жилых, производственных объектов и т. д.)²⁰.

По мнению Н.П. Яблокова, под обстановкой преступления следует понимать совокупность взаимодействующих и взаимосвязанных объектов, процессов и явлений, которые определяют условия места и времени, вещественные, физико-химические, метеорологические, производственные факторы, особенности поведения участников события и другие обстоятельства реальной

действительности, сложившиеся в ходе преступления и влияющие на способ его совершения и механизм²¹.

В более поздних трудах Н.П. Яблоков рассматривает обстановку преступления как систему различного рода взаимодействующих между собой до и в момент преступления объектов, явлений и процессов, характеризующих место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения непосредственных участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления²².

Таким образом, основными криминалистическими признаками обстановки преступлений являются место и время его совершения, однако, они будут являться элементами криминалистической характеристики только тогда, когда они имеют характерные особенности и именно поэтому могут быть выбраны преступниками.

Анализ эмпирического материала о данных преступлениях позволяет сделать вывод о том, что по исследуемой категории дел преступники предварительно не изучают обстановку, тщательно не выбирают место и время для совершения таких преступлений.

Криминалистический анализ практики показывает, что чаще всего нарушения правил безопасности при ведении строительных работ (90 % случаев) происходят на строительной площадке. Как правило, несчастные случаи происходят при выполнении работниками строительных работ на их рабочем месте (85 %). В то же время 15 % несчастных случаев произошли с работниками не на рабочем месте, а 14 % несчастных случаев не были связаны с осуществлением работниками их профессиональных функций. Следует отметить, что несчастные случаи, происшедшие с работниками не на рабочем месте и не при исполнении их обязанностей, связаны с нарушением ими трудовой дисциплины и ослаблением контроля со стороны должностных лиц строительных организаций.

Как было сказано выше, одним из элементов обстановки преступления является время, кото-

¹⁹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 3. М., 1997. С. 364.

²⁰ Образцов В.А. Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. тр. М., 1984. С. 9–10.

²¹ Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступления и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследования преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 30. С. 116.

²² Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Н.П. Яблокова. М., 1995. С. 51.

рое так же, как и место совершения преступления, входит в предмет доказывания по уголовному делу и подлежит обязательному установлению. Вне времени, как и вне места, нет преступления. Оно не только связывает все элементы, но и выступает как фактор, определяющий поведение виновного и других лиц. Поэтому время совершения преступления – это объективно существующий, определенным образом выраженный элемент системы преступления, обуславливающий поведение виновного, используемое им для подготовки, совершения, сокрытия и характеризующее начало преступления и его завершение. Время выражается в определенных показателях (годах, месяцах, числах, часах суток, минутах) и с определенной степенью точности.

При расследовании преступлений, совершаемых в результате нарушений правил безопасности при производстве строительных работ, имеет значение не только время совершения преступления, но и время, прошедшее с момента совершения преступления до момента появления информации о преступлении в правоохранительных органах. Это способствует планированию организационных, следственных и иных мероприятий по делу.

Кроме того, при решении вопросов уголовно-процессуального и криминалистического (тактического и методического) характера должно учитываться влияние фактора времени на процесс познания преступного события. Этот фактор оказывает влияние на планирование последовательности и продолжительности производства отдельных следственных действий, определение тактических приемов установления временных связей между обстоятельствами, имеющими значение для дела, установление возможных изменений в следах преступления и т. п.

Оценка временных параметров преступления в совокупности со всеми другими криминалистически значимыми структурными элементами этой системы может существенно увеличить объем информации, подлежащей анализу на предварительном следствии²³.

Так как строительные работы могут осуществляться в круглосуточном режиме, несчастные случаи при их проведении могут происходить в любое время суток. Анализ эмпирического материала показал, что можно отметить определенную закономерность распределения числа

несчастных случаев, повлекших тяжкие последствия или смерть пострадавших в зависимости от времени суток. Так, при работе в дневную смену (с 9.00 до 18.00) несчастные случаи происходят в 2,5 раза больше, чем в вечернюю и ночную смены вместе взятые – 70 % против 30 %. Это объясняется более высокой интенсивностью строительных работ в дневное время. Кроме того, можно отметить, что свыше 90 % тяжелых и смертельных несчастных случаев произошли во время работы и только около 9 % до ее начала или по ее окончании. Чаще всего несчастные случаи в строительстве происходят между 14 и 18 часами (29,8 %). Это объясняется тем, что данные часы приходятся на конец рабочего дня, когда у работников накапливается усталость, ослабляется концентрация внимания; должностные лица снижают уровень контроля над технологическими процессами и трудовой дисциплиной. Эти факторы способствуют возрастанию риска травматизма. Особенно ярко это проявляется при нарушениях правил безопасности, когда на работника ложится дополнительная нагрузка по удержанию негативных факторов от их проявления. В первую очередь, это относится к работникам с низкой квалификацией, которые, не обладая в должной мере профессиональным мастерством, не могут снизить действие опасных факторов, вызванных нарушениями, и поэтому больше других подвержены травмам.

Значительное число несчастных случаев приходится также на промежуток времени между 9 и 12 часами (28 %). Причиной этого являются физиологические особенности организма работников, которым необходимо некоторое время, чтобы «втянуться» в работу. Вместе с тем следует отметить, что в основном несчастные случаи в начале работы происходят с работниками, выполнявшими несвойственную им работу либо ненадлежаще проинструктированными по охране труда, а также при необеспечении работодателем безопасных условий. В результате этого лица, приступившие к выполнению строительных работ, сразу же или спустя непродолжительное время, получают тяжелые травмы.

Стоит отметить, что установление точного места и времени несчастного случая в строительстве иногда сопряжено с большими трудностями. Как правило, такие ситуации возникают при расследовании смертельных несчастных случаев, когда следователь и контрольно-надзорные органы испытывают недостаток информации, позволяющей установить данные обстоятельства, а также при расследовании сокрытых несчастных случаев, когда администрация строительной ор-

²³Аббасова И.С., Кручинина Н.В., Шиканов В.И. Время как базисный элемент криминалистически значимой информации о событии преступления : тактико-криминалистические и процессуальные аспекты. Иркутск, 1994. С. 44.

ганизации негласно противодействует расследованию. Таким образом, знание обстановки преступления способствует не только оптимизации расследования, но и эффективному предотвращению, пресечению и выявлению преступлений.

Нарушения правил безопасности при ведении строительных работ находят свое материальное отражение в специфической обстановке, которая представляет собой совокупность материальных следов происшествия, позволяющих установить факт нарушения строительных правил, виновных лиц, иные обстоятельства происшествия. Данные следы могут находиться как непосредственно на месте происшествия, так и содержаться в различных документах, связанных с осуществлением работ. Следы на месте происшествия могут дать информацию об условиях, в которых выполнялись данные работы, о наличии опасных производственных и внешних факторов, о технических причинах происшествия, о степени вины потерпевшего в происшествии. На основании этих данных следователь может составить приблизительную картину происшествия и выдвинуть основные версии о механизме происшествия и наличии или отсутствии нарушений со стороны конкретных должностных лиц.

Другим источником следов, позволяющих уяснить обстановку происшествия, являются следы, содержащиеся в различных нормативных документах (приказах, распоряжениях, инструкциях). Их содержание может быть разнообразным (незаконное распоряжение, неправильные записи в документах, связанных с техникой безопасности, исправление или подчистка в журналах инструктажей или ведомости на выдачу средств индивидуальной защиты). Следы преступления, обнаруженные в документах, могут с большой долей достоверности установить организационные причины происшествия и лиц, допустивших данные нарушения.

Таким образом, следы, содержащиеся в обстановке места происшествия и производственной документации, имеют очень важное значение для расследования. Однако следует учитывать, что виновные лица, осознавая, что данные следы изобличают их в совершении данного преступления, часто прилагают усилия, направленные на уничтожение или искажение обстановки происшествия. Так, могут быть списаны и демонтированы механизмы, при эксплуатации которых произошел несчастный случай; до прибытия работников правоохранительных органов не приостанавливаются работы на участке, где произошло происшествие; вносятся изменения в документы, связанные с охраной труда в органи-

зации, либо, если документы компрометируют должностных лиц – вовсе уничтожаются и т. д. Тем самым расследование данного преступления значительно усложняется, и в результате уголовное дело может либо вообще не возбуждаться, либо будет прекращено.

Особенности преступных нарушений правил безопасности при ведении строительных работ находят свое отражение в личности преступников и потерпевших.

Данные о личности преступника являются важным элементом криминалистической характеристики преступления. Характеристика личности преступников предусматривает глубокое всестороннее изучение находящихся в определенной зависимости друг от друга различных свойств личности как обусловленных биологически, так и индивидуальных психических особенностей индивидуума, играющих значимую роль в механизме человеческого поведения, в том числе и преступного.

Личность преступника является объектом самостоятельного изучения в криминалистике. В последнее время издано большое количество работ, посвященных изучению личности преступника²⁴, обоснованно доказывающих необходимость изучения личности преступника и в криминалистических целях – для расследования преступлений (получение доказательств, выдвижение обоснованных версий, избрание наиболее эффективной тактики следствия, организация расследования преступлений, выявление конкретных причин и условий совершения преступления).

Прав В.К. Гавло, который подчеркивает, что криминалистику и ее методику интересуют такие данные о личности субъекта преступления, которые указывают на закономерные связи между ним и совершенным преступлением, проявляющиеся вовне – в различных последствиях содеянного. В этом плане личность надо изучать как слеодообразующий объект, источник информации о совершенном преступлении, и как средство его раскрытия²⁵.

²⁴ Ведерников Н.М. Изучение личности преступника в процессе расследования. Томск. 1968; Гаухман Л.Д., Кипман Н.Н. Деятельность следователя органов внутренних дел по изучению личности обвиняемого. М., 1972; Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969; Павлов В.Г. 1) Субъект преступления: монография. СПб., 2000. 296 с.; 2) Субъект преступления: история, теория и практика: дис. ... д-ра юр. наук. СПб., 2001. 405 с.; Цветков П.П. Исследование личности обвиняемого на предварительном следствии в суде первой инстанции. Л., 1973.

²⁵ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 197.

Изучение личности преступника предполагает выделение отдельных криминалистически значимых сведений, относящихся к различным ее сторонам.

Они должны содержать данные о проявлениях личности в основных сферах деятельности общества (труд, общественно-политическая деятельность, быт). Кроме этого, они должны содержать: данные о его социально-психологических и эмоционально-волевых качествах; социально-демографическую информацию о нем, которая содержится в сведениях: о возрасте, принадлежности к полу, образованию, социальном положении, профессии, что позволит дать целостное, законченное представление о личности. Определенный практический интерес представляют данные, характеризующие антиобщественное поведение субъекта как до, так и после совершения преступления.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что всех лиц, совершивших преступные нарушения правил безопасности в строительстве, можно подразделить на четыре группы:

- должностные лица строительных организаций – 80 % нарушений;
- лица, получившие травмы в результате совершенных ими преступных нарушений правил безопасности – 10 % нарушений;
- рабочие строительных специальностей – 8 % нарушений;
- должностные лица строительной организации – производителя оборудования – 2 %.

Из приведенных данных видно, что основную массу нарушителей составляют должностные лица строительных организаций. При этом можно отметить, что среди нарушителей присутствуют фактически все должности строительных организаций высшего, среднего и низшего управленческого звена. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что ИТР низшего звена (бригадиры, механики) составляют очень незначительную часть нарушителей (всего 7 % нарушений). В основном данные нарушения выражаются в необеспечении непосредственного контроля над производством работ, или ослаблении такого контроля. В свою очередь, должностные лица высшего звена (руководители организации, их заместители, главные инженеры) и среднего звена (мастера, начальники участков, прорабы) допускают практически одинаковое число нарушений – 34 % против 40 % преступных нарушений.

Нарушения должностных лиц строительных организаций имеют различные проявления. Нарушения ИТР среднего звена в основном связаны

с необеспечением безопасных условий труда и общего контроля над соблюдением работниками правил ведения работ на вверенных им объектах, так как они связаны с осуществлением данными лицами своих должностных обязанностей, предусмотренных их должностными инструкциями.

Преступная деятельность ИТР высшего звена также связана с необеспечением безопасных условий труда и общего контроля над ведением строительных работ. Она может выражаться в даче распоряжений о производстве работ с нарушением строительных норм и правил, в отказе внести в смету расходов на охрану труда либо в неудовлетворительном контроле над исполнением нижестоящими ИТР их должностных обязанностей. Поэтому ответственность ИТР высшего и среднего звена должна наступать одновременно.

Криминалистические исследования показывают, что преступное поведение нарушителей строительных правил имеет несколько разновидностей:

- нарушитель не знает или недостаточно знает строительные правила;
- нарушитель знает правила, но отвергает необходимость их осуществления, считая их соблюдение ненужной формальностью;
- нарушитель знает правила, сознает необходимость их выполнения, но нарушает их «для интересов дела», либо не желает прилагать усилий по их осуществлению.

Согласно ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Потерпевшими по данным уголовным делам в основном являются физические лица.

В результате совершения исследуемых преступлений, ущерб, причиняемый преступниками, может быть как материальным, так и моральным.

Материальный ущерб от совершения преступного нарушения правил безопасности при производстве строительных работ причиняется объектам, находящимся в государственной, муниципальной, личной и иной формах собственности. Материальный ущерб выражается:

- в порче имущества: машин, механизмов, инструментов на строящемся объекте, посредством приведения его в неисправное состояние,
- в убытках из-за простоя по причине несчастного случая,
- в оплате расходов на лечение и восстановление здоровья пострадавшему.

Моральный вред при совершении данных общественно опасных деяний, чаще всего, выра-

жается в отрицательном воздействии на здоровье пострадавшего – в причинении тяжкого вреда здоровью.

Возможность возмещения материального и морального ущерба, при рассмотрении дел в суде о преступном нарушении правил безопасности в строительстве, во многом зависит от того, насколько полно и всесторонне были установлены данные о характере и размере ущерба, причиненного преступлением.

Анализ уголовных дел показывает, что потерпевшими в результате преступных нарушений правил безопасности в строительстве в подавляющем большинстве (90 %) являются работники строительной организации. Остальные 10 % потерпевших – посторонние лица, оказавшиеся в месте строительных работ по небрежности лиц, призванных не допускать проникновения посторонних на объект.

Жертвами данных преступлений могут быть работники самых различных строительных специальностей, причем выявить наиболее травмоопасную строительную специальность достаточно сложно. Наиболее часто несчастные случаи в строительстве возникают с монтажниками (19 %), однако, данная цифра является слишком незначительной для вывода о повышенной травмоопасности монтажных работ.

Вместе с тем, исследуя материалы расследования надзорными органами несчастных случаев и материалов уголовных дел, можно выделить категорию работников наиболее часто становящихся жертвами несчастных случаев в строительстве. Это разнорабочие, не имеющие определенной строительной специальности и выполняющие различные подсобные работы (уборка территории, переноска строительных материалов и т. д.). Именно отсутствие профессиональных навыков делает данных лиц наиболее уязвимыми для действия негативных факторов. Если же их деятельность сопровождается нарушением правил охраны труда со стороны должностных лиц строительных организаций, риск наступления тяжелых последствий возрастает еще больше. Этим и можно объяснить тот факт, что доля разнорабочих среди потерпевших составляет 21 %. Вместе с тем, следует отметить, что потерпевшие нередко сами являются виновниками несчастных случаев, нарушая правила безопасности. Данные нарушения во многом обусловлены негативными чертами личности потерпевших, к которым относится их внутренняя неорганизованность, отсутствие должной осмотрительности и осторожности, излишняя

самоуверенность, нигилистическое отношение к нормативным требованиям.

Данные черты объединяют их с нарушителями строительных правил.

Поэтому следует отметить, что чаще всего жертвами несчастных случаев на производстве становятся лица, не обладающие навыками выполнения конкретных строительных работ либо работники, имеющие стаж работы до 3 лет по данной специальности.

Преступления, из числа которых складывается общая картина преступности, как и все человеческие поступки, представляют собой результат взаимодействия индивидуальных свойств людей и объективной ситуации. Поэтому причины и условия этих социальных явлений следует искать в обстоятельствах реальной жизни. Обстоятельства, способствующие совершению преступления, не всегда включаются в элементный состав криминалистической характеристики преступлений. Р.С. Белкин отмечает, что недостатком существующих «...перечней элементов криминалистической характеристики является отсутствие в них указания на описание типичных для данного вида преступлений причин и условий, способствующих его совершению и их признаков...»²⁶.

Данное высказывание связано с тем, что не установление обстоятельств, способствующих преступлению, свидетельствует о существенной неполноте дознания, предварительного или судебного следствия. Выяснение обстоятельств, способствующих совершению конкретного преступления, является предусмотренной законом обязанностью следственных органов и суда.

В ст. 73 УПК РФ, определяющей обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, установлено, что «подлежит выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления». Под этими обстоятельствами законодатель понимает непосредственную причину совершения преступления, а также условия, способствующие формированию этой причины и облегчившие ее реализацию. Все обстоятельства, подлежащие доказыванию в процессе предварительного расследования, должны быть обоснованы в ходе судебного следствия и отражены в обвинительном приговоре суда.

Таким образом, можно сказать, что важным элементом криминалистической характеристики преступных нарушений правил безопасности при

---

²⁶ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т.3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. С. 315.

ведении строительных работ являются причины данных нарушений. Они находятся в тесной связи с другими элементами криминалистической характеристики и во многом обуславливают их. Поэтому неубедительной представляется мнение В.И. Исаенко, отрицающего причины преступления как элемент криминалистической характеристики.²⁷ Причины преступных нарушений правил безопасности при производстве строительных работ принято разделять на две группы: организационные и технические.²⁸ Рассмотренные обстоятельства, способствующие совершению преступных нарушений правил безопасности в строительстве, сами по себе не имеют особого значения, только в системном единстве, корреляционной взаимозависимости с другими элементами криминалистической характеристики являются обязательным ее структурным элементом.

Организационными причинами несчастных случаев в строительстве являются:

- неудовлетворительная организация производства работ (27,1 %);
- недостатки в обучении безопасным приемам труда (12,8 %);
- нарушение трудовой и производственной дисциплины (7,2 %);
- неудовлетворительное содержание и недостатки в организации рабочих мест (4,8 %);
- нарушение требований безопасности при эксплуатации строительных механизмов (3,6 %).
- неприменение средств индивидуальной защиты (2,1 %);
- неприменение средств коллективной защиты (0,8 %);
- использование работника не по специальности (0,7 %).²⁹

В свою очередь, к техническим причинам несчастных случаев при ведении строительных работ относятся:

- нарушение технологического процесса (4,6 %);
- эксплуатация неисправных машин, механизмов, оборудования (3,4 %);
- неудовлетворительное техническое состояние зданий, сооружений, территорий (3,1 %);
- конструктивные недостатки, несовершенство,

недостаточная надежность машин, механизмов, оборудования (2,1 %);

- несовершенство технологического процесса (0,6 %).

Анализ материалов расследования несчастных случаев показывает, что большинство их происходит в результате снижения или утраты владельцами или руководителями строительных организаций чувства ответственности за обеспечение безопасных условий труда, осуществляющих экономию своих производственных затрат за счет безопасности работников. Вследствие этого резко снижается уровень подготовки руководителей и ведущих специалистов данных организаций в вопросах охраны труда, так как они проходят неудовлетворительное обучение и формальную проверку знания по охране труда, отраслевых правил и инструкций, обеспечивающих безопасные условия строительных работ. Рядовые работники часто допускаются к работе с недостаточными знаниями производственных и технологических инструкций, инструкций по охране труда. К вышесказанному следует добавить низкую производственную дисциплину работников и прогрессирующее старение основных фондов строительных организаций (до 60 % и более).³⁰ Таким образом, причины преступных нарушений правил безопасности при ведении строительных работ носят глубинный характер и охватывают как организацию производства, так и техническую оснащенность строительных организаций. Установление в ходе расследования уголовного дела обстоятельств, способствующих совершению преступления, – важный фактор успешного расследования, изобличения виновных в совершении общественно-опасного деяния и предупреждения новых преступлений.

Таким образом, мы рассмотрели понятие и значение криминалистической характеристики, разработали структуру криминалистической характеристики данного преступления. В результате мы получили полную модель преступления, необходимую для разработки частной методики расследования преступных нарушений правил безопасности в строительстве.

²⁷ Исаенко В. И. О криминалистической характеристике преступлений // Предварительное следствие и прокурорский надзор: сб. науч. тр. М. 1990. С. 24.

²⁸ Брайнин М.А., Квелидзе С. А. Уголовно-правовая охрана труда в СССР. М.: Юр. лит. 1977. С. 99–100. Рохлин В.И. Расследование преступных нарушений техники безопасности. Л. 1980 С. 8.

²⁹ Обобщение основано на отчетах Федеральной инспекции труда Российской Федерации по Хабаровскому краю за 2001–2006 годы.

³⁰ Отчет Государственной инспекции по Хабаровскому краю за 2001–2006 годы.

ИСТОРИЯ

К ИСТОРИИ КОНЦЕПЦИИ «СОРАЗВИТИЕ» ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА С ДЕЛОВЫМ МИРОМ СТРАН АТР В КОНЦЕ XX В.

Л.А. Моисеева

Моисеева Любовь Андреевна – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующая кафедрой общегуманитарных наук Дальневосточной государственной академии искусств.

На основе анализа значительного теоретического и эмпирического материала показано формирование совместного предпринимательства с деловым миром стран АТР, переросшее из стихийного образования в фактор укрепления позиций России в АТР.

Basing on the vast theoretic and empiric material, the article deals with the formation of joint entrepreneurship with the business circles of the Asian Pacific Region Countries, which has transformed, from the self-developing state, into the factor of strengthening position of Russia in the region.

«Соразвитие» дальневосточного предпринимательства с деловым миром стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) являлось объективной закономерностью, поскольку в процессе трансформации российского общества отношение федерального центра к Дальнему Востоку изменилось: режим «патернализма» и всестороннего социально-экономического контроля превратился в крайнюю противоположность. Дальнему Востоку была предоставлена самостоятельность в организации своего развития за счет собственных усилий при формально провозглашенном равенстве возможностей регионов. Эта ситуация ориентировала дальневосточных предпринимателей искать деловых партнеров в сопредельных странах АТР в условиях отставания от них на целую технологическую эпоху. Японцы, образно оценивая эту ситуацию, называли Дальний Восток России «регионом упущенных возможностей».

Для таких оценок были основания: 32 завода-флагманы промышленности Дальнего Востока – относились к военно-промышленному комплексу (ВПК), на гражданских заводах коэффициент износа оборудования составлял в 1988 г. около 40 %, в 1991 г. из 92 промышленных предприятий Хабаровского края 58,7 % предприятий уже вовсе не проводили мероприятий по внедрению новой техники, 83 % предприятий не занимались автоматизацией производства. Как следствие, на промышленных предприятиях Приморского и Хабаровского краев, наиболее развитых в регионе Дальнего Востока, более 90 % оборудования не отвечало санитарно-гигиеническим и техническим требованиям безопасности. Более 70 % рабочих были заняты трудом в условиях,

именуемых опасными и вредными: загазованность, грязь, запыленность, высокий уровень травматизма. В промышленности Приморского края в 1994 г. доля ручного труда составила в электротехнических отраслях 67,3 %, в строительстве – 70 %. Ручным трудом в промышленности Хабаровского края было занято 55,3 % общей численности рабочих¹.

Системный кризис в стране для Дальнего Востока стал экономической катастрофой: объем производства промышленной продукции сократился на 60 %, объем инвестиций – на 79 %. Внутренний рынок страны, поглощавший 90 % всей производившейся регионом продукции, «сжегился» до 25 %. Разрыв значительной части традиционных экономических связей региона с партнерами в европейской части России в значительной степени был связан с огромными тарифами за перевозку грузов на Дальний Восток. Если в дореформенный период средняя стоимость транспортировки тонны груза из европейской части России на Дальний Восток составляла 0,3 коп. за километр расстояния, то в 1997 г. – почти 66 руб., т. е. средняя стоимость перевозки за этот период увеличилась почти в 22 000 раз. В результате доля транспортной составляющей в стоимости продукции при поставке ее с Дальнего Востока в центральные районы страны составляла 77 %, тогда как при экспорте в страны АТР –

¹ См. подробнее: Моисеева Л.А. История формирования предпринимательства Дальнего Востока России как инновационной системы хозяйствования (1985–2000 гг.). Гл. III. Владивосток: Дальнаука, 2003. 452 с.; Моисеева Л.А., Вашук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 252 с.

только 25 %², что заставляло дальневосточных предпринимателей искать деловых партнеров в странах АТР.

К концу XX в. регион представлял собой экономическую единицу со слабо связанными между собой рынками областного ранга, которые плохо структурировали в интегральную систему. Рост количества убыточных предприятий усиливали периферийность положения Дальнего Востока. Наконец, отсутствие надежной базы самофинансирования развития усиливало привлекательность близлежащих стран АТР, показавших миру возможность «второго варианта» цивилизационного развития. Ускоренное развитие одной, отдельно взятой страны оказало огромное влияние на другие страны АТР и породило цепную реакцию. Т. Watanabe назвал этот процесс «непрерывной структурной конверсией»³. Вслед за стремительным развитием Японии, к концу XX в. резкий скачок в темпах развития наблюдали в Тайване, Сингапуре, Гонконге, Южной Корее, высоких темпов роста экономики добились Таиланд, Малайзия, Индонезия, быстро начали развиваться Вьетнам и Китай. Достаточно сказать, что экономика Китая в 4, а Япония – в 13 раз превосходила экономику России, и этот разрыв неуклонно возрастал.

Правовой предпосылкой привлечения иностранных инвестиций в дальневосточный регион России стали постановления Совета Министров СССР № 48 и № 49 1987 г. «О порядке создания и деятельности на территории СССР совместных предприятий». Реальную законодательную основу привлечения иностранных капиталовложений создал Закон РСФСР «Об иностранных инвестициях в РСФСР», принятый 4 июня 1991 г. Верховным Советом России и введенный в действие с 1 сентября 1991 г. Данный Закон стал основным документом, регулировавшим правовые отношения по осуществлению иностранных инвестиций на территории региона Дальнего Востока. Все хозяйствовавшие субъекты любой формы собственности Указом Президента Российской Федерации «О либерализации внешнеэкономической деятельности» от 15 октября 1991 г. получили право на внешнеэкономическую деятельность без специальной регистрации в качестве участника ВЭС⁴.

² Ишаев В.И. Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект. Владивосток : Дальнаука, 1999. С. 58, 68–69.

³ Watanabe Toshio. Asia's Era of Mutual Independence, 1991. 189 p.

⁴ См.: Основные положения региональной политики в РФ // Собрание законодательных актов РФ. 1996. № 23. 714 с.

Постановление Правительства РФ «О регистрации предприятий с иностранными инвестициями», принятое 28 ноября 1991 г., предоставило администрациям краев, областей и автономных округов право осуществлять непосредственную государственную регистрацию совместных предприятий с иностранным капиталом⁵.

Начался активный выход дальневосточных предпринимателей на внешний рынок, хотя создание первых совместных предприятий относится к 1987 г., когда в Приморском крае появились одни из первых в России 24 совместных предприятия с иностранными инвестициями. Через несколько лет их было зарегистрировано более тысячи, хотя реально заработало около трети. Доля совместных предприятий с иностранными инвестициями в общекраевом объеме производства с 1992 г. по 2000 г. увеличилась с 0,7 % до 9,0 %. В этот период возникли и начали эффективно функционировать такие предприятия, как ООО «Владивостокский Бизнес-центр» (гостиничные услуги), ЗАР «Кока-кола Владивосток Боттлерс» (производство и реализация безалкогольных напитков), ООО «Скит» (производство минеральной воды, фруктовых напитков на основе минеральной воды), ЗАО СТС «Техновуд» (производство клееного бруса), ЗАО ПТС «Хардвуд» (производство мебельных заготовок и клееного щита), ЗАО «Восток-телеком», ЗАО «Акос», ЗАО «Примтелефон», ОАО «НТК» (услуги электро- и радиосвязи), ЗАО «Саммит Моторс», ООО «Тойота Цусе Восток Авто» (ранее – «Диттола», продажа и обслуживание японских автомобилей) и др.

В Хабаровском крае первое совместное предприятие было создано в декабре 1989 г. Это был «Бизнес центр Парус» с инвестициями японской фирмы «Эйва Трейдинг Ко ЛТД». Одновременно с этим совместным предприятием была построена четырехзвездочная гостиница на 28 номеров – одна из лучших в Хабаровском крае. В 1991 г. совместно с этой же японской фирмой было создано СП «Востокметалл» (производство алюминиевых сплавов) с японскими инвестициями в 10 млн дол. Мощность «Востокметалла» была до 50 тыс. тонн алюминиевых сплавов и до 100 тыс. тонн лома черного металла в год. В этом же, 1991 г., было создано СП «Даль Телеком Интернешнл» вместе с фирмой «MID-Com Communications ink» США, внесшей 8 млн дол. инвестиций⁶.

⁵ Регионы России в переходный период (доклад Экспертного совета российского союза промышленников и предпринимателей // Общество и экономика. 1994. № 1. С. 88–101.

⁶ Дальневосточный капитал. 2002. № 6. С. 28–29.

Ряд совместных предприятий Дальнего Востока России привлекали передовую зарубежную технологию и внедряли инновационные методы управления. Так, на российско-японских совместных предприятиях «Востокметалл» вошли в число ведущих экспортеров Хабаровского края. Экспорт СП в 1992 г. в сумме 97 млн дол. равнялся объему экспорта таких гигантов Хабаровского края, как АО «Дальлеспром», Комсомольский-на-Амуре нефтеперерабатывающий завод, Амурский бумажный комбинат.

Совместные предприятия, действовавшие на Дальнем Востоке, являлись важным звеном формирования рыночных отношений, они способствовали разрушению государственной монополии в сфере экономики, внесли определенный вклад в привлечение управленческого опыта из-за рубежа.

Особенно активно совместные предприятия создавались на территории Хабаровского края, где на 1 июня 1994 г. их было зарегистрировано свыше 500, из которых 174 – совместных предприятий, 10 – филиалов совместных предприятий, 15 – предприятий, полностью принадлежавших иностранным инвесторам, 8 – филиалов иностранных фирм, остальные – с частичными иностранными инвестициями⁷.

Привлечение иностранного опыта и капитала позволило на порядок поднять уровень развития сферы услуг. Лучшими ресторанами г. Хабаровска стали российско-японские «Саппоро» и «Юнихаб», российско-китайский «Харбин» и российско-корейский «Пхеньян», российско-американское кафе «Америкэн Фуд» и сеть закусочных «Ромен». Конкуренцию гостинице «Интурист» составила российско-японская гостиница «Саппоро».

Спрос порождал развитие и других видов услуг, предоставляемых совместными предприятиями: консультации в области маркетинга, права, поиск партнеров для совместной деятельности. Создавались и успешно работали несколько совместных предприятий в области транспортировки грузов, международной связи, технического обслуживания иностранных автомобилей.

В целом на долю дальневосточного региона уже приходилось 17 % в торговле России со странами АТР, а в случае с Японией, Китаем и Республикой Корея этот показатель достиг соответственно 26,27 и 32 %⁸. Однако, анализируя

опыт развития совместного предпринимательства в регионе, можно было сделать вывод, что сохранялась настороженность многих особенно крупных зарубежных компаний к инвестированию своих капиталов в проекты дальневосточных предпринимателей России. В отношениях с зарубежными партнерами можно выделить два параллельных течения. Одно – это контакты, переговоры, в том числе с обязательным участием краевых и местных администраций, с крупными компаниями. Около 30 из них открыли, например, в г. Хабаровске свои представительства, внимательно следили за развитием ситуации в политике и экономике региона, прорабатывали различные предложения о сотрудничестве, но не спешили вкладывать свои капиталы. Другое – это практически стихийный процесс создания совместных предприятий, часть из которых как быстро создавалась, так же быстро и распадалась.

Сказывался и продолжавшийся процесс нормотворчества на федеральном и региональном уровнях, который сдерживал иностранных предпринимателей от активного создания совместных предприятий на территории Дальнего Востока. Во многих странах действовали так называемые «дедушкины оговорки» (sunset clause), позволявшие иностранному инвестору в течение ряда лет руководствоваться теми законами, на основании которых ими принимались решения о вложении капитала.

Фактор времени для Дальневосточного региона играл в исследуемый период большую роль. В силу динамичного и сравнительно самостоятельного экономического развития стран АТР, Дальневосточному региону России, переживавшему в своем развитии не лучшие времена, с каждым годом сложнее было внедряться в его экономические структуры. Процесс формирования схемы разделения труда в последнее десятилетие XX в. в этой части мира происходил без заметного влияния Дальнего Востока России. Это не только сужало возможности активного равноправного участия дальневосточных предпринимателей в экономике АТР, но способствовало тому, что Дальний Восток России выделялся в первую очередь как источник сырья. Поэтому выход дальневосточных предпринимателей на сотрудничество с деловым миром стран АТР обернулся разграблением природных богатств. Увеличение предложений продажи ранее недоступной для партнеров из стран АТР сырьевой продукции от дальневосточных предпринимателей связано было с выходом в 1992 г. Указа Президента Российской Федерации, предоставивше-

⁷ Подсчитано на основании: ГАХФ. Ф.-р. 904. Оп. 10. Д. 2991. Л. 17–32. Д. 2582. Л. 21–28, 42–48. Д. 2674. Л. 4–26.

⁸ Ишаев В.И. Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект. Владивосток, 1999. С. 58.

го администрациям субъектов РФ на Дальнем Востоке право самостоятельно распределять экспортные квоты на деловую древесину хвойных пород, свежую и мороженую рыбу, ракообразные моллюски, пшеницу, сою, медные концентраты. В результате в Приморском крае, например, с 1991 по 1994 гг. доля машин и оборудования в экспортных поставках упала до 1 %. Вывозились уголь, круглый лес лучших пород, борная кислота, рыба, консервы, меха, мед и др. Экспорт леса составлял свыше 10 млн кубов на 2,5 млрд дол. в год, но ни одного доллара в развитие лесного хозяйства вложено не было. В результате такой практики на лесной карте, например, Хабаровского края появилось 10 млн гектаров полностью уничтоженных лесов. Осложнила ситуацию полная остановка в крае Амурского целлюлозно-картонного комбината, гидролизного и биомеханического заводов в поселке Хор, которые утилизировали низкосортную древесину. И поскольку на экспорт шла древесина только высокого качества, остальная сгнивала прямо на лесосеках и на складах. Из каждых 150 срубленных кубометров леса оставалось лежать на лесосеках более 50 кубометров⁹.

Образовалось множество лесозаготовительных фирм. На Сахалине действовало 92 лесозаготовительных предприятия (ОАО «Смирныховский лес», ОАО «Тымовская лесопромышленная компания», ООО «Форист-Лайн» и др.) В Республике Саха (Якутия) было 32 крупных и средних заготовительных предприятия (ОАО «Сахалес», ООО «Маасс», ОАО «АЛРОСА-Леспром», ОАО «Алданлеспром», ОАО «Табачинская лесная компания» и др.). В Еврейской автономной области действовало 12 предприятий, в Приморском крае заготавливали лес 9 предприятий (ОАО «Тернейлес», «Лучегорсклес», «Лес-эксперт» и др.). Наиболее крупными компаниями были ООО «Сэньхе-Лесопромышленность», ООО «Дальсоюзпром», ЧП «Соломатин». На Камчатке заготавливали лес около 50 предприятий (ООО «Урал», ОАО «Козыревский лес», и др.). В 1999 г. на Дальнем Востоке насчитывалось 725 экспортеров леса (не считая физических лиц). Основными потребителями леса были Китай, Япония, Северная и Южная Корея¹⁰.

При таком огромном лесном экспорте появились возможности формирования «лесной мафии», в результате чего более половины древе-

сины на Дальнем Востоке продавалось за рубеж нелегально. Ущерб РФ от нелегального лесопользования составлял в год свыше 1 млрд дол. при ежегодном обороте в 6 млрд дол.¹¹. Это было возможно при наличии не контролируемых каналов сбыта, причалов, пунктов отгрузки, которые создавались «теневиками».

Бизнес в торговле сырьевыми ресурсами отличался некоторыми особенностями: здесь имели место партнерские связи «устойчивого» экспорта, уклонение от уплаты налогов, использование анонимных структур в международной торговле, сокрытие объема экспорта и валютной выручки, искажение отчетности непосредственно экспортными фирмами.

Масштабный вывоз сырьевых богатств с территории Дальнего Востока сопровождался многочисленными преступными проявлениями с участием иностранных мелких компаний, большинство из которых контролировалось дальневосточными предпринимателями. В основном эти компании имели оффшорную регистрацию. Япония, Китай, Республика Корея фактически стали «заповедниками для отмыывания» товарных и финансовых ресурсов, полученных преступным путем на территории Дальнего Востока. Этому способствовала и политика ряда крупных китайских торговопромышленных компаний, а также частных китайских бизнесменов. Кадровые сотрудники таких фирм занимались активной скупкой леса, добытого браконьерским способом, и через подставных лиц из числа дальневосточных предпринимателей по подложным документам организовывали его экспорт в КНР. Гражданами КНР создавались специальные фирмы-однодневки.

Нередко китайские преступные группы входили в сговор с российскими мафиозными организациями, служившими им прикрытием. Так, Чжэн Жэньхао и Цуй Гочже офисом для преступных действий избрали гостиницу «Уссури» в г.Хабаровске. Международные преступные группы Чжэн Жэньхао и Ду Сяньгу совершили в России 21 преступление, незаконно получив более 200 млн руб. и 26 тыс. дол. В г. Хабаровске они совершили 11 дерзких преступлений.

В судоходстве и рыбной промышленности Дальнего Востока был создан ряд каналов активной «утечки» рыбных богатств Дальнего Востока. С введением квот на вылов биологических ресурсов развернулась бесконтрольная деятельность нерезидентов в рамках приобретения квот

⁹ Подсчитано на основании ГАХК. Ф.р. 70. Оп. 8. Д. 450. Л. 9–17. Д. 456. Л. 3–6, 17–24.

¹⁰ Дальневосточный капитал. 2003. № 10. С. 12–16.

¹¹ Там же. С. 19.

– так называемая продажа «рыбы в воде» из морей Дальнего Востока России.

Примером тому может служить тянувшееся два года (2001–2002) следствие по делу, получившему название «афера века». Получив квоту на промысел минтая у российских берегов, фирма «Донрыба», совместно с фирмой «Камчатралфлот», стянула к берегам Камчатки флот со всего Дальнего Востока (БРС, ИСТФ, две плавбазы и т. д.). Добытки сдавали сырец на плавбазы, потом продукция перегружалась на транспортные суда «Гавань», «Каспийский», которые доставляли ее за границу. Все, что было поймано и переработано передавалось иностранной фирме «Турмерик Интерэшнл ЛТД» (Turmgio International LTD) через посредника – ЗАО «Таблас Рыбфлот». Через «Таблас Инт» был договор и с владельцами плавбаз «Алексей Косоногов» и «Прибалтика», поэтому сырец прямо на борту плавбаз превращался в собственность «Турмерик Инт», перерабатывался, а потом «уходил» из России в китайский порт Далянь или корейский Пусан. Управлялась вся структура неким генеральным директором «Ральфа» из Гонконга.

Сверх квоты было выловлено 18,6 тыс. тонн минтая на сумму свыше 19 млн дол. США. В докладе специалистов Камчат НИРО А.Варкентина и Н.Сергеевой «Промысел и современное состояние запаса минтая в восточной части Охотского моря» был отмечен «... стабильно низкий уровень запасов минтая без видимых перспектив улучшения»¹². Объемы и суммы, которые проходили по таким делам, только небольшая часть того, что было вывезено из России*.

Учитывая недостаточность правительственных решений, направленных на получение иностранного капитала, властные органы региона разработали и приняли ряд целенаправленных мер для привлечения иностранных инвесторов. Это выражалось в том, что предприниматели включались в разработку Программ

¹² См. подробнее: Маренин К. Большая «мокруха» // Дальневосточный капитал. 2004. № 12. С. 62–63.

* В истории «Донрыбы» было продолжение. Чтобы упростить управление, в Москве был образован головной офис «Дальрыбкомфлот», на Дальнем Востоке – его филиалы: «Дальрыбкомфлот – Сахалин» (он объединил фирмы «Мозир-Плюс» и «Корсаков Тралфлот»), «Дальрыбкомфлот – Камчатка» и др. Эти предприятия вновь «всплыли» в деле транспортника «Ланжерон»: груз на нем уходил в Далянь в адрес иностранной компании «Азия Пасифик Сифуд Менеджмент». Оператор сидел в Гонконге. В апреле 2003 г. «Ланжерон» и плавбаза «Алексей Косоногов» были снова задержаны в связи с браконьерством минтая.

развития внешнеэкономических связей региона. В частности, Программа развития Хабаровского края содержала следующие направления: усиление информационной работы в зарубежных странах, включая формирование пакета проектов для иностранных инвестиций; подготовку и проведение международных тендеров на разработку месторождений полезных ископаемых; формирование концессионного фонда, который включал конкретные месторождения полезных ископаемых, участки территории и объемы краевой и муниципальной собственности; создание фонда гарантий иностранных инвестиций, – это добываемые и потенциальные природные ресурсы, валютный фонд и объекты краевой собственности; предоставление предприятиям с иностранными инвестициями льгот в налогообложении.

В Хабаровском крае было разработано и предложено предпринимателям стран АТР свыше 30 разнообразных проектов. Среди них группа проектов, направленных на структурную перестройку экономики. Это были проекты, связанные с конверсией военного производства, глубокой переработкой природных ресурсов, поворотом машиностроения на нужды региона, усилением производственной инфраструктуры. Следующая группа проектов основывалась на концепции импортозамещения – проекты по развитию легкой и пищевой промышленности и сельского хозяйства. Были проекты, ориентированные на разработку новых месторождений полезных ископаемых, увеличение транзитных перевозок внешнеторговых грузов через территорию края, расширение рынка разнообразных услуг. Некоторые проекты были направлены на создание конкретных совместных предприятий, таких как «Самсунг» в г. Хабаровске. В качестве учредителя выступила крупнейшая в мире южнокорейская фирма «Самсунг», где весьма высоко ценили свою репутацию. С российской стороны в совместное предприятие вошли Хабаровский и Комсомольский-на-Амуре нефтеперерабатывающие заводы, завод «Амурсталь», акционерное общество «Комсомолка», Ванинский торговый порт и др. Сфера деятельности этого совместного предприятия была довольно обширна: океанские перевозки, экспортно-импортные операции, судостроение, судоремонт, строительство и т. д.

Такая политика региональных властей приостановила сокращение числа совместных предприятий и рост количества «замороженных» совместных предприятий, когда из 346 зарегистрированных совместных предприятий действовало

к 1997 г. только 76 или 22 %. К 1998 г. прирост зарегистрированных предприятий с иностранным капиталом наблюдался во всех дальневосточных субъектах РФ: в Республике Саха (Якутия) он составил 61,9 %, в Хабаровском крае – 48,8 %, в Магаданской области – 56, в целом по Дальнему Востоку – 64,5 %¹³.

Если в европейской части России в целом лидирующее положение по числу предприятий с иностранным капиталом занимали (в порядке убывания) США, Германия, Великобритания, то в Дальневосточном регионе преобладали совместные предприятия с предпринимателями из стран АТР: на Японию приходилось 51 % общего объема экспорта, Китай – 15 % и Южную Корею – 15 %. В Хабаровском крае было около 40 % предприятий с участием китайского, 17,3 % – американского, 12 % – японского капитала. В Сахалинской области российско-китайские совместные предприятия составляли лишь 7,3 %. В то же время на долю предприятий с японскими инвестициями приходилось более 35 %. Высокий удельный вес предприятий с японскими и американскими инвестициями был характерен для Камчатской области – 22 % и 25,7 % соответственно. В Амурской области около 90 % совместных предприятий были зарегистрированы при участии китайского капитала¹⁴.

Администрации краев и областей, понимая значение внешней торговли для хозяйственного развития территории, предпринимали множество различных тактических шагов, чтобы повысить свою роль во внешнеэкономических связях. Так, администрация Приморского края в 1996 г. совместно с учеными ДВО РАН разработала и вынесла на рассмотрение Правительства Российской Федерации документ «Режим хозяйствования на территории Приморья в контексте геостратегических и экономических интересов России». Это была концепция стратегического раз-

¹³ Подсчитано на основании: Экономика Дальнего Востока: пять лет реформ. Хабаровск : ДВО РАН, 1998. С. 146–260; Москаленко Ю. Внешнеэкономическое сотрудничество Амурской области со странами СВА // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 47–53; Минакир П.А. Интеграция АТР и СВА: возможности и перспективы // Дальний Восток на рубеже веков : материалы науч.-практ. конф. (Хабаровск, 1–3 июня 1998 г.). Хабаровск : Изд. дом «Приамурские ведомости». 1998. С. 86–90; Гранберг А. Деятельность и задачи Российского национального комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 5–11.

¹⁴ Подсчитано на основании ГАХК. Ф.р. 1971. Оп. 1. Д. 365. Л. 18–21. Д. 367. Л. 94–116; Приморский край: уроки рыночных реформ. С. 203–210; Дальневосточный капитал. 2002. № 6. С. 28–29.

вития Приморского края до 2000 г. Составители этого документа рассчитывали, что Правительство РФ поддержит концепцию превращения этого региона в один из основных центров современных технологий и новых стандартов образа жизни XXI в.¹⁵.

Появление такого документа было логичным продолжением законов, принятых краевой думой – «О ставках и льготах по уплате налога на прибыль предприятий и организаций на имущество предприятий» (23 июня 1997 г.) и «Об инвестиционной деятельности в Приморском крае» (19 ноября 1997 г.), регламентировавших их совместный статус с иностранным капиталом и предусматривавших для них целый ряд налоговых льгот. Это способствовало росту инвестиционной привлекательности Приморского края. Около 40 % совместных с иностранными предпринимателями предприятий, зарегистрированных к концу XX в. на Дальнем Востоке, находилось в Приморском крае, в Хабаровском крае – около 22 %, Сахалинской области – 18 %, Амурской, Камчатской и Магаданской областях – примерно по 5 %, в Республике Саха (Якутия) – менее 5 %.

Полноправное вступление России в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС)* 14 января 1998 г. в Каула-Лумиуре повлияло на рост общего объема инвестиций стран АТР в Россию, составивших по состоянию на 1 января 2000 г. 7,2 млрд дол., или 24,5 % общего объема инвестиций в российскую экономику¹⁶.

Участие России в АТЭС было продиктовано стремлением правительства через Дальний Восток подключить потенциальных инвесторов к реализации программ долгосрочного развития. Поэтому будущее Дальнего Востока рассматривалось администрацией Президента Российской Федерации В.В. Путина как «соразвитие России со странами АТР»¹⁷.

Эта государственная концепция потребовала от администраций субъектов РФ на Дальнем Востоке переориентации в сторону стран АТР. Так, если к 1994 г. в Сахалинской области дейст-

¹⁵ Минакир П.А. Внешнеэкономическое сотрудничество на Дальнем Востоке России: проблемы и перспективы // Регион: Экономика и социология. 2000. № 1. С. 69–84.

* АТЭС составляют сегодня: Япония, США, Канада, Австралия, Южная Корея, Тайланд, Филиппины, Тайвань и др. – всего 21 страна.

¹⁶ Россия будет расширять свое влияние в АТР // Предприниматель Приморья. 2000. № 8. 22 ноября.

¹⁷ Дорога в АТР // Приморские вести. 2000. № 68 (август).

вовали свыше 400 внешнеэкономических структур, которые взаимодействовали с фирмами и компаниями более 50 стран мира, в том числе с 15 странами АТР, 16 странами Западной Европы, 11 странами Содружества независимых государств (СНГ), то в 2000 г. доля внешнеторгового оборота выглядела следующим образом: Сингапур – 47,6 %, Япония – 15,1 %, Китай – 9 %, Республика Корея – 8,0 %; на США приходилось только 6,9 %, Германию – 6,0 %¹⁸.

Благодаря целенаправленной политике администрации Сахалинской области количество совместных предприятий стремительно росло: если в 1996 г. их было зарегистрировано 269, то в 2000 г. – 362, т. е. рост составил 134 %¹⁹.

Если проект «Сахалин-1», стоимостью в 15 млрд дол., по контракту принял к реализации консорциум из 4 компаний, в которых, кроме японской компании «Sodeco» и американской компании «Еххон», входили две российские «Роснефть – Сахалин» и «Сахалинморнефтегаз – Шельф» – дочерние фирмы «Роснефти» и «Роснефти – Сахалинморнефтегаза», то проект «Сахалин-2» к реализации принял консорциум «Sakhalin Energy Investment Company», состоявший из пяти иностранных фирм: японских «Mitsur» (20 % участия) и «Mitsubishi» (10 %), американских «Dermott» (20 %) и «Marathom» (30 %), англо-голландской «Rojal/Dutch Shell» (20 %). Если норма прибыли по проекту «Сахалин-1» распределялась в пропорции: 85 % – иностранным фирмам, 15 – российской стороне, то по проекту «Сахалин-2» российская сторона получала только 10 %, иностранные фирмы – 90 %²⁰.

Примечательным было то, что впервые удалось достичь соглашения о реализации крупномасштабных проектов с привлечением 25 млрд дол. капиталовложений, несмотря на сохранившиеся высо-

кие политические и законодательные риски. Важным для предпринимателей Дальнего Востока являлось то, что 70 % поставок технологического оборудования и подрядных работ стоимостью в 35 млрд дол. поручались компаниям Дальнего Востока России²¹. Вместе с тем, распределение прибыли по проекту «Сахалин-2» в пропорции 90 % – иностранным фирмам и только 10 % – российской стороне вызывало тревогу: нещадно грабились природные богатства Дальнего Востока.

Исследование показало, что не все руководители субъектов РФ на Дальнем Востоке положительно воспринимали «Соразвитие» со странами АТР как объективную закономерность.

Так, проект «Сахгаз» стоимостью в 17 млрд дол. был поддержан прежним главой Республики Саха (Якутия) М. Николаевым. Предстояло проложить трансмагистральный газопровод по маршруту «западные и центральные районы Якутии – Алдан – Тында – Благовещенск – Хабаровск – Владивосток – Пхеньян – Сеул». Этот проект был активно поддержан предпринимателями Дальнего Востока России, Китая и Южной Кореи. Бывший губернатор Сахалинской области И.П. Фархутдинов поддерживал проект «Сахалин-1» и «Сахалин-2». Активную политику сотрудничества с деловым миром стран АТР во все годы проводил губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев.

Однако губернатора Корякского автономного округа В.Л. Логинова, напротив, отличал осторожный подход к проектам разработки иностранными компаниями нефти и газа, хотя именно корякский шельф был наиболее богат ими. Эту точку зрения поддерживал генеральный директор ЗАО «Коряколдобыча» В.В. Кноль, который строил работу своего акционерного общества совместно с американской фирмой «Caterpillar» на основе высокой технологии до-

¹⁸ Елизарьев В.Н. Международные и внешнеэкономические связи субъекта Российской Федерации (на примере Сахалинской области). Южно-Сахалинск : Изд-во Сахалинской типографии, 2001. С. 145, 146, 150.

¹⁹ Посчитано на основании: Елизарьев В.Н. роль Сахалинской области в развитии отношений российского Дальнего Востока со странами АТР // Регион 2000, 28 июля, 4, 7, 18 августа. Он же. О некоторых особенностях международного межрегионального сотрудничества Сахалинской области с ближайшими соседями // Выступление на международном семинаре «Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации». Хабаровск. 1999. 31 марта; Он же. Внешняя торговля: проблемы и перспективы // Восток России. 1998. С. 58–60.

²⁰ Ишаев В.И. Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект. Владивосток : Дальнаука, 1999. С. 88–100, 102–103; Третьякова Е. Предпочтение – Сахалину // Дальневосточный капитал. 2003. № 10. С. 11.

²¹ См. подробнее: Аллисон Г., Кимура Х., Саркисов К. От «холодной войны» к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Наука, 1993. 279–382 с.; Есида С. Экономические связи Японии и России: текущее положение и стоящие задачи // 18-е японо-российское совещание экспертов. Хабаровск. 1999. 21–23 сентября; Фархутдинов И.П. Концептуальные основы стабилизации экономики региона. Южно-Сахалинск : Сахалинская областная типография. 1998. С. 118–248; Елизарьев В.Н. Прорыв // Губернаторские ведомости. 2000. 8 августа; Елизарьев В.Н. Проблемы и перспективы развития международных и внешнеэкономических связей Сахалинской области // 5-я научно-практическая конференция «Наука и современность проблемы, опыт и перспективы». Южно-Сахалинск. 2000. 29 марта.

бычи золота и платины. В.В. Кноль, поддерживая дочерние фирмы новых предпринимателей, потребовал от них особой экологической осторожности. Политики сохранения природных богатств Севера Дальнего Востока придерживался В.А. Хван, мэр г. Анадыря, столицы Чукотки. В.А. Хван поддерживал коммерсантов. В г. Анадыре создавались новые фирмы, филиалы «Сибнефти» и «Русского алюминия», но они здесь работали только по новым технологиям²².

Внешнеэкономические связи на Дальнем Востоке становились той сферой, где переплетались интересы частного предпринимателя, трудовых коллективов, чиновников, заинтересованных в инвестициях зарубежных партнеров. Однако поступившие, например, в Приморский край свыше 300 млн дол. получить смогли только крупные частные предприятия. Большие объемы долларовых инвестиций удалось получить ОАО Дальневосточному морскому пароходству (23 млн дол.), СП «Кока-Кола Акфес» (6,4 млн дол.), «Новой телефонной компании» (5,5 млн дол.), АОЗТ «Акос» (0,5 млн дол.). На долю предприятий г. Владивостока приходилось 98 % долларовых инвестиций, предприятиям г. Находки – всего 2 %²³.

Все отчетливее проявлялась тенденция, что условия для сотрудничества в целом на Дальнем Востоке были благоприятны для крупного предпринимательства, а также для проектов, которые поддерживались на государственном уровне. Такими крупнейшими компаниями дальневосточного региона являлись АЛРОСА («Алмазы России – Саха») и «КНАПО» («Комсомольское-на-Амуре авиационное производственное объединение»). Кроме них, в список 200 крупнейших российских компаний попали еще 4 дальневосточные компании, 77 место в этом списке занимала компания «Якутуголь» (Республика Саха (Якутия)).

Значительно проблематичнее было участие в процессе интеграции с деловым миром АТР для мелкого и среднего предпринимательства. Здесь результаты заметно отличались от первоначальных надежд и ожиданий. В итоге из 2800 предприятий с участием иностранного капитала, за-

регистрированных на Дальнем Востоке к концу XX в., только около 37 % из них являлись действовавшими. В целом по России из 24 168 таких зарегистрированных предприятий функционировали 16 079, или 66,5 %. Доля Дальнего Востока в общем количестве предприятий с иностранными инвестициями составляла около 11 %²⁴.

В процессе интеграции дальневосточного предпринимательства с деловым миром стран АТР важная роль принадлежала банкам. Здесь наблюдалась активная обоюдная заинтересованность. Были налажены отношения российских банков с авторитетным региональным объединением банков АТР – Ассоциацией банков Азии (АБА). Банки Дальнего Востока активно развивали сотрудничество с банками стран АТР – Китая, Южной Кореи, Сингапура, Гонконга. Основными банками-корреспондентами являлись Bank of Tokyo-Mitsubishi, Tokyo (Япония), International Niderlanden Group (ING) Bank, Sanwa Bank (Япония), Hong Kong and Shanghai Corporation Ltd (Гонконг), Bank of America, Concord (США), Bank of New-York, New-York (США), Bank of Washington, Washington (США) и др.

Дальневосточные банки, такие как «Далькомбанк», акционерный «Камчаткамагпропромбанк», акционерный коммерческий банк регионального развития «Региобанк» осуществляли открытие и ведение счетов иностранных банков-корреспондентов и их кассовое обслуживание, денежные расчеты за поставляемые товары и оказываемые услуги. Таким образом, можно говорить, что в конце XX в. была создана банковская система, которая превратилась в важное звено в процессе организации деятельности дальневосточных предпринимателей непосредственно в странах АТР, где было зарегистрировано более 400 предприятий с участием дальневосточных предпринимателей, которые пользовались услугами созданной банковской системы²⁵.

Однако зарубежных партнеров по-прежнему привлекали отрасли с наиболее быстрым оборотом средств, а также традиционные сырьевые отрасли. Из 300 действовавших совместных предприятий, к примеру, в Приморском крае около 60 % были заняты в торговле и сфере ус-

²² Ишаев В.И. Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект. Владивосток : Дальнаука, 1999. С. 107–108; Ларина Л. Я «придворный» мэр в хорошем смысле // Дальневосточный капитал. 2003. № 10. С. 6–7; Ларина Л.Я. Подвижки, греющие душу, есть // Дальневосточный капитал. 2003. № 10. С. 36–37.

²³ Минакир П.А. Внешнеэкономическое сотрудничество на Дальнем Востоке России: проблемы и перспективы // Регион: экономика и социология. 2000. № 1. С. 73–80.

²⁴ Ишаев В.И. Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект. Владивосток : Дальнаука, 1999. С. 72–74.

²⁵ См. подробнее: Коммерческие банки Дальневосточного экономического района России: Справочник специалиста. Вып. 5. Владивосток: Дальнаука, 1998. 186 с.; Новости делового мира // Бизнес – ТАСС, 1995, 2 авг.; 15 авг.; Россия и АТР. Владивосток : Дальнаука, 1998. С. 3.

луг, 6,7 % – в рыбной, 5,7 % – в лесной промышленности. В Камчатской области на долю совместных предприятий, занятых в рыбной отрасли, приходилось более 40 %, в лесной – 6,4 %, в торгово-посреднической деятельности и сфере услуг – около 35 %²⁶. В целом по России в промышленности было занято только 13,1 % от общего количества совместных предприятий. Таким образом, иностранных предпринимателей мало привлекала возможность создания совместных производственных предприятий, их интересовали по-прежнему сырьевые богатства Дальнего Востока России.

Правовая защищенность иностранных предпринимателей, укрепившаяся благодаря принятию специальных законов краевыми и областными думами Дальнего Востока, позволяла сдерживать нарастание тенденции разочарования иностранных предпринимателей. Так, в Республике Саха (Якутии) было принято к 1998 г. пять законов по совместному предпринимательству, в Хабаровском крае и Амурской области – по четыре таких закона, в Сахалинской, Магаданской и Камчатской областях – по два, в Еврейской Автономной области – три закона. Содержание принятых субъектами РФ на Дальнем Востоке законов по своей сути было таким же, как приведенные нами выше примеры по Приморскому краю. Выводы по результатам этих усилий администраций дальневосточных субъектов РФ нами сделаны в монографиях*.

Администрация каждой из 10 дальневосточных субъектов Российской Федерации в условиях предоставленной экономической самостоятельности определяла свои пути создания совместных предприятий. В исследуемый период Приморский край оставался стабильно привлекательным для иностранных предпринимателей. Число действовавших предприятий с иностран-

ными инвестициями за период с 1992 до конца 2000 г. возросло в крае почти в 10 раз. По количеству совместных предприятий Приморье вышло на 3-е место в России. Большинство совместных предприятий были созданы и действовали при участии китайского капитала – 38 %, Республики Корея – 14 %, США – 9 %, Японии – 6 %. Суммарный уставной фонд всех действовавших предприятий с иностранными инвестициями к концу 2000 г. насчитывал в Приморском крае 3,6 млрд руб. и возрос по сравнению с 1999 г. в 2,7 раза. Доля зарубежных партнеров в нем составляла 56 %.

На предприятиях с иностранными инвестициями в 2000 г. было занято 30,8 тыс. человек, что было на 3 тыс. чел. больше, чем в 1999 г. Из них в промышленности – 68 %, на транспорте и связи – 19 %, в торговле и общественном питании – 7 %, в гостиничном бизнесе – 2 %, в коммерции – 1 %. При этом иностранные инвесторы из США (35,8 %), Японии (27,4 %), Республики Корея (28,2 %) и др. направили инвестиции промышленному предпринимательству Приморского края 68,8 %. Их получили предприятия рыбной промышленности (ОАО «ДМП», судоремонта (утилизация АПЛ) – ГУП «Звезда») и лесной промышленности (ЗАО ПТС «Хардвуд», ЗАО СТС «Текновуд», ООО «Новоуголь», ОАО «Тернейлес»). Предприятия услуг связи получили 7,8 % инвестиций, общественного питания – 3,3 %, коммерческой деятельности – 1,9 %, транспорта – 1,5 %²⁷.

Межправительственное соглашение между РФ и Республикой Корея легло в основу проекта создания на территории свободной экономической зоны «Находка» российско-корейского индустриального комплекса (РКИК). Дочерняя фирма корпорации «КОХАП» Республики Корея создала совместное предприятие в Михайловском районе Приморского края по выращиванию и глубокой переработке сои²⁸. Во Владивостоке

²⁶ Подсчитано на основании: Адипидин А. Г., Деваева Е.И. Международное экономическое сотрудничество в Восточной Азии: возможности для российского Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 1998. 92 с.; Леонов С.Н. Региональная экономическая политика в переходной экономике. Владивосток: Дальнаука, 1998. 205 с.; Федоров И.В. Инвестиционная деятельность в Приморском крае: проблемы и пути развития. Находка: Ин-т технологии и бизнеса, 2000. 81 с.

* Моисеева Л.А. Государственная политика развития предпринимательства на Дальнем Востоке России (1985–2000 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2002. 411 с.; Моисеева Л.А. История формирования предпринимательства Дальнего Востока России как инновационной системы хозяйствования (1985–2000 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2003. 455 с.; Моисеева Л.А., Вашук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – нач. XXI в. – Владивосток: Дальнаука, 2006. 257 с.

²⁷ Подсчитано на основании: Материалы годовых отчетов отдела поддержки предпринимательства и инвестиций комитета экономического развития администрации Приморского края; Дробышева И. Что влечет иностранцев на Дальний Восток // Дальневосточный капитал. 2002. № 6. С. 28; Шахназаров А., Гришина И., Ройзман И. Национальная система гарантирования инвестиций на региональном уровне // Инвестиции в России. 1999. №12. С. 1–14; Минакир П.А. Внешнеэкономическое сотрудничество на Дальнем Востоке России: проблемы и перспективы // Регион: экономика и социология. 2000. № 1. С. 69–84; «Интерфакс – АФИ» // Золотой рог. 1999. 16 февр.

²⁸ Федоров И.В. Инвестиционная деятельность в Приморском крае: проблемы и пути развития. Находка: Ин-т технологии и бизнеса. 2000. С. 15–27.

южнокорейской финансово-промышленной группой «Хенде» был построен российско-корейский бизнес-центр. С участием японской «Компании по форсированию инвестиций в Евразии» был создан в 1999 г. международный пассажирский терминал в аэропорту г. Владивостока. Компания Японии «Сумитомо» приняла участие в строительстве тепловой электростанции и модернизации водоснабжения в г. Находка. Федерация экономических организаций Японии «Кейданрен» была заинтересована разработкой угольных проектов ОАО «Приморскуголь». Две гостиницы международного класса («Сюань Юань» и «Юань Дун») в г. Находке были построены в 2000 г. с участием предпринимателей КНР.

Особое внимание зарубежные деловые круги уделяли золотодобывающей промышленности севера Дальнего Востока. Из восьми горно-обогатительных комбинатов Колымы удалось не только пережить времена приватизации и распада крупных золотодобывающих структур, но расширить и укрепить свое производство только одному – Сусуманскому горно-обогатительному комбинату. Генеральный директор комбината В. Христов возглавил группу акционеров – собственников и вместе со специалистами ОАО «Сусуманзолото» добились успешной обработки двух месторождений коренного золота «Ветренского» и «Школьного» в Тенькинском районе Магаданской области. Однако разработать одно из крупнейших в России месторождений золота «Наталкинское» коллектив ОАО «Сусуманзолото» по техническим и материальным параметрам не мог.

Партнерство предлагали многие, но сусуманцы остановились на иностранной компании Piter Hambrow. Ее визитной карточкой на Дальнем Востоке являлся рудник «Покровский» в Амурской области, где Piter Hambrow с 1998 г. владел 95 % акций. За полтора года на этом руднике была построена новая фабрика мощностью переработки 1,5 млн т. руды в год, создана новая инфраструктура, решены многие социальные проблемы работников рудника.

ОАО «Сусуманский» ГОК «Сусуманзолото» и Piter Hambrow заключили в 1999 г. договор о партнерстве и создали совместное предприятие с долями 50 на 50. Разработан был проект строительства совершенно нового производства, позволявшего довести объемы добываемого металла с одной тонны до 12–15 т. в год. На этом совместном предприятии к концу 2000 г. вели добычу золота семь 250-литровых драг. На горных объектах комбината и его дочерних предприятиях работала высокопроизводительная импортная

техника фирм «Комацу», «Катерпиллар», «Дрессер» и др. Данное совместное предприятие обеспечило рабочими местами 1500 человек Магаданской области²⁹.

Иностранные предприниматели, имевшие богатый практический производственный опыт, оказывали благотворное влияние на дальневосточных предпринимателей, делавших только первые самостоятельные шаги в бизнесе. Передавался деловой стиль: гибкие финансовые схемы взаимных расчетов, особенности работы на доверии, умение выравнивать возникавшие ситуации и др. Так, ООО «Амур Машинери энд Сервисе» (АМС) было основано в 1996 г. и стало официальным представителем на Дальнем Востоке России международной корпорации CATERPILLAR – мирового лидера среди компаний, специализировавшейся на выпуске строительного, горного оборудования и энергетических установок. ООО «Амур Машинери энд Сервисе» установило успешное сотрудничество с более чем 100 ведущими предприятиями региона Дальнего Востока и выросло в мощную, разветвленную структуру с офисами в Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске и Южно-Сахалинске. Уникальное сочетание экономичности, надежности и минимальных затрат на эксплуатацию позволяло технике CATERPILLAR выполнять работу в отдаленных районах и тяжелых климатических условиях Дальнего Востока. Заготовка леса в Хабаровском крае и Приморье, освоение проектов по разработке Сахалинского шельфа, добыча угля в Приморье и на Сахалине, разработка месторождений золота на Колыме в Магаданской области – всюду техника CATERPILLAR подтвердила свою высокую репутацию, предлагая дальневосточным фирмам около 300 моделей машин, многофункциональных и универсальных.

Начальник управления ФГУП «УСС Дальспецстрой» Юрий Хризман, генеральный директор ОАО «Дальстроймеханизация» Федор Глушков, начальник управления УДС-1 Спецстроя РФ Александр Бурцев и др. в интервью журналу «Дальневосточный капитал» оценили уникальную систему CATERPILLAR в работе с клиентами: высокие стандарты обслуживания и технической поддержки, обучение на семинарах сотен руководителей строительных организаций Дальнего Востока с демонстрацией способностей и

²⁹ Дробышева И. Что влечет иностранцев на Дальний Восток // Дальневосточный капитал. 2002. № 6. С. 28; 2003. № 7. С. 34–35.

возможностей этой техники, сервис сопровождения, 3-годовой гарантийный срок, программа лизинга при поставках оборудования и т. д. – «все это было своего рода хорошим университетом для дальневосточных предпринимателей»³⁰.

На конец 2000 г. в Республике Саха (Якутия) в алмазодобывающую отрасль было вложено иностранных инвестиций около 98 млн дол., в золотодобывающую – более 10 млн, в алмазогранильную – 0,5 млн, в топливную – 2,9 млн дол. Страны-инвесторы (США, Либерия, Ирландия, Канада, Южная Корея, Франция, Китай) в основном были заинтересованы вывозом сырья. Однако алмазогранильное предприятие «Саха-Дойч-Диамант», благодаря предпринимателям Германии, было хорошо организованным и перспективным; совместное предприятие «Эрэл» с корейскими предпринимателями (угледобыча); ООО «Эрчим-Тхан» (угледобыча, КНДР); ООО «Чорон Даймонд» (алмазогранильное производство со 100 % инвестициями из Индии) и др. – все они показывали определенные преимущества совместных предприятий. Если до 90 % иностранных инвестиций в Республике Саха (Якутия) были «торговыми», то совместные предприятия обеспечивали местное население рабочими местами, обновлялись оборудование и технология производства, продукция совместных предприятий становилась конкурентоспособной в своей отрасли на мировом рынке. Внешнеторговый оборот Республики Саха (Якутия) с 1992 по 2000 гг. увеличился более чем в 5 раз, при этом около 94 % приходилось на экспорт. Алмазы, бриллианты, уголь, нефть, оловянный и сурьмяной концентраты, золото, пушнина и др. – все отправлялось на экспорт³¹.

В Хабаровском крае значительная доля инвестиций зарубежных предпринимателей в совместных предприятиях шла на лесозаготовку и переработку древесины. В 1998 г. в Хабаровском крае был объявлен тендер на аренду лесных участков, который выиграло ЗАО «Форист Старма» совместно с фирмой «The Pioneer Group. Ins» (США). В 2000 г. это совместное предприятие стало ведущим в своей отрасли. Фирма «Римбунан Хиджау» (Малайзия) выиграла тендер на 49 лет аренды лесных участков и зарегистрировала два предприятия со 100 %-м иностранным капиталом. В 2000 г. ими было заготовлено 287 тыс. куб. м. древесины. Американская компания ООО «Куэкер» со 100 %-м капиталом получила лицен-

зию на разработку Хурмулинского угольного разреза со сроком эксплуатации на 25 лет. К 2000 г. был построен угольный разрез мощностью 500 тыс. т. в год³².

Доля Амурской области в объеме иностранных инвестиций, вложенных в экономику Дальневосточного федерального округа в 2000 г., составляла менее 1 %. В Амурской области за исследуемый период было создано 22 совместных предприятия с иностранными инвестициями, половина из них – китайские, по два предприятия с участием предпринимателей КНДР, по два – США и Южной Кореи. Были реализованы проекты российско-корейского предприятия «Корус» (производство сои), ОАО «Покровский рудник» – российско-английское предприятие (добыча золота) и «Хуа-фу» – российско-китайское предприятие (строительство). Строительная фирма «Хуа-фу» выстроила в г. Благовещенске ряд своеобразных по своей архитектуре жилых зданий и торговых центров, изменив и украсив облик столицы Амурской области. Китайские бизнесмены вложили около 50 % средств в уставной капитал совместного предприятия «Амурский металлист». Приграничная торговля с предпринимателями провинции «Хэйлунцзян» помогала решить многие проблемы жителей г. Благовещенска и близлежащих поселений Амурской области³³.

На Камчатке на конец 2000 г. было зарегистрировано 152 совместных предприятия с предпринимателями Канады, США, Японии и Словакии, которые вкладывали капитал в рыбную промышленность, цветную металлургию, транспорт и связь, строительство.

Реализация шельфовых проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2» к концу XX в. вывела островную область на второе место в России по привлекаемым инвестициям. Проект «Сахалин-1» объединил в консорциум «Эксон Нефтегаз Лимитед», «Сахалин Ойл энд Газ Девелопмент Ко .. ЛТД» (Япония), ОНГ «Видеш ЛТД» (Индия), «Сахалинморнефтегаз-Шельф» и «РН-Астра» (обе – Россия). На конец 2000 г. в Сахалинской области действовало 378 совместных предприятий с иностранными инвестициями, в том числе 53 предприятия со 100 %-м иностранным капиталом. Их общий уставной капитал составлял свыше 102 млн дол. Этими предприятиями было по-

³⁰ Дальневосточный капитал. 2003. № 7. С. 56–57.

³¹ Дальневосточный капитал. 2002. № 6. С. 28–29.

³² Дальневосточный капитал. 2002. № 6. С. 29.

³³ Дробышева И. Что влечет иностранцев на Дальний Восток // Дальневосточный капитал. 2000. № 3. С. 14–21; № 4. С. 22–34; № 6. С. 29; 2003. № 7. С. 6–14, 26.

строено 6 рыболовных заводов, каждый по 30 млн молодых в год, 2 рыбокомплекса по переработке 3200 т сырья в год каждый, 12 холодильников на 14 тыс. т. единовременного хранения, ряд рыбоперерабатывающих цехов. Кроме того, ими были построены гостиничный комплекс «Санта», отель «Резот», нефтеперерабатывающий завод «Петросах» (мощностью 200 тыс. т нефтепродуктов в год) и др.³⁴

Таким образом, создание совместных предприятий с участием иностранного капитала явилось результатом деловой активности дальневосточных предпринимателей в условиях либерализации инвестиционного режима и снятия ограничений на внешнеэкономическую деятельность. Привлечение иностранного капитала оживило экономику Дальнего Востока. Совместное предпринимательство обогатило опыт дальневосточных предпринимателей, усовершенствовало организацию и управление производственным процессом. Вместе с тем совместные предприятия с иностранным капиталом в исследуемый период создавались в основном в сфере торговли и добычи полезных ископаемых.

Анализ структуры импорта показал нацеленность совместных предприятий на модернизацию и новые технологии добывающих отраслей. На Дальний Восток России завозили механическое оборудование, приборы, насосы, станки для обработки камня и металлов, автопогрузчики, транспортные средства и др. Иностранные инвесторы охотно вкладывали капиталы в добывающие отрасли. В итоге за период 1995–2000 гг. экспорт во всех субъектах РФ на Дальнем Востоке, за исключением Амурской и Магаданской областей, значительно вырос. Внешнеторговый оборот в Хабаровском крае в 2000 г. в сравнении с 1995 г. вырос за счет экспорта почти в два раза. В 3,4 раза увеличился экспорт нефтепродуктов, на 70 %-й экспорт черных металлов основного поставщика ООО «Амурметалла». «Дальневосточная горнорудная компания» увеличила экспорт медного концентрата на 20,1 %, к нему добавился экспорт оловянного и вольфрамового концентратов.

Крупнейшие экспортеры – совместное предприятие «Римбунан Хиджау ДВ Компания»,

³⁴ Подсчитано на основании: Минакир П.А. Проблемы и перспективы внешнеэкономического сотрудничества на Дальнем Востоке России // 18-е японо-российское совещание экспертов. Хабаровск. 1999. 21–23 сентября; В.В.Путин К обоюдной выгоде // Международная конференция СРП – 2000. Советский Сахалин. 2000. 22 сентября; Елизарьев В.Н. Прорыв // Губернские ведомости (Южно-Сахалинск). 2000. 8 августа и др.

ООО «Компания «Хабаровский Лесной аукцион», «Аркаим», «Флора», «Смена Трейдинг», «Дальлеспром» вывозили в 2000 г. круглого леса на 15 %, пиломатериалов на 41,7 % больше, чем в 1995 г. Лес вывозился в Японию, Китай, Южную Корею, Новую Зеландию, США, КНДР, Вьетнам, Тайвань и Канаду³⁵.

Вместе с тем данная модель внешнеторговых отношений привела к губительным последствиям для Дальнего Востока, как и для России в целом. Выручка от продажи сырьевой продукции оседала за рубежом. За 1992–1993 гг. вне России осталось около 40 % экспортной выручки предпринимателей (примерно 35 млрд дол.); в 1994 г. – свыше 10 млрд дол., в 1995 г. – 7 млрд дол., в 1996 г. – 8 млрд дол., в 1997 г. – 9 млрд дол., в 1998 г. – 6,8 млрд дол. В 1999–2000 гг. вывоз капитала продолжался. В Приморском крае только в 1999 г. «ушло» из края 124 млн дол.³⁶. Это вызывало недоумение зарубежных деловых кругов: если российский капитал не возвращается, значит существует реальный риск вкладывания капитала в совместные предприятия в России.

Для Дальнего Востока в исследуемый период складывалась очень сложная ситуация: к 2000 г. износ основных фондов достиг критического уровня (в среднем 60–80 % в базовых отраслях промышленности), фондовооруженность местных предприятий снизилась до уровня 70-х годов, а сама территория испытывала нехватку инвестиционных ресурсов. Однако средства, поступающие в регион Дальнего Востока и инвестиционные потребности, представляли модель «потребности выживания», а не развития. Такая модель складывалась в результате федеральной и региональной политики, которая не опиралась на концепцию государственной политики поддержки и развития инновационного предпринимательства. Выработка и принятие этой концепции запаздывали и не поспевали за процессами переходного периода.

³⁵ Подсчитано на основании: Деваева Е.И., Норин В.Г. Совместная предпринимательская деятельность на Дальнем Востоке России // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 6. С. 3–8; Федоров И.В. Инвестиционная деятельность в Приморском крае: проблемы и пути развития. Находка: Ин-т технологии и бизнеса. 2000. С. 56–71; Приморский край. Уроки рыночных реформ. Владивосток: Изд-во ДВГУ. 1997. С. 124–139; Дробышева И. Что влечет иностранцев на Дальний Восток // Дальневосточный капитал. 2002. № 6. С. 28–29; Минакир П.А. Внешнеэкономическое сотрудничество на Дальнем Востоке России: проблемы и перспективы // Регион: экономика и социология. 2000. № 1. С. 69–84.

³⁶ «Интерфакс-АФИ» // Золотой рог. 1999. 16 февр.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНАМИ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Я.А. Барбенко

Барбенко Ярослав Александрович – старший преподаватель кафедры всеобщей истории, политологии и социологии института международных отношений и социальных технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Представляется вариант периодизации процесса крестьянского заселения южной части Приморской области в 1855–1903 гг. Периодизация построена на выявлении интенсивности образования крестьянских селений на осваиваемых территориях. Предлагаемые периоды и этапы заселения области вписываются в краевое деление юга Приморской области.

The variant of periodization of peasant settlement of a southern part of Seaside area in 1855–1903 years is presented. Periodization is constructed on revealing of intensity of peasant settlements' formation in pioneering territories. The revealed periods and stages of settlement of area are entered in regional division of the south of Seaside area.

Современность предъявляет Дальнему Востоку России серьезный вызов, который состоит в катастрофической динамике сокращения населения, что вызывает оправданную тревогу за судьбу дальневосточных территорий в составе нашей страны. В качестве решения этой проблемы выдвигаются проекты переселения на Дальний Восток русских-выходцев из стран СНГ, что обостряет интерес к опыту русской колонизации восточных окраин России в прошлом. Исследование условий и практики начального расселения русского крестьянства, как наиболее массовой категории переселенцев, может быть полезно для анализа современной структуры расселения, а также для разработки плана вторичного заселения региона.

Описанию процесса вселения русских крестьян в пределы Приморской области посвящена обширная литература, каждое исследование последних лет, издаваемое местными историками и посвященное проблемам дальневосточного крестьянства, сопровождается обзором переселения и вселения¹. Для указанных и для остальных работ подобного плана характерен взгляд на переселение с точки зрения переселения масс людей. Однако сам по себе процесс вселения как заполнение территории не представлял до сих пор самостоятельного предмета исследования. Исключение составляет работа И.И. Бартковой «Формирование сельских поселений Приморья (1858–1917 гг.)», изданная в 1966 г.² Одно из оп-

ределений миграции подчеркивает, что это – «пространственная активность (перемещение) индивида, направленная на овладение ресурсами новых территорий и связанная с переменной места жительства»³, а основным ресурсом колонизируемых крестьянством территорий являются пространства, удобные для хозяйственных целей земли. Именно новые земли были целью крестьян-переселенцев⁴. Соответственно необходимо обратить внимание на расширение ареала крестьянской колонизации Приморской области.

Настоящая статья посвящена попытке проследить пространственно-временные характеристики процесса вселения крестьян в Приморскую область второй половины XIX – начало XX вв. через фиксацию интенсивности возникновения крестьянских селений. Территориальные границы исследования укладываются в рамки южной части Приморской области, т. е. имеются ввиду земли, заключенные в границы бассейна Нижнего Амура, побережья Татарского пролива и Японского моря и бассейна Уссури (в пределах Российской империи), которые рассматривались областной администрацией в качестве земельной зоны Приморья⁵. Хронологические рамки исследования 1855–1903 гг. обусловлены тем, что именно в данный период истории Приморской области здесь была заложена основа крестьянского расселения, опробованы разные варианты колонизационной политики; каждый из районов области, как будет показано ниже, прошел время начального и массового заселения.

¹ Аргудяева Ю. В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). М.: б. и., 1997; Осипов Ю. Н. Крестьяне старожилы Дальнего Востока России. 1855–1917 гг. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 196 с. и др.

² Барткова И. И. Формирование сельских поселений Приморья (1858–1917 гг.). // Записки Приморского филиала Географического общества СССР. Т. XV. Владивосток: ДВКИ, 1966. С. 63–70.

³ Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление). М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. 296 с. С. 60.

⁴ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. 471 с. С. 234.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп 1. Д. 215. Л. 153 – 153 об.

Изначальная основа распределения лет по периодам – визуальная оценка интенсивности возникновения крестьянских селений (рис. 1). Возникает вопрос: на каких основаниях критерий возникновения новых поселений может служить надежным индикатором процесса вселения, ведь множество переселенцев приписывались к уже существующим селениям? Показатель образования новых селений важен тем, что он демонстрирует собственно занятие территории. Не отрицая факта важности учета приселения к существующим обществам как показателя заселения области, отмечу, что расчет душевого распределения населения всех крестьянских сел и деревень на протяжении всего изучаемого периода – задача маловыполнимая в силу состояния источниковой базы. По свидетельству Ф. Ф. Буссе, администрация стремилась к тому, чтобы размер крестьянских селений не превышал 25 дворов⁶. Кроме того, можно полагать, что стодесятичный надел, положенный семье переселенцев, превратившийся из максимального в стандартный⁷, также служил определенным целям местных властей⁸. Суть очерченной политики сводилась к тому, чтобы расселить русских достаточно крупными селениями на наибольшей площади в противовес широко распространяющимся по области китайцам и другим инородцам. Таким образом, переселенцы, прибывая в область, не скапливались в одном месте, но расселялись по просторам вполне пустынного края. Это не исключает концентрацию русского населения в некоторых частях области, но важно то, что крестьяне распределялись по селениям более равномерно, чем, возможно, в условиях совершенно стихийного переселения и вселения.

Итак, предлагаемая периодизация процесса заселения крестьянами южной части Приморской области выглядит следующим образом (табл. 1):

1) начальное заселение преимущественно северных районов, связанное с проникновением русских на Амур (1855–1867 гг.);

2) спад вселения, связанный с существенным сокращением притока переселенцев (1868–1882 гг.);

3) массовое заселение преимущественно южных районов, связанное с морским переселением (1883–1897 гг.);

4) массовое заселение Северо-Уссурийского края, связанное с завершением строительства Уссурийской железной дороги (1898–1903 гг.), прервано русско-японской войной 1904–1905 гг.⁹

Выявленные этапы можно сгруппировать в два периода – начального (1855–1882 гг.) и массового (1883–1903 гг.) заселения области. Основное содержание периода начального заселения состоит в занятии пространства, очерчивании границ русской крестьянской колонизации. Содержание второго периода – заполнение пространства, расселение по области. Хронологическая граница между периодами (1882–1883 гг.), стандартна для периодизации истории Дальнего Востока в целом.

Границей первого и второго этапов избраны 1867 и 1868 гг. Объяснить это можно следующим образом: а) 1867 г. – последний, когда было основано сразу несколько селений, начиная со следующего года больше, чем одним селением в год Приморская область не прирастала; б) 1867 г. – последний, когда были основаны селения на Амуре, еще три деревни по Амуру в пределах Приморской области будут основаны только через 30 лет и то вблизи устья Уссури – в окрестностях Хабаровки, а также в начале XX в. на берегу амурского лимана. Таким образом, первый этап является временем занятия русскими крестьянами долины Нижнего Амура, это одна из специфических черт данного этапа. Начиная со следующего 1868 г., селения основываются только в Южно-Уссурийском крае и длится такое состояние до начала 90-х гг. Наконец, в 1868 г. – последний за десятилетие, когда селения основываются ежегодно, что также служит, хотя и косвенно, в пользу выявленных хронологических границ внутри первого периода¹⁰.

⁶ Буссе Ф. Ф. Переселение морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах. СПб.: б. и., 1896. С. 35.

⁷ Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. М.: б. и., 1896. С. 17.

⁸ Барбенко Я. А. Политика водворения русского крестьянства в Приморской области во второй половине XIX в. // Научный журнал КубГАУ. 2006. № 6. URL <http://ej.kubagro.ru/2006/06/pdf/16.pdf>. С. 2–3, 5–6.

⁹ К причинам ослабления потока переселенцев и соответственно снижения количества основываемых селений можно добавить и военную тревогу 1900 г., связанную с «боксерским» восстанием в Китае: ГАХК. Ф. И-238. Оп. 1. Д. 1. Л. 192 об. 193. Спад 1901 г., связанный с войной в Маньчжурии, хорошо виден на приведенной выше диаграмме (рис. 1).

¹⁰ Рыкунова Г. А. Из истории заселения юга Дальнего Востока в 50–60-е годы XIX в. // Исторический опыт освоения восточных районов России: сб. тезисов, докладов и сообщений международной науч. конф. Кн. II. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1993. С. 43.

Рис. 1. Интенсивность образования крестьянских селений по районам Приморской области (1855–1903 гг.)

Таблица 1

Интенсивность процесса возникновения крестьянских селений в южной части
Приморской области второй половины XIX — начала XX века¹¹

Этап / Период		I	II	I	III	IV	II	Σ	
Лег		13	15	28	15	6	21	49	
Основано	Всего	Σ	55	8	63	97	133	230	293
		в год	4,23	0,53	2,25	6,47	21,17	10,59	5,98
	Николаевская / Удская округа	Σ	21	0	21	1	1	2	23
		в год	1,61	0	0,75	0,07	0,17	0,09	0,47
	Софийская / Хабаровская округа по Амуру ¹²	Σ	19	0	19	1	0	1	20
		в год	1,46	0	0,67	0,07	0	0,05	0,41
	Северно-Уссурийский край и район Хабаровска ¹²	Σ	1	0	1	12	65	77	78
		в год	0,07	0	0,03	0,8	10,83	6,67	1,59
	Южно-Уссурийский край	Σ	14	8	22	83	67	150	172
		в год	1,07	0,53	0,78	5,53	11,17	7,14	3,51

¹¹ Составлено по: Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. М.: Наука, 1985. 264 с. С. 243–254; Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Том V. Новоселы наделенные по душевой норме (Таблицы и текст). Владивосток: б. и., 1914. С. IX–XV; Список населенных пунктов Приморской области. Владивосток: б. и., 1913. С. 14–39.

¹² Район Амура близ устья Усури, даже левый берег, отнесен к Северно-Уссурийскому краю, поскольку в случае заселения данный район тяготеет именно к Усури, а селения, основанные в этих местах, продолжают ось заселения, пролегающую вдоль Усури. Кроме того, район устья Усури – это единственное место по Амуру в пределах Приморской области, где в конце XIX в. основывались крестьянские селения; это обстоятельство также привязывает эти села и деревни к Усури.

Границей третьего и четвертого этапов были избраны 1897 и 1898 гг. Существует похожий вариант периодизации истории заселения¹³. Суть представляемого подхода состоит в том, что, как показало подробное рассмотрение, заселение Северо-Уссурийского края начинается всерьез только с вводом в строй всей длины Уссурийской железной дороги в конце 1897 г. Строго говоря, Северо-Уссурийский край начинает обживаться крестьянами еще с начала 90-х гг., однако, происходит это только в районах, примыкающих к основным ареалам расселения выходцев из России: Амуру и Южно-Уссурийскому краю, достаточно обеспеченному дорогами (рис. 2). Подлинное заселение долины среднего и нижнего течения Уссури начинается с последних лет XIX в., в связи, как отмечалось, с постройкой железной дороги¹⁴. Наконец, немаловажен скачок в количестве новых селений, возникающих, начиная с 1898 г., существенно превосходящий показатели предшествующих лет.

Подводя итоги первого периода заселения (табл. 1), можно отметить примерно одинаковое количество крестьянских селений в каждом из заселяемых регионов при том, что они имеют существенные отличия в условиях заселения и проживания. Такое совпадение количества селений между отдельными регионами может показаться неслучайным, и в этом «видится рука» администрации, хотя ни прямых, ни косвенных свидетельств этого не обнаружено. Вместе с тем следует помнить о существенной разнице в площадях рассматриваемых районов¹⁵, а это заметно меняет «расстановку сил».

В рамках первого этапа преимущественному заселению подлежат амурские территории, что связано с «информационной обеспеченностью» этих мест, в силу чего и администрация, и переселенцы ориентированы именно сюда. Характерно, что заселению сначала подвергались места, прилежащие к устью Амура (рис. 2), в чем видится именно политический, если не сказать военно-стратегический, расчет властей. После занятия устья Амура ставится задача контроля его течения, что и претворяется в начале 60-х гг.: заселяются внутренние амурские территории. Второй этап являет господство южного направления крестьянского заселения Приморской об-

ласти. Это связано со своеобразным «информационным прорывом» в отношении Южно-Уссурийского края: здешние природные условия, более благоприятные, чем амурские, притягивают к себе большую часть переселенцев¹⁶. Именно поэтому на Амуре в рамках данного этапа не было основано ни одного крестьянского селения.

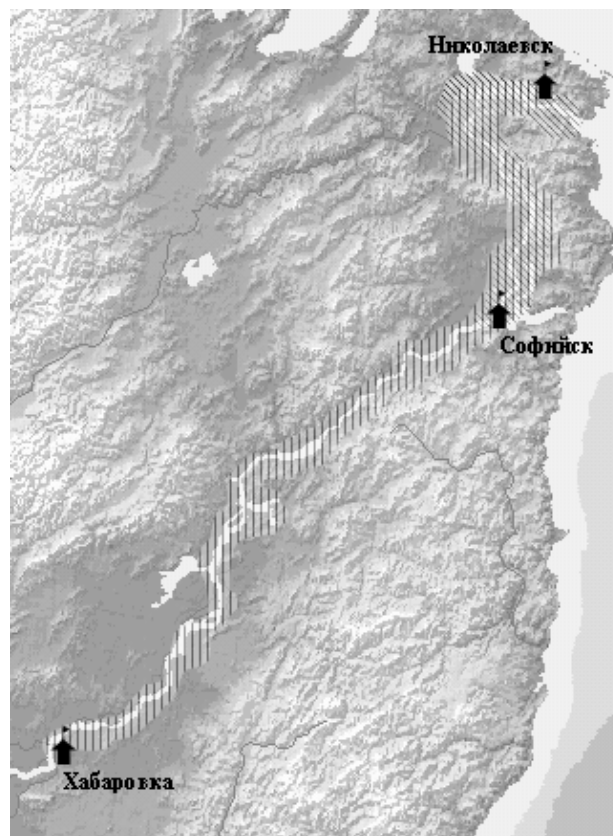

Рис. 2. Крестьянское расселение по Нижнему Амуру в середине XIX в.

Условные знаки

Ареал крестьянского расселения в 50-х гг.

Ареал крестьянского расселения в 60-х гг.

Первое, что можно отметить при обзоре результатов второго периода – отсутствие новых селений в Амурском крае. Вероятно, продолжается тенденция второго этапа заселения, связанная со сравнительным неудобством поселения на Амуре в сопоставлении с более южными территориями. Можно сказать, что конец XIX в. – это

¹³ Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб.: Издание Е.Д. Кусковой, 1904. С. 66, 70.

¹⁴ ГАХК. Ф. И-238. Оп. 1. Д. 1. Л. 192 об.

¹⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXVI. Приморская область. Тетрадь 3 (последняя). Б. м., 1905. С. VI.

¹⁶ Меньшиков А. Очерк заселения низового Амура // Журнал предварительного междоуведомственного совещания по вопросу о мерах, которые должны быть приняты для колонизации низовьев Амура. На правах рукописи. Б. и.: б. м., б. г. Приложение № 3. С. 2.

время заселения Уссурийского края, сначала преимущественно его южной части, а впоследствии – и северной (рис. 3).

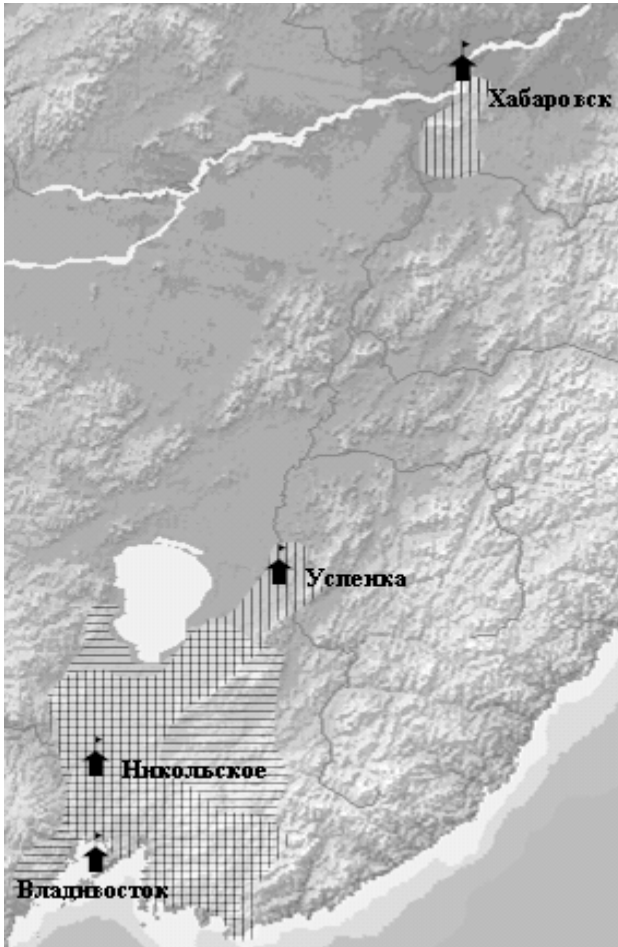
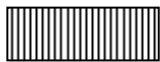

Рис. 3. Крестьянское расселение в Уссурийском крае в 80–90-е гг. XIX в.

Условные знаки

Ареал крестьянского расселения в 1883–1890 гг.

Ареал крестьянского расселения в 1891–1897 гг.

Собственно, именно по линии «преимущественное заселение юга – преимущественное заселение севера» и проходит разграничение этапов внутри второго периода. Тем не менее следует отметить, что южная окраина области – Южно-Уссурийский край – это единственный район, постоянно пополнявшийся достаточно крупными группами переселенцев: настолько, что здесь регулярно возникали новые селения. Это можно объяснить, с одной стороны, выгодными климатическими условиями, а с другой –

удобством географического, или, лучше сказать, территориального положения – легкодоступностью для переселенцев морем через Одессу и Владивосток.

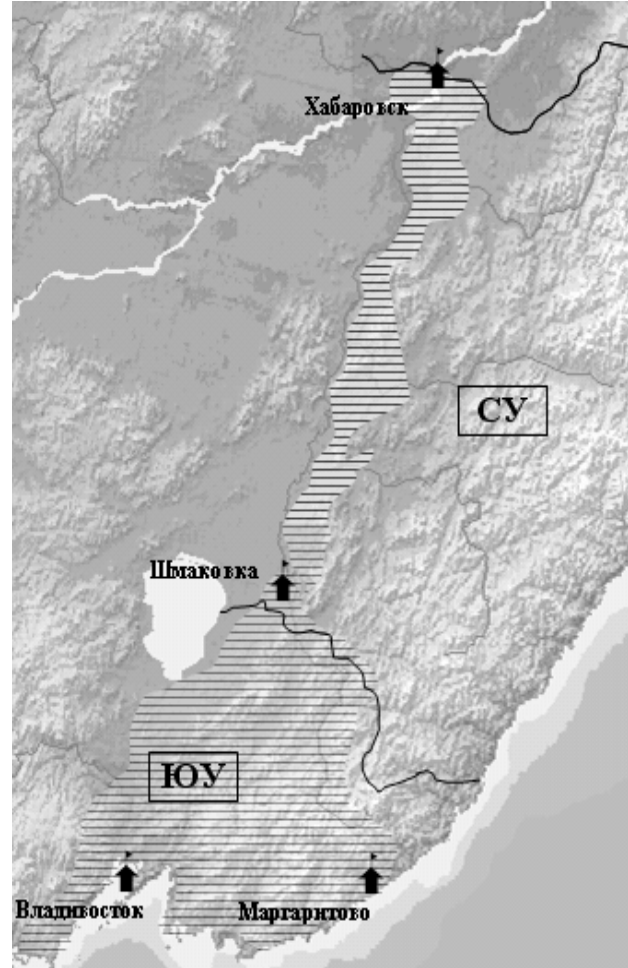

Рис. 4. Крестьянское расселение в Уссурийском крае на рубеже XIX–XX вв.

Условные знаки

Ареал крестьянского расселения 1897–1903 гг.

СУ

Северно-Уссурийский край

ЮУ

Южно-Уссурийский край

Условные границы краев

Обобщая результаты по области – на Южно-Уссурийский край приходится чуть менее двух третей крестьянских селений, причем на второй период заселения приходится больше половины всех основанных в изучаемый период селений. С серьезным отрывом на втором месте находится Северно-Уссурийский край, который имеет лидерство в последнем периоде заселения. Это можно объяснить (имея ввиду и другие, уже от-

части упоминавшиеся в разных местах данной работы, причины) незаселенностью, пустынно-стью среднеуссурийских территорий, что имеет немаловажное значение для темпов первоначального заселения и обустройства здесь хозяйств¹⁷. Малопривлекательные для крестьян на фоне юга амурские территории остаются полупустынными на всем протяжении изучаемого периода.

На основе отмеченного можно заключить, что в Приморской области в пределах XIX в. система крестьянского расселения на Амуре сложилась уже в рамках первого периода заселения и более не изменялась. Сложение системы крестьянского расселения в Уссурийском крае, в рамках изучаемого отрезка времени, относится ко второму периоду – определяется география размещения сел и деревень. Если Южно-Уссурийский край был уже достаточно широко заселен в рамках третьего этапа и именно на него приходится закладка структуры крестьянского расселения, то Северно-Уссурийский край даже к началу XX в. оставался страной малонаселенной, с прерывистой цепочкой крестьянских селений по правому берегу Уссури (рис. 4). Этим данный район напоминал амурский край, однако, учитывая высокий потенциал вселения уссурийских территорий, можно полагать, что крестьянское заселение этих мест продолжится и в XX в.

Характеризуя хронологическую сторону процесса (табл. 1), следует отметить более чем двукратное превосходство интенсивности заселения в рамках второго периода над первым. Это без затруднений можно объяснить использование новых видов транспорта для доставки переселенцев в область и расселение их по землям отдельных округов и волостей. Точно так же можно объяснить и более чем трехкратную разницу в показателях третьего и четвертого этапов: сравнительная эффективность железной дороги и проселочных дорог в излишних комментариях не нуждается. Сравнивая показатели первого и второго этапов, необходимо помнить о колебаниях в притоке переселенцев в область в годы, относящиеся к обсуждаемым отрезкам времени.

Обращаясь к территориально-хронологической составляющей анализа, можно сделать следующие наблюдения. Показателен факт преимущественного заселения уссурийских территорий и главным образом в рамках второго периода

(особенно – четвертого этапа), в то время, как заселение амурских территорий приходится на первый период и только. Объяснить это можно следующим образом. Во-первых, значение имеет порядок проникновения русских на территории будущей Приморской области – Амур, раньше, чем Уссури присоединенный к России, раньше и подвергся заселению. Во-вторых, играют роль соображения военной и административной необходимости – даже после присоединения Уссурийского края администрация некоторое время предпочитала укреплять коммуникации именно на Амуре, поскольку последний рассматривался как высокопотенциальный объект в политическом и экономическом отношениях.

Кризис заселения Амура на протяжении 60–80-х гг. также связан не менее чем с двумя причинами; первая из них – природно-географическая, а именно климатическая суровость края, бедность почв и критически малое количество удобных для распашки мест¹⁸; вторую причину можно обозначить как «бюрократическую» – большинство новооснованных крестьянских поселений на Амуре (главным образом) в 50-е гг. не удовлетворяли переселенцев, поскольку выбор мест производился чиновниками, – гражданскими, а чаще военными¹⁹, которые имели ввиду только интересы сообщения на Амуре, интересы крестьян в их планы не входили. Естественно, что неудобное расположение селений – вдали от угодий, на затапливаемых местах и т. д. не могло привлечь новых засельщиков и вообще создавало неблагоприятный образ территории. Для амурских территорий характерна близость показателей интенсивности заселения – 1,61 для Николаевской округи и 1,46 для Софийской; при этом перевес Николаевской округи можно (и нужно) объяснять ее особым приграничным положением местности по Амуре, прилегающие к Николаевску, подлежали заселению в первую очередь²⁰.

Отсутствие крестьянских селений в Северно-Уссурийском крае на протяжении первого этапа заселения можно объяснить его удаленностью от основных магистралей переселенцев – Амура и Японского моря, но главным образом – незаинтересованностью администрации в крестьянском заселении этих мест, отведенных казкам. В связи с уплотнением населения соседнего Южно-Уссурийского, прокладки в нем колес-

¹⁷ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае // Библиотека для чтения. 1869. Т. VIII–XII. С. 65–129. С. 110.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 103. Л. 57 об. 58.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227. Л. 85 об. 87.

²⁰ Меньщиков А. Очерк заселения низового Амура. С. 1.

ных дорог возникают возможности для заселения окраин Северно-Уссурийского края, соседствующих с Южно-Уссурийским. При этом следует отметить близость показателей интенсивности заселения Северно-Уссурийского края для третьего периода и показателей Южно-Уссурийского края для первого и второго этапов – 0,75, 0,67 и 0,78 соответственно. Такую близость показателей можно объяснить сходством условий первоначального заселения: неразвитостью коммуникаций, отсутствием живой заинтересованности администрации (но при ее стандартной поддержке), стихийностью продвижения крестьян на новые территории из собственных соображений. Наконец, последний этап заселения Северно-Уссурийского края дает феноменальный показатель роста интенсивности – с 0,80 до 10,83, что связано как с существованием удобного пути – железной дороги, так и с выгодными природными условиями, а также с пустынным характером территории – в том смысле, что начальный рост может казаться очень интенсивным, поскольку отсчет начинается от малых величин.

Наиболее представителен в отношении как продолжительности, так и интенсивности заселения Южно-Уссурийский край. Это можно объяснить его выгодным положением и в климатическом, и в территориальном отношении, а также особым вниманием администрации к судьбам его населения. Как отмечалось выше в связи с заселением Северно-Уссурийского края (III этап), интенсивность возникновения новых селений в Южно-Уссурийском на фоне остальных показателей сопоставима в I и II этапах. Это наводит на мысль о сходных условиях и механизмах начального вселения на Уссурийские территории в целом. Кроме того, результаты первого этапа по амурским и южно-уссурийским территориям также близки, что свидетельствует в пользу избранного варианта периодизации.

Наконец, характеристика второго периода заселения как массового вытекает, в первую очередь, из опыта Южно-Уссурийского края, который в рамках данного этапа вмещает большую часть всех крестьянских селений, основанных в Приморской области во второй половине XIX в. Такой скачок объясняется достаточно просто – местная и центральная администрация не только разрешают и поощряют переселение в Приморскую область, но принимают в этом процессе непосредственное участие как организатор и помощник. Отсюда вытекают и переброска переселенцев на Дальний Восток и организация их со-

держания в пути, и строительство дорог в Южно-Уссурийском крае, способствующее широкому рассеянию крестьян по округе, и учреждение Южно-Уссурийского Переселенческого управления (и далее – крестьянских начальников), координирующего действия администрации и помогающего крестьянам устраиваться на местах. Помимо этого, немалое значение (но только в рамках рассматриваемого региона в целом) имеют выгодные природные условия, которые выступают, скорее, в роли предпосылки. При этом очевидна связь открытия Уссурийской железной дороги и существенного роста количества (или в данном случае – интенсивности возникновения) селений; этот пример иллюстрирует критический характер такого фактора заселения, как транспортная обеспеченность, за которой стоит элементарная доступность заселяемых земель.

Итак, представленный вариант периодизации крестьянского заселения южной части Приморской области второй половины XIX в. раскрывает территориально-хронологические черты процесса распространения русского крестьянства на указанных территориях. Проведенный анализ позволил выявить сходные черты заселения различных регионов Приморской области, а именно: этап начального заселения для Амурского и Южно-Уссурийского краев, приходящийся на 50–60-е гг., для Северно-Уссурийского – на 80–90-е гг., этап массового заселения, приходящийся для Южно-Уссурийского края на 80-е и последующие годы, для Северно-Уссурийского – на рубежные годы XIX и XX вв. Такой вариант периодизации крестьянского заселения Приморской области близок по понятным причинам, периодизации истории Дальнего Востока в целом и переселенческого движения в частности²¹, однако, имеет и специфику, которая выражается в основном в границах выделенных этапов. Выявленные этапы сочетаются с краевым делением области, что позволяет с большей эффективностью использовать представленную периодизацию для изучения истории русской колонизации Дальнего Востока.

²¹ История Дальнего Востока. С. 231–232.

САМОРАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ КАК ЦЕНТРОВ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

М.В. Бондарь

Бондарь Марина Владимировна – аспирантка Дальневосточной государственной академии искусств.

В статье дан анализ состояния музыкальных учебных заведений, их усилия и успехи в самосохранении. Музыкальные школы, училища, вузы Приморского, Хабаровского краев и Амурской области стали центрами возрождения и развития культуры в регионе. Исследованы новые функции государства в сохранении и развитии музыкальных учебных заведений.

The article deals with the analysis of the condition of music educational institutions. Their success in attempts to survive. Music schools and colleges of the Primorye, Khabarovsk and Amur territories have become the centres of revival and development of culture in the region. New functions have studied, which the state has assumed to maintain and develop music institutions.

Системный кризис, названный А.Солженицыным «Великой русской катастрофой 90-х годов XX века», сузил культурное пространство Дальнего Востока. Десять дальневосточных субъектов Российской Федерации утратили культурные связи друг с другом и с центром страны. Вместе с тем из всех видов искусства музыка является самым «проникающим» в повседневную жизнь и быт людей, активно воздействующим на эмоциональный мир, формирование духовных потребностей человека и образ жизни всего общества. «Социальная жизнь всегда требует, чтобы ее насыщали музыкой», справедливо утверждал А.В. Луначарский¹.

Кризис болезненно отразился на функционировании музыкальных учебных заведений и повлек за собой множество проблем и последствий. Инфляционные процессы не давали возможности учреждениям культуры и искусства быстро адаптироваться к вновь возникающим условиям. Наблюдалась тенденция к сокращению численности обучавшихся. Так, если в Амурской области в 2000 г. численность учащихся музыкальных школ составляла 2627 человек, то к 2005 г. она упала до 1392 человек, или на 23 %. Если в Хабаровском краевом колледже искусств на 1991 г. численность обучавшихся составляла 360 человек, то в 2003 г. она сократилась до 310. В 2004–2005 и 2005–2006 учебные годы на 1-м курсе музыкального факультета Дальневосточной государственной академии искусств был недобор студентов².

Культурная политика России – это не только один из институтов общественного сознания, но и целостная система ценностей, формирующая идентичность нации, единство Российского государства, влияющая на все сферы государственного и гражданского бытия. Именно культура, обладая своей внутренней логикой, взяла на себя задачу сохранения духовно-нравственных ориентиров общества в различные периоды истории России.

Вместе с тем культурная политика, в том числе и отношение к музыкальному образованию, выстраивались по «остаточному» принципу. Так, в 1989 г. доля бюджетных ассигнований на культуру исчислялась в 0,24 % ВВП (валового внутреннего продукта). Для сравнения, на ВПК (военно-промышленный комплекс) тратилось свыше 70 % ВВП³.

Внутренняя логика развития культуры России была отражена в «Национальном докладе по культурной политике Российской Федерации», подготовленном по особой методике, принятой «Европейской культурной конвенцией» (в рамках Совета Европы), к которой в 1996 г. присоединилась Российская Федерация⁴. Так, было отмечено в указанном докладе, что в годы реформ активно формировалась нормативно-правовая база государственной культурной политики. За период 1992 по 1999 гг. было принято более 30 постановлений Правительства РФ, 10 законов РФ, 15 указов Президента РФ по вопросам культуры⁵.

¹ Цит. по: Королева В.А. Музыкальная культура Дальнего Востока России. Кн. 1 : на рубеже эпох (1880–1917) – (1917–1920-е). Владивосток : Дальнаука, 2004. С. 5.

² Подсчитано автором на основании данных Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю (Приморскстат), предоставленных по запросу автора (Справка № 19св-39/658 от 18.07.2006); Кальман Ф.Г. Берчанская Л. Одностороннее движение искусства? // Владивосток, № 50, 2006. С. 29.

³ Культурная политика России. История и современность. Два взгляда на одну проблему / отв. ред. И.Н. Бутенко, К.З. Разлогов. М. : Либерия, 1998. 296 с.

⁴ Культурная политика России. История и современность / отв. ред. К.З. Разлогов, И.Н. Бутенко. М. : ГИВЦ. Минкультуры РФ, 1996. 217 с.

⁵ Подсчитано на основании; Государственная культурная политика в документах и материалах. Т. 4. Кн. 2. СПб., 2001. С. 5–529.

Анализ этих документов показал, что они, с одной стороны, вели к ликвидации монополии государства в области культуры, предотвращая его вмешательство в содержание культурных процессов. А с другой – законодательно закрепились новые функции государства по обеспечению доступности для граждан культурной деятельности, культурных ценностей и благ; свобод и самостоятельности всех субъектов культурной деятельности; создания условий для самореализации таланта, сохранения памятников истории и культуры и, наконец, ответственности перед гражданами и обществом за свою культурную политику.

Новыми функциями государства в области культуры являлись:

- обеспечение и защита прав граждан на культурную деятельность и участие в культурной жизни;

- создание правовых условий для сохранения исторического и культурного наследия народов Российской Федерации, развития и воспроизведения творческого потенциала общества;

- определение принципов отношений субъектов культурной деятельности;

- определение принципов государственной культурной политики, государственной поддержки культуры и обеспечение гарантий невмешательства в творческие процессы.

Однако в этих новых функциях не просматривалась позиция государства в отношении образования в области искусства и, прежде всего, музыкального образования. То, что был принят только один документ – Постановление Правительства РФ «О государственных стипендиях для выдающихся деятелей культуры и искусства России и талантливых молодых авторов литературных, музыкальных и художественных произведений» от 6 мая 1994 г. № 483 подчеркивает, что музыкальные учебные заведения были обречены на самовывживание и самоорганизацию⁶.

К этому подталкивало бедственное положение технического состояния зданий и отсутствие инвестиций. Так, в Хабаровском крае из 674 зданий, занимаемых организациями культуры и искусства, 55 требовали капитального ремонта, 6 находились в аварийном состоянии. В Приморском крае из 1153 зданий, 298 требовали капитального ремонта, 61 находились в аварийном состоянии. В Амурской области из 912 зданий культуры и искусства, 216 требовали капиталь-

ного ремонта, 45 – в аварийном состоянии⁷.

В конце XX в. социально-экономическая ситуация на ДВ вынуждала молодых специалистов больше решать проблем выживания, нежели заниматься выбранной ими «по зову сердца» творческой педагогической деятельностью. С одной стороны, молодые специалисты обладали преимуществами по сравнению с другими трудовыми возрастными категориями, с другой – их конкурентоспособность на рынке труда оставалась низкой, поскольку музыкальные учебные заведения не могли решить их жилищный вопрос. В результате талантливые выпускники вузов оставались невостребованными, а музыкальные учебные заведения вынуждены были закрывать классы из-за отсутствия преподавателей по ряду специальностей. Другой важной причиной возникавших проблем в трудоустройстве молодежи в социально-культурной сфере оставалась низкая заработная плата. В целом, в 1999 г. среднемесячная заработная плата в школах искусств Приморского края была равна 900 руб. или это занимало 26 место от среднерегionalного уровня оплаты труда в отраслях экономики края⁸. В Хабаровском крае – 1196 руб. (или 12 – место)⁹. В Амурской области – 919 руб. (или 25 место)¹⁰.

Конечно, определенные шаги в области повышения оплаты труда осуществлялись – программы повышения заработной платы в бюджетных организациях. Было некоторое снижение налогового пресса на фонд оплаты труда. И все-таки, рост заработной платы не обгонял роста цен. Так, в Хабаровском крае ежемесячная начисленная заработная плата по отраслям культурной сферы в 2000 г. колебалась от 1568 до 1681 руб. в месяц, что в 2,5–4 раза меньше, чем в отраслях материального производства. Причем прожиточный минимум в среднем за 2000 г. в Хабаровском крае составил 1126,3 руб. в месяц¹¹. Отсюда появилась тенденция резкого спада интереса молодежи к профессии музыканта-педагога и соответствующее нежелание продолжать обучение в музыкальном училище или колледже.

⁷ Цифровая версия культурной деятельности в конце столетия / под общей ред. А.Я. Рубинштейна. Т. III. СПб. : Изд-во Алетейя, 2002. С. 202, 218, 228.

⁸ Там же. С. 201, 202.

⁹ Там же. С. 218.

¹⁰ Там же. С. 227

¹¹ Митников Д.М. Актуальные проблемы трудоустройства молодых специалистов социально-культурной сферы // Проблемы подготовки кадров для сферы культуры и искусства : материалы Всерос. междунар. конф. Хабаровск, ХГГИК. Декабрь 2001. Ч. 1. С. 116–118.

⁶ Российская газета. 1994. 7 мая.

Выпускников не привлекала низкооплачиваемая профессия, которую они получали после окончания среднего музыкального учебного заведения.

Одной из важнейших новых функций государства является совершенствование управления музыкальным образованием. Однако эта новая функция свелась в основном к изменению наименований образовательных учреждений культуры и искусства. Так, 10 февраля 1992 г. вышло распоряжение правительства РФ о преобразовании Хабаровского института культуры в Хабаровский государственный институт искусства и культуры (ХГИИК)¹². В 1994 г. Хабаровское училище искусств меняет статус на Хабаровский колледж искусств¹³. В 1992 г. Дальневосточный педагогический институт искусств был переименован в Дальневосточный государственный институт искусств, а в 2000 г. стал Дальневосточной государственной академией искусств¹⁴. Все эти изменения повлекли за собой новое содержание образования, новую систему управления, новую структуру образовательного учреждения.

С целью приведения в соответствие с законодательством РФ все детские музыкальные школы и школы искусств были переведены в систему дополнительного образования. Так, в 2001 г. постановлением главы администрации г. Владивостока названия ДМШ и ДШИ стали именоваться муниципальными образовательными учреждениями дополнительного образования детей¹⁵.

В связи с этим деятельность таких школ рассматривалась государством, как придаток общеобразовательной школы. Это не только ограничило образовательную деятельность школ в рамках реализации общеобразовательных программ дополнительного образования, но и существенно снизило статус музыкального образования.

Учредителем музыкальных школ и школ искусств стали администрации городов. К сожалению, после принятия Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, последовавшие изменения финансирования му-

зыкальных образовательных учреждений для детей изменилось в худшую сторону по всем статьям бюджета. Так, из финансово-хозяйственных отчетов ДМШ и ДШИ Амурской области по итогам учебного 2002/03 г.¹⁶ мы видим, что в основном из местного бюджета финансировались такие статьи, как оплата труда с отчислениями во внебюджетные фонды, коммунальные услуги, подписка периодических изданий. Не оплачивались в положенный срок льготы специалистам села. Почти все расходы по содержанию учреждений дополнительного образования детей, укреплению материально-технической базы производились из родительской платы, поэтому во многих школах были отменены льготы на обучение учащихся из малообеспеченных и многодетных семей. Директорам ДМШ и ДШИ все чаще приходилось заниматься не совершенствованием содержания образования, а проблемами создания материальных условий.

Деструктивные тенденции приводили к разрушению ранее единого культурного пространства Дальнего Востока. В этих условиях Правительство, министерство культуры, администрации муниципальных образований Хабаровского края приняли на себя новые функции государства – выработку концепции поддержки и развития музыкального образования через реализацию краевой целевой программы «Развитие и сохранение культуры и искусства края на 1998–2000 гг. (постановление главы администрации края от 06.10.1997 г. № 493)¹⁷ и «Основных направлений культурной политики края на 2001–2005 годы» (постановление главы администрации края от 01.02.2001 г. № 46)¹⁸, что способствовало возрождению музыкального образования в Хабаровском крае.

За 5 лет реализации этих планов произошло укрепление материально-технической базы краевых учреждений культуры: при плане 620,8 млн руб. было произведено строительно-монтажных и ремонтно-реставрационных работ на общую сумму 1340 млн руб., что выше планового показателя более чем в 2 раза. Был отреставрирован концертный зал краевой филармонии, колледж искусств, театр музыкальной комедии и другое.

Повысилось качество жизни работников культуры и искусства, осуществлялась их финансовая поддержка. Так, в зависимости от стажа работы выплачивались ежемесячные надбавки к

¹² Распоряжение правительства РФ от 10 февраля 1992. № 264 – Р // Тихоокеанская звезда. 1992. 11 февраля.

¹³ Петросов М. Училище меняет статус // Приамурские ведомости. 1994. 11 февраля. С. 2.

¹⁴ РСР, краткая информация о ДВГАИ. <http://www.rsr-online.ru/school.php?id=207> <24.04.07>.

¹⁵ Москалева Л.Д. Некоторые проблемы в деятельности музыкальных школ, школ искусств // Художественное образование и воспитание. Управление культуры администрации Приморского края. Центр подготовки и переподготовки кадров культуры. Дальневосточное отделение комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Владивосток, 2003.

¹⁶ Информационные материалы по итогам учебного 2002/03 г. Благовещенск, 2003. С. 88–92.

¹⁷ Тихоокеанская звезда. 1997. 7 октября.

¹⁸ Тихоокеанская звезда. 2001. 2 февраля.

должностным окладам в размере до 30 %. Работникам культуры, проживавшим в сельской местности, компенсировались расходы по оплате жилья и коммунальных услуг, а также выплачивалось 25 % надбавки к должностным окладам. В 2005 г. на эти цели из краевого бюджета было выделено более 75 млн руб.¹⁹.

Десятый год присуждаются премии правительства Хабаровского края в области литературы и искусства, театрального дела, выплачиваются пожизненные и ежемесячные стипендии творческим работникам и деятелям искусств.

Одной из первых в России, в крае была возрождена гастрольная деятельность краевых и муниципальных театральных и концертных учреждений. В 2003–2005 гг. ею были охвачены все 19 муниципальных образований Хабаровского края.

Таким образом, проводившаяся в последние годы в крае политика в сфере культуры и искусства способствовала стабилизации ситуации, сохранению инфраструктуры музыкального образования, ее материально-технической базы. Реализация культурной политики Хабаровского края в конце XX в. позволила ставить стратегические задачи динамического развития культурной отрасли на новом этапе социально-экономического развития и создания благоприятных условий для функционирования учреждений культуры и искусства.

Государство, переложив свою функцию в выработке и реализации концепции сохранения и развития музыкальной культуры на регионы, получило разные подходы муниципальных властных структур к решению этих проблем. И там, где этому было уделено достаточно серьезное внимание, в процессе исследования мы наблюдали заинтересованную работу преподавателей, даже имевших унизительно-нищенскую заработную плату.

В период глубоких реформ у российского правительства не было сформировано сколь-нибудь отчетливого понимания характера и направленности государственной политики в области культуры и искусства. В этой связи интересно признание министра культуры, вошедшего в первое демократическое правительство России Е. Сидорова, сделанное в 1992 г.: «Сейчас я езжу по стране. Каждая область – совершенно особый мир, никакого отношения не имеющий ни к Мо-

скве, ни к Петербургу, ни к тем программам, которые мы компьютерно накладываем на огромную разнообразную страну..., где и народ разный и настроение не сходится. Живут тяжело, страшно. Люди искусства перебиваются на нищенскую зарплату, сажают картошку... Но как возрождается чувство своего края, истории, страны!»²⁰.

В позиции министра привлекает внимание конфликт между увиденным в регионах и отсутствием правильной стратегии по отношению к развитию культуры и искусства.

Подход к российской культуре в высших эшелонах власти РФ заметно меняется в начале XXI в. Так, бывший министр М.Швыдкой говорит о спонтанно-историческом характере развития культуры, который воспроизводится независимо от правительства. «Государство может помогать культуре развиваться, может тормозить это развитие, но культура все равно существует и будет существовать»²¹. В этих словах можно усмотреть серьезный поворот к пониманию культуры и искусства как самоорганизующейся системы.

В начале XXI в. в России значительно расширилось представление о музыкальном образовании, которое выступает в качестве социально-культурного института. Музыкальное образование в определенном аспекте отражает уровень развития музыкальной культуры. Главным достоянием музыкального образования, которым является непрерывность подготовки музыкантов-профессионалов в системе школа–училище–вуз²².

Важное значение музыкальных школ и школ искусств в профессиональной системе непрерывного образования заключалось в том, что они являлись базовым фундаментом. В условиях современной социокультурной обстановки, при которой появилось место дурному вкусу, музыкальные учебные заведения для детей несли большую ответственность за воспитание и сохранение в детях идеалов добра и истинных культурных ценностей.

В связи с этим, несмотря на перевод школ в систему дополнительного образования детей (МОУ ДОД), их деятельность продолжает сохра-

²⁰ Гуманитарный фон в правительственной музыке. Беседа с министром культуры Е. Сидоровым // Литературная газета. 1992. 18 ноября.

²¹ Культура не нуждается в социальном признании. Интервью с министром культуры Швыдким М. // Известия. 2000. 16 мая.

²² Часовитин Д. В будущее, сохраняя традиции // Музыка и время. 2005. № 12. С. 25.

¹⁹ Культура: традиции и современность: сб. науч. статей / под ред. В.В. Романовой. Хабаровск : Изд-во ДВГУ, 2006. С. 71, 73–75.

нять традиции классического профессионального обучения. Администрации музыкальных школ и школ искусств Дальневосточного региона России проводили большую работу в развитии творческих наклонностей и способностей детей. ДМШ и ДШИ работают в тесном сотрудничестве с общественными организациями, социокультурными и образовательными учреждениями проводили совместные мероприятия, в которых важное место занимала концертно-просветительская деятельность. Так, коллектив музыкантов из п. Хор Хабаровского края выступал с концертами перед пограничниками и животноводами, рыбаками и корабелями, бывал в Комсомольске и Уссурийске, Владивостоке и Советской Гавани и в других уголках Дальнего Востока²³. И таких примеров из концертно-просветительской деятельности педагогов и учащихся ДМШ и ДШИ на юге Дальнего Востока множество.

В последнее десятилетие XX в. концертная деятельность музыкальных школ и школ искусств выходит за рамки области и региона. Все смелее ведущие преподаватели школ принимали участие в фестивалях и конкурсах на международном уровне. Так, в 1993 г. хор учащихся ДМШ № 2 г. Находка под управлением Л.В. Пахомовой принимал участие в международном хоровом фестивале в г. Окленде, где был удостоен серебряной и бронзовой медалей²⁴.

Академический хор «Детство» ЦДШИ г. Благовещенска Амурской области под руководством Т.Л. Бедериной в 2001 г. стал обладателем приза «Серебряный трофей» в XIII международном мальтийском фестивале академических хоров, прославивший не только область, но и Россию. До этого нашей стране удавалось лишь 2 раза завоевать призовые места в этом фестивале: в 1989 г. и в 1995 г. В 2001 г. Россия стала обладательницей сразу двух первых мест – «Золотой трофей» (г. Владикавказ) и «Серебряный трофей» (г. Благовещенск). Хор «Детство» являлся участником и победителем Международных конкурсов и фестивалей в Испании, Франции, Италии, Китае²⁵.

²³ Хоменко А. Оркестр юных талантов // Приамурские ведомости. 2000. № 81–82. С. 14.

²⁴ Скуратовская Н.В. Анализ основных тенденций развития музыкального образования и воспитания учащихся детских музыкальных школ и школ искусств // Музыкальная культура Находки: история и современность : материалы науч.-практ. конф. г. Находка. 30 октября 1998 г. Владивосток : Изд-во ДВГМА. 2000. С. 59–67.

²⁵ Палей Н. Вернулись из Мальты сопрано да альты // Благовещенск. № 50. 2001. С. 2–3.

Таким образом, в конце XX и начале XXI в. в концертно-просветительской жизни музыкальных школ и школ искусств юга Дальнего Востока стало характерным дальнейшее развитие, которое существенно расширило территориальные рамки – от уровня городских, областных мероприятий до регионального и международного уровней.

Будет справедливым заметить, что для состава дальневосточного региона очень характерна дифференциация между городами и сельской местностью. Жители крупных промышленных центров всегда находились в выгодном положении в отношении потребления культурных ценностей. Более того, статус провинциальных городов Дальнего Востока близок к периферийному статусу, который всегда предполагает уровень культуры ниже, чем в центральных городах.

Тем не менее школа искусств г. Свободного Амурской области одна из тех многочисленных МОУ ДОД юга ДВ, которая предприняла попытки решить проблему периферийной культуры. Изначально ДШИ г. Свободного (в 1960-е г.) была музыкальным кружком при Доме пионеров, теперь – это одна из крупнейших в Амурской области школ эстетического воспитания детей, в том числе – зональный методический центр 5 районов. Ежегодно 20 % из выпускников школы становятся на путь дальнейшего музыкального образования. Гордостью школы и всего города – является оркестр народных инструментов под руководством Ю.Шацкого; детский хор под руководством Заслуженного работника культуры РФ В.П. Распопова, а также ансамбль бального и эстрадного танца «Ритм». В течение каждого учебного года детские коллективы успешно давали по 45–50 концертов. На базе школы искусств г. Свободного работали городская хоровая академическая капелла – лауреат 2 Всесоюзных конкурсов «Поющая Россия» и городской духовой оркестр.

Таким образом, деятельность учреждений дополнительного образования имела огромное значение в создании условий для того, чтобы общество провинциального города могло бы также чувствовать пульс современности, который присутствовал в центральных городах Дальневосточного региона.

Несмотря на сложившуюся проблему, музыкальные учебные учреждения много работали над привлечением и сохранением контингента талантливых учащихся. Образовательные учреждения культуры и искусства Благовещенска, Хабаровска и Владивостока, являясь культурными

центрами на юге Дальнего Востока, прилагали колоссальные усилия для развития творческих способностей детей и юношества. Так, «инкубаторами» талантов в г. Хабаровске являлись ДМШ № 1 и ДМШ № 7, Хабаровский колледж искусств, Лицей искусств, Центр эстетического воспитания детей, центр детского творчества «Гармония», городской дворец детского и юношеского творчества и другие учебные заведения.

Ведущее положение в г. Благовещенске заняла Центральная детская школа искусств № 1 и музыкальное училище. Благовещенское областное музыкальное училище (БМУ), как среднее звено системы образования созданное в 1960 году, было призвано стать главным центром профессионального музыкального образования области. В период 1978–1997 гг. училище возглавлял В.А. Побережский. В этот период значительно расширяются масштабы концертной и шефской работы коллектива, укрепляются методические связи БМУ с детскими музыкальными школами области. К этому времени прошел период становления и училище превратилось в крупное учебное заведение, и единственный центр профессионального образования в области. В 1997 г. директором становится бывший выпускник БМУ, окончивший Дальневосточный государственный институт искусств, Л.Б. Израйлов. Задачей нового директора стало вместе с педагогами и студентами сохранить и приумножить традиции училища²⁶. Знаменательным событием для города стало создание в 2005 г. камерного оркестра, в составе которого были студенты и преподаватели БМУ²⁷.

Одно из старейших учебных заведений г. Хабаровска – колледж искусств. В 1935 г. он был единственным в ДВ регионе средним музыкальным учебным учреждением. Его выпускники стали солистами оперных театров, артистами многих филармоний, симфонических оркестров и преподавателями ведущих консерваторий страны. Большинство артистов Дальневосточного симфонического оркестра во главе с его концертмейстером, заслуженной артисткой РФ Верой Дубовик – выпускники колледжа искусств. Немало выпускников и в театре музыкальной комедии г. Хабаровска.

Главное достояние колледжа – его педагоги, среди которых 13 заслуженных работников куль-

туры и заслуженных артистов РФ. В колледже 18 творческих коллективов, из них наиболее любимы хабаровчанами: оркестр русских народных инструментов, духовой оркестр, биг-бенд эстрадного отделения, «Хабар-квintет» и др. Уникальное явление колледжа – студенческий симфонический оркестр под управлением Ленских. Оркестр был создан в 1995 г. и по сей день ведет активную концертную деятельность. Их концерты слышали отдыхающие санатория «Уссури», жители поселка им. Горького, слушатели высшей школы милиции, студенты ХГИИК. С большим успехом прошли гастроль симфонического оркестра в Биробиджане²⁸.

Важным звеном в системе непрерывного музыкального образования в Приморском крае является музыкальное училище г. Владивостока. За годы работы музыкальное училище подготовило 2300 специалистов-преподавателей детских музыкальных школ, руководителей хоров, ансамблей, артистов Приморской филармонии, ансамбля Тихоокеанского флота, Тихоокеанского симфонического оркестра. Студенты училища являются постоянными участниками смотров-конкурсов, неизменно завоевывают призовые места. Лучшие исполнители являются участниками и лауреатами благотворительной программы «Новые имена» Приморского фонда культуры. На базе училища действует центр музыкальной культуры Советского района.

Первый выпускник училища А. А. Беленко, объединивший преподавателей в джаз-ансамбль «Солисты Владивостока», с успехом выступал на площадках города. «Метелица» (руководитель С.И. Стрельников, заслуженный работник культуры России) и творческий коллектив «Озорные наигрыши» (руководитель Н.Н. Соловьева) стали известными в крае.

Студенты и преподаватели ВМУ побывали почти во всех уголках Приморья. Так, в рамках действующей во Владивостоке с октября 2002 г. губернаторской программы Приморского края «Мастера искусств – жителям Приморья», студенты ВМУ десятки раз выезжали с концертами. Юные артисты побывали в с. Старо-Варваровка, в Преображении, Ольге и других отдаленных уголках края. В учебном 2004/05 г. они дважды совершили туры по Приморью. Первый раз по маршруту: г. Владивосток – п. Анучино – г. Ар-

²⁶ Благовещенское музыкально училище – 40 лет // Буклет – Благовещенск: Зоя, 2000.

²⁷ Джус М. Нужен ли благовещенцам камерный оркестр? // Амурская правда. Благовещенск, 18 июня, 2005. С. 4.

²⁸ Мартюшева Н. Наполним музыкой сердца // Приамурские ведомости, 21 марта, 2002. С. 15. Чашина О. Дом, где рождаются артисты // Приамурские ведомости, 16 марта, 2005. С. 3.

сеньев – п. Кавалерово – г. Дальнегорск. Второй – поездка состоялась по маршруту: г. Артем – г. Большой Камень – г. Находка – г. Фокино. За год с творчеством музыкантов познакомились более 1700 приморцев²⁹.

Концертная работа ДВГИИ в 1990-е годы проходила в тесном сотрудничестве с филармонией, была налажена связь с оркестром Тихоокеанского флота под руководством К. Селиванова³⁰. Преподаватели и студенты ДВГИИ и по сей день остаются ведущей силой в организации концертной деятельности филармонии. В программах концертов постоянно выступали профессора вуза: С.А. Айзенштадт, Ф.Г. Кальман, Л.Б. Борщева, В.Я. Колин. На сцене филармонии выступали различные коллективы исполнителей из педагогического состава ДВГИИ: струнный квартет, ансамбль «Концертоне», «Трио солистов Владивостока».

В каком качестве состоял штат филармонии, мы можем увидеть, насколько музыкальное образование Приморья в 1990-е годы было результативным. В штатный состав филармонии были включены исключительно артисты с высшим образованием. Из них, практически все певцы являлись воспитанниками Дальневосточного государственного института искусств: В. Воронин, О. Синицина, А. Сенькова, И. Славницкая, А. Митюков, В. Рубан. Их деятельность в дальнейшем (1992 г.) привела к организации театра «Классическая опера», которая регулярно осуществляла оперные постановки для жителей Приморья. В музыкальной жизни города значительное место занимали академический хор, под руководством заведующей кафедры хорового дирижирования, заслуженного работника культуры М.М. Плешковой; ансамбль скрипачей «Элегия» под руководством профессора Л.А. Ваймана, в составе которого были его воспитанники; фортепианный дуэт профессоров И.В. Земсковой и Г.И. Повещенко (обе являлись заведующими кафедр в академии искусств).

Таким образом, в 90-е годы деятельность Владивостокского музыкального училища и ДВГИИ (ныне ДВГАИ) стала движущей силой в стимулировании творческой обстановки города и

²⁹ Мещерякова А. Да разве сердце позабудет? // Светоград, № 7. 2005. С. 5.

³⁰ Марчишина Т.В. Музыкальное образование в концертной жизни Владивостока // Новое видение культуры мира в XXI веке : материалы Международной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. (Владивосток, 22–25 мая 2000 г.). Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 2000. С. 213–217.

края. Благодаря неутомимой деятельности преподавателей и студентов Дальневосточной академии искусств и ВМУ, в Приморском крае стало возможным проведение музыкальных фестивалей, смотров-конкурсов и других форм концертной деятельности.

В конце XX в. на Дальнем Востоке настала такая пора, когда региону пришло время приобретать чувство собственной малой родины и избавляться от многолетней практики «централизма» в сфере культуры. Теперь для современной социальной ситуации на ДВ России стал характерным рост национального самосознания, а также децентрализация управления, передача на региональный уровень решения основных вопросов общественной жизни, расширение самостоятельности учреждений. Пресловутая проблема «отдаленности от очагов культуры» стала терять свою силу после того, как дальневосточники реально осознали преимущества своих географических координат – соседство с Китаем, Японией и Кореей.

В 1990-е годы Хабаровский институт искусства и культуры активно приступил к налаживанию международных контактов со странами АТР. Так, после возвращения хора ХГИИКа из турне по Южной Корее в Хабаровск прибыли студенты и преподаватели образовательного центра из Сеула. Познакомившись с деятельностью вуза, представители корейской стороны подписали с руководством ХГИИКа договор на подготовку режиссеров, хореографов, музыкантов и стажировку специального центра³¹.

По инициативе корейских и китайских музыкантов возникли филиалы Хабаровского института искусств и культуры в Сеуле и Пекине. Уровень российской подготовки в области культуры и искусства начали признавать в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Иностранцы студенты приезжают и берут уроки у лучших педагогов института, несмотря на то, что у себя дома они уже закончили консерватории.

С 1996 г. и по настоящее время ХГИИК возглавляет Н.Ф. Щербина. Ректор института в 2005 году решил на новый творческий шаг, осуществив постановку на сцене Государственного театра оперы и балета Республики Саха (Якутия) оперы известного корейского композитора Ким Хен Ок, по одноименному рассказу классика корейской литературы Ли Хе Сока «Когда цвела гречиха». Опере рукоплескали не толь-

³¹ Панков Б. Заиграют ли в Сеуле на балалайке // Тихоокеанская звезда. 30 января. 1997. С. 2.

ко жители Якутии, но и Хабаровска и Республики Корея³².

В целях восстановления баланса в культуре Дальневосточного региона при экономической нестабильности и кризисе, начиная с 1990-х гг., Дальневосточная государственная академия искусств активно расширяет свои творческие связи со странами АТР: КНДР, Республикой Корея, Японией, а также с США. Так, на научной конференции «Культура Дальнего Востока и стран АТР: Восток – Запад», проведение которой стало традиционным в ДВГАИ, неоднократно отмечалась роль Владивостока и Дальнего Востока России как связующего звена между странами АТР и регионами, лежащими к Западу от Урала³³.

Преподаватели ДВГАИ совместно с Дальневосточным отделением Российского фонда культуры и Управлением культуры администрации Приморского края вместе с директором института музыки в Токио Рэйко Такахаси-Ирино, профессором Такаси Фудзиномой организуют русско-японские музыкальные встречи в стенах Дальневосточной государственной академии искусств. Вся деятельность, которая осуществлялась в рамках встреч, регулярно освещалась в центральных японских журналах, в российских и японских газетах. Одной из причин для организации русско-японских встреч послужило возникновение в Токио (1992 г.) общества по обмену достижениями в сфере культуры, почетным председателем которой является Т. Фудзинома. Такие встречи дали Владивостоку реальные перспективы стать одним из значительных культурных центров Азиатско-Тихоокеанского региона³⁴.

ДВГАИ регулярно поддерживает учебные и творческие контакты с Королевской консерваторией в Сеуле. Концерты зарубежных музыкантов на сцене академии уже стали традиционными. Многие преподаватели вуза выезжают с гастрольными поездками в Китай, Японию, Республику Корея.

И.И. Заславский, профессор, ректор ДВГАИ участвует в организации международных конкурсов молодых музыкантов-исполнителей, фести-

тивов, творческих встреч с русскими и зарубежными деятелями искусства. Так, на прошедшем III Международном конкурсе музыкантов-исполнителей в г. Владивостоке (2002 г.) участвовали 250 человек. Среди них были студенты и аспиранты Московской и Новосибирской консерватории, профессиональные исполнители из филармоний, музыканты из Японии, Кореи, Китая, Вьетнама, Казахстана³⁵.

В IV Международном конкурсе молодых музыкантов-исполнителей (2005г.) приняли участие около 200 исполнителей, 16 ансамблей и 9 оркестров (видеоконкурс). Большинство конкурсантов – юные музыканты российского Дальнего Востока, Сибири (Владивосток и города Приморского края, Хабаровский край, Якутия, Сахалин, Камчатка, Магадан, Комсомольск-на-Амуре, Чита, Благовещенск), а также Китая, Кореи и Японии.

Значительно выросло количество конкурсантов из городов центра России – Москвы, Санкт-Петербурга, а также Новосибирска, Екатеринбурга, Красноярска, Иркутска. Уникальная особенность конкурса в том, что он проводился по типу Олимпиады – сразу по шести исполнительским специальностям. В составе жюри – преподаватели ДВГАИ и представители делегаций³⁶. Кроме того, в ДВГАИ функционирует отделение иностранных студентов для обучения музыкантов и художников из стран АТР.

Таким образом, деятельность ДВГАИ, постоянно развивающая цивилизованные межнациональные отношения и представляющая разнообразие культур, является движущей силой культурного и интеллектуального развития региона Дальнего Востока.

Анализируя деятельность музыкальных учебных учреждений, мы пришли к выводу о том, что все три звена системы профессионального музыкального образования (школа – училище – вуз) являлись ведущими центрами в культурном пространстве юга Дальнего Востока и выполняли важную функцию возрождения, сохранения и развития музыкальной культуры региона в конце XX – начале XXI вв.

³² Щербина Н.Ф. Дерзайте, вы талантливы! Зап. В.Усолицев // Известия. № 91. 2006. С. 8.

³³ Шушкова О.М. Материалы первого европейского тихоокеанского конгресса. http://www.vlc.ru/congress/ru/information/culture_shushkova.htm <24.04.2007>

³⁴ Лупинос С.Б. Русско-японские музыкальные встречи: некоторые итоги и перспективы // Музыкальная культура Дальнего Востока и стран Азиатско-Тихоокеанского региона : тезисы докладов региональной науч.-практ. конф. Москва : Издательское объединение «Композитор», 1998. С. 39–43.

³⁵ Семенова В. Два раза везет талантливым // Тихоокеанская звезда. 13 мая. 2003. С. 2.

³⁶ Краткая информация о IV Международном конкурсе молодых музыкантов-исполнителей в ДВГАИ. <http://www.offtop.ru/competition/view.php?part=9&t=8417&only=&sid=07f4138e542b0b8a0f23cfa456ba466e> <24.04.2007>

ПУТИ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ ЧЕРЕЗ ОСОБУЮ РОЛЬ ПРАВСТВЕННЫХ СИЛ МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Н.В. Марьясова

Марьясова Наталия Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В современных условиях становится особенно актуальным обращение к опыту молодежного движения в дореволюционной России, когда влияние различных общественных институтов на молодежь заметно преобладало над государственными. Духовные начала – это самое ценное достояние в жизни народа, именно они обеспечивают народу возможность духовного делания.

In modern condition becomes particularly actual address to experience of the youth motion in prerevolutionary Russia, when influence different public institute on youth noticeably prevailed over state. Spiritual begin – most valuable heritage in lifes of folk, exactly they provide folk a possibility spiritual fission.

Поиски путей духовного возрождения России могут быть связаны с изучением наследия русской религиозно-философской психологии и философии, истории и литературы. Традиции религиозно-психологического учения, восходящие к началам древнерусской письменности и отечественной философской мысли представлены в трудах преподавателей духовных семинарий и академий, ученых религиозной направленности: Никанора, архиепископа Херсонского, митрополита Антония (Храповицкого), В.С. Серебрянникова, В.И. Несмелова, В.А. Снегирева, П.Д. Юркевича, В.В. Розанова, И.И. Лапшина, С.Ф. Франка, Л.М. Лопатина, С. и Е. Трубецких и других.

Они подчеркивают особую роль духовных сил в жизни русского народа. Как отдельный человек, так и каждый народ должен иметь источник вдохновения в духовных силах, которые творчески расширяют жизненные горизонты, поднимают высшую плоскость сравнительно с природными данными людей. Духовные начала – это самое ценное достояние в жизни народа, именно они обеспечивают народу возможность духовного делания. Для русского народа основным источником духовной жизни было христианское благовестие, принесенное ему Православной Восточной Церковью. Православная Церковь, великая воспитательница народной души, насаждала в русском человеке дух трезвости, внутренней меры, смирения, мужественности и духовного подвига, подчиняющего внешнюю эмоциональность просветленным законам духовной жизни.

Россия переживает тяжелые времена. В который раз русский народ выносит на своих плечах все тяготы социального переустройства общества. Кротость, смирение, доброта, милосердие, религиозность – главные качества русского

человека. Во времена десакрализации, духовного оскудения людей охватывает смятение, острое переживание кризиса традиционных духовных ценностей. Страждущие и взывающие духовного света россияне ищут опоры и находят их в любовном постижении поучений, размышлений, воззрений высокодуховных российских мыслителей прошлого и настоящего.

Молодежь всегда была объектом пристального внимания государственных и общественных институтов, так как традиционно принимала самое активное участие в социальных и политических процессах, особенно в переломные моменты развития общества.

В современных условиях становится особенно актуальным обращение к опыту молодежного движения в дореволюционной России, когда влияние различных общественных институтов на молодежь заметно преобладает над государственными. Во второй половине XIX – первой четверти XX вв. молодежные общественные организации продемонстрировали способность содействовать разностороннему развитию молодых людей, вовлекая их в активную политическую, духовную, социальную деятельность. К таким организациям относился и Христианский союз молодых людей (ХСМЛ), объединивший в себе светское и религиозное начало, и Студенческий христианский союз.

В настоящее время в России различные социальные институты, в том числе Русская православная церковь, проявляют повышенный интерес к молодежной проблематике. На семинаре «Молодежь и будущее России», который прошел в апреле 2006 г., в рамках X Всемирного русского народного собора в Москве, говорилось, в частности, о том, что духовная сторона жизни молодежи находится в серьезном упадке. Однако подчеркивалось участниками семинара, решение

этой проблемы не состоит лишь в воспитании морали, а скорее, в создании благоприятных условий для социализации молодежи, ее духовного, профессионального и физического совершенствования¹.

По мнению ряда исследователей, в христианской, культурной традиции, которая является одной из основ для созидания всех институтов современного гражданского общества, проблема молодежи как таковая не стоит. Это культура, которая зиждется в первую очередь на уважении к старчеству, почтении перед авторитетами, поэтому специфических молодежных проблем в ней не существует².

Именно поэтому такая позиция официальной церкви стала одной из причин возникновения христианского молодежного движения в России не в рамках Русской православной церкви, а как части Всемирного христианского молодежного движения. В таком виде оно появляется в начале XX в. и возрождается уже в новой России, в начале 1990-х гг. На сегодняшний день Христианский союз молодых людей (Young Men Christian Association) является самой многочисленной организацией молодежи на Земле, а его мировая история насчитывает более 150 лет. Христианское молодежное движение в дореволюционной России – яркий пример взаимодействия общества и государства в деле воспитания молодежи.

В советский период разработка проблем истории молодежного движения, в том числе и начала XX в., велась достаточно активно, но исследовалось главным образом пролетарское и коммунистическое юношеское движение, а также революционно-демократическое студенчество. Наибольший интерес представляют монографии и исследования по общественно-политической жизни России начала века, изданные в 1920–1930-е гг., т. е. непосредственно по следам событий³. Как правило,

¹ Выступление Председателя отдела по делам молодежи Русской православной церкви архиепископа Костромского и Галицкого Александра на секционном заседании: «Молодежь и будущее России» в рамках X Всемирного Русского народного собора: Молодежный информационный ресурс Русской православной церкви МИР РПЦ: <http://www.mir-rpz.ru/ru/news/index.php?id=137>

² См.: Люкшин Д., Межведилов А. Поиски потерянного поколения в утраченном времени. Молодежь в политическом поле современной России: проблема инструментальной пригодности // Молодежь и политика. Современные очертания и история проблемы, роль государства и гражданского общества, ожидания и прогнозы: материалы семинара («Березовая Роща» – Плес. сент. 2005). / под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М., 2006. С. 35–36.

³ См.: Буллах В.С. Ремесленная и кустарная молодежь до и после революции. М., 1931; Левгур Г.Е. Юношеское

проблемы молодежи и молодежного движения исследовались в них с классовых, марксистских позиций. Большинство некоммунистических течений, организаций и союзов молодежи рассматривались авторами как антисоветские, враждебные интересам рабочего класса. Показательна в этом отношении вступительная статья В. Гросса в книге «На большевистском пути» 1932 г. В приложении к этому изданию имеется целый раздел, посвященный петербургскому отделению Христианского союза молодых людей – «Маяку». Деятельность Общества оценивается резко критически: «Круг деятельности... и его «официальные» цели хорошо видны... Современному читателю не трудно прочесть между строк подлинное стремление «Маяка». Ни слова о политике... Саморазвитие умственное, нравственное и физическое – вот и все, что разрешало общество своим членам... Глубочайшая реакционность «Маяка» очевидна»⁴. Сам факт упоминания христианского молодежного движения в работах подобного рода говорит о широкой известности организаций Христианского союза молодых людей в России и значительной роли общества «Маяк» в общественном движении начала XX века.

В работах советских историков периода 1940–1980-х гг., посвященных молодежной проблематике, в том числе российскому студенчеству конца XIX – начала XX вв.⁵, вопрос о христианском молодежном движении не рассматривался вообще в силу марксистского подхода к изучению истории. В 1990-е гг. в России впервые начали появляться работы общего характера по проблемам молодежного движения конца XIX – начала XX вв., написанные на основе новых методологических позиций. Ведущим центром изучения молодежной проблематики в это десятилетие был Институт молодежи (г. Москва). Его сотрудниками был опубликован ряд исследований. Одной из первых таких работ в 1993 г. стала книга «Очерки истории молодежного движения», которая охватывала период со второй по-

движение на Западе и Востоке. М.-Л., 1924; Поздняков А. У истоков. Первые страницы истории юношеского движения на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1926; Полякова М. Религиозные организации молодежи (под общей рубрикой «Наши враги»). М., 1931; Против религии. Каталог книг. М.-Л., 1930; Путинцев В.Ф. Политическая роль и тактика сект. М., 1935; Титлинов Б.В. Молодежь и революция. Л., 1925.

⁴ На большевистском пути: сб. докладов 1917 г. по истории ленинградской организации ВЛКСМ / сост. В. Гросс, Л., 1932. С. 303.

⁵ См.: Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России 1899–1907 гг. М., 1971; Матвеев М. Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1966.

ловины XIX в. по 1920-е гг. Тогда же был издан сборник «Молодежное движение в России (1917–1928 гг.). Документы и материалы»⁶, где во вступительной статье А.А. Алексеева обстоятельно рассматривалась деятельность ХСМЛ и студенческого христианского движения в России. В 1997 г. опубликована монография В.К. Криворученко, В.А. Родионова, О.В. Татарина «Молодежное движение в России и Советском Союзе: уроки истории», в которой исследовалось молодежное движение с февраля 1917 г. по 1991 г.

В новых общественно-политических условиях эти работы явились первой попыткой системного и беспристрастного изучения темы молодежного движения в России. В них представлен материал о возникновении и развитии Общества «Маяк», студенческого христианского движения, дана объективная оценка деятельности Христианского союза молодых людей в России, впервые введен в научный оборот ряд архивных источников⁷.

Среди исследований молодежного движения, опубликованных в последние годы, особый интерес представляют труды В.И. Соколова «История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX до XXI в.». Автор подробно рассматривает деятельность юношеских организаций, в том числе христианские организации молодежи и организации под эгидой ХСМЛ⁸.

Особое место среди работ общего характера занимает книга по истории христианства, предназначенная для библейских курсов Евангелической церкви, написанная А.В. Каревым и К.В. Сомовым в 1967 г. В разделе по истории христианства XX в. авторы рассматривают деятельность одного из основателей Всемирного христианского студенческого союза и экуменического движения Джона Мота, делают вывод о том, что экуменическое движение зародилось и первоначально развивалось в рамках Всемирного христианского студенческого союза (ВХСС), который в свою очередь был частью Христианско-

го союза молодых людей⁹. Этой же точки зрения придерживается В.А. Ливцов в монографии «Русская православная церковь и экуменическое движение в XX в.»¹⁰, а также английский исследователь студенческого христианского движения Татлоу Тиссингтон¹¹.

Среди специализированных исторических исследований по смежным проблемам следует выделить три работы историков спорта – Л. Куна, А. Суника, В. Григоревича¹². Авторы впервые затронули одну из существенных сторон деятельности ХСМЛ – работу по физическому воспитанию и пропаганде спорта и здорового образа жизни. Они считают, что среди религиозных организаций, покровительствовавших физической культуре и спорту, наиболее значительную деятельность проводил Христианский союз молодых людей; многие виды спорта, популярные в XX в., такие как баскетбол, волейбол, плавание, подводное плавание и др., массовый студенческий спорт получили свое развитие в России в первую очередь благодаря христианскому молодежному движению.

Современная публицистика о христианском молодежном движении принадлежит в основном перу религиозных деятелей. Статья члена редакционной коллегии журнала «Религия и право», консультанта Европейского Альянса ХСМЛ М.Д. Гуськова¹³ наиболее полно и последовательно рассказывает о возникновении, развитии и современном положении христианского молодежного движения в мире и в России. Эта статья опубликована также на официальном сайте русского отделения ХСМЛ¹⁴. Кроме того, интернет-ресурсы представлены сайтами английского и американского отделений ХСМЛ, а также европейского и международного альянса¹⁵.

⁹ Карев А.В., Сомов К.В. История христианства. М., 1990.

¹⁰ См.: Ливцов В.А. Русская Православная церковь и экуменическое движение в XX в. М., 2000.

¹¹ См.: Tatlow, Tissington The Story of the Student Christian Movement of Great Britain and Ireland. London, 1933.

¹² См.: Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта (пер. с венгерского) М., 1982; Суник А. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX – XX вв. М., 2004; Григоревич В.В. Всеобщая история физической культуры и спорта. Гродно, 2005.

¹³ См.: Гуськов М.Д. «УМСА» в России: история и настоящее // Религия и право. 1999. № 3. С. 25–27.

¹⁴ Официальный сайт отделения ХСМЛ – ИМКА Россия: <http://www.ymca.ru>

¹⁵ Официальный сайт ХСМЛ – ИМКА Великобритании: <http://www.ymca.org.uk/>; официальный сайт ХСМЛ – ИМКА США: www.ymca.net/; официальный сайт Европейского альянса ХСМЛ: <http://www.eay.org/start.html>; официальный сайт Международного альянса ХСМЛ: www.ymca.int/

⁶ См.: Молодежное движение в России (1917–1928 гг.): документы и материалы. В 2 ч. М., 1993.

⁷ См.: Очерки молодежного движения. М., 1993; Криворученко В.К., Родионов В.А., Татарин О.В. Молодежное движение в России и Советском Союзе: уроки истории. М., 1997.

⁸ См.: Соколов В.И.: Молодежное движение в России: история, современность, перспективы, проблемы. В 3 ч. Рязань, 1992–1994; История молодежного движения России (СССР). Вторая половина XIX – начало XX века. Очерки. В 2 т. М., 1996; Российское молодежное движение: от многообразия к унитаризму 1917–1925 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996; Критика буржуазных фальсификаций партийного руководства комсомолом : дис. ... канд. ист. наук. М., 1976.

Доклады и лекции руководителей Всемирной организации ХСМЛ и ВХСС Джона Мотта, Руфь Раус, переведенные на русский язык, публиковались в виде брошюр небольшими тиражами¹⁶. Они распространялись среди участников движения, а также рассылались в библиотеки, в том числе Библиотеку практических занятий Московской духовной академии. В числе источников подобного рода можно выделить публикации идеолога и лидера русского студенческого христианского движения П.Н. Николаи¹⁷.

В 1929 г. в Париже вышла брошюра на русском языке «Основы христианского союза молодых людей», представлявшая, по существу, программу и устав ХСМЛ. В ней изложены идейные и организационные основы этого движения, история его возникновения и распространения по всему миру. Отдельный раздел брошюры посвящен деятельности ХСМЛ в России; впервые приводятся сведения, хотя и скудные, о работе организации сразу после революции 1917 г.

Опубликованные источники по деятельности ХСМЛ в России. Это прежде всего ежегодные отчеты общества «Маяк». Они выходили с 1903 вплоть до 1918 г. отдельными книгами; всего было опубликовано 16 томов. Отчеты имеют единую структуру, что позволяет проследить динамику развития Общества. Все тома печатались с фотографиями, таблицами и приложениями.

Определяющий интерес в качестве источника представляют программы курсов, прочитанных в «Маяке»¹⁸, которые дают дополнительные сведения о содержании образовательного процесса в Обществе; а также брошюра, выпущенная, видимо, в рекламных целях и содержащая краткие сведения по каждому направлению деятельности общества «Маяк»¹⁹. Особую группу источников составляют сборники документов и материалов по истории молодежного движения в России, в которых содержатся разделы относя-

щиеся к деятельности ХСМЛ в России в 1917–1919 гг.²⁰. К таким документам можно отнести: печатную афишу общества «Маяк», расклеивавшуюся на улицах Петрограда (1917); заметку из «Рабочей газеты» (апрель 1917 г.); письмо патриарха всея Руси Тихона с благословением деятельности христианского союза молодых людей в России (май 1918 г. и письменный доклад князя Г.Н. Трубецкого Главнокомандующему генералу А.И. Деникину о деятельности Христианского союза молодых людей (не ранее ноября 1919 г.). Последние два документа были опубликованы впервые в сборнике «Молодежное движение в России (1917–1928 гг.)». В этом сборнике, пожалуй, впервые в отечественной историографии молодежного движения в России наиболее полно представлен весь спектр организаций и объединений юношества – политических и неполитических, действовавших в России в первое послереволюционное десятилетие.

Сборник «Русское и советское молодежное движение в документах 1905–1937 гг.», изданный в 2002 г. под эгидой Комитета правительства Москвы по делам семьи и молодежи, новых документов не содержит.

Среди сборников документов и материалов выделяются три брошюры, опубликованные в 1999–2001 гг. в ИМКА России к 100-летию русского отделения ХСМЛ²¹. Выпуски подготовлены редактором периодического информационного издания ИМКА России газеты «УМСА-Вести» Г.Я. Кочетковой на основе документов, отчетов, статей, воспоминаний и являются единственным сборником материалов, посвященных исключительно деятельности Христианского союза молодых людей и Всемирного христианского студенческого союза в России.

Источники по деятельности студенческого христианского движения представлены публицистикой и мемуарной литературой²², таких как:

¹⁶ См.: Мотт Дж. Как ощутить в себе живое присутствие Иисуса Христа? Париж, 1923; Раус Р. Интерконфессиональный характер Всемирного Христианского Студенческого Союза. СПб., 1912.

¹⁷ См.: П.Н. Всемирный Христианский Студенческий Союз. СПб., 1909; Николаи П.Н. Может ли современный, образованный, мыслящий человек верить в Божество Иисуса Христа? СПб., 1909.

¹⁸ См.: Счетовые курсы общества «Маяк». СПб., 1910; Общество «Маяк». Программа летних экскурсий на 1910 г. СПб., 1910; Программа организации просветительной деятельности ХСМЛ среди русского населения / сост. Ю.Ф. Геккер. N.-Y., 1910.

¹⁹ См.: Состоящее под почетным попечительством Его Высочества принца А.П. Ольденбургского Общество «Маяк» для содействия нравственному, умственному и физическому развитию молодых людей. СПб. 1909.

²⁰ См.: На большевистском пути : сборник документов 1917 г. Л. 1932; Молодежное движение в России (1917–1928 гг.) Ч. 2. М., 1993; Русское и советское молодежное движение в документах. 1905–1937 гг. М., 2002.

²¹ См.: История общества «Маяк» или Комитета содействия молодым людям в нравственном и физическом развитии в С.-Петербурге. М., 1999; История Русского студенческого христианского движения. М., 2000; ИМКА России – УМСА of America. Из истории русско-американского сотрудничества. М., 2001.

²² См.: Воронков М.И. Из жизни революционного студенчества. М., 1947; Выдрин Р. Основные моменты студенческого движения в России. М., 1908; Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. Париж, 1984; На переломе. Три поколения одной московской семьи. Семейная хроника Зерновых. 1812–1921. М.-Paris, 2001; Рачинская Е.Н. Калейдоскоп жизни. Воспоминания. Париж, 1990.

Н.М. Зернова²³; историка церкви, философа, деятеля экуменического движения Г.П. Федотова²⁴; психолога, религиозного философа В.В. Зеньковского²⁵.

Основные направления деятельности студенческого христианского движения в России определялись идейными основами движения, его целями, социальным составом (студенческая молодежь), конкретно-исторической обстановкой на определенных этапах его развития и включали в себя:

- 1) религиозно-нравственное воспитание внутри евангелических студенческих кружков;
- 2) работу со студенческой молодежью по вовлечению ее в движение;
- 3) миссионерско-просветительскую деятельность среди различных социальных слоев;
- 4) развитие духовно-гуманитарных связей и укрепление товарищеских отношений внутри движения.

Всемирное христианское молодежное движение началось во второй половине XIX в. и к концу XIX в. оформилось в две международные организации – Христианский союз молодых людей (ХСМЛ) и Всемирный христианский студенческий союз (ВХСС). Последняя – на федеративных началах вошла в состав ХСМЛ.

Цель всемирного христианского молодежного движения была едина: объединение верующих молодых людей, воспитание их в духе христианской морали. Задачи и методы работы ХСМЛ и ВХСС расходились. Спецификой Студенческого христианского союза было то, что оно было ограничено по времени воздействия на молодых людей временем их учебы, поэтому студенческие христианские организации сосредоточили свое внимание исключительно на религиозном воспитании, тогда как организации Христианского союза молодых людей предоставляли возможность, кроме развития нравственного, развиваться физически и умственно, решали насущные проблемы молодых людей на этапе их социализации.

В общественной жизни России организации

Христианского союза молодых людей, и студенческое христианское движение появляются практически одновременно в самом конце XIX в. Однако русские отделения ХСМЛ и ВХСС не были связаны между собой ни организационно, ни финансово.

Общество «Маяк» – русское отделение ХСМЛ – являлось одним из самых ярких явлений общественной жизни Петербурга-Петрограда в начале XX в. «Маяк» был первой неполитической, некорпоративной, светской молодежной организацией, находящейся не под эгидой государства, а под попечительством самого общества, которое впервые принимало на себя часть забот по решению проблем воспитания молодого поколения.

Руководители студенческого христианского движения в России считали своей главной задачей: возрождение духовной, религиозной нравственности учащихся высших учебных заведений путем изучения Евангелия и личного примера христианского образа жизни. Задачи движения не совпадали с позицией официальной православной церкви до 1917 г. и совсем расходились с господствующей большевистской идеологией с начала 1920-х гг. Декрет об отделении церкви от государства и провозглашение политической свободы совести в 1917 г. привели к недолгому расцвету студенческого христианского движения. Начиная с середины 1920-х гг., материалы о студенческих христианских кружках систематически уничтожались, а выдающиеся деятели были репрессированы или высланы из страны.

Россия делает свой духовный выбор, идет поиск единой национальной идеи, способной объединить, консолидировать все позитивные силы общества на возрождение и созидание обновленной России. В самом наилучшем стремлении эта объединяющая идея может быть представлена как деятельная любовь к своему многострадальному отечеству, России и желание трудиться и жить для ее процветания.

²³ См.: Зернов Н.М. Русское религиозное возрождение XX в. Paris, 1991 (2-е изд.); Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, истории Церкви и православной культуре. Бостон. 1973.

²⁴ См.: Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 т. СПб., 1991. ²⁴ См.: Зеньковский В.В. Религиозное движение среди русской молодежи за границей // Путь. 1925. №1. С. 121–127.

²⁵ См.: Зеньковский В.В. Религиозное движение среди русской молодежи за границей // Путь. 1925. №1. С. 121–127.

ФИЛОЛОГИЯ

ТЕМА И ОБРАЗ ФРАНЦИИ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ ДИККЕНСА

Т.Г. Боголепова

Боголепова Тамара Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры истории зарубежных литератур Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета.

Статья посвящена особенностям разработки темы Франции в поздней прозе Диккенса. Исследование указанного материала ведется и с учетом усвоенных Диккенсом традиций Лоренса Стерна, автора «Сентиментального путешествия», и в связи со специфическими чертами освоения темы и создания образа Франции у Диккенса в русле проблемы межкультурной коммуникации.

The paper is focused on the interpretation of the theme of France in Dickens's late prose. Lawrence Stern's traditions in Dickens's works, and Dickens's attitude to the theme and image of France are considered in the context of intercultural communication issues.

Диккенс хорошо известен как писатель глубоко и ярко раскрывший особенности английской культуры, английского национального характера викторианской эпохи. Гораздо меньше привлекал внимание исследователей интерес Диккенса к быту, нравам и традициям других народов, хотя книги и очерки, содержащие путевые впечатления Диккенса составляют значительную часть его творческого наследия.

Интересным аспектом поздней прозы Диккенса являются зарисовки жизни и повседневной культуры Франции, с точки зрения англичан, размышления писателя о возможности взаимопонимания, устранения межкультурных барьеров в общении людей разных стран.

С конца 1830-х до середины 60-х гг. Диккенс часто бывал во Франции¹, причем, как отмечают Н.В. Ткачева и Д. Смайли², иногда он уезжал во Францию и возвращался оттуда по нескольку раз в году. Письма Диккенса свидетельствуют о его привязанности к этой стране, ее людям, ее культуре, как, впрочем, и о его критическом отношении к режиму Второй империи³.

Обстоятельства, приводившие Диккенса во Францию, носили главным образом приватный характер, но, пребывая в шумном Париже или в тихой Булони, Диккенс всякий раз испытывал прилив сил и творческий подъем. Понятно, что французские впечатления не могли не воплотиться в его позднем творчестве.

Суждения о Франции появляются сначала в письмах, а также в публицистике Диккенса и связаны с его критическими замечаниями по поводу консерватизма английских нравов и социальных институтов, самодовольного осознания непогрешимости и совершенства всего британского (очерк «Наш французский курорт», 1854, статьи: «Родословное древо», 1855, «Островизмы», 1856 и др.). Франция, в контексте этих замечаний, представлена как страна, лишенная груза предрассудков и предубеждений, которые сковывают британцев: «Вот уже семьдесят лет, как француза не мучает более вопрос, как отнесутся к его способу развлекаться те, кто живет на одной с ним улице – выше, ниже, правее, левее, на той стороне или за углом. ...Потому при самых скромных доходах... он получает гораздо больше невинных удовольствий, нежели пятьдесят англичан такого же достатка, как он, вместе взятые...»⁴. В рассказе «Наш французский курорт» впервые прозвучит и программное заявление писателя о возможности и необходимости взаимного уважения и понимания между людьми разных наций, которое достигается при длительном общении и помогает «стать выше тех предрассудков, которые еще живы среди неумных и невежественных людей в обеих странах в равной мере»⁵. В романах и рассказах конца 1850-х и 60-х годов тема Франции будет связана с проблемой преодоления межнациональной розни и установления возможностей для полноценной межкультурной коммуникации. В путевых очерках Диккенса, особенно в тех, которые составляют книгу «Путешественник не по торговым

¹ Ackroyd P. Dickens. New-York, 1992. P. 233, 271, 670–673, etc.

² Smiley J. Charles Dickens. New York, 2002. P. 123; Ткачева Н.В. Малая проза Чарльза Диккенса: проблема «чужого слова»: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. С. 57.

³ Диккенс Ч. Письма. Собр. соч. В 30 т. Т. 29. М., 1963. С. 367–368, 374; Т. 30. М. 1963. С. 50, 176 и др.

⁴ Диккенс Ч. Островизмы. Собр. соч. Т. 28. М., 1963. С. 352.

⁵ Диккенс Ч. Наш французский курорт. Собр. соч. Т. 19. М., 1960. С. 591.

делам», мы видим, как тема путешествия приобретает не столько географический, сколько философский и культурно-антропологический акцент: «Путешествия в другие страны [у Диккенса – Т.Б.] ведут к усвоению “чужого” опыта, но и к становлению собственного мировосприятия, осознанию “своего” и “чужого” как части целого, общечеловеческого»⁶ – справедливо замечает Н. В. Ткачева.

Этот акцент будет присутствовать и в рождественских рассказах 1860-х гг., и в романе «Наш общий друг» (1864). При этом Диккенс очень ярко представляет модели должного и недолжного поведения в межкультурном общении.

Во второй главе рождественского рассказа «Чей-то багаж» (1861) можно наблюдать, как главный герой м-р Лангли, или мосье Англичанин, как называют его французы, проходит основные стадии освоения чужой культуры. В теоретических работах по межкультурной коммуникации встречаются разные системы выделения этих стадий, но наиболее убедительно выглядит система, предложенная американскими учеными Джанет Беннет, Милтоном Беннетом и Маргарет Пуш в статье: «Последовательность действий для межкультурного взаимопонимания»⁷. Авторы работы выделяют шесть стадий, три из которых связаны с присущим начальному этапу знакомства с иной культурой – «этноцентризму», т.е. сосредоточенности на своей культуре, понимаемой как «правильная», в отличие от «неправильной» чужой; три последующих представляют этап «этнорелятивизма», т.е. более полного понимания чужой культуры и осознания своей как одной из многих существующих. Стадии первого этапа: а) отрицание; б) защита; в) преуменьшение. Стадии второго этапа: а) принятие; б) адаптация; в) интеграция. «Все стадии выделяются на основе отношения к различию [культур – Т.Б.] и каждая из стадий обладает своими особенностями» – указывает М.Г. Лебедько в работе «Столкновения культур»⁸.

В сюжете рассказа герой представлен читателям сразу на второй стадии начального этапа знакомства с французской культурой, на стадии «защиты от различия» (Defence of Difference), которая характеризуется признанием существования культурных различий, но при этом они

оцениваются отрицательно. Впервые оказавшись за пределами своей родины, по замечанию Диккенса, «островок честного, островок тесного, островок прелестного, островок известного и весьма достойного во всех отношениях, но отнюдь не представляющего весь земной шар», м-р Лангли склонен видеть в чертах, отличающих жизнь французского городка от привычных для него жизненных стереотипов, только недостаток. Французские солдаты, по словам автора, «живые, смысленные деятельные, ... умеющие ловко взяться за что угодно – от осады крепости до варки супа», кажутся ему совсем «неправильными» солдатами, вероятно, по контрасту с «задыхающимися под своим нелепым обмундированием, ... стесненными в движениях» британскими коллегами. «Эти ребята, – сказал мистер Англичанин, – ... похожи на солдат не больше, чем... – Но будучи не в силах придумать достаточно выразительное сравнение, не докончил фразы»⁹. Молодцеватый капрал, по собственной инициативе заботящийся о маленькой девочке-сироте, кажется ему, недавно поссорившемуся с собственной дочерью, слишком сентиментальным и «превышающим полномочия»: «Черт его подери, этого малого, ведь не отец же он ей»¹⁰. Вызывает возражение Англичанина и принятый во Франции обычай украшать могилы яркими венками, картинками, цветами и лентами с вышитыми на них надписями. «...Репутация вобанцев, – и так уже обвиненных англичанином в сентиментальности, – еще больше понизилась в его глазах, когда он пошел погулять на кладбище» – замечает автор¹¹.

Однако именно с этого момента начинается движение героя к приятию (Acceptance) и более глубокому пониманию чужой культуры, начинает формироваться так называемый «этнорелятивизм». Покидая кладбище, м-р Лангли ловит себя на мысли, что не склонен осуждать жителей городка: «Тут не веет торжественностью смерти, – хотел было сказать мистер Англичанин, но бумажные цветы тронули его, словно робкая мольба, и он ушел с кладбища, так и не сказав, того, что хотел сказать»¹². Все еще сетуя на сентиментальность французов, он начнет адаптироваться (Adaptation) к ней, как бы помимо своей воли: он молча пожмет руку капралу Теофилю, признав тем самым благородство и бескорыстие, с каким

⁶ Ткачева Н. В. Указ. соч. С. 60.

⁷ Bennett Janet M., Bennett Milton J., Push Margaret D. Activities for Intercultural Competence. Paper presented at TESOL, Orlando, FL, 1997. Цит. по: Lebedko M. Culture Bumps. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. Р. 75–81.

⁸ Lebedko Maria G. Op. cit. P. 75.

⁹ Диккенс Ч. Чей-то багаж. Собр. соч. Т. 26. М. 1962. С. 447–448.

¹⁰ Там же. С. 454.

¹¹ Там же. С. 457.

¹² Там же. С. 458.

тот заботится о малышке, а после гибели Теофиля совершит и вовсе сентиментальный поступок, взяв на себя заботу о девочке. Потому и его французские знакомые отнесутся к нему, как к близкому человеку. Происходит нечто вроде приобщения (Integration) героя к чужой культуре.

Подобным образом преодолевают предубеждение против Франции и герои второго рассказа о миссис Лиррипер «Наследство миссис Лиррипер» (1864), пройдя путь от обостренного чувства права на существование только своей культуры к постижению особенностей обычаев и нравов соседней страны, которая кажется им все более привлекательной: «...когда мы высадились на материк, какая там оказалась синева... и яркие краски повсюду..., – а блестящие барабаны бьют, а низенькие солдаты с тонкими талиями щеголяют в чистых гетрах... и все это, в общем, так на меня подействовало, что слов нет, – ну, как будто меня на воздух приподняло»¹³ – признается миссис Лиррипер, вспоминая о поездке во Францию для получения непонятно откуда взявшегося наследства.

Совсем иначе ведет себя мистер Подснеп, один из членов Общества, группы сатирических персонажей из романа «Наш общий друг». Диккенсоведы не раз отмечали, что образ Подснепа – гротескный портрет «британского джентльмена», со всем его непробиваемым самодовольством и национальным чванством¹⁴. Диккенс блестяще демонстрирует неизменность подснеповского этноцентризма в XI главе романа, названной «Подснепы», где происходит примечательный разговор Подснепа, хозяина дома, и иностранца, которого он пригласил на обед «после долгих дебатов с самим собой»¹⁵. По немногим фразам, которые удается вставить в разговор иностранному гостю, можно заключить, что он француз. Диккенс очень тонко воспроизводит особенности общения людей, представляющих «свою» культуру, с «чужаком»: «...не только сам мистер Подснеп, но и все присутствующие проявляли забавную склонность разговаривать с эти иностранцем так, как будто он ребенок, и притом тугой на ухо»¹⁶. М-р Подснеп не держится с гостем на равных, но «снисходит» к нему, полный

сочувствия, что тот имел «несчастье родиться иностранцем»¹⁷. Правда это сочувствие – только оборотная сторона подснеповского британского самодовольства. Поэтому, видя в госте, скорее, «дитя неразумное», чем взрослого человека, он поучает и наставляет его. «Иностранец согласился, что он [Лондон – Т.Б.] очень богат, без сомнения, *enormement riche*.

Мы говорим по-другому, – пояснил мистер Подснеп снисходительным тоном. – Наши наречия не оканчиваются на «ман», и произносим мы не так, как французы»¹⁸.

Поведение мистера Подснепа – выразительный пример «защиты от различия», который мы видели в рассказе о м-ре Англичанине, но персонаж романа «Наш общий друг» ведет себя гораздо агрессивнее. Он стремится внушить иностранцу, что британское – лучше, чем всякое другое: «Мы, англичане, гордимся нашей конституцией, сэра. Конституция нам дана самим Провидением. Ни одна страна не пользуется таким покровительством свыше, как Англия.

А как же други стран? – начал было гость, но тут мистер Подснеп опять его поправил.

Мы не говорим «други», мы говорим «другие»..., знаете ли (все еще благосклонно). И не «стран», а «страны».

А други... а другие страны? – спросил гость. – Как же они?

Они устраиваются, как могут, – возразил мистер Подснеп, важно качая головой, – устраиваются, как могут, должен вам заметить, к величайшему моему прискорбию»¹⁹.

Робкое замечание иностранца: «Провидение поступило довольно пристрастно» вызывает у Подснепа еще большую вспышку национальной гордости: «Без сомнения. ... Такова Судьба Страны. Этот остров благословен свыше, сэра, он составляет исключение среди других стран, как, например... ну, мало ли какие есть страны»²⁰.

Узость и стереотипность мышления мистера Подснепа, безусловно, гиперболизированы, но именно так Диккенс выражает свое отношение к проблеме, которая становилась все острее к концу XIX в. и в Великобритании, и в других странах мира: проблема национализма, национальной исключительности, приведшая человечество к политическим и гуманитарным катастрофам в XX веке. Диккенс, настоящий английский патри-

¹³ Диккенс Ч. Наследство миссис Лиррипер. Собр. соч., Т. 26. С. 550.

¹⁴ Smiley Jane. Op. cit. P. 185; Уилсон Э. Мир Чарльза Диккенса. – М. 1975. С. 285; Сильман Т.И. Диккенс. Ленинград, 1970. С. 325 и др.

¹⁵ Диккенс Ч. Наш общий друг. Собр. соч., Т. 24. М., 1962. С. 162.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 163.

¹⁹ Там же. С. 164.

²⁰ Там же. С. 164–165.

от, как не многие другие писатели, сумевший передать своеобразие английского характера, обаяние английского быта, национальных традиций, не скрывает саркастического отношения к распространявшимся в стране настроениям ультра-патриотизма. В романе «Большие надежды», в самом начале «второй поры надежд» героя, появляется весьма примечательный пассаж: «Как раз в то время мы, британцы, окончательно установили, что и мы сами и все в нашей стране – венец творения, а тот, кто в этом сомневается, повинен в государственной измене. Если бы не такое положение вещей, вполне возможно, что улицы Лондона... показались бы мне очень некрасивыми, кривыми, узкими и грязными»²¹. Неважно, что события, которые разворачиваются в романе, относятся к началу века (1820–30-м гг.), когда подобные идеи не были так популярны, как в период создания романа (1860–61 гг.), неважно, что в дальнейшем содержании романа Диккенс нигде больше не коснется этой темы – свое отношение к тому, что его волновало, он выразил.

В «Путешественнике не по торговым делам» он еще раз коснется этой проблемы, создав образ попутчика-соотечественника, с которым рассказчик едет в поезде Кале-Париж и который «находит весьма странным, что французские железные дороги не придерживаются лондонского времени»²², выражая тем самым типично британский этноцентризм.

Потому, вероятно, он так часто обращается в это время и к теме Франции, создавая привлекательный образ соседней страны, с которой у британцев было связано особенно много предубеждений и негативных стереотипов.

Франция появляется в основном в очерках из книги «Путешественник не по торговым делам» («Путешествие за границу», «Ночной пакетбот Дувр-Кале», «Воспоминания, связанные с брэнностью человеческой», «В краю французов и фламандцев», «Шаманы цивилизации», «На борту парохода») и во фрагментах из уже упоминавшихся рождественских рассказов. Хотя этой стране Диккенс не посвящает отдельной книги, как Америке («Американские заметки» – 1843) или Италии («Картины Италии» – 1846), тем не менее французские зарисовки имеют общие интонации, колорит, стиль, которые придают им определенное единство.

Обращаясь к теме Франции, Диккенс прекрасно осознавал, что он не открыватель, но последователь в ее разработке. Своим предшественником он видел прежде всего Лоренса Стерна, чье «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» очень любил и знал почти наизусть. В письмах и в публицистике Диккенса можно часто встретить упоминания о Стерне²³. В свою очередь об аллюзиях на Стерна, присутствии стерновского слова в прозе Диккенса не раз писали диккенсоведы²⁴. Наиболее подробно и глубоко эта проблема исследована в первом параграфе первой главы упоминавшейся выше работы Н. В. Ткачевой «Слово Стерна в рассказах и очерках Диккенса»²⁵. Я остановлюсь лишь на том, как традиция Стерна обнаруживает себя в разработке темы Франции у Диккенса.

Французские зарисовки Диккенса сосредоточены преимущественно на деталях быта, внешности и поведении людей, особенностях пейзажа или городского ландшафта, на чертах повседневной жизни, словом, на том, что Стерн именуется «*minutiae*» – мелочи: «Мне кажется, – писал он в «Сентиментальном путешествии», – что я способен усмотреть четкие отличительные признаки национальных характеров скорее в... нелепых *minutiae*, чем в самых важных государственных делах»²⁶. Подобно Стерну и Диккенс почти не обращается к событиям и лицам исторически важным, но через мелочи видит значительное, о чем он заявляет в первой главе «Путешественника не по торговым делам»²⁷.

«Можно сказать, – замечает Н.В. Ткачева, – что в путевых очерках Диккенса обнаруживается определенная диалектика, позволяющая изображать великое через малое»²⁸.

В поле зрения Диккенса попадает то стена старого города, «богатого холодными колодцами», то «домики со строгими двориками», «мно-

²³ Диккенс Ч. Письма. Собр. соч. Т. 29. С. 26; Диккенс Ч. Остролист. Собр. соч., Т. 19. С. 615; Путешествие за границу. Т. 26. С. 77; Будьте добры, оставьте зонтик! Т. 28. С. 422, 427 и др.

²⁴ Сильман Т.И. Указ соч. С. 19; Потанина Н.Л. Игровое начало в художественном мире Диккенса. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998. С. 42; Kingsmill H. The Sentimental Journey: A Life of Charles Dickens. London, 1934. P. 69–77; Kaplan F. Sacred Tears: Sentimentality in Victorian Literature. New-York, 1987, etc.

²⁵ Ткачева Н.В. Малая проза Диккенса и проблема «чужого слова». Указ. соч. С. 33–63.

²⁶ Стерн Л. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968. С. 585.

²⁷ Диккенс Ч. Путешественник не по торговым делам. Собр. соч., Т. 26. С. 8

²⁸ Ткачева Н. В. Указ. соч. С. 59.

²¹ Диккенс Ч. Большие надежды. Собр. соч., Т. 23. М., 1960. С. 175.

²² Диккенс Ч. Ночной пакетбот Дувр-Кале. Т. 26. С. 219.

гооконные улички» и «очаровательная дорожка под сводом тенистых деревьев», то «французские дети с улыбающимися боннами» и «три сморщенных старичка», над которыми витает «призрак былого благородства»²⁹. Он с интересом наблюдает за суетой рынка, который к полудню успокаивается и тогда «на всех деревенских дорогах... вы видите крестьянок, чисто и удобно одетых, которые возвращаются домой на удивительно милых осликах, живописно привесив к седлу молочные кувшины...»³⁰. В других очерках он обращает внимание на кулинарные пристрастия французов, заявляющие о себе уже в Кале, самом первом пункте путешествия из Англии во Францию: «Кале, представленное в буфете вкусной жареной дичью, горячим кофе, коньяком и бордо»³¹.

Можно было бы ожидать столь же привлекательных и живописных картинок Парижа. Но Диккенс не слишком расположен рассказывать об этом прославленном городе. Возможно, именно из-за его прославленности и оттого, что при всем восхищении Диккенса культурной жизнью французской столицы (во многих письмах он с радостью и уважением упоминает о знакомстве с Гюго, Жорж Санд, Полиной Виардо, с восторгом описывает оперные спектакли и представление водевилей), Париж для него как любой мегаполис, суетен и «сумасброден»³². Вероятно, впечатление о Париже «неторгового путешественника» связано не с его главными достопримечательностями, вроде собора Парижской богородицы, к которому, как он признается, его привели собственные ноги, а с посещением морга, «притаившегося» неподалеку «с видом ... пристыженным и крайне гнусным»³³. Но этот, казалось бы, незначительный эпизод произведет на путешественника глубокое впечатление и вызовет цепь воспоминаний и размышлений о бренности и ценности человеческого бытия. Так, подобно Стерну и его бессмертному герою Йорику, Диккенс через малое умеет постичь великое.

Подобно Стерну, Диккенс – чрезвычайно сентиментальный путешественник. Все, о чем он пишет – впечатления и чувства заинтересованно-

го наблюдателя, весьма субъективные и прихотливые. В очерках «Путешественника не по торговым делам» он не раз скажет о своих чувствах, всегда добрых, к этой стране: «Мы двинулись дальше, и я с радостью встречал каждое новое свидетельство того, что Франция – все та же, какой я ее оставил»³⁴, – говорит он в начале очерка «Путешествие за границу» и вновь повторяет в середине: «И снова я с радостью предвкушаю долгое путешествие по Франции, с ее занятыми, полными цветочных ваз и стенных часов придорожными тавернами»³⁵...»

Благополучно завершив во время шторма короткое путешествие из Дувра в Кале, рассказчик не скрывает своих восторгов, смешанных с иронией: «И тут я понимаю, что всем сердцем люблю Кале... Дай бог счастья вам милые таможенные чиновники, ... разрешите мне пожать ваши радушные руки, которые просовываются в мой чемодан»³⁶. В этих и подобных эмоциональных всплесках особенно ощущается близость Диккенса Стерну. Еще более она закрепляется целым рядом реминисценций и аллюзий к роману «Сентиментальное путешествие».

Очерк «Путешествие за границу» вначале кажется изложением непосредственных путевых впечатлений, но на самом деле, по признанию автора в финале, представляет собой «что-то вроде путевых воспоминаний». Они нахлынули на него, «когда он забрался внутрь экипажа», чтобы, по поручению приятеля, «опробовать рессоры и пружины сидения»³⁷. Диккенс совершенно откровенно намекает здесь на известный фрагмент из книги Стерна, когда Йорик, испытывая угрызения совести после разговора с монахом и думая о необходимости купить коляску для продолжения путешествия, садится в «старый дезоближан, стоявший в дальнем углу двора»³⁸, предается размышлениям и пишет знаменитое предисловие о разрядах путешественников.

Вполне закономерно и то, что в том же очерке «Путешествие за границу» возникнет и образ скромного французского кюре, который неизбежно вызовет ассоциации с тем самым, обиженным Йориком смиренным и бедным монахом-францисканцем из книги Стерна: «Привет вам, господин кюре, когда вы гуляете по дороге неподалеку от города и читаете вечный свой тревник... И позже среди дня привет вам, госпо-

²⁹ Диккенс Ч. Наш французский курорт. Собр. соч., Т. 19. С. 578–580.

³⁰ Там же. С.581.

³¹ Диккенс Ч. Ночной пакетбот Дувр-Кале // Путешественник не по торговым делам. Собр. соч., Т. 26. С. 219.

³² Диккенс Ч. Письма. Т. 30. С. 172.

³³ Диккенс Ч. Воспоминания, связанные с бренностью человеческой. Т. 26. С. 222. См. также: Диккенс Ч. Путешествие за границу. Собр. соч. Т. 26. С. 80–82.

³⁴ Диккенс Ч. Путешествие за границу. Т. 26. С. 79.

³⁵ Там же. С.88.

³⁶ Диккенс Ч. Ночной пакетбот Дувр-Кале. Т. 26. С. 218.

³⁷ Диккенс Ч. Путешествие за границу. Т. 26. С. 89.

³⁸ Стерн Л. Сентиментальное путешествие. Цит. изд. С. 548.

дин кюре, когда вы трясетесь по большой дороге в облепленном грязью ... кабриолете... И снова привет вам, господин кюре, когда вы распрямляете спину, чтобы взглянуть на мою германскую колесницу, проезжающую мимо вашего огородика, где вы берете немного овощей на сегодняшней суп...»³⁹.

В рассказе «Чей-то багаж» Диккенс вновь вводит реминисценцию из романа Стерна, которая связана с главами, посвященными монаху. Герой рассказа мистер Лангли, который решил позаботиться о Бебель и увезти ее с собой в Англию, старается дойти с ней к ночному поезду не привлекая к себе внимания, чтобы «не выслушивать комплименты и поздравления» сентиментальных французов «по случаю этого подвига»⁴⁰, но ему это не удается. Добравшись до поезда и оказавшись в купе, он с облегчением переводит дух, но тут замечает «в открытом окне вагона необычное явление: маленькая жестяная коробочка плыла и реяла в лунном свете»⁴¹. Коробочка оказывается табакеркой мосье Мютюэля, старичка, который своим вниманием, доходящим до любопытства, особенно раздражал Англичанина, вызывая этим и приступы угрызений совести, почти как у Йорика, по отношению к бедному монаху. И подобно тому как «добрый старенький монах... остановился с самым радушным видом и поднес мне [Йорикю – Т.Б.] открытую роговую табакерку»⁴², предлагая угоститься табакеркой, мосье Мютюэль, держа свою табакерку в вытянутой руке, протягивает ее Англичанину. И у Стерна и у Диккенса эти сцены очень сердечны и трогательны. В них выражена сложная гамма переживаний героев. Диккенс, скорее всего, сознательно насыщает этот рассказ многими аллюзиями к данному эпизоду романа Стерна, в котором выражена мысль о необходимости любви и прощения, о возможности и ценности человеческого взаимопонимания, независимо от национальных различий, очень близкая и автору рассказа. Заметим, что в том и в другом произведении речь идет об англичанах и французах.

Стерновское начало в очерках и рассказах Диккенса о Франции не исчерпывается названными чертами сходства. Обращает на себя внимание общность восприятия Франции обоими писателями, представляющими разные исторические эпохи: между романом Стерна и поздней

прозой Диккенса без малого сто лет, наполненных значительными потрясениями и изменениями. И все же их объединяют настроения приятия и радости от пребывания в этой стране. Они нередко упоминают об открытости, любезности и хороших манерах французов, даже не слишком образованных, об их предупредительности, расторопности, аккуратности и хорошем вкусе⁴³. Франция в их книгах представлена как страна, где любят жизнь и умеют не придавать слишком большого значения трудностям, которые в ней встречаются, или достойно справляться с ними. В заметках Диккенса о Франции часто упоминается о праздничном духе, который царит на ярмарках и вообще, кажется, присутствует в самом воздухе этой страны. Героине рассказа «Наследство миссис Лиррипер» после дня, проведенного в Париже, с его улицами, садами, фонтанами, театрами, ярким освещением и множеством людей кажется, «будто какой-то роскошный фейерверк» пущен у нее в голове⁴⁴. Не менее приятна ей и провинция, которая действует «освежающе и успокаивающе»⁴⁵.

У обоих авторов часто говорится о вкусной пище и добром вине французов, об их умении сделать приятной самую скромную трапезу, которая, к тому же располагает собравшихся к общению и пониманию⁴⁶. В одной из последних глав своего романа Стерн описывает ужин на ферме, создавая пасторально-евангельскую картину братского общения людей, способных преодолеть разделяющие их барьеры: «Все они сидели вместе за чечевичной похлебкой, большой пшеничный каравай лежал посреди стола, а кувшины вина на каждом конце его сулили веселье в перерывах между едой – то был пир любви.

Старик поднялся навстречу мне и с почти сердечностью пригласил меня сесть за стол; сердце мое было с ними уже с той минуты, когда я вошел в комнату; вот почему я, не чинясь, подсел к ним, как член семьи...»⁴⁷. Эта сцена иллюстрирует идеи Стерна о цели путешествий, выраженные им в середине романа: «Это скромное путешествие сердца в поисках Природы и тех приятных чувств, что ею порождаются и побуждают нас любить друг друга – а

³⁹ Диккенс Ч. Путешествие за границу. Т. 26. С. 83.

⁴⁰ Диккенс Ч. Чей-то багаж. Т. 26. С. 63.

⁴¹ Там же.

⁴² Стерн Л. Сентиментальное путешествие. Цит. изд. С. 558.

⁴³ Стерн Л. Сентиментальное путешествие. С. 573, 580, 620, 621; Диккенс Ч. Чей-то багаж. Т. 26. С. 446, 447. Путешественник не по торговым делам. Т. 26. С. 79, 320, 322 и т.д.

⁴⁴ Диккенс Ч. Наследство миссис Лиррипер. Т. 26. С. 552.

⁴⁵ Там же. С. 553.

⁴⁶ Стерн Л. Указ. соч. С.646; Диккенс Ч. Т. 26. С. 218, 219, 552, 553 и др.

⁴⁷ Там же.

также мир – больше, чем мы любим теперь» [Выделено Стерном – Т.Б.]⁴⁸.

Гуманистическая установка Стерна на желательность и возможность плодотворных межкультурных контактов рождает определенную склонность к идеализации в изображении чужой страны. Эта тенденция находит свое дальнейшее воплощение в творчестве Диккенса. Франция середины XIX в. в его интерпретации явно идеализирована, зарисовки ее жизни, не считая немногих непривлекательных штрихов (грязные конюшни на почтовых станциях, тошнотворный запах в парижской гостинице, труп утопленника в море), складываются в общую несколько преувеличенно яркую и праздничную картину. Не случайно в очерках и рассказах, посвященных общению с этой страной, почти всегда появляется мотив театральности, а события, происходящие на глазах рассказчика или героя, вызывают ассоциации с водевилем.

Традиции разных театральных жанров, главным образом, жанров низового театра, не раз становились предметом многих исследований творчества Диккенса. Диккенсоведы отмечали очевидную соотнесенность сюжетостроения, стиля, характеристики персонажей в книгах писателя, прежде всего с пантомимой, мелодрамой и комедией дель арте⁴⁹. На мой взгляд, стоит обратить внимание и на водевильные традиции в прозе Диккенса, которые отчетливо видны в его «французских» рассказах и очерках.

Площадкой водевильного действия во многих названных прежде произведениях, в частности, в очерках «Путешествие за границу», «В краю французов и фламандцев», в рассказах «Чей-то багаж», «Наследство миссис Лиррипер» являются маленькие французские городки, что, в свою очередь, симптоматично, так как история появления жанра связана именно с французской провинцией⁵⁰.

Во второй главе рассказа «Чей-то багаж» действие сосредоточено в городке Вобан, где много военных укреплений и большой гарнизон. Обучение солдат проводится прямо на Главной

площади, где в праздничные дни устраивают ярмарку. Жизнь городка, судьбы его жителей, поэтому, тесно переплетены с распорядком жизни гарнизона. Центральное событие главы, как отмечалось выше, – история удочерения маленькой девочки-сироты Бебель (Габриэль), которая была передана кем-то на попечение жены парикмахера, но, по существу, оставалась беспризорной. Этот достаточно традиционный для своего творчества сюжет Диккенс представляет на фоне быта и нравов французской провинции, придавая этому фону комические и несколько идиллические очертания, которые создают эффект театрального представления с музыкой и танцами. Именно эти черты, как известно, и являются жанровыми признаками водевиля⁵¹.

Глава открывается диалогом в легкой комической манере, в котором участвуют хозяйка меблированных комнат мадам Букле и мосье Мютюэль, старый житель городка, с лицом, напоминающим грецкий орех. Разговор касается фамилии одного из постояльцев, приехавшего из Англии. Мадам Букле, прочитавшая его фамилию Лангли (Langlais) на французский манер, приняла ее за французское слово l'Anglais – Англичанин. Так, мистер Лангли превратился в мосье Англичанина, что вызвало недоумение у старика Мютюэля: «Это дорогая моя Мадам Букле, по-моему, невозможно!», – возражает он. Но упрямая и бойкая хозяйка не хочет признать своей ошибки и шуточно прогоняет своего собеседника: «Прекрасно. Продолжайте свою утреннюю прогулку. Убирайтесь прочь!»⁵²

Эти персонажи рассказа сохраняют и в дальнейшем черты излюбленных амплуа французской комедии, перешедших затем и в водевиль: забавного старика и субретки, правда, с некоторыми вариациями нового века – теперь это не изобретательная и неунывающая служанка, а хозяйка меблированных комнат, обладающая теми же качествами. Мосье Англичанин, герой рассказа, – брюзга и добряк одновременно – близок к амплуа старика-отца, также характерного для водевиля, например, в классическом водевиле Эжена Лабиша «Соломенная шляпка» (1851). Есть в рассказе и бравый военный, правда, не гусар, как во многих водевилях, в том числе и русских. Здесь это капрал Теофиль: «Молодцеватый мужчина лет тридцати, ...очень хорошо сложенный, ...с темной острой бородкой»⁵³.

⁴⁸ Стерн Л. Там же. С. 615

⁴⁹ См.: Сильман Т.И. Указ. соч. С. 26, 28, 47; Потанина Н.Л. Игровое начало в художественном мире Чарльза Диккенса : автореф. ... д-ра филол. наук. М., 1998. С. 23–25; Clayborough A. The Grotesque in English Literature. Oxford, 1965. P. 201, 202, 231; Ackroyd P. Op.cit. P.36, 120, etc.

⁵⁰ См.: Борисенкова Т. Водевиль // Краткая литературная энциклопедия. В 9 т. Т. 1. М., 1962. С. 1003, 1004; Паушкин М. Социология, тематика и композиция водевиля // Старый русский водевиль. 1819–1849. М., 1937 и др.

⁵¹ Борисенкова Т. Водевиль. Указ. соч. С. 2003.

⁵² Диккенс Ч. Чей-то багаж. Собр. соч. В 30 т. Т. 26. С. 445.

⁵³ Там же. С. 453.

В описании капрала вновь очевидна идеализация, которая легко переходит в некое подобие сценической ремарки, содержащей указания на то, как должен выглядеть этот образцовый герой: «Это был гибкий и шустрый капрал..., начиная от ослепительно блестящих карих глаз, сверкающих из-под щегольского форменного кепи, и до ослепительно белых гетр»⁵⁴.

К образцовой внешности капрала прибавятся потом и его благородные и мужественные поступки (забота о маленькой Бебель, спасение товарищей во время пожара и героическая гибель). Идеализация присутствует и в описании солдат гарнизона, в целом: «Целый рой живых, смысленных, деятельных, расторопных, боевых ребят, мастеров на все руки... – вот кого можно было увидеть здесь»⁵⁵. Эти описания предельно обобщены: «Каждое утро солдаты выбегали из огромных казарм на усыпанный песком... плац, и там перелетали через деревянную кобылу, подтягивались на кольцах, кувыркались между брусками... – брызги, искры, блестящие, ливень солдат»⁵⁶. Картина занятий солдат сопровождается упоминанием о военной музыке, о звуке труб, рожков и барабанов, и все вместе начинает напоминать слаженные, ритмичные движения сценической массовки или кордебалета.

Не менее музыкально, красочно и сценично изображение ярмарки, также насыщенное атмосферой водевильного действия, сопровождающегося музыкой и танцами: «Приятный гул множества голосов, торгующихся и расхваливающих товары, и приятное, хотя и разнообразное смешение красок – белые чепцы, синие блузы и зеленые овощи... Тут продавались детские куклы, а там – пирожник оповещал о своих товарах боем и дробью барабана.

Но чу! Вот раздавались фанфары труб и сюда, прямо на Главную площадь, в роскошной открытой коляске, с четырьмя дующими в рожки, бьющими в барабаны и тарелки, разряженными в пух и прах лакеями на запятках, выезжала «Дочь некоего медика» в массивных золотых цепочках и серьгах...»⁵⁷. После этого описания легко представить себе, как колоритная и сверкающая «Дочь медика», поет песню, в которой расхваливаются целительные свойства снадобий, маленькие дозы которых она бесплатно раздает людям, собравшимся на площади.

Водевильный колорит возникает и во «французских» эпизодах рассказа «Наследство миссис Лиррипер». Героиня, подобно м-м Букле, хозяйка меблированных комнат, но только в Лондоне, отправляется во Францию со своим другом и постояльцем майором Джекманом и приемышем Джемми, чтобы встретиться с умирающим англичанином, который выразил настоятельное желание увидеть миссис Лиррипер перед своей смертью.

Сюжет рассказа насыщен мелодраматизмом, однако, зарисовки быта и нравов французского городка Санса имеют водевильные очертания. В его описании много забавного и идиллического одновременно. И вновь Диккенс создает некое ощущение сценической площадки, на которой, наряду с героями, присутствуют участники массовки: «И все обитатели гостиницы, вплоть до голубей во дворе, подружились с Джемми и майором и отправлялись с ними во всякого рода экспедиции в разнообразных экипажах, покрытых грязью вместо краски и запряженных норовистыми ломовыми лошадьми..., и каждый новый знакомый был одет в синее..., и каждый новый конь становился на дыбы..., и каждый человек, имеющий бич, шелкал им – шелк-шелк-шелк-шелк-шелк...»⁵⁸. Прием повтора, к которому достаточно часто прибегает Диккенс, в этом пассаже задает ритм, органично продолженный танцевальной сценой: майор, к удовольствию жителей городка и своих британских спутников, «танцевал прямо на площади с одной особой, содержащей парикмахерскую»⁵⁹.

Безусловно, водевильное начало обнаруживает себя не только в названных эпизодах, но в выборе персонажей, сюжетно-композиционном строе того и другого рассказа. При этом занимательность фабулы, анекдотичность сюжета, юмор ситуации и характеров сочетаются с мелодраматическими мотивами, что, с одной стороны, традиционно для диккенсовской манеры, с другой – вполне органично для водевиля.

Если в указанных рассказах водевильные мотивы и приемы весьма очевидны, но не названы автором, то в целом ряде очерков он описывает заинтересовавшие его сцены именно в форме водевиля. «Так приехал я полный восторга в Страсбург, где провел дождливый вечер

⁵⁴ Диккенс Ч. Чей-то багаж. Собр. соч. В 30 т. Т. 26. С. 445.

⁵⁵ Там же. С. 447–448.

⁵⁶ Там же. С. 447.

⁵⁷ Там же. С. 449–450.

⁵⁸ Диккенс Ч. Наследство миссис Лиррипер. Собр. соч. Т. 26. С. 558.

⁵⁹ Там же. С. 559.

у окна, наблюдая водевильчик, разыгранный для меня у дома напротив»⁶⁰. Далее подробно описываются персонажи: старик-лавочник, его приказчик, домоправительница «не юная, но приятной наружности»⁶¹, и худенький солдатик, очарованный домоправительницей и продуктами в лавке. Происходящие потом потасовку, в которой участвует лавочник с приказчиком, с одной стороны и солдатик, с другой, а также месть солдатика, состоявшую в том, что он, вместе с тремя сослуживцами, «поднес к носу оба указательных пальца и потер их крестнакрест один о другой, в знак презрения, вызова и насмешки»⁶², Путешественник и называет «водевильчиком».

В очерке «В краю французов и фламандцев» Диккенс с удовольствием описывает ярмарку в маленьком городке и представление водевиля, которое дает труппа, состоящая из «семейства П. Сальси, общим числом пятнадцать персон»⁶³.

Интерес Диккенса к водевилю, судя по его переписке, активизировался в 1850–60-е годы, когда писатель стал часто бывать во Франции, отдыхая в Булони и наезжая в Париж, за театральной жизнью которого он пристально наблюдал. Одним из ярких впечатлений парижского театрального сезона 1856 г. стал, по признанию писателя, спектакль по пьесе «Мемуары дьявола» в театре «Водевиль», сюжет которой он с увлечением пересказывает в письме к герцогу Девонширскому⁶⁴. Диккенс был знаком и с Эженом Скрибом, автором многих популярных французских водевилей («Фаворитка», «Шарланство», и др.).

Жанр водевиля Диккенс, очевидно, воспринимал как нечто близкое своему собственному творчеству, во всяком случае, он сам работал над созданием водевиля, о чем писал Уилки Коллинзу: «На прошлой неделе я набросал план, наметил характеры и сюжет водевиля...»⁶⁵. К сожалению, в доступных нам источниках не удалось встретить сведений о дальнейшей судьбе и названии этого водевиля.

Однако в данном случае присутствие аллюзий к водевильному жанру на разных уровнях диккенсовских текстов, связанных с темой Франции, позволяют увидеть своеобразие и чуткость Диккенса-художника к освоению и творческой интерпретации чужой культуры. Найденный и созданный им образ «прекрасной Франции», наделенный водевильными чертами, как нельзя более точно передает основные характеристики французской жизни середины XIX в., открывающиеся при взгляде на нее со стороны представителя другой культуры. Конечно «портрет» Франции у Диккенса – только эскиз, а не объемное и многогранное изображение, полное контрастов и нюансов, как, скажем, у французских писателей этой поры, но он помогает увидеть, как устанавливается межкультурный диалог. При этом в поздней прозе Диккенса осмысление особенностей поведения и культуры жителей соседней страны составляет основу дискурса в синхроническом (полемика на тему великодержавных претензий британцев в период зрелого викторианства) и в диахроническом планах (перекличка с предшественником, в данном случае со Стерном, автором «Сентиментального путешествия»).

⁶⁰ Диккенс Ч. Путешествие за границу. Т. 26. С. 83.

⁶¹ Там же. С. 84.

⁶² Там же. С. 85.

⁶³ Диккенс Ч. В краю французов и фламандцев. Т. 26. С. 323.

⁶⁴ Диккенс Ч. Собр. соч. Т. 30. С. 67–68.

⁶⁵ Там же. С. 70.

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ MARRIAGE В АНЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А.В. Еременко

Еременко Александра Владимировна – ассистент кафедры иностранных языков Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета.

В статье рассматриваются когнитивные механизмы образования фразеологических единиц, объективирующих концепт MARRIAGE в английском языке. Выявление концептуальных метафорических и метонимических структур, лежащих в основе образования многих фразеологизмов, позволяет определить когнитивные признаки, формирующие содержание и структуру исследуемого концепта.

This article is devoted to the cognitive mechanisms that create idiomatic expressions representing the concept MARRIAGE in the English language. The investigation of the cognitive mechanisms in the process of generating idioms can reveal the cognitive characteristics and the structure of the concept under study.

The investigation reveals that many idioms are conceptually motivated in the sense that they have conceptual metaphors and metonymies at their basis. Therefore, the analysis made in this article supports the cognitive view of idioms as products of our conceptual system and not simply a matter of language.

Целью нашего исследования является анализ когнитивных механизмов образования фразеологических единиц, репрезентирующих концепт MARRIAGE в английском языке. Под когнитивными механизмами мы понимаем ментальные процессы, лежащие в основе формирования структуры значения языковой единицы, которая отражает структуру концепта.

Являясь основной категорией когнитивной лингвистики, в рамках этой науки концепт определяется как структура знания об определенном фрагменте действительности, «которая отражает содержание опыта, всей человеческой деятельности и процессов познания действительности».¹ В случае если тот или иной фрагмент действительности становится предметом обсуждения в обществе, концепт, являющийся ментальной репрезентацией этого фрагмента, получает языковую номинацию. В значении языковых единиц отражено снятое в них концептуальное содержание, т. е. хранящаяся в сознании информация об окружающем мире. Это положение о когнитивном характере лексического значения, которое представляет собой совокупность семантических признаков, репрезентирующих в речи когнитивные признаки концепта, является одним из основополагающих в когнитивной лингвистике.

На основании этого положения многие исследователи делают вывод о том, что поскольку в основе формирования значений отдельных языковых единиц, языковых категорий и различных классификаций лежат те или иные концеп-

ты, через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования и речевые контексты можно выявить компоненты содержания концепта².

Одним из наиболее информативных методов, позволяющих понять механизм взаимодействия когнитивных и языковых структур, является изучение процессов, лежащих в основе вторичной номинации. Вслед за авторитетными учеными в области когнитивной лингвистики (Н.Н. Болдыревым, В.Н. Телия, Д.О. Добровольским и др.) под вторичной номинацией будем понимать «языковое представление известного концептуального содержания за счет использования вторичных языковых средств»³. Особый интерес для исследователей представляет процесс образования семантически транспонированных фразеологизмов с переносным значением.

В основе семантической деривации и формирования идиоматичных наименований, характеризующихся образностью, по мнению многих ученых, лежат когнитивные процессы метафоризации, метонимизации, а также их взаимодействие. Это связано с уникальной особенностью человеческого мышления усматривать сходство или смежность между элементами физически воспринимаемой действительности, а также раз-

² Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях. // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 65–69 ; Пименова М.В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 82–90.

³ Болдырев Н.Н. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филологические науки. 2001. № 1. С. 79–86.

¹ Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С. [и др.]. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.

личного рода абстрактными понятиями в процессе познавательной деятельности людей⁴.

В данной статье мы рассмотрим когнитивные механизмы формирования фразеологического значения на примере идиом, объективирующих концепт MARRIAGE в английском языке. Материал исследования составили фразеологические единицы, отобранные методом сплошной выборки из англо-русского фразеологического словаря под редакцией А.В. Кунина, словаря американских идиом под редакцией А. Маккей, Оксфордского словаря цитат и выражений под редакцией Элизабет Ноулес, из электронных источников, а также из контекстов иллюстративного материала Кембриджского толкового словаря.⁵

Всего было проанализировано 44 фразеологических единицы, объективирующие концепт MARRIAGE в английском языке.

По данным нашего исследования, из 44 отобранных единиц 32 имеют переносное значение, т. е. образованы в результате метафорических, метонимических переносов и их сочетаний. Остальные 12 единиц не являются семантически транспонированными и образованы в результате расширения или сужения значения.

Рассмотрим когнитивные механизмы, участвующие в процессе образования семантически транспонированных языковых единиц на примере анализа некоторых фразеологизмов.

1. Образование фразеологических единиц на основе метафорического переноса.

По мнению многих ученых, существование в языке огромного количества фразеологических единиц предопределено метафорическим характером понятийной системы и мышления челове-

ка. Идея о существовании концептуальных метафор, участвующих в процессах категоризации действительности и таким образом структурирующих восприятие, мышление и действия человека, была впервые высказана Джорджем Лаккоффом. Исследователь полагает, что разные фрагменты действительности, виды деятельности человека и события могут иметь сходную структуру, которая отражается в структуре концептов. Сходная структура концептов лежит в основе процесса концептуальной метафоризации и позволяет нам в ходе речемыслительной деятельности структурировать одни понятия, как правило, более абстрактные и менее структурированные в терминах других, более конкретных и структурированных. Таким образом, именно существование концептуальных метафор в понятийной системе человека предопределяет появление метафоричных выражений в языке⁶.

Вывод о существовании в сознании той или иной концептуальной метафоры кажется обоснованным тогда, когда имеется множество примеров объективации этой метафоры в языке. Как справедливо полагает Т.Г. Скребцова, если слова, относящиеся к сфере – мишени, достаточно регулярно встречаются в одном контексте со словами, принадлежащими сфере-источнику, то можно сделать вывод о наличии в сознании субъектов дискурса устойчивых соответствий между областью источника и областью цели⁷. Эти устойчивые соответствия, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название «концептуальных метафор». Открытым, однако, остается вопрос о том, какое количество языковых выражений позволяет сделать вывод о существовании в сознании языкового социума устойчивых метафорических проекций.

В случае образования фразеологизма на основе метафорического переноса в структуре значения языкового выражения происходит совмещение денотата, который содержит информацию о типовом представлении нового наименования, и «квазиденотата», образной гештальтструктуры, которая представляет собой редуцированный образ, отражающий некоторые черты типового представления объекта или фрагмента действительности, обозначенных в результате первичной номинации. Образное основание отдает часть

⁴ Лапшина М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка) : автореф. дис... д-ра. филол. наук. СПб. : СПб. гос. ун-т, 1996. Телля В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. Geeraerts Dirk. The interaction of metaphor and metonymy in composite expressions. In Rene Dirven & Ralf Porings(red.) // Metaphor and metonymy in comparison and contrast 435–465. Berlin, 2002. Jona Bilkova. Czech and English Idioms of body Parts: A View from Cognitive Semantics. A dissertation submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Master of Philosophy in Lexical Semantics. University of Glasgow, 2000. Черникова Н.В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии. Филологические науки. № 1. 2001.

⁵ А. Маккей, М.Т. Ботнер, Дж. И. Гейтс. Словарь американских идиом: 8000 единиц. СПб. : Изд-во Лань, 1997. 464 с. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М. : Рус. яз., 2000. 512 с. The Oxford Dictionary of Phrase, Saying and Quotation Edit by Elizabeth Knowles. Oxford University Press, 1998. 694 с.

⁶ Lakoff G, Johnson M. Conceptual Metaphor in Everyday Language. // Journal of philosophy. N.-Y. ; The Journal of Philosophy. Inc. 1980. Vol. 77. № 8. P. 453–486.

⁷ Скребцова Т.Г. Наивные картины глобализации: взгляд лингвиста. <http://www.philologija.vukhfi.lt/4-9/doc/Screbcova.doc>

информации о типовом представлении объекта, обозначаемого уже существующим именем, в типовое представление нового наименования, сохраняя некоторые свои «черты» как образная гештальт-структура, которая является стимулом для эмоциональной реакции⁸.

По нашим данным метафорический перенос является наиболее распространенным механизмом образования фразеологических единиц, объективирующих концепт MARRIAGE в английском языке – 21 единица (47 %). Эти результаты коррелируют с известным положением о ведущей роли метафоры в процессах идиообразования.

Проанализируем механизм формирования фразеологического значения выражения *to get hitched*, означающего вступить в брак, жениться.

To hitch означает привязывать что-либо к чему-либо веревкой или прицеплять металлическим крючком, запрягать, впрягать, что имплицитно предполагает – ограничивать свободу. В результате метафорического переноса, основанного на осознании подобия: вступить в брак – это как будто бы стать крепко привязанным или прикрепленным к чему-либо, редуцированный типовой образ этого фрагмента действительности – его гештальтструктура – отдает часть информации об этом фрагменте в типовое представление нового наименования. Информацией, отражающей основные типовые черты этого фрагмента действительности в гештальтструктуре, является информация об ограничении свободы. Это значение является тем основанием, по которому выражения *to get hitched* и *get married* оказались «связанными в языковом сознании». Оно и легло в основу вторичной номинации.

Кроме того, употребление смыслового глагола в пассивном залоге имплицитно предполагает насильственное ограничение свободы, несамостоятельность и вынужденность принятия решения, навязывание выбора. Этот образ мотивирует значение идиомы и вызывает определенную эмоциональную реакцию.

Однако в данном случае не представляется возможным с достаточной степенью уверенности говорить о существовании в сознании англоязычного социума устойчивой метафорической проекции MARRIAGE IS A PRISON из-за отсутствия достаточного количества языковых выражений, являющихся ее поверхностной реализацией.

⁸ Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. Кириллова Н.Н. О денотате фразеологической семантики // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 82–89.

Примером языковой реализации концептуальной метафоры, мотивирующей идиоматическое значение, служит выражение *an open marriage* (брак, в котором партнеры могут вступать в сексуальные отношения с другими партнерами).

Как показали Дж. Лакофф и М. Джонсон, многие понятия понимаются через метафору ВМЕСТИЛИЩА. Это связано с тем, что мы переносим наше восприятие себя как вместилища, ограниченного поверхностью тела и наделенного способностью ориентации типа «внутри – вне», на окружающую нас среду⁹.

Мы предполагаем, что в сознании носителей языка существует концептуальная метафора MARRIAGE IS A CONTAINER. Подтверждением существования этой концептуальной структуры в сознании англоязычного социума является множество языковых выражений, в которых лексема *marriage* употребляется с пространственными предлогами *in, out, outside*, означающими внутри/вне чего-либо, с предлогом *into*, означающим движение внутрь чего-либо (*in marriage, in matrimony, in wedlock, to enter into marriage, to be born (in) out of wedlock, outside marriage*).

Существование в языке выражения *an open marriage* для обозначения одной из форм брака, отличающейся от традиционной, позволяет предположить существование в сознании носителей языка концептуальной метафоры TRADITIONAL MARRIAGE IS A CLOSED CONTAINER. Эта существующая в понятийной системе метафора позволяет всем представителям языковой общности одинаково интерпретировать и понимать фразеологизм *an open marriage*. Если традиционный брак концептуализируется в сознании как закрытое вместилище, становится очевидным, что находящиеся внутри него супруги не имеют возможности вступать в отношения с теми, кто находится за его пределами. Таким образом, становится возможным понимание значения идиомы *an open marriage* как нетрадиционной формы брака, в котором супруги имеют возможность вступать в сексуальные отношения с другими партнерами.

Другим примером фразеологизма, в основе которого лежит концептуальная метафора, служит выражение *to get marriage back on track*.

Одним из положений теории Дж. Лакоффа является идея о том, что долгосрочная целенаправленная деятельность в структуре любого со-

⁹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры; под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.

бытия концептуализируется сознанием как путешествие. Если рассматривать брачный союз как долгосрочную целенаправленную деятельность, можно говорить о существовании в нашем сознании концептуальной метафоры БРАК – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, которая наследует структуру метафоры более абстрактного уровня ДОЛГОСРОЧНАЯ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ. Таким образом, мы можем предположить употребление в речи носителями языка выражений, обозначающих предметы и явления, связанные с путешествиями, для обозначения некоторых аспектов существования и функционирования брачного союза. Тогда становится понятным употребление фразеологизма *to get back on track* в одном контексте с лексемой *marriage*. Выражение *to get back on track* имеет буквальное значение вернуться в колею, т. е. продолжить движение по запланированному ранее маршруту или пути. Идиома *to get marriage back on track* свидетельствует о том, что брак концептуализируется сознанием как транспортное средство. Мы можем предположить, что транспорт, сошедший с колеи или свернувший с дороги, – это концептуализация сознанием кризисного брака, в котором что-то пошло не так, как было запланировано изначально.

Тогда становится очевидным, что идиома *to get marriage back on track* означает вернуться к запланированному ранее или типичному сценарию брака.

Таким образом, исследование способов метафорического осмысления концепта позволяет выявить те характеристики, на основании которых происходит уподобление концептов, и которые представляют собой когнитивные признаки, формирующие содержание и структуру исследуемого ментального образования.

2. Образование фразеологических единиц на основе метонимического переноса.

Метонимия является вторым по продуктивности способом семантической деривации и образуется на основе мыслительных связей менее сложного типа – ассоциации по смежности. Один и тот же фрагмент действительности может концептуализироваться сознанием по-разному. Разные концептуализации одного и того же фрагмента, по мнению Е.В.Падучевой, становятся возможными в результате сдвига фокуса внимания с одного аспекта ситуации на другой.¹⁰ Устойчивые ассоциации между разными концеп-

туализациями одного фрагмента действительности, возникающие в результате осознания смежности объектов, представляют собой концептуальные метонимии. Между элементами метонимической концептуальной структуры существует отношение замещения. Такая модель «накладывается» на некоторое концептуальное пространство, в частности на событийное пространство, и передает ему заложенную в ней структуру. В результате событие получает метонимическое осмысление.¹¹

По аналогии с предположением Джорджа Лакоффа о происхождении концептуальных метафор из базисных структур, которые представляют собой повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и наших моторных программ, можно предположить, что в основе возникновения устойчивых ассоциаций по смежности лежит повторяющееся чувственное восприятие двух объектов или фрагментов действительности, связанных между собой отношениями смежности. В результате этого в сознании возникает устойчивая замена одной единицы кодирования другой, как особый тип структурирования концептуальной системы.

Таким образом, основным когнитивным отличием метонимического переноса является то, что он осуществляется в пределах одного концептуального домена, в то время как метафорическая проекция связывает два разных концептуальных домена.¹²

В случае метонимического переноса изменения семантической структуры сводятся к акцентированию одних сем и нейтрализации или затушевыванию других. При этом, по мнению Е.В.Падучевой, та концептуальная структура, которая порождается буквальным смыслом метафорически употребленного слова, аномальна, т. е. воспринимается как образ.¹³

Согласно данным нашего исследования фразеологизмы, в основе образования которых лежит метонимический перенос, составили 7 единиц – 16 %.

Участие концептуальной метонимии в процессе идиомотворения демонстрирует выражение *to ask for someone's hand*.

¹¹ Козлова Е.А. Метонимия как инструмент категоризации событий в языке // Методологические проблемы когнитивной лингвистики ; под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Изд-во Воронеж. межрегион. ин-та обществ наук, 2001. С. 156–159.

¹² Fernando Balbanchan, Indiana. Killing Time: Metaphors and their implications in lexicon and grammar <http://www.metaphorik.de/10/balbanchan.pdf>

¹³ Падучева Е.В. К когнитивной теории метонимии. <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003>

¹⁰ Падучева Е.В. К когнитивной теории метонимии. <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003>

Мы предполагаем, что в основе образования вышеупомянутого выражения может лежать концептуальная метонимическая проекция THE HANDS STAND FOR THE ACTIVITY. В основе этой когнитивной модели лежит наш повседневный опыт, в ходе которого мы осуществляем различные виды деятельности с помощью рук.

Свидетельством существования этой модели в сознании представителей англоязычной лингвокультуры также является большое количество ее языковых реализаций (to turn one's hands to something, to join hands with somebody и др.). Выражение to ask for someone's hand используется для обозначения действия – просить чьего-то согласия жить вместе. Соединение рук символизирует начало совместной жизни. Совместная жизнь означает совместную деятельность. Таким образом, мы можем предположить, что выражение to ask for someone's hand является поверхностной реализацией концептуальной метонимической модели THE HANDS STAND FOR THE ACTIVITY, существующей в сознании языкового сообщества.

3. Образование фразеологических единиц в результате сочетанных метафоро-метонимических переносов.

В некоторых случаях образования идиоматичных выражений возможно одновременное участие метафорических и метонимических процессов. В 1990 году Л. Гуссенс описал случаи такого сочетания метафорических и метонимических переносов, лежащих в основе образования фразеологических выражений, и назвал такой сочетанный перенос метафтонимией.¹⁴

По нашим данным, идиомы, образованные в результате сочетанных метафорометонимических переносов, составили 4 единицы – 9 %.

Примером участия сочетанного метафорометонимического переноса в идиоомообразовании может служить выражение shotgun marriage.

Это выражение используется для обозначения брака, решение о котором принимается внезапно и который совершается в короткий срок по причине вынуждающих обстоятельств, чаще всего по причине беременности невесты. В основе образования данного фразеологизма лежит сочетание двух когнитивных механизмов: метафоры и метонимии. Вынужденность совершения брака и отсутствие выбора сравнивается с ситуацией, когда брак совершается под воздействием физи-

ческой силы – под дулом пистолета. Это метафора. Концептуальная структура, вербализованная лексемой shotgun, метонимически заменяет концептуальную структуру той же ситуации – человек с пистолетом в руках, которая в свою очередь заменяет более абстрактный концепт, отражающий ту же ситуацию – физическая сила, которая заставляет или вынуждает партнеров заключить брак. Таким образом, мы видим, что в образовании данного фразеологизма лежит метафорический перенос, который в свою очередь совершается на основе двойной метонимии.

В ходе анализа фразеологизмов, репрезентирующих концепт MARRIAGE в языке, мы рассмотрели когнитивные механизмы, участвующие в образовании семантически транспонированных идиом.

В результате анализа было обнаружено, что наиболее продуктивной моделью образования фразеологических единиц, объективирующих концепт marriage в английском языке, является метафорический перенос: 47 % фразеологических единиц образовано на основе этого механизма.

В основе многих идиом, объективирующих концепт MARRIAGE, лежат базисные концептуальные структуры, которые позволяют нам осмысливать такое явление действительности, как брачный союз в терминах более структурированных понятий. Исследование метафорических образов, лежащих в основе идиоомообразования, позволяет выявить действительно существующие в общественном сознании модели и определить те общие характеристики, которые лежат в основе уподобления концептов. Эти характеристики – признаки исследуемого концепта. Таким образом, исследование способов метафорического осмысления концепта позволяет выявить его признаки и получить более полное представление о содержании и структуре исследуемого ментального образования.

¹⁴ Goossens L. Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic actions // *Cognitive Linguistics* Vol.1-3 (1990). С. 323–340.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭРГОНИМОВ И СЛОВЕСНЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ ЯПОНИИ

И.В. Крыкова

Крыкова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лексикографии и теории перевода факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

В данной статье рассматриваются национально-культурные особенности семантики англоязычных эргонимов и словесных товарных знаков Японии, в которых получают свое особое словесное воплощение составляющие японского пространственно-временного континуума. Наиболее активно представлены такие составляющие, как национальный характер и природная среда. Менее всего представлена материальная и духовная культура.

The paper deals with national and cultural semantic peculiarities of English-language company names and verbal trade marks in Japan. The components of Japanese space and time continuum are specifically actualized in them. National character and nature are the most represented components, while material and spiritual culture being the least exhibited.

Среди прочих европейских языков английский язык играет особую роль в Японии. Его интенсивное использование обусловлено, с одной стороны, активными процессами глобализации всех сфер человеческой жизнедеятельности и постоянным усилением влияния самого языка, а с другой – желанием Японии приобщиться к мировому сообществу, стать полноправным участником мирового рынка и говорить с другими странами «на одном языке». Особенно широкое распространение английского языка наблюдается в рекламе, где он предназначен для эмоционального воздействия на потенциальных потребителей, а также служит языком-посредником для презентации культурных ценностей Японии всему остальному миру и, таким образом, «оказывает проводником культуры как Запада на Восток, так и Востока на Запад».¹

Поскольку все словесные товарные знаки (СТЗ) и большая часть эргонимов являются символически обусловленными, представляется целесообразным рассмотреть пространственно-временной континуум Японии.

Обратимся к первой составляющей японского пространственно-временного континуума – **природной среде**. Элементами японской космологии являются вода, земля, эфир, воздух и огонь,² которые неразрывно связаны с двумя главными религиями Японии – синтоизмом и буддизмом, поскольку именно из этих элементов, согласно мифам, были сотворены японские острова и вся окружающая их действительность. Однако семантическая группа эргонимов и СТЗ «Объекты неживой природы» представлена несколько шире, так как в

нее еще входят такие элементы, как «космос», «звезда», «камень», «гора», «атом», представленные, например, в эргонимах *ALPINE ELECTRONICS, INC.* (производство электроприборов) < «альпийский» + «электроника», *ALPS TRANSPORTATION SYSTEMS CORP.* (наземный транспорт) < «Альпы» + «транспортные системы», *ATOM CORPORATION* (розничная торговля) < «атом», *BRIDGESTONE CORPORATION* (производство резиновых изделий) < «мост» + «камень», *Canopus Co. Ltd.* (производство электроприборов) < «Канопус, звезда первой величины в южном созвездии Киль», *Cosmo Securities Co. Ltd.* (ценные бумаги) < «космо-» + «ценные бумаги», *MYSTAR ENGINEERING CORP.* (услуги) < «моя звезда» + «инженерное дело, проектирование», *ROCK FIELD CO. LTD.* (пищевая промышленность) < «скала, камень» + «поле», *SKY Perfect Communications Inc.* (информационно-коммуникационные услуги) < «небо» + «совершенный» + «коммуникации», *SPACE CO. LTD.* (услуги) < «космическое пространство», *SUNDRUG CO. LTD.* (розничная торговля) < «солнце» + «лекарство, медикамент», *WORLD CO. LTD.* (легкая промышленность) < «мир, вселенная».

Рассмотрим подробнее семантику некоторых наименований. Названия с лексемами «Alps», «alpine» не только передают почтительное отношение японцев к горам и красоте горных вершин, но и отражают наличие в Японии крупных горных цепей, которые называются Северные, Центральные и Южные Японские Альпы и сходятся в префектуре Нагано, считающейся Меккой для любителей лыжного спорта. В XIX веке британский горный инженер Уильям Гауланд дал горам Нагано название Японские Альпы.³

¹ Прошина З.Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии: Монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточн. ун-та, 2001. С. 72.

² Knappert J. Pacific Mythology. London: Diamond Books, 1995. P. 72.

³ <http://www.japantoday.ru/japanaz/n2.shtml> Retrieved 21 April 2004.

Солнце как символ занимает центральное место в национальной религии Японии синто. Кроме того, японцы называют свою страну «Ниппон» или «Нихон», что в переводе дословно означает «Начало Солнца». Таким образом, «солнечная» символика нашла свое выражение в названиях компаний, в состав которых входит английское слово “sun” «солнце».

Существующий в английском языке астрономический термин «Caporus» помимо того, что обозначает звезду первой величины в южном созвездии Киль и вторую звезду по яркости на небосклоне, представляет Бога небес в тихоокеанской мифологии.⁴ Особое внимание к небу, как одной из составляющих космологии, подчеркивается во множестве названий японских компаний, содержащих английские слова “sky” «небо», “star” «звезда», “space” «космическое пространство», “cosmos” «космос».

В названиях японских автомобилей также встречаются названия звезд, созвездий, астрономических явлений: *Alphard* (Toyota) < «Альфард, звезда первой величины в созвездии Гидры», *Starlet* (Toyota) < «небольшая звезда», *Pulsar* (Nissan) < “pulsating star” «пульсар», *Cynos* (Toyota) < *cynosure* «созвездие Малой Медведицы; Полярная звезда; путеводная звезда», *Corona* (Toyota) < «солнечная корона (видимая при полном затмении); кольцо вокруг Луны или Солнца», *Eclipse* (Mitsubishi) < «затмение», *Carina* (Toyota) < «Киль, одно из созвездий, входящих в структуру созвездия Арго», *Land Cruiser Cygnus* (Toyota) < «созвездие Лебедь». Подвиды некоторых моделей иногда различаются буквами греческого алфавита, как принято различать звезды по яркости: *Cynos Alpha* (Toyota) < А, альфа, первая буква греческого алфавита», *Cynos Beta* (Toyota) < В, бета, вторая буква греческого алфавита.

В японской англоязычной эргонимии и сфере словесных товарных знаков широко представлена семантическая группа «Флора и фауна», с некоторым смещением акцента на фауну, что можно объяснить уподоблением денотата тому или иному животному. В данной группе выделяется орнитологическая подгруппа: *EAGLE INDUSTRY CO. LTD.* (машиностроение) < «орел» + «промышленность», *GOLDCREST Co.* (недвижимость) < «желтоголовый королек», *SKYLARK CO., LTD.* (розничная торговля) < «жаворонок», *Tercel* (Toyota) < «сокол», *Bluebird (Nissan)* < «маленькая певчая птица с синей окраской спины, перен. дарующий счастье, синяя птица счастья». Национальная японская религия синтоизм

относится к религиям с развитым шаманским комплексом. В подобных религиях особая роль принадлежит именно птицам – как посредникам между шаманом и небом, между шаманом и иным миром.⁵ Например, “eagle” «орел» символизирует высоту духа, как и солнце. Кроме того, от Дальнего Востока до Северной Европы орел является птицей, ассоциируемой с богами власти и войны, в воздухе он равен льву, обитающему на земле. Орел считается символом божественности, храбрости, веры в победу, величия и власти, особенно имперской. Как и орлы, соколы известны в Японии очень давно. Первое упоминание о них датируется IV веком. Их приручали, и к ним настолько трепетно относились, что в случае какого-нибудь печального факта стали говорить: «Опечалился так, как если бы упустил с руки сокола».⁶

Среди названий, в которых обнаруживаются лексемы, обозначающие животных, отдельно выделяется гиппологическая подгруппа. Это неудивительно, поскольку уподобление автомобиля лошади, основанное на сходстве, вполне естественно. Здесь подчеркиваются быстрота езды, как характеристика машины, и одновременно гармоничное сосуществование транспортных средств и окружающей природы: *Land Cruiser Prado* (Toyota) < австрал. разг. «лошадь», *Clipper* (Nissan) < «скакун», *Filly* (Isuzu) < «молодая кобыла», *Roadster* (Mazda) < «верховая или упряжная лошадь», *Colt* (Mitsubishi) < «молодой конь (не старше 4 лет)». Однако помимо быстроты и силы, которая традиционно приписывается коню, можно увидеть еще и специфически японские коннотации. В Японии символика коня считается крайне благоприятной. Легенда утверждает, что знаменитый государственный деятель и покровитель буддизма – принц Се току-тайси (574–621) – родился возле конюшни. Это предзнаменование должно было доказать потомкам богоизбранность принца, поскольку в буддизме конь – нечто неразрушимое, представляющее скрытую природу вещей. Крылатый или Космический конь «Туча» является одним из образов Авалокитешвары. В Японии одной из его форм является богиня Бато Каннон, милосердная Великая Мать. Она может появляться либо как белая лошадь, либо с головой лошади, либо в короне с фигурой лошади.⁷ Помимо этого, издавна (с VIII века) при синтоистских храмах

⁵ Мещеряков А.Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М. : Наталис, 2003. С. 97.

⁶ Там же. С. 104.

⁷ <http://newacropol.ru/Alexandria/symbols/horse>
Retrieved 03 January 2007

⁴ Knappert J. Op. cit., p. 23

проводились скачки, которые сопровождалась конной стрельбой из лука, что считалось угодным божествам-покровителям военного дела. Существует также поверье, что, если увидеть коня в седьмой день нового года, то злые духи будут не страшны в течение всего этого года. Отсюда идет сохранившаяся до сих пор традиция продавать таблички с изображением коня в храмах. Находившиеся в Японии христианские миссионеры в XVI–XVII веках отмечали, что самураи крайне дорожат своими конями и содержат их в великолепных конюшнях.⁸ К указанной выше семантической подгруппе, с определенной оговоркой, можно отнести также следующие названия: *Bongo* (Mazda) < «антилопа бонго», *Big-horn* (Isuzu) < «снежный баран, чубук», *Sprinter Carib* (Toyota) < «caribou» «северный канадский олень». Последнее название, возможно, требует комментария. Олень несет значительную символическую нагрузку и считается священным животным, объектом поклонения в синтоизме и буддизме, поскольку считается посланцем богов и будд. В мифологии олень связан с культом плодородия.⁹ Название *Ascot* (Honda) также может быть отнесено к этой группе, так как «Аскот» – название ипподрома вблизи г. Виндзора (Великобритания), где в июне проходят ежегодные скачки, являющиеся важным событием в жизни английской аристократии и имеющие давнюю традицию (проводятся с 1711 года).

Фелинологическая подгруппа представлена названиями *CATS, INC* (услуги) < «кошки», *Lion Corporation* (химическая промышленность) < «лев», *TIGERS POLYMER CORPORATION* (химическая промышленность) < «тигры», *Leopard* (Nissan) < «леопард», *Panther* (Isuzu) < «пантера». Кошки в Японии не так почитаемы, как лошади и олени, тем не менее вышеуказанные названия обладают определенной национально-культурной семантикой, поскольку эти животные семейства кошачьих имеют давнюю историю и являются частью национальной культуры Японии.¹⁰ В ранних письменных свидетельствах обнаруживается информация о том, что кошки были своеобразными хранителями священного: когда в Японию из Китая по морю перевозились буддийские сутры, их надо было спасать от мышей и крыс на кораблях, поэтому в средние века кошек специально выписывали из Китая для охраны книгохранилищ. Кошка ассоциируется с

боевым расположением духа, что подтверждается японской поговоркой «У слезливой кошки и мышка не ловится». В обыденной жизни кошкам приписываются разнообразные умения: общение с потусторонними силами, предсказывание непогоды. Японские торговцы держат в витринах среди прочих украшений статуэтку умывающейся кошки, которая, по поверью, приносит доход. Подобная убежденность родилась из легенды, согласно которой самурай, спасаясь бегством от другого самурая, увидел в проулке кошку, которая поманила его лапкой. Он вбежал в тот проулочек и спасся от неминуемой смерти. Впоследствии на том месте был построен храм, посвященный кошке, при котором имеется специальное кладбище, предназначенное для кошек.¹¹ В одной из книг кошка учит мудрости и основам дзэн-буддизма.¹² Ненужных котят не уничтожают, а выносят на улицу, тем самым, давая им шанс выжить.¹³ Таким образом, кошки в Японии на особом счету. Тигр, лев, пантера обладают такой же символикой, что и орел в орнитологической подгруппе. В японской мифологии есть добрый дух Баку с головой льва, лапами тигра, и телом лошади, который избавляет людей от плохих снов, если, проснувшись, к нему обратиться со словами: «Баку, съешь мой сон».¹⁴ Белый тигр охраняет западную четверть японского Зодиака.¹⁵ Животные в синтоизме рассматриваются как посланники соответствующих божеств и их изображения часто можно найти при храмах.¹⁶ Следовательно, все названия этих животных обладают крайне благоприятной символикой, подкрепленной национальными японскими мифами и религией.

Среди эргонимов и словесных товарных знаков встречаются также названия морских обитателей: *Crayfish Co. Ltd.* (информационно-коммуникационные услуги) < «лангуст», *Luce* (Mazda) < «щука», *Cultus* (Suzuki) < «морская щука». Вот как объясняется название компании *Crayfish Co. Ltd.*: в конце сороковых годов прошлого века в Японию из США было завезено 30 лангустов, которые расплодились с огромной скоростью. В настоящее время в глобальной сети Интернет другой «Лангуст», электронная компа-

⁸ Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 131–134.

⁹ Там же. С. 135–136.

¹⁰ De Mente В. Everything Japanese: The authoritative reference on Japan today. Lincolnwood, Illinois: Passport Books, 1989. P. 36.

¹¹ Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 115–118.

¹² Suzuki D.T. Zen and Japanese culture. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, Inc. 1993. P. 428.

¹³ Gorman I. Neko // A hundred things Japanese. 2nd ed. Tokyo: the Japan Culture Institute, 1975. P. 180.

¹⁴ Knappert J. Op. cit. P. 67.

¹⁵ Ibid. P. 323.

¹⁶ Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы (этнопсихологические очерки). 3-е изд., испр. и доп. М.: ВиМ, 1996. С. 89.

ния, «плавает» так же быстро и отчаянно и активно расширяет сферу своей деятельности, предоставляя своим клиентам коммуникационные услуги.¹⁷ В данном случае в названии скрыто уподобление шустрому ракообразному и своеобразное пожелание компании как можно скорее захватить значительную долю рынка. Примечательно, что мотивационным фактором послужило реальное историческое событие.

Некоторые исследователи определяют культуру Японии как фитонимическую, поскольку исторически это страна земледельцев, а не скотоводов. В связи с этим японцы уделяют большое внимание растениям, наделяя их символическими, религиозными и эстетическими смыслами.¹⁸ В противовес западной «культуре камня» японскую культуру называют «культурой леса», поскольку японцы рассматривали лес как жизнеобеспечивающую и жизнеподдерживающую систему.¹⁹ Подгруппа «Флора» иллюстрируется следующими примерами: *SAKURA RUBBER CO. LTD.* (производство резиновых изделий) < «сакура» + «резина», *Corolla* (Toyota) < бот. «венчик», *Laurel* (Nissan) < «лавр», *Violet* (Nissan) < «фиалка; фиолетовый». В данной группе очень символическим является эргоним *SAKURA RUBBER CO. LTD.*, поскольку сакура – национальный символ Японии, перед которым жители этой островной страны испытывают почти мистическое благоговение. Японцев особенно привлекает неуловимость, изменчивость окружающего мира, и сакура является воплощением идеи бренности бытия и преходящей природы всего сущего: после изысканного, но кратковременного благоухания, нежные бело-розовые цветы сакуры опадают на землю, их сразу же тщательно сметают и красота остается только в памяти очевидца. Сакура – цветок поэта, а не художника.²⁰ Первые упоминания о сакуре в японской литературе появились в VIII–IX веках. А к периоду появления профессиональных воинов (самураев) сакура стала неотъемлемой частью японской культуры, которая символизировала простоту и чистоту. Цветение сакуры уподоблялось судьбе самураев, которая была в руках их хозяев, а их жизни, так же как и цветы сакуры, могли быть унесены прочь. Любование цветением сакуры является событием национального масштаба. Японцы специально орга-

низуют поездки для любования цветением сакуры.²¹ Каждую весну в конце марта прогноз погоды начинается с описания продвижения «фронта» цветения сакуры с о. Кюсю (юг страны) по направлению к о. Хоккайдо (север страны).²²

Присутствие названий растений среди словесных товарных знаков объясняется желанием автомобильных компаний подчеркнуть, что их продукция – автомобили – не наносит большого вреда окружающей природе. Например, выводя на рынок модель *Pistachio* (Mitsubishi) < «фисташковый орех», компания объяснила это название тем, что светло-зеленый цвет фисташкового ореха и характерный резкий звук при его открывании создает образную близость с окружающей средой, природой и свидетельствует о низком уровне выделения выхлопных газов, загрязняющих атмосферу.²³

Среди эргонимов и словесных товарных знаков практически не обнаруживаются названия насекомых. Однако словесный товарный знак *pod* (Toyota) < «кокон шелковичного червя» представляется очень символическим. Тутовый шелкопряд неразрывно связан с жизнью всех японцев. В мифологии он и само тутовое дерево имеют божественное происхождение: они были рождены из головы бога плодородия Вака-мусуби. Первые свидетельства о зарождении шелководства на архипелаге относятся к III–IV векам нашей эры. По другим источникам, шелк производится в Японии с II века до нашей эры.²⁴ В древней Японии шелк считался единственным материалом, который приличествовало носить благопристойному человеку. В эпоху ограниченного распространения денег шелк служил универсальным товарным эквивалентом. Но и позже, во второй половине XIX века, когда Япония наращивала военную мощь, шелк оказался самым достойным товаром для обмена на пушки, крейсера и прочее. Лозунг того времени гласил: «Мужчина – солдат, женщина – работница. Шелковая нить нужна твоей стране».²⁵ Вышесказанное свидетельствует о том, какую значительную роль играл тутовый шелкопряд в экономике Японии. Неудивительно, что образ шелкопряда воспевался в поэзии, где, однако, отражались вовсе не его полезные качества.

²¹ Кадзи С., Хама Н., Райс Д. Эти странные японцы. Пер. с англ. Г. Дуткиной и Д. Дуткиной. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2000. С. 17, 53.

²² De Mente B. NTC's Dictionary of Japan's business code words. Lincolnwood, Illinois: NTC Publishing Group, 1997. P. 308.

²³ www.mitsubishi-motors.co.jp

²⁴ De Mente B. Everything Japanese: The authoritative reference on Japan today. P. 261.

²⁵ Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 82–84.

¹⁷ www.crayfish.co.jp

¹⁸ Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 45.

¹⁹ Маркарян С.Б. Образ жизни и ценностные ориентации японцев в преддверии XXI века // Япония: мифы и реальность. М.: Восточная литература, РАН, 1999. С. 137.

²⁰ Fowler E. Sakura // A hundred things Japanese. 2nd ed. Tokyo: the Japan Culture Institute, 1975. P. 10.

Для поэтов кокон шелкопряда стал символом одиночества. Однако влюбленных, мечтавших о единении, поэт помещал в кокон:

Вместо того, чтобы нам
От любви умирать,
Не лучшие ли парой
Червяков шелковичных
Стать, хоть на один миг?²⁶

Поскольку выращивание шелкопряда – кропотливое занятие, не терпящее суеты и лишнего шума, возникло убеждение, что оно способствует гармонизации семейных отношений.

«Тойота Мотор Корпорэйшн» обосновывает свой выбор подобного названия для модели своей машины тем, что образ кокона шелковичного червя вызывает ассоциации с «мягким окутыванием и защитой»²⁷ тех, кто находится в данной машине. Уровень безопасности, который обеспечивается автомобилем, является одной из его важнейших характеристик. В данном случае производители постарались убедить покупателя в безопасности своей машины, используя образ кокона шелковичного червя, который вызывает благоприятные эмоции у японцев и неразрывно связан с историей их страны, что способствует повышению степени привлекательности данного товарного знака и уровню продаж самой модели.

«Тойота Мотор Корпорэйшн», объясняя концепцию своих новых автомобилей под общим названием *i-unit* < “to inspire the individual” «вдохновить каждого» + “unit” «блок», особое внимание уделяет укреплению и развитию связей между Человеком и планетой Земля через посредство машины. Транспортное средство призвано служить удовлетворению желания человека передвигаться свободно и наслаждаться эти процессом, сочетая мобильность и гармонию с природой.²⁸

Среди словесных товарных знаков вызывает интерес наличие названий, которые связаны с природой, но не Японии: *Prairie* (Nissan) < «пре-рия», *Savanna* (Mazda) < «саванна», *Tundra* (Toyota) < «тундра». Выбор подобных названий для машин обусловлен желанием производителей подчеркнуть их хорошую проходимость в любых природных условиях.

Элементы семантической группы «Явления природы», наблюдаются в таких эргонимах и

словесных товарных знаках, как: *Japan Wind Development Co. Ltd.* (оптовая торговля) < «Япония» + «ветер» + «развитие», *Snow Brand Milk Products Co. Ltd.* (пищевая промышленность) < «снег» + «торговая марка, бренд» + «молоко» + «продукты», *ZEPHYR CO. LTD* (недвижимость) < «зефир, легкий ветер, западный ветер», *Mistral* (Nissan) < “мистраль, холодный северный ветер на юге Франции», *Santana* (Nissan) < разг. “Santa Ana” «сильный горячий ветер с пылью в южных районах Тихого океана», *Rocky* (Daihatsu) < «скальный», *Hilux Surf* (Toyota) < «прибой», *Corolla Levin* (Toyota) < поэт. «молния». Наименования, входящие в данную группу, несомненно, обладают национально-культурной коннотацией. Снег для японцев является символом красоты, душевности и чистоты. Любование первым снегом также популярно в Японии, как и любование осенней луной и цветущей сакурой.²⁹ В японской мифологии бог ветра Фудзин представляет собой ужасного демона, одетого в леопардовую шкуру и носящего ветры за плечами в большом мешке. Однако для японцев этот персонаж обладает также и положительными качествами, поскольку он, согласно мифам, присутствовал при создании их страны и первым выпустил ветры из своего мешка, которые заполнили пространство между небом и землей вместо утреннего тумана, позволив, тем самым, засиять солнцу.³⁰

В японской традиционной культуре всегда придавалось огромное значение гармоничному сосуществованию Природы и Человека.³¹ Лингвистическим подтверждением может служить тот факт, что даже в сфере японской антропоники многие фамилии являются «говорящими», например Мацумото < «сосна – основное дерево», Танака < «жить в поле», Ямадзаки < «пик горы». 24 фамилии из 50 частотных японских фамилий обладают значением, так или иначе связанным с природой.³²

В семантическую группу «Время» входят такие названия компаний, как *AEON CREDIT SERVICE CO. LTD.* (финансовые услуги) < «вечность, бесконечность» + «кредит» + «услуги»,

²⁹ Герасимова М.П. Критика абсолютизации влияния буддизма на мироощущение японцев и эстетическое осмысление Японии в настоящее время // Япония: идеология, культура, литература / отв. ред. В.Н. Горегляд, В.С. Гривин. М.: Наука, 1989. С. 161.

³⁰ Knappert J. Op. cit. P. 84.

³¹ Hirai N. Traditional cultures and modernization: Several problems in the case of Japan. <http://www2.kokugakuin.ac.jp/ijcc/wp/cimac/hirai.html> – Retrieved 29 August 2004.

³² Фролова Е.Л. Японский язык: Имена собственные. М.: Муравей, 2004. С. 146–148.

²⁶ Цит. по: Мещеряков А.Н. Указ. соч. / пер. Н.И. Конрада. С. 83.

²⁷ <http://www.toyota.co.jp/en>

²⁸ Overview of future vehicles of i-unit // http://www.toyota.co.jp/en/expo_2005/toyota_pavilion/pavilion_03.html - Retrieved 1 August 2004

AEON Mall CO. Ltd. (недвижимость) < «вечность, бесконечность» + «торговый центр», *CENTURY LEASING SYSTEM, INC.* (финансовые услуги) < «век, столетие» + «долгосрочная аренда» + «система», *Century* (Toyota) < «век, столетие», *Today* (Honda) < «сегодня», *Vista* (Toyota) < «перспектива, виды на будущее», *Infiniti* (Nissan) < “infinity” «бесконечность», *Eterna* (Mitsubishi) < “eternal” «вечный». Понятие вечности, бесконечности тесно связано с буддизмом.³³

Анализ таких составляющих японского пространственно-временного континуума, как **материальная** и **духовная культура**, представляется целесообразным начать с антропоцентрической группы, поскольку именно человек является их источником.

В антропоцентрическую группу входят эргонимы и словесные товарные знаки, семантика исходных апеллятивов которых подчеркивает идеи превосходства: *ADMIRAL SYSTEMS INC.* (информационно-коммуникационные услуги) < «адмирал» + «системы», *PIONEER ELECTRONIC CORPORATION* (производство электроприборов) < «первопроходец» + «электронный», *Aristo* (Toyota) < “aristocracy” «аристократия», *Hiace* (Toyota) < “high” «высокий» + “ace” «ас», *Dignity* (Mitsubishi) < «знать; величие, слава», *President* (Nissan) < «президент»; родства: *BROTHER INDUSTRIES, LTD.* (машиностроение) < «брат» + «отрасли промышленности», *FamilyMart Co. Ltd.* (розничная торговля) < «семья» + «торговый центр»; дружбы и взаимопомощи: *JEANS MATE CORPORATION* (розничная торговля) < «джинсы» + «товарищ», *Bongo Friendee* (Mazda) < «антилопа бонго» + “friendly” «дружелюбный», *Fellow* (Daihatsu) < разг. «парень, товарищ»; а также названия профессий или рода занятий: *Artist House, Inc.* (информационно-коммуникационные услуги) < «художник» + «дом», *PILOT CORPORATION* (другие товары) < «пилот», *RINGER HUT CO. LTD* (розничная торговля) < «звонарь» + «хижина», *The Sailor Pen Co. Ltd.* (другие товары) < «моряк» + «ручка», *Forester* (Fuji) < «лесник, лесничий», *Pathfinder* (Nissan) < «следопыт».

Продукты духовной культуры в эргонимах и словесных товарных знаках представлены поэтическими антропонимами и заимствованы в основном из произведений неапонских авторов: *GULLIVERINTERNATIONAL CO. LTD.* (оптовая торговля) < «Гулливвер, путешественник, попадающий в различные экзотические страны в романе Дж. Свифта «Путешествия Лемноэля Гул-

ливера», *Fairlady* (Nissan) < “My Fair Lady” «Моя прекрасная леди, мюзикл Ф. Лоу», *Figaro* (Nissan) < «Фигаро, изобретательный и хитрый слуга в комедиях П. Бомарше «Севильский цирюльник», «Женитьба Фигаро». Отсутствие имен героев японской литературы среди торговых наименований может быть объяснено низкой степенью их распознаваемости среди представителей неапонского общества, что затрудняет вхождение компании в деловые круги и продвижение товара на рынке.

Мир греческих и римских мифов отражен в таких эргонимах, как *Achilles Corporation* (химическая промышленность) < «Ахиллес, в «Илиаде» Гомера храбрый из греческих воинов, осаждавших Троию», *ARGO 21 Corp.* (информационно-коммуникационные услуги) < «Арго, в древнегреческой мифологии название корабля, на котором Ясон отправился в Колхиду за золотым руном», *Mars Engineering Corporation* (машиностроение) < «Марс, в римской мифологии бог войны» + «инженерное дело, проектирование», *OLYMPUS CORPORATION* (производство точных механизмов) < «Олимп, в греческой мифологии место обитания богов», *Titan* (Mazda) < «Титан, в древнегреческой мифологии гигант, вступивший в войну с богами, сын Урана и Геи», *Cressida* (Toyota) < «Крессида, в греческой мифологии возлюбленная Троила, которая, несмотря на свои клятвы в вечной любви, изменила ему», *Gaia* (Toyota) «Гея, в греческой мифологии богиня земли», *Dion* (Mitsubishi) < “Dionysus” «Дионис, в греческой мифологии бог плодородия, виноградарства и виноделия, покровитель театра», *Corolla Ceres* (Toyota) < «Церера, в римской мифологии богиня плодородия». Данные названия весьма символичны. Так, греческий герой Ахилл символизирует храбрость и мужество, бог древних римлян Марс – воинственность. Олимп считается местом пребывания всех греческих богов. Особый интерес вызывает наличие имен богов, связанных с землей и плодородием: Дионис (в древнегреческой мифологии бог плодородия, виноградарства и виноделия), Церера (в римской мифологии богиня плодородия), Гея (в древнегреческой мифологии богиня земли). Подобные названия обусловлены важностью понятия «плодородие» в японской культуре: неблагоприятные географические и климатические условия заставляли японцев постоянно задумываться об урожае. В настоящее время многие праздники в Японии непосредственно связаны с сельскохозяйственным производством, особенно возделыванием риса, национального символа Японии,

³³ Suzuki D.T. Op. cit. P. 241.

изображение которого присутствует на национальных монетах Японии. В наши дни посадка риса сопровождается древними синтоистскими ритуалами с просьбой о богатом урожае. Осенью проводятся праздники в честь сбора урожая, причем первый сбор с рисовых полей даруется богам.³⁴ В синтоизме поклоняются Великому духу плодородия – Тое укэно-оками, создавшему Пять Зерен.³⁵ В сакральную семантическую группу входят названия *ZION Ltd.* (информационно-коммуникационные услуги) < «Сион», *Saint Marc Co. Ltd.* (розничная торговля) < «Святой Марк», *TRINITY INDUSTRIAL CORPORATION* (машиностроение) < рел. «Троица», *Noah* (Toyota) < «Ной, в Ветхом Завете праведник, который спасся во время всемирного потопа на ковчеге вместе с семьей и земными животными и птицами». Название *ZION, Ltd.*, кроме собственно названия холма Сион в Иерусалиме, обозначает еще место последнего сбора всех истинно верующих, или небеса. Примечательно, что данные наименования отражают религии, не являющиеся исконными в Японии: иудаизм и христианство. Это подтверждает мнение о «необычайной веротерпимости японцев». Однако так было не всегда, в истории Японии известен период правления самураев (1192-1868), се гунат, во время которого с иноверцами обходились крайне жестоко.³⁶ Немалый интерес представляет собой эргоним *CANON INC.* (производство электроприборов). В японской мифологии есть богиня Любви, Милосердия и Созидания – Каннон, в английском написании *Kannon* или *Kwanon*. Ее присутствие настолько лучезарно и благотельно, что даже ад превращается в рай. В Японии насчитывается 33 храма, в которых поклоняются этой богине.³⁷ Японцы, обращенные в христианство, отождествляли Каннон с Девой Марией.³⁸ Нетрудно заметить совпадение в произношении двух слов – “canon” и “Kannon”. Именно второе слово, как несущее символическую нагрузку, послужило мотивирующей основой для создания этого эргонима. Однако, что касается формы, то было отдано предпочтение английскому слову.³⁹

³⁴ Япония сегодня. Токио : Международное общество по просветительской информации, 1990. С. 119–120; Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 390, 534.

³⁵ Стэнли-Бейкер Д. Искусство Японии. М. : Слово, 2002. С. 32.

³⁶ Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры (конец XVI – XX века). М. : Наука, 1986. С. 28; Пронников В.А., Ладанов И.Д. Указ. соч. С. 10–11, 119.

³⁷ Knappert J. Op. cit. P. 148–149.

³⁸ Гришелева Л.Д. Указ. соч. С. 24.

³⁹ <http://www.canon.com/about/history/main01.html> Retrieved 04 January 2007

Эргоним *TORII PHARMACEUTICAL CO.LTD.* (фармацевтическая промышленность) < «тории» + «фармацевтический» также очень специфичен, если рассматривать его с лингвокультурологических позиций. Тории представляют собой ворота с двумя столбами и двумя поперечными балками, обычно выкрашенные в красный цвет, у входа на территорию синтоистского храма. Первоначально они служили птичьими насестами, на которые верующие помещали живых петухов в качестве подношения богине солнца Аматэрасу.⁴⁰ Для японцев синтоизм является «ядром всей культуры», поскольку с ним связана вся история страны,⁴¹ поэтому данное наименование особенно символично.

Семантическая группа «Мир вещей» немногочисленна. Однако в ней можно выделить некоторые лексемы, значимые с точки зрения культуры Японии. Обращает на себя внимание наличие эргонимов, в состав которых входит английское слово “diamond” «бриллиант»: *Diamond City Co. Ltd.*, (недвижимость) < «бриллиант» + «город», *Diamond Computer Service Co. Ltd.* (информационно-коммуникационные услуги) < «бриллиант» + «компьютер» + «служба», *Diamond Lease Company Limited* (финансовые услуги) < «бриллиант» + «сдавать/брать в аренду». Этимологически слово “diamond” происходит от санскритского “dyu”, что обозначает «светящееся существо». Алмаз является символом света и блеска. В буддизме, одной из трех основных религий Японии, идея «света, просветления» занимает центральное место. Очевидно, именно этот факт был принят во внимание при выборе названия для данных компаний. Тема света и блеска актуальна для словесных товарных знаков, например: *Beams* (Toyota) < «лучи», *Sparky* (Toyota) < «блестящий», *Cedia* (Mitsubishi) < “century” «столетие, век» + “diamond” «бриллиант», *Proudia* (Mitsubishi) < “proud” «гордый» + “diamond” «бриллиант». Для японца его машина – его крепость. Многие годы японцы предпочитали белый цвет как символ чистоты. Теперь вкусы стали более разнообразными, но машина должна быть сверкающей без единого пятнышка.⁴²

Живя в островной и морской стране, японские номинаторы используют названия различных видов судов в качестве названий автомобилей: *Coaster* (Toyota) < «каботажное судно», *Land Cruiser* (Toyota) < «крейсер».

trieved 04 January 2007

⁴⁰ Shelley R. Culture Shock! Japan. Portland, Oregon: Graphic Arts Center Publishing Company, 1998. P. 57.

⁴¹ Маркарян С.Б. Указ. соч. С. 155.

⁴² Кадзи С., Хама Н., Райс Д. Указ. соч. С. 52.

В составляющей японского пространственно-временного континуума **национальный характер** выделяется семантическая группа «Групповое сознание», в которую входят названия, подтверждающие стремление японцев принадлежать какой-либо группе: *AS ONE CORPORATION* (оптовая торговля) < «все, как один», *Crew* (Nissan) < «судовая команда, экипаж», *City* (Honda) < «город», *Civic* (Honda) < «гражданский». Групповое сознание имеет тесную связь с обрядами синто, которые, помимо религиозной, имели социально-психологическую цель воспитания группового поведения.⁴³

Семантическая группа «Почитание императора» представлена наименованиями, в состав которых входят лексемы, имеющие общее значение «принадлежащий к королевской власти или имеющий к ней отношение»: *Imperial Hotel, Ltd.* (услуги) < «императорский» + «гостиница», *ROYAL Co. Ltd.* (розничная торговля) < «королевский», *KING JIM CO. LTD.* (другие товары) < «король» + «Джим», *Crown* (Toyota) < «корона», *Camry* (Toyota) < яп. “kanmuri” «корона», *Regius* (Toyota) < «королевский», *Scepter* (Toyota) < «скипетр». Использование слов “imperial”, “royal”, “king” в эргонимии имеет давнюю практику не только в Японии. Символы государственной власти, титулы правителей, почетные звания разных эпох используются в сфере словесных товарных знаков и дают преувеличенное представление об отличительных свойствах товара.⁴⁴ Однако необходимо отметить, что император в Стране восходящего солнца является не просто олицетворением власти, но и имеет божественный статус, напоминая синтоистское божество.⁴⁵ Личность же императора, сама идея имперской власти всегда выступала как важнейший цементирующий фактор национального самосознания японцев.⁴⁶ Любая непочтительность к монаршим особам *любой* национальности, проявленная, например, в кино, являлась объектом гонения цензуры в конце 1930-х годов.⁴⁷ Воспользовавшись услугами компании или машиной с таким названием, человек как бы становится ближе к обществу избранных. Здесь заключается своеобразная преднамеренная лесть в адрес потребителя.

В семантическую группу «Любовь к путешествиям» входят, связанные со странствиями, включениями и дорогами: *Airtrek* (Mitsubishi) < “air” атриб. «воздушный» + “trek” «путешествие, сопряженное с преодолением трудностей», *Journey* (Isuzu) < «путешествие», *Outlander* (Mitsubishi) < «чужестранец», *Wingroad* (Nissan) < «крыло» + «дорога», *X-Trail* (Nissan) < “ex” «вне» + “trail” «тропа в труднопроходимых, безлюдных местах», *Safari* (Nissan) < «сафари, разрешенная охота на диких зверей в африканском заповеднике». Туризм, в том числе автомобильный, стал популярен в Японии в 1960-е годы.⁴⁸ С тех пор японцы считаются самыми заядлыми путешественниками во всем мире.⁴⁹ 76 % респондентов, отвечая на вопрос «Как бы вы хотели провести свое свободное время?», заявили о своем желании отправиться в автомобильное путешествие по Японии.⁵⁰ Подобный отдых рассматривается как способ приобщиться к природе, познакомиться с культурно-историческими памятниками страны, узнать что-то новое.⁵¹ Иногда даже говорят о генетически запрограммированной жажде передвижения у японцев.⁵² Это, возможно, объясняется тем, что в течение длительных периодов в истории Японии передвижение по стране было запрещено или не поощрялось.⁵³ К тому же, по мнению японцев, длительное путешествие не только позволяет приобщиться к святыням и увидеть много живописных мест, но его тяготы также закаляют душу и тело. О любви японцев к путешествиям свидетельствует поговорка: «Только любимое дитя в поход снаряжают».⁵⁴

Семантическая группа «Бойцовский дух» напрямую связана с бусидо и отражена в следующих словесных товарных знаках: *Lancer* (Mitsubishi) < «улан, военнослужащий из частей легкой кавалерии, вооруженный пикой», *Cavalier* (Toyota) < «всадник, рыцарь», *Fighter* (Mitsubishi) < «борец, воин», *Chaser* (Toyota) < «преследователь, морской охотник». Бусидо («путь воина») представляет собой своеобразный кодекс чести самураев, в который входят беспредельная преданность своему повелителю, готовность пойти за ним на смерть,⁵⁵ Отсюда самопожертвование, бесстрашие, умеренность, справед-

⁴³ Пронников В.А., Ладанов И.Д. Указ. соч. С. 90.

⁴⁴ Соболева Т.А. Лингвистический анализ словесных товарных знаков в современном французском языке : автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1981. С. 9.

⁴⁵ Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 16.

⁴⁶ Пронников В.А., Ладанов И.Д. Указ. соч. С. 9.

⁴⁷ Гришелева Л.Д., Чегодарь Н.И. Культура послевоенной Японии. М. : Наука, 1981. С. 9.

⁴⁸ Там же. С. 136–137.

⁴⁹ Shelley R. Op. cit. P. 54

⁵⁰ Япония сегодня. Указ. соч. С. 85.

⁵¹ Маркарьян С.Б. Указ. соч. С. 151.

⁵² Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 440.

⁵³ De Mente B. Everything Japanese: The authoritative reference on Japan today. P. 289.

⁵⁴ Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 440.

⁵⁵ Пронников В.А., Ладанов И.Д. Указ. соч. С. 10.

ливість.⁵⁶ С другой стороны, бусидо – изначально дух японской нации, превратившийся со временем в традицию, прочно укоренившуюся в сердцах японцев.⁵⁷ Истоки бусидо находятся в догмах конфуцианства (морально-этическая основа), буддизма (равнодушие к смерти), особенно Дзэн буддизма,⁵⁸ и синтоизма (культы почитания природы и предков).⁵⁹ Названия с подобной мотивировкой позволяют владельцам машин ощущать свою принадлежность к группе и одновременно ассоциировать себя с бесстрашным и храбрым воином что, со стороны производителей, является комплиментом в адрес потребителя. Вот как объясняется название компании *COLOWIDE CO., LTD.* (розничная торговля) < “Courage, Love, Wisdom, Decision” «Мужество, Любовь, Мудрость, Решительность» на официальном веб-сайте: «*Colowide*, название нашей компании, представляет собой акроним, составленный из первых двух букв четырех ключевых слов для самореализации: мужество, любовь, мудрость, решительность. В нашем названии проявляется убежденность в том, что в компании должен присутствовать дух корпоративной культуры, позволяющий всем и каждому совершенствоваться на своем рабочем месте, воплощая указанные качества и вместе с тем, удовлетворяя потребности наших клиентов во вкусе, пространстве и времени». ⁶⁰ Необходимо отметить, что данная компания работает в сфере ресторанного бизнеса, однако, подход к выбору названия представляется очень глубоким и философским. Это может объясняться тем, что в соответствии с японскими нравственными понятиями, есть три основных добродетели – мужество, искренность и любовь. При этом мужество подразумевает выносливость и решимость.⁶¹

Семантическая группа «Любовь к спорту, активному образу жизни» представлена названиями, призывающими к активной здоровой жизни: *ALSV* (Toyota) < Active Life Support Vehicle «активный» + «жизнь» + «поддержка» + «транспортное средство», *FXS* (Toyota) < Future Experimental Sports «будущий» + «экспериментальный» + «виды спорта», *RSC* (Toyota) < Rugged Sport Coupe «силовой вид спорта» +

«двухдверный автомобиль», *Corolla Fielder* (Toyota) < «принимающий игрок в бейсболе», *CS&S* (Toyota) < Compact Sport & Specialty «компактный» + «спорт» + «особенность», *Rugger* (Daihatsu) < брит. разг. «регби», *Scrum* (Mazda) < амер. «схватка вокруг мяча в регби», *Forward* (Isuzu) < «форвард, игрок линии нападения», *ASICS CORPORATION* (Other Products) < лат. “Anima Sana In Corpore Sano” «В здоровом теле – здоровый дух». Элементы данной группы в какой-то степени имеют отношение к предыдущей группе однако в них ярче подчеркнута спортивная составляющая. Во времена становления самурайства как класса японского общества (XII век) в стране создавались школы по обучению военному искусству, особенно тем его традиционным видам, которые считались важными с точки зрения формирования национального характера, а именно, фехтованию на мече (кэндодзю), стрельбе из лука (кюдодзю), борьбе дзюдодзю, верховой езде (бадзюдзю). Даже придворные дамы обучались владению алебардами и несли службу во внутренних покоях сегуна.⁶² Интересно, что в настоящее время проводятся регулярные соревнования по вышеуказанным видам спорта, которые пользуются неизменным интересом японцев, что говорит об их неугасающей популярности.⁶³

Семантическая группа «Почитание предков» отражается в таких названиях, как *Origin Electric Company, Limited* (производство электроприборов) < «происхождение» + «электрический», *Origin* (Toyota) < «происхождение», *Legacy* (Fuji) < «наследство». Необходимо отметить, что почитание предков – культовая категория, общая для коренных народов Дальнего Востока – существует до сих пор. Более того, указывается, что данный культ лежит в основе государственного строя Японии,⁶⁴ поскольку берет свое начало в синтоизме, в котором признавалось отсутствие непреодолимой границы между миром живых и миром усопших.⁶⁵ К тому же, в культуре Японии придается большое значение прошлому, в то время как западные культуры можно охарактеризовать как ориентированные на будущее.⁶⁶

⁶² Гришелева Л.Д. Указ. соч. С. 87.

⁶³ Япония сегодня. Указ. соч. С. 84.

⁶⁴ Горегляд В.Н. Некоторые тенденции развития японской культуры // Япония: идеология, культура, литература; отв. ред. В.Н. Горегляд, В.С. Гривин. М.: Наука, 1989. С. 7; Гоцуми Н. Культ предков и его происхождение // Все о Японии; сост. Г.И. Царева. М.: Изд-во Фонда духовного развития «Канун Золотого Века», 2001. С. 310, 317.

⁶⁵ Горегляд В.Н. Указ. соч. С. 7.

⁶⁶ Lustig M.W., Koester J. Intercultural competence: interpersonal communication across cultures. 3rd ed. New-York: Longman, 1999. P. 101.

⁵⁶ De Mente В. Everything Japanese: The authoritative reference on Japan today. P. 32.

⁵⁷ Гришелева Л.Д. Указ. соч. С. 133; Пронников В.А., Ладанов И.Д. Указ. соч., С. 159.

⁵⁸ Suzuki D.T. Op. cit. P. 30.

⁵⁹ Пронников В.А., Ладанов И.Д. Указ. соч. С. 162.

⁶⁰ <http://www.colowide.co.jp/english/index.html>

⁶¹ Иичикова Д. Воспитание человека // Все о Японии; сост. Г.И. Царева. М.: Изд-во Фонда духовного развития «Канун Золотого Века», 2001. С. 440.

Заложенный в имени образ (звуковой или смысловой) предопределяет судьбу человека и акт номинации, таким образом, приобретает характер наречения.⁶⁷ В процессе имятворчества человек всегда стремится создать что-нибудь новое, необычное, руководствуясь при этом требованиями моды и не забывая о традициях.⁶⁸ Эти утверждения могут быть справедливыми и в отношении названий компаний и товаров, которые могут быть делом всей жизни для их основателей и производителей и которые желают им только процветания и успеха на рынке сбыта. Давая название компании или товару, создатель стремится убедить потенциального покупателя/клиента в том, что товары/услуги этой компании будут высококачественными. Поэтому естественно, что очень часто для наименования выбираются слова с положительной окраской. Эмоции очень важны для японцев. При производстве товаров массового потребления японцы сочетают эмоциональную и рациональную составляющие, первая помогает стать товару желаемым для потребителя и активно используется при продвижении данного товара на рынке, т.е. в рекламе.⁶⁹ Следовательно, в качестве эргонимов и словесных товарных знаков как составляющих компонентов рекламы, японцы выбирают слова, которые создают настроение, атмосферу счастья, радости, чувства прекрасного и не имеют ничего или почти ничего явно общего с рекламируемыми компаниями или товарами, однако, «заставляют» потребителя ассоциировать компанию или ее товар с приятными воспоминаниями.

Эргонимы и словесные товарные знаки, входящие в семантическую группу «Установка на радость», вызывают благоприятные эмоции и ассоциации, создают позитивный образ компании или товара. Этому способствует наличие в их составе таких английских лексем, как “charm” «очарование», “convenience” «удобство», “dream” «мечта», “excel” «превосходить», “faith” «вера», “fast” «быстрый», “glory” «слава, честь», “gold” «золото», “impress” «впечатлять», “nice” «милый, хороший», “paramount” «первостепенный, высший», “promise” «обещание», “renown” «слава, известность», “super” «супер», “top”

«вершина; лучший», “up” «подъем, успех; наверху», “value” «ценность, значимость», “vital” «жизненно необходимый», “win” «выигрыш, победа», “wonder” «чудо», “liberty” «свобода», “charisma” «притягательная сила, обаяние», “happy” «счастливый», в семантике которых явно выделяется положительная коннотация.

Таким образом, оценка товара или услуги уже заложена в названии компании. Иногда подчеркивается и предвосхищается реакция потребителя: *WOWOW INC* (информационно-коммуникационные услуги) < “wow” «восклицание, выражающее удивление, восхищение, удовольствие», *Right On Co. Ltd.* (розничная торговля) < разг. «то, что надо; в точку!». Некоторые словесные товарные знаки также подразумевают, даже подсказывают положительную реакцию потребителя на товар, который они называют: *Wish* (Toyota) < «желание», *Big Thumb* (Nissan) < «большой» + «большой палец руки», *Aspire* (Mitsubishi) < «стремиться», *Bravo* (Mitsubishi) < «браво», *Proudia* (Mitsubishi) < “proud” «гордый» + “diamond” «бриллиант», *The Great* (Mitsubishi) < «великий», *Beat* (Honda) < «не-что превосходящее», *Insight* (Honda) < «озарение», *Inspire* (Honda) < «вдохновлять, воодушевлять», *Applause* (Daihatsu) < «аплодисменты, одобрение». В случае с названием *That's* (Honda) < «Это – ...», предполагается наличие оценки “That's great!” «Это – здорово!».

Рассмотрим эргонимы и словесные товарные знаки, которые могут быть истолкованы превратно в англоязычных лингвокультурах.

Японское мировоззрение основано на чувстве прекрасного, гармонии и особой чувствительности, в то время как Западное мировоззрение – на чувстве плохого и хорошего, желательного и нежелательного, практически выполнимого и вероятного. Эти различия ведут к трениям и недоразумениям, отсутствию взаимопонимания между Японией и Западом.⁷⁰ Будучи уверенными в своей исключительности, японцы всегда автоматически предполагали, что иностранцам не дано ни понять, ни оценить их способ мышления.⁷¹ Объяснить себя и свою культуру Западу всегда представляло для японцев трудность, поскольку многие аспекты выходят за пределы опыта жителей Запада. Они общаются на разных культурных каналах.⁷² Непонимание основ япон-

⁶⁷ Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине мира // Язык о языке : сб. статей / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 16.

⁶⁸ Щетинин Л.М. Имена и названия. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1968. С. 163.

⁶⁹ De Mente B. NTC's Dictionary of Japan's cultural code words. Lincolnwood, Illinois: NTC Publishing Group, 1994. P. 182.

⁷⁰ De Mente B. NTC's Dictionary of Japan's business code words. P. 95.

⁷¹ Гришелева Л.Д., Чегодарь Н.И. Указ. соч. С. 146; Горегляд В.Н. Указ. соч. С. 8–9; De Mente B. NTC's Dictionary of Japan's business code words. P. 109.

⁷² De Mente B. NTC's Dictionary of Japan's business code words. P. 153.

ской национальной культуры приводит к тому, что некоторые словесные товарные знаки и эргонимы оказываются неправильно понятыми и истолкованными представителями англоязычной лингвокультуры. Японцы пытаются передать свое мировосприятие, не учитывая того, что данные лексемы могут иметь особое, иное коннотативное значение для американцев, канадцев, британцев. Поэтому возникают ошибки в восприятии и толковании эргонимов и словесных товарных знаков.

Например, с этой точки зрения представляют немалый интерес «музыкальные» названия машин: *Largo* (Nissan) < «ларго», *Ballade* (Honda) < «баллада», *Prelude* (Honda) < «прелюдия». Особенно привлекает внимание первое название, которое, на первый взгляд, кажется абсолютно неподходящим в качестве словесного товарного знака, предназначенного для именованного автомобиля, одной из основных характеристик которого является скорость. Слово “*largo*” заимствовано в английский язык из итальянского и обозначает музыкальное произведение в самом медленном темпе, особенно торжественного или скорбного характера. “*Ballade*” переводится с английского языка как музыкальное произведение романтического плана. “*Prelude*” обозначает вступительную часть музыкального произведения, которая исполняется обычно в умеренном темпе. Однако подобные наименования могут объясняться особым восприятием времени в японской культуре, истоки которого находятся в национальной религии синто, зародившейся как анимистическая практика, тесно связанная с временами года и сбором урожая. Время нельзя торопить, и ритм жизни в Японии издавна был подчинен этому правилу.⁷³

Словесный товарный знак *Naked* (Daihatsu) < “*naked*” «голый, обнаженный» вызывает неподдельное удивление пользователей английского языка.⁷⁴ Однако представляется возможным найти национально-культурное обоснование и обоснование выбора данной лексемы в качестве торгового наименования. Во-первых, согласно синтоизму, тело человека, а именно японца, – это хранилище божественного начала. За ним нужно ухаживать, потому что здоровое тело – источник духа и энергии, радость родителей. Этому же учит и бусидо.⁷⁵ Японская любовь к чистоте берет свои истоки в синтоизме и буддизме, кото-

рые предполагают ритуальное очищение водой, поскольку считается, что вода смывает грехи.⁷⁶ Любовь к чистому и светлому и порождаемый ею культ – важная черта синто.⁷⁷ Кстати, аналогичная в буддизме называется “*Pure Land*” «чистая земля».⁷⁸ В Японии издавна пользуются услугами общественных бань: еще в VIII веке Кома, супруга императора, распорядилась построить баню для жителей города Нара.⁷⁹ Необходимо добавить, что в этих банях женщины и мужчины мылись вместе вплоть до пятидесятых годов XX века, когда под давлением женщин-депутатов японского парламента и некоторых христианских религиозных деятелей был принят закон о раздельном посещении бань мужчинами и женщинами.⁸⁰ Следовательно, в Японии обнаженность воспринималась не так, как на Западе: обнаженное тело – не причина для смущения. Для японца все, что естественно, не может вызывать стыда. Когда японцы впервые познакомились с европейцами, они были культурно шокированы и после пребывания иностранцев в доме окуривали его благовониями, поскольку им казалось, что пахнет чем-то несвежим.⁸¹

Иногда японские номинаторы не учитывают возможность наличия у слова специфического сленгового значения, что приводит к недоразумениям. Лексема “*bongo*”, входящая в состав таких названий, как *Bongo* (Mazda), *Bongo Brawney* (Mazda), *Bongo Friendee* (Mazda), в американском сленге имеет отношение к фильмам и журналам порнографического характера. Японцы, заимствуя лексемы английского языка, по своему интерпретируют западную культуру,⁸² иногда не учитывая специфичные для носителя английского языка смыслы. Это говорит о том, что при выборе торгового названия необходим тщательный анализ лексемы, чтобы не допустить подобных неудач.

Особый интерес вызывают торговые наименования, в которых используются японские слова в латинизированной форме, заимствованные английским языком: *Zen* (Isuzu), *Shogun* (Mitsubishi), *Samurai* (Suzuki). Данные японские слова, ставшие товарными знаками, не являются асси-

⁷⁶ Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 454–455.

⁷⁷ Мараини Ф. Япония. Образы и традиции / пер. с англ. М.А. Смирновой. М.: Планета, 1980. С. 15.

⁷⁸ Knappert J. Op. cit. P. 140; Suzuki D.T. Op. cit. P. 29.

⁷⁹ Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 455.

⁸⁰ De Mente B. Everything Japanese: The authoritative reference on Japan today. P. 23.

⁸¹ Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 454.

⁸² What's in a name? <http://www.japanauto.com/auto-Trends/detail.cfm?id=239> Retrieved 18 July 2004

⁷³ De Mente B. NTC's Dictionary of Japan's cultural code words. P. 235.

⁷⁴ Lienert D. Best, worst and weirdest Car Names. <http://biz.yahoo.com/fo/carnames04.html> Retrieved 16 July 2004.

⁷⁵ Пронников В.А., Ладанов И.Д. Указ. соч. С. 163.

милированными и находятся на стадии адаптации и вхождения в заимствующий язык. В связи с этим они прочно ассоциируются с иноязычной культурой (в данном случае японской) и обладают национально-культурным компонентом, или экзотической коннотацией.⁸³

Название *Zen* (Isuzu) и сама машина, по словам конструкторов данной модели, были обоснованы современной интерпретацией концепции Дзэн, заключающейся в мире, гармонии и равновесии. По своему значению слово “shogun” может быть приблизительно истолковано на английском языке как “generalissimo” «генералиссимус, верховный главнокомандующий вооруженными силами».⁸⁴ Своему активному узнаванию в англоязычном мире слово “shogun” обязано роману Дж. Клэйвела «Се гун» и снятому по этому роману одноименному фильму. В книге и фильме было изображено столкновение двух культур, двух систем мировоззрения, что сделало их чрезвычайно популярными во всем мире. Время правления се гунов принято подразделять на три периода: период Камакура (сегунат Миnamото), 1185–1333; период Муромати (сегунат Асикага), 1392–1568; период Эдо (сегунат Токугава), 1603–1867.⁸⁵ Легко заметить, сколь значительным было влияние се гунов на развитие страны, культурное в том числе, исходя из продолжительности их правления. Слова “shogun” и “samurai” неразрывно связаны в сознании японцев и также имеют отношение к бусидо и беззаветному служению императору.

Некоторые японские слова, послужившие источниками для эргонимов и словесных товарных знаков, подверглись орфографическому изменению: *Camry* (Toyota) < яп. “kanmuri” «корона», *CANON INC.* (производство электроприборов) < яп. “Kannon, Kwanon” «Каннон, богиня Любви, Милосердия и Созидания», *Camii* (Toyota) < яп. “kami” «ками». Понятие «ками» представляет собой один из ключевых моментов синтоизма. Оно может толковаться по-разному, в зависимости от контекста⁸⁶ и является настолько сложным, что даже японцам не всегда удается осознать его смысл в полной мере.⁸⁷ Иногда оно

толкуется как «небеса», из-за своей ассоциации с природой (небом, скалами, водопадами, реками). В других случаях может обозначать «божества, духи», в том числе богов буддизма и синтоизма (прежде всего, богиню Аматерасу, а также других божеств природы и духов предков).⁸⁸ Отмечается, что духи-ками «обитают во всех предметах и явлениях мира: в старом дереве и на рисовом поле, в колодце, роднике и на вершине горы. Мир населен богами, и потому обидеть природу – значит обидеть *ками*, который может оказаться духом почившего предка – ведь по синтоистским поверьям, человек после смерти становится божеством-ками, призванным помогать и охранять живущих в этом мире сородичей».⁸⁹ Вышесказанное свидетельствует о том, что понятие «ками» является одним из основных в японской национальной культуре.

С каждым годом становится все труднее и труднее находить лексемы, которые могут послужить основами для товарных знаков и названий компаний. Это связано с тем, что нынешняя цивилизация большинства развитых в экономическом отношении стран возникла из греко-римской культуры и, в результате торговые наименования строятся на фундаменте одной этой основополагающей культуры.⁹⁰ Однако в отношении Японии можно сказать, что англоязычные японские эргонимы и словесные товарные знаки отражают именно местную культуру. Составляющие японского пространственно-временного континуума получают свое особое словесное воплощение в эргонимах и товарных знаках, при этом наиболее активно представлены **национальный характер и природная среда**. Менее всего представлена **материальная и духовная культура**.

⁸³ Прошина З.Г. Указ. соч. С. 228.

⁸⁴ De Mente B. Everything Japanese: The authoritative reference on Japan today. P. 259.

⁸⁵ Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 14–15.

⁸⁶ Havens N. Immanent legitimation: reflections on the “Kami Concept” // Kami. Kokugakuin University, the Institute for Japanese Culture and Classics, 1998. Gen. ed. Inoue N., transl. by Havens N. <http://www2.kokugakin.ac.jp/ijcc/wp/cpjr/kami/havens.html> Retrieved 29 August 2004.

⁸⁷ Inoue N. Preface // Kami. Kokugakuin University, the Institute for Japanese Culture and Classics, 1998. Gen. ed. Inoue

N., transl. by Havens N. <http://www2.kokugakin.ac.jp/ijcc/wp/cpjr/kami/preface.html> Retrieved 29 August 2004.

⁸⁸ Knappert J. Op. cit. P. 146.

⁸⁹ Садокова А. «Демону имени не называй...» http://www.japantoday.ru/znakjap/kultura/21_2.shtml Retrieved 12 August 2004.

⁹⁰ Беркман К.Дж. Товарные знаки: создание, психология, восприятие. М. : Прогресс, 1986. С. 358.

МИФОЛОГЕМА ПУТИ В ТРИЛОГИИ А. И Б. СТРУГАЦКИХ «ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ», «ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ», ВОЛНЫ ГАСЯТ ВЕТЕР»

Т.О. Надежкина

Надежкина Татьяна Олегова – преподаватель Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского.

Статья посвящена творчеству выдающихся русских писателей-фантастов братьев Стругацких. В их знаменитой «трилогии о Максиме» особую роль играет образ дороги. Автор статьи пытается доказать, что этот образ связан с фольклорно-мифологическими традициями, что сообщает различным по сюжету частям трилогии цельность, а произведению концептуальность, философскую глубину и многоплановость.

This article is devoted to the creative work of the outstanding Russian science fiction writers, Strugatsky brothers. In their famous "Trilogy about Maxim," the figure of road plays a special role. The author of the article tries to prove that this figure is connected to folklore and mythological traditions, bringing integrity to the parts of the trilogy with different plots, and providing conceptualization, philosophical depth, and multifacedness to the whole work.

Образ дороги (пути) принадлежит к числу универсальных в фольклоре и литературе. М.М. Бахтин отмечал, что «значение хронотопа дороги в литературе огромно, редкое произведение обходится без каких-либо вариаций мотива дороги»¹. Является он важнейшим и в мифологии и произведениях мифогенного типа. Архаичное представление о дороге связано с одним из самых существенных для мифологизированного сознания процессом – освоением героем жизненного пространства. Древние представления о роли пути в освоении пространства намного пережили мифопоэтическую эпоху и перешли в различные формы фольклора и художественной литературы. В.Н. Топоров утверждает, что «...и в великих произведениях искусства от «Божественной комедии» Данте до «Фауста» И.В. Гёте, «Мертвых душ» Н.В. Гоголя и «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского достаточно отчетливо прослеживаются следы мифопоэтической концепции»².

С нашей точки зрения, одним из произведений литературы XX века, в котором образ пути играет очень важную роль, является трилогия Стругацких «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер». Задача нашей работы – определить роль данного образа в этом произведении.

Необходимо отметить, что понятия пути и дороги близки, но не идентичны. Ю.М. Лотман так определяет это различие: «Дорога – некоторый тип художественного пространства, путь – движение литературного персонажа в этом про-

странстве. Путь есть реализация (полная или неполная) или не-реализация *дороги*»³. В трилогии Стругацких мы видим и *дорогу* как отрезок пространства, и *путь* как движение во времени, как духовное изменение героя вследствие перемещения по этому пространству. Однако само соотношение *пути* и *дороги* в разных частях трилогии неодинаково.

В романе «Обитаемый остров» *дорога* равна *пути*, физическое освоение чужого пространства и духовные изменения, совершающиеся в это время, идентичны. Центральный персонаж этого произведения – молодой человек, землянин Максим Каммерер, попадает на неизвестную ему планету. Все окружающее так непривычно и непонятно для него, что мир представляется хаотичным. Чтобы прояснить этот субъективный хаос, упорядочить его в своем сознании, герой отправляется в путь, т. е. в буквальном смысле находит дорогу и идет по ней. «Главное я нашел. Вот тебе дорога. Плохая дорога, грубая дорога, но все-таки это дорога, а на всех обитаемых планетах дороги ведут к тем, кто их строил»⁴. В процессе этого путешествия герой меняется и сам, становясь в финале романа во многом иным. Так что *дорога* – это *путь* к объективной цели, но и к познанию самого себя, в результате мы видим изменение и макро- и микрокосма.

Собственно, дорога появляется еще в экспозиции, до начала действия: «Если тебе двадцать лет, если ты ничего толком не умеешь, если ты толком не знаешь, что тебе хотелось бы уметь...

¹ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. С. 248.

² Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. В 2 т. Т.2. М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. с. 342.

³ Лотман Ю.М. Проблемы художественного пространства // Труды по русской и славянской филологии. Т. 11. Тарту: 1968. С. 47.

⁴ Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров. Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. Томск: Томское книжное изд-во, 1992. С. 11.

если, если, если,...то тогда... конечно. Тогда бери каталог, раскрывай его на любой странице, ткни пальцем в любую строчку и лети себе»⁵. Перед нами типичный образ «юноши, обдумывающего житье» (В. Маяковский) и типичная для мифопоэтической завязки картина: герой отправляется «искать себе долю», причем ясно не представляя, где именно искать и в чем его доля. «Можно прямо сказать, – отмечает по поводу подобных литерных ситуаций М.М. Бахтин, – что дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути; выбор дороги – выбор жизненного пути»⁶. В данном случае выбор пути определяет и развитие сюжета и дальнейшую судьбу героя. С другой стороны вполне резонным представляется нам и замечание Е.М. Неелова, о том, что в фольклоре «...для героя выбора пути нет. Не он выбирает путь-дорогу, а дорога выбирает (притом однозначно) и ведет его»⁷.

В «Обитаемом острове» мы наблюдаем характерный для произведений мифоцентрического характера синтез фольклорной и литературной тенденций. Действительно, само желание «ткнуть пальцем в любую строчку», т. е. отправиться неведомо куда и неизвестно зачем, столь сильно в герое, что подобно роковой мифической силе, не подчиниться которой он не может. Его так неодолимо влечет «дорога вообще», что рано или поздно он неизбежно выйдет на эту или иную конкретную дорогу и тогда не сможет не пойти по ней. Здесь мы видим первые штрихи образа дороги как самостоятельной силы, которая воздействует на людей определенного склада. Дорога здесь выполняет и еще одну функцию: она безошибочно определяет принадлежность персонажа к классу героев. Сам Максим осознает эту свою особенность гораздо позже, говоря, что психология нормального человека при встрече с небывалым «все это кем-то и где-то всегда улаживалось, улаживается сейчас или непременно уладится в самом скором времени...я.. не был нормальным человеком в этом смысле слова, я как раз был одним из тех, на долю которых выпало улаживать»⁸. Он говорит не о сознательном выборе, а о «доле», судьбе. Однако эта «дорога выбирает героя» именно потому, что он не просто готов к этому, а изначально жаждет, чтобы его выбрали.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 271.

⁷ Неелов Е.М. Волшебство-сказочные корни научной фантастики. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. С. 96.

⁸ Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. С. 437.

В широком смысле слова все художественное пространство романа «Обитаемый остров» – это дорога, по которой проходит герой, и изменения, которые он на ней претерпевает. Здесь дорога равна миру. Будучи ограниченными рамками статьи, мы остановимся лишь на наиболее важных, с нашей точки зрения, эпизодах, раскрывающих образ дороги. В романе пять частей: Робинзон, Легионер, Террорист, Каторжник, Землянин. В каждой из них представлен новый лик мира и новая грань личности героя. Соединяющим элементом между теми и другими является дорога.

В главе «Робинзон» мы видим молодого человека, обладающего множеством достоинств, но абсолютно не адаптированного к данному миру, он не свой, а чужой здесь, ему бросаются в глаза внешние странности этого мира, но их внутренних причин он не видит. Все, кого он встречает, кажутся ему непонятными, не похожими на его близких, далекими от него людьми, он не понимает их добра и зла, их любви и ненависти. Из-за указанных противоречий мир кажется ему дисгармоничным. Но он находит дорогу, идя по которой постепенно снимает эти противоречия. Дорога как образ связи между двумя точками пространства нейтрализует противопоставления и таким образом сама по себе уже способствует важнейшему для мифопоэтического сознания процессу гармонизации мира.

Во второй части он становится Легионером, желая бороться со злом, однако, совершает ошибку, не понимая, в чем оно заключается. В тот момент, когда героя впервые охватывают сомнения в правомерности происходящего, в пространстве произведения образ дороги с ее не вполне ровным, но направленно поступательным движением осложняется множественными образами преломления пространства – дверей, окон, арок и т.п. «Секции уже исчезли в подъездах, у дверей стояли только капралы...Он побежал, ...ведя секцию под темную арку во двор,...под другую арку, такую же мрачную и вонючую. Остановился...перед облупленной дверью...он толкнул дверь...За дверью оказалась крутая каменная лестница. Четвертый этаж. Безобразная коричневая дверь ...За дверью кто-то кричит...за дверью глухо хлопают выстрелы...Ротмистр распаивает дверь – там темно»⁹ и т.д. Дорога превращается в лабиринт, в котором герой постоянно попадает в тупик. Он поверил неправде, и сейчас наступает момент прозрения.

⁹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. С. 68–69.

Дорога и путь здесь совпадают, затруднения в перемещении по физическому пространству передают сложности духовного взросления, становления личности. Дорога вновь представляется некой роковой силой, обладающей одушевленным началом и постоянно ставящим перед героем задачу, которая никак не решается.

В третьей главе дорога приводит его к врагам существующего порядка, он становится террористом. Здесь важен не столько выбор героя, сколько демонстрация его качеств борца. «По одной дороге я уже прошел, – думал Максим, – это была неверная дорога. Теперь надо пройти по этой, хотя уже сейчас видно, что это тоже неверная дорога. И может быть, мне еще не раз придется ходить по неверным дорогам и забираться в тупики»¹⁰. Вновь акцентируется и становится ведущим образ нарочито затрудненной, осложненной дороги – лабиринта. О подобной ситуации В.Н. Топоров замечает: «Этот динамичный, связанный с максимальным риском образ пути отвечает вероятностному характеру постигаемому мифопоэтическим сознанием мира: значимо и ценно то, что связано с предельным усилием, с ситуацией «или/или», в которой происходит становление человека как героя»¹¹.

В четвертой главе дорога приводит Максима на каторгу, где он узнает, наконец, тайну этого мира: существует Центр, генерирующий излучение, которое подчиняет себе психику людей и управляет их сознанием. «Картина получалась стройная, примитивная, безнадежно логичная: она объясняла все известные Максиму факты и не оставляла ни одного факта необъясненным»¹². Хаос в микромире героя, обусловленный непониманием происходящего, исчезает. Он понимает теперь, кто ему свои и чужие, далекие становятся близкими, прежде невидимое – видимым, он приближается к пониманию их добра и зла, их любви и ненависти и ясно определяет свою цель. «Ты искал себе дела, подумал он, Ну вот, у тебя теперь есть дело – трудно дело, грязное дело, но вряд ли ты найдешь где-нибудь другое дело, столь же важное»¹³. Это также определено мифопоэтической традицией: достойного героя дорога непременно приведет к цели. В этот момент прояснения картины мира и гармонизации микрокосма дорога становится не легкой, но прямой, четко видимой: «Дорога или не дорога, ему было

все равно, кустов и неглубоких рытвин он не замечал вовсе, поваленные деревья давил в крошку»¹⁴. Дорога и путь вновь изоморфны: стремительное передвижение героя по отрезку физического пространства воплощает его страстное стремление к цели. Отмечая эту особенность изображения мифопоэтического пространства, Е.М. Мелетинский писал: «пространственная интуиция оказывается универсальной...каждое качественное различие непространственного характера оказывается, как правило, эквивалентно пространственному и наоборот»¹⁵.

В пятой части мы видим конец дороги: она приводит героя к цели: перед ним Центр как образ персонифицированного зла, которое можно одолеть при предельном напряжении сил и в очень короткий отрезок времени. В подобной ситуации «весь путь как бы сжимается в ничтожный по протяженности, но важнейший по значению участок – в мост, переправа через который требует от героя-путника смелости, хитрости и изобретательности»¹⁶. И вновь перед нами пространственные образы, предающие затруднение и предельное напряжение: «Он открыл стеклянную дверь...пересек вестибюль...прошел по длинному, без дверей, коридору...покопался на легионеров у двери, взглянул на дверь...за дверью зазвенел звонок... раскрыл дверь и вошел в комнату. Так и есть. Не одна комната. Три. Анфиладой. И в конце – зеленая портьера. И ковровая дорожка из-под ног до самой портьеры. По крайней мере, тридцать метров»¹⁷. Мы не видим здесь ни одного слова, описывающего душевное состояние персонажа или говорящее о важности происходящего. Огромное напряжение, испытываемое героем, и сама судьбоносность момента описываются одними лишь терминами пространства в коротких, отрывистых фразах, как бы исключая в этот момент все, кроме пространственных преград, которые необходимо преодолеть. Мы видим здесь типичное для мифологизированного сознания оживотворение пространства. «Оно не является идеальным, абстрактным, пустым, не предшествующим вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими...вне вещей оно не существует»¹⁸. В этот кульминационный момент мы видим полное одухотворение образа дороги: герой становится как бы ее своеобразной персо-

¹⁰ Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. С. 126.

¹¹ Топоров В.Н. Путь // Мифы народов мира. В 2 т. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 352.

¹² Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. С. 169.

¹³ Там же. С. 177.

¹⁴ Там же. С. 176.

¹⁵ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. С. 50.

¹⁶ Топоров В. Н. Указ. соч. «Путь». С. 353.

¹⁷ Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. С. 266.

¹⁸ Топоров В. Н. Указ. соч. «Пространство». С. 340.

нификацией, вся она словно сжимается в одну точку – самого героя.

Когда минует момент наивысшего напряжения, дорога вновь обретает свой прежний «физический» облик: «По этой самой дороге я въезжал в этот мир... А теперь по этой же дороге, я, возможно, выезжаю из этого мира»¹⁹.

В архаических мифах и фольклоре, в отличие от произведений литературы, дорога принципиально конечна. Достигнув своей цели, герой прекращает путь, а поскольку, как отмечалось выше, дорога равна миру, история исчерпывает себя. В «Обитаемом острове» мы видим несколько необычное завершение образа дороги. Герой достигает цели, и история, казалось бы, действительно должна закончиться. Однако практически в этот же момент он узнает, что вновь действовал неверно, слишком грубо, причинив этим больше вреда, чем пользы. Локальная цель – уничтожение Центра – достигнута, но глобальная гармония этого мира – очень далека. Ответы на прежние вопросы найдены, но возникают еще более сложные: «Тебе известно, что в стране инфляция? ...Тебе известно, что надвигается голод, что земля не родит?...Ты знаешь, что твое лучевое голодание в двадцати процентах случаях приводит к сумасшествию?»²⁰. Авторы используют здесь один из основных принципов мифологизма – цикличность: дорога достигает своего финиша, но не заканчивается, а начинает новый оборот. «Я буду делать то, что мне прикажут знающие люди»²¹, – говорит Максим, решив остаться в этом мире и начать свой путь заново.

Во второй книге трилогии, романе «Жук в муравейнике», соотношение пути и дороги иное: здесь путь явно важнее дороги. Авторы пользуются здесь распостраненным мифопоэтическим приемом: изморфизмом части и целого. Образ дороги так подробно «проговорен» в первой книге, что так же тщательно растолковывать его еще раз не имеет смысла. Сама фабульная схема романа – тайный агент Максим Каммерер разыскивает скрывающегося от государственных структур Льва Абалкина, разумеется, предполагает постоянное перемещение героя по дороге как определенному отрезку пространства. Однако для авторов в данном случае более важным является показать духовный, нравственный путь героя, ведущий к изменению его первоначальной позиции, т. е. его движение во времени. Здесь

именно путь его поисков нейтрализует изначально существующие противоречия между своим и чужим, личным и социальным, рассудком и чувством, выполняя роль гармонизирующего фактора. Все события романа совершаются в течение четырех дней, причем в заголовке каждой главы указана дата, что говорит о желании авторов подчеркнуть важность временных факторов. Внимание читателя настойчиво обращается на стремительное изменение мироощущения человека. М.М. Бахтин утверждал, что «всякое вступление в сферу смыслов осуществляется только через ворота хронотопов»²².

В начале романа герой, получивший задание, рассуждает о происходящем как человек, уверенный в неидеальном, но в целом справедливом мироустройстве. Его уверенность базируется на опыте всей прошлой жизни, по отношению к данному конкретному случаю весьма абстрактном: «...бывают ситуации, когда компромисс исключен. Либо они меня, либо я – их, некогда разбираться, кто в своем праве»²³. Он уверен в своей способности и праве «решительно разделить на своих и чужих». В своих рассуждениях он исходит из соображений рассудка, не позволяя себе излишних эмоций, чувства. Он уверен, что социум вправе защищать себя от действий личности, так как устройство общества справедливо. Эти противоречивые явления пока не выглядят для него как принципиальные разногласия, свидетельствующие о некоем трагизме мира. Душа героя, микрокосм, и внешний мир, макрокосм, выглядят вполне гармоничными по отношению друг к другу. Однако первое же соприкосновение с данным конкретным делом заставляет Максима усомниться в справедливости происходящего: «...есть в этой истории какое-то нарушение меры. И что бы там ни натворил этот Абалкин ...я, ей-богу, на его стороне»²⁴. Для мифологизированного сознания нарушение меры – начало дисгармонии. Прежняя субъективная ясность ситуации сменяется хаосом сомнений: «Я вдруг осознал, что мне совсем неинтересно думать о том, КАК (выделено авторами – Т.Н.) найти Абалкина. Мне гораздо интереснее понять, ПОЧЕМУ его так нужно найти»²⁵. Путь поисков героя, начавшийся с хаоса сомнений относительно справедливости миропорядка, должен привести к ясности, новому уровню гармонии. О по-

¹⁹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Там же. С. 263.

²⁰ Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ соч. С. 277.

²¹ Там же. С. 279.

²² Бахтин М.М. Указ. соч. С. 391.

²³ Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ соч. С. 287.

²⁴ Там же. С. 295.

²⁵ Там же. С. 291.

добном типе пути В.Н. Топоров писал: «Во многих мифопоэтических... традициях мифологема пути выступает метафорически, как обозначение линии поведения (особенно часто нравственного, духовного)»²⁶.

В данном случае «линия поведения» героя устремлена к тому, чтобы не просто разыскать того, на кого указал его начальник, а осмыслить ситуацию, выяснить, почему она возникла и может ли быть разрешена. В ходе своего расследования он делает шокирующие его открытия. В этом внешне благополучном мире социум может быть агрессивен и несправедлив к личности: «Вы поступили с нами глупо и гнусно. Вы исковеркали мою жизнь и в результате ничего не добились»²⁷, – заявляет Абалкин. Социум вынуждает совершать некрасивые поступки: «От стыда и отвращения к себе меня мутило»²⁸, – говорит Каммерер. «Безотказный механизм для выкачивания информации», Рудольф Сикорски, признается, что разум, рассудок, логика, представлявшиеся ранее всемогущими, в данной ситуации бессильны: «Мы никогда ничего не придумаем, потому что самые умные и опытные из нас – это всего-навсего люди. Мы не знаем, чего они хотят. Мы не знаем, что они могут. И никогда не узнаем»²⁹. В результате взгляды на многие события прошлого и настоящего и отношение к ним Максима резко меняются. Он осознает, что права личности выше прав социума, что именно личность должна быть первична и вместо того, чтобы преследовать пытается спасти Абалкина. Он понимает, что данная коллизия носит прежде всего нравственный характер и ее нельзя разрешить с помощью логики рассудка, что мир невозможно автоматически разделить на своих и чужих. В результате он никого не спасает во внешнем мире, но выстраивает новую аксиологическую шкалу, создает новые духовные структуры в мире внутреннем. С гибелью Абалкина путь прежнего Максима Каммерера завершен, дальше может начаться только новый виток жизненной дороги.

В третьей части произведения, романе «Волны гасят ветер», мифологема пути также носит метафорический характер. Здесь тоже важнее показать изменение героя во времени, чем его передвижение в пространстве, однако, открытия героя касаются не столько макро-

сколько микрокосма, своей собственной природы и натуры. Молодой сотрудник Комкона-2, Тайво Глумов одержим идеей найти Странников, пришельцев, действующих на Земле вопреки воле самих землян. Еще более, чем Максим во второй части трилогии, он уверен в ясности ситуации и в собственной правоте: «...никаким богам нельзя позволять вмешиваться в наши дела, богам нечего делать у нас на Земле»³⁰. Дорога поисков здесь не призвана снять противоречия между своими и чужими, близкими и дальними, людьми и «богами», потому что для Тайво в большей части пространства романа этих противоречий нет. Его путь кажется ясным и открытым. Авторы не зря сравнивают его с не знающим сомнений мексиканцем Риверой Джека Лондона. Ни в макро-, ни в микрокосме нет видимого хаоса, есть лишь задача, которую надо решить. Тайво – герой, не ведающий колебаний, защищающий своих от чужих, людей от «чудищ»: «Была в нем этакая беспощадная сосредоточенность на цели... Невооруженным глазом было видно – передо мной фанатик»³¹. Он заранее причисляет гипотетических Странников к классу врагов. На вопрос своей жены Аси «откуда у вас эта презумпция угрозы?»³² он отвечает: «Потому что боги пришли, не спрашивая разрешения. ... Подразумевается, что они лучше нас знают, что нам надо». Сама мысль о существовании некоего элитного разума, снисходительно относящегося к другим, оскорбительна для него. Все свои незаурядные способности он сосредоточивает на решении этой проблемы, и, в конце концов, добивается желаемого. Однако выясняется, что «чужие» – не пришельцы, а людены, мутировавшие жители Земли, к числу которых принадлежит и сам Тайво. Если в предыдущих романах путь героя нейтрализует противоречия, то в данном случае он приводит к ним: Тайво не может решить теперь, кто ему свои и чужие, близкие и дальние и даже люди и боги. Возникает хаос, недискретность, путаница понятий. По существу, не дорога поиска врагов, а настоящий духовный путь самопознания героя начинается только сейчас. «В гностицизме понимание пути к спасению предполагает прежде всего самопознание человека»³³.

Мы видим типичную мифопоэтическую ситуацию выбора в пути: у героя две возможности:

²⁶ Топоров В.Н. Указ. соч. «Путь». С. 353.

²⁷ Стругацкий А., Стругацкий Б. Там же. С. 442.

²⁸ Там же. С. 327.

²⁹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ соч. С. 440.

³⁰ Там же. С. 446.

³¹ Там же. С. 467.

³² Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ соч. С. 539.

³³ Топоров В.Н. Указ. соч. «Путь». С. 353.

остаться обычным человеком или превратиться в сверхсущество. Поначалу выбор кажется ему очевидным: «Превращение в людена – это моя смерть. Это гораздо хуже смерти, потому что для всех, кто меня любит, я останусь живым, но неузнаваемо отвратным. Спесивым, самодовольным, самоуверенным типом»³⁴. На этом этапе своего духовного пути ему кажется, что нет ничего выше человечности, любви, дружбы, уважения. Однако знание это во многом умозрительно, ведь и прежде герой был одинок, предпочитая теплу человеческих отношений безоглядное служение идее. Потому его «уход в иные миры» выглядит драматичным, но ожидаемым финалом – как концентрация прежней жизненной установки. Сначала ему кажется, что он не может оставить мать, предать Асю, однако, мысль о том, что «близится эпоха социальных потрясений, главная задача люденов в отношении человечества...стоять на страже»³⁵ заставляет изменить позицию. Он предпочитает долг героя чувствам обычных людей и никого не делает счастливым. Авторы утверждают, что долг, разум, служение социуму мало служат гармонизации жизненного пространства. Дорога ненависти и фанатизма превращается в безрадостный жертвенный путь вечного скитальца, уходящий в бесконечность. «Они уходят. ...Несчастные, и оставив за собой несчастных. Человечность... Общество одиночек невозможно»³⁶. Дорога вновь выбирает героя, желающего быть выбранным, и опять начинается новый виток. Тайво и другие герои, завершив свой человеческий путь, уходят с Земли и начинают путь люденов – иного разума, иной цивилизации. Формируется образ принципиально бесконечной дороги, которая будет продолжаться, набирая новые обороты.

Е.М. Неелов писал: «...в новой и новейшей литературе имеются жанры, в которых фольклорная трактовка образа принадлежит к самим условиям жанра. В этом случае фольклорная основа образа как «факт фольклоризма» не осознается. К таким жанрам относится научная фантастика»³⁷. С нашей точки зрения, это замечание очень точно характеризует образ пути-дороги в трилогии о Максиме. Он настолько органично формирует ткань произведения, что как «факт фольклоризма» действительно не осознается, однако, именно мифопоэтический контекст обу-

словливает многоуровневое восприятие произведения, делая его философски глубоким и разноплановым. Все три романа написаны в разные годы и некоторыми исследователями относятся даже к различным периодам творчества Стругацких³⁸. Однако не представляет сомнений, что авторы не случайно трижды обращаются к одному и тому же персонажу и воспроизводят один и тот же событийный ряд: 1)герой хочет гармонизировать мир, устранив некую опасность; 2)герой добивается цели; 3)выясняется, что данная конкретная опасность является лишь частным случаем более глобальной проблемы и суть проблемы действия героя существенно не изменили. Счастливая развязка, гармонизирующая жизнь социума и героя, каждый раз кажется предельно близкой и никогда не наступает. В финалах всех трех романов герой никогда не торжествует: как бы он ни был силен и умен, он не может видеть всего мира и неизбежно ошибается. В центре этой схемы каждый раз оказывается образ дороги (или пути). Она является областью временной смежности разнохарактерных явлений, формируя таким образом само пространство произведения. Именно на стыке этих явлений возникают наиболее идеологически значимые вопросы: об объективности добра и зла и возможности их восприятия, о смысле жизни и предназначении человека, о его свободе и совести, роли рассудка и чувства и другие. Дорога каждый раз приводит героя к цели, но сама неизбежно идет дальше. Образ непостижимого пространства как Космоса, который всегда несравнимо больше, мудрее и значительнее человека персонифицирован и одухотворен в образе дороги. Она ведет героя вперед, совершенствуя его внутренний мир. Но и она же охраняет большой мир от возможных поспешных и неверных действий. Претерпевая бесчисленные модификации, дорога не может закончиться, ее образ воплощает идею бесконечности жизни и ее цикличности. Мифологема пути содержит глубокий философский подтекст, организует образ бытия как целого и объединяет разрозненные по сюжетам романы в концептуально единое произведение.

³⁴ Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. С. 539.

³⁵ Там же. С. 583.

³⁶ Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. С. 586.

³⁷ Неелов Е.М. Указ соч. С. 108.

³⁸ Подробнее об этом см.: Кузнецова А.В. Рецепция творчества братьев Стругацких в критике и литературоведении. 1950–1990 гг. : дис. ... на соиск. степени канд. филол. наук. М. : РГГУ, 2004. С. 25–80.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОМПРОМИССА И ДРУГИХ ВИДОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОМАНА ДЖЕЙМСА КЛЭВЕЛЛА «СЁГУН»)

Ю.С. Максимова

Максимова Юлия Сергеевна – старший преподаватель Дальневосточного института иностранных языков.

В статье рассматриваются положения, связанные с реализацией успешного языкового взаимодействия, способы его выражения в тексте художественного произведения на английском языке. В романе американского автора Джеймса Клэвелла «Сёгун» представлена схема возможного развития языкового и социального контакта.

The article touches upon conditions of successful communication and ways of its linguistic representation in the text of the novel “Shogun” by the American author James Clavell. The article also presents the possible directions of communication in the graphical form.

При социальном или языковом контакте развитие взаимодействия возможно в различных направлениях. Условия, в которых происходит взаимодействие, варьируются и могут привести как к абсолютному или относительному успеху, так и к абсолютному или относительному неудаче. Результаты для участников взаимодействия, соответственно, могут быть как благоприятными, так и неблагоприятными.

В случае благоприятного результата принято говорить об успешном или положительном взаимодействии, что влечет за собой понятие успешной/положительной коммуникации. Любой индивид, вступающий в процесс коммуникации, заинтересован в ее эффективности. При любом виде общения участники коммуникации заинтересованы в эффективном взаимодействии, т.е. в осуществлении различных видов успешной коммуникации на разных уровнях речевого общения. Под успешной коммуникацией понимается адекватная коммуникация, при которой достигается более или менее полное, но обязательно достаточное, с точки зрения коммуникантов, взаимопонимание¹. Успешной также считается коммуникация, протекающая без «помех» и «шумов». Однако, по мнению Я. Шле дровой, успешной может считаться любая состоявшаяся коммуникация².

Успешная коммуникация реализуется в таких формах взаимодействия как консенсус, согласие, кооперация, соглашение и других. Консенсус, в частности, является примером успеш-

ной коммуникации, он «выражается в солидарности и коллективной деятельности». «Общность веры, традиций, целей и точек зрения в отношении ситуации, места, времени или другой группы»³ помогает достичь консенсуса в процессе дискуссии и сближения позиций участников переговоров. Характеризуясь принципом поддержки решения большинством и принципом отсутствия возражений против принятия решения со стороны, хотя бы одного из участников, не являясь единогласием, консенсус есть нечто среднее между единогласием и мнением большинства⁴. Таким образом, достижение консенсуса происходит в процессе консолидирующего диалога или полилога, приводящего к взаимному согласию, который можно было бы назвать гармонизирующим диалогом. В терминологии А.К. Михальской, гармонизирующий диалог «делает возможным формирование того истинного “мы”, в котором “голоса” участников общения сливаются в “общий хор” без утраты самостоятельности, индивидуальности – того “мы” единой общности, реальность которого всегда ощущается его членами»⁵. Такой диалог можно рассматривать как наиболее желательный вариант развития событий для достижения успешной коммуникации. Однако для развития такого типа диалога требуются усилия всех участников, иначе успешная коммуникация может долгое время оставаться неосуществимой мечтой, такой как призыв к «миру во всем мире».

¹ Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций. М. : ИТДГК «Гнозис», 2001. С. 172. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. С. 98.

² Шле дрова Я. Об эффективности педагогической коммуникации // Язык как средство трансляции культуры. М. : Наука, 2000. С. 186.

³ Дмитриев А.В. Конфликтология : учеб. пособие. М.: Гардарики, 2001. С. 281.

⁴ Толчинский Б.А. Политический компромисс : дис. ...канд. филос. Наук. Саратов, 1994. С. 301.

⁵ Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория : учеб. пособие для студ. пед. университетов и институтов. М. : Издательский центр «Академия», 1998. С. 292–293.

Для иллюстрации этого положения рассмотрим следующий пример из главы 58 романа Джеймса Клэвелла «Сёгун». Отряд ниндзя (наемные убийцы, владеющие искусством ниндзюцу) предательски нападает на замок главы совета регентов Исидо. Во время столкновения погибает главная героиня романа Мариико, тяжело ранен Блэкторн. На созванном совете регентов ставится главный вопрос – быть или не быть войне с Торанагой, который, сам являясь членом этого совета, возглавлял силы, противостоящие несовершеннолетнему императору и выступающие за создание правительства военных – се гуната. На заседании совета мнения вначале разделились, но их споры прекратились после небольшого землетрясения. Когда обнаружилось, что все живы, Исидо поставил вопрос о войне на голосование, который поддержали все собравшиеся.

Этот эпизод раскрывает принцип функционирования консенсуса, когда спорный вопрос решается голосованием. При голосовании все участники взаимодействия единодушны, единство взглядов в этом случае выражено вербально, а графико-синтаксическое оформление текста подчеркивает единогласие:

“I vote for war!”

“And I!”

“And I!”

“And I!”

“And I!”⁶

Четыре аналогичных эллиптических предложения “And I!” благодаря идентичности графической, синтаксической и лексической форм выражают вербальное единство мнения собравшихся. Восклицательный знак в каждом из этих предложений эмоционально усиливает единогласие. Примечательно, что в данном случае представлено только вербальное выражение согласия. Автор произведения не описывает поведение или действия персонажей при голосовании, поскольку приведенные выше довольно категоричные высказывания действующих лиц красноречиво свидетельствуют как о решительности членов совета регентов, так и о безусловном успехе коммуникации.

Результаты коммуникации не всегда бывают положительными или благоприятными. Нередко взаимодействие двух сторон может приводить к прямо противоположным результатам, что выражается в развитии конфликта, способного перерасти в конфронтацию. Конфликт и следую-

щая за ним конфронтация не являются желаемым результатом взаимодействия. «Конфликт – это столкновение противоположных взглядов, в основе которого лежит объективное расхождение целей и интересов, то есть противоречие»⁷. Однако конфликт не простое противоречие, это – препятствие, столкновение; он связан с сознательной человеческой деятельностью, с неправильным принятием решения, с иным выбором целей и ценностей, средств и способов, стиля поведения и общения в целом как ответ на эти препятствия и противоречия⁸. В общении конфликт – это «насильственное межличностное противоборство, связанное с сознательным ущемлением нравственного достоинства и потребностей партнера»⁹. Конфликт как таковой при самом возникновении не может считаться неуспешной коммуникацией по той причине, что дальнейшее развитие ситуации происходит в двух направлениях в зависимости от объективных и субъективных причин. В одном случае, при усугублении противоречия и углублении непонимания, конфликт перерастает в следующую стадию – конфронтацию, представляющую собой «противоборство сторон, демонстрацию готовности к борьбе»¹⁰. В таком случае коммуникация имеет отрицательный результат. Однако положительный результат коммуникации в ситуации конфликта все же возможен. Желательный для сторон исход коммуникации достигается путем компромисса, к которому участники приходят в результате поиска выхода из создавшейся конфликтной ситуации.

В главе 30 романа разворачиваются события, которые можно охарактеризовать как явное противостояние сторон. Торанага приказывает Фудзико стать наложницей чужеземца Блэкторна. Фудзико происходит из семьи самураев и во всем подчиняется своему господину Торанаге. Он как сюзерен вправе распоряжаться жизнью своих подчиненных. Фудзико же умоляет своего господина позволить ей умереть, чтобы воссоединиться со своей погибшей семьей. Просьба Фудзико позволить ей совершить сеппуку – самоубийство, которое очищает самурая и совершается при помощи вспарывания горла для

⁷ Дмитриев А.В. Конфликтология : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2001. С. 287.

⁸ Сафьянов В.И. Этика общения: проблема разрешения конфликтов. М. : Изд-во МГАП «Мир книги», 1997. С. 101.

⁹ Там же. С. 104.

¹⁰ Дмитриев А.В. Конфликтология : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2001. С. 287.

⁶ Clavell J. Shogun. New-York: Dell Book, 1986. P. 1032.

женщин – неоднократно звучала и ранее, однако получала отказ. Тогда женщина обращается с просьбой позволить ей постричься в монахини, и на это Торанага отвечает решительным отказом. Ей дается приказ стать наложницей Блэкторна, и Фудзико вынуждена подчиниться.

Отказ Фудзико стать наложницей Блэкторна вербализуется в следующих выражениях: “But I cannot do –”, “... I cannot do this in the way you wished”¹¹. Повтор отрицательной формы глагола *can* и параллельная конструкция *I cannot do* усиливают выражение отказа со стороны Фудзико.

В ответ Торанага восклицает: “How dare you argue!”, и его отказ вербализуется в следующих формах: “I do not approve of senseless death.” ... “No. I’ve given you an order.” ... “I am your liege lord. You-will-do-as-I-order.”¹² Восклицательное предложение с модальным глаголом *dare* показывает превосходство господина над подчиненным и крайнюю степень недовольства первого. Отрицательная форма *do not* и по усиливаются последующим предложением с употреблением авторского курсива *I am your liege lord*. Окончательное решение звучит в ультимативной форме, которая графически выражена написанием через дефис целого предложения *You-will-do-as-I-order*. При этом обращает на себя внимание употребление слова *order* и как глагола, и как существительного, а также фразы *liege lord* для того, чтобы подчеркнуть высокий социальный статус говорящего.

Фудзико подчиняется приказу со словами: “Yes, Lord. I apologize for my ill manners”, “You were right. I was wrong”¹³. Согласие выражено словами *yes*, *apologize*, антитезой *right – wrong*. Чтобы продемонстрировать подчинение, в ответе также звучит слово *lord*.

Этот эпизод ярко демонстрирует перерастание конфликта интересов в открытую конфронтацию. Приказ приводит к вынужденному подчинению, но только лишь во внешнем поведении.

Как уже упоминалось, при взаимном усилии сторон конфликтная ситуация может трансформироваться посредством компромисса и привести к положительной коммуникации, поскольку компромисс, являясь по-настоящему диалектическим методом разрешения противоречий, снимает противоречия, сохраняя противоположно-

сти¹⁴. С этой точки зрения интересно проследить дальнейшее развитие данной ситуации и достижение компромиссного решения через взаимные уступки. Неожиданно Торанага предлагает удовлетворить просьбу Фудзико – позволить ей совершить сэппуку – в обмен на ее истинное подчинение, оговаривая срок служения – один год: “A year.” Фудзико не нравятся такие условия, и она молча отворачивается: *She turned away and reached for the door handle*. Тогда господин уменьшает срок до полугода: “Half a year”, и это предложение встречено с радостью: *Fujiko’s hand stopped. Trembling, she leaned her head against the door. “Yes. Thank you, Sire. Thank you”*¹⁵. Примечательно, что в данном контексте условия господина выражены вербально: *a year, half a year*, а несогласие подчиненного – невербально: *turned away, reached for (the door handle)*, что достаточно характерно для японской культуры, где несогласие практически не находит вербального выражения. Однако согласие и радость со стороны Фудзико после предложенных условий выражены как вербально, так и невербально: (*Fujiko’s hand stopped, trembling, (she) leaned her head against (the door)*). Согласие с предложенными условиями и благодарность за уступку со стороны господина вербализуются в словах *yes, thank you, sire*. При этом принятие этих условий подчеркивается фреймовым повторением слов “thank you”.

Как и конфликт, компромисс является и процессом, и результатом одновременно. Компромисс – это «урегулирование спора, при котором каждая из сторон отказывается от чего-либо, и ни одна из сторон не получает всего, на что претендовала; это соглашение, достигнутое путем урегулирования»¹⁶ (перевод автора – Ю.М.). Компромисс реализуется только в социальной среде и существует только в рамках противоборства. Это противоречивое взаимодействие, единство и борьба оппонентов в общественной жизни, их “синтез”¹⁷. Но такой желаемый синтез возможен при целенаправленных и осознанных

¹⁴ Черникова С.М. Социальный компромисс в системе стабилизации общества : дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2003. С. 15.

¹⁵ Clavell J. *Shogun*. New-York : Dell Book, 1986. P. 450.

¹⁶ Хорнби А.С. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа. Специальное издание для СССР. В 2 т. Т. 1. А-Л. С. 173.

¹⁷ Маковеев Н.И. Компромисс как политико-культурный феномен : дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2000. С. 22–23.

¹¹ Clavell J. *Shogun*. New-York: Dell Book, 1986. P. 449-450.

¹² Ibidem.

¹³ Clavell J. *Shogun*. New-York: Dell Book, 1986. P. 449-450.

усилиях субъектов противостояния. Они должны обладать рядом таких качеств, как неоднородное видение действительности, терпимости к иной точке зрения, но не просто равнодушное признание права на нее, а уважение к иной позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате консолидирующего или гармонизирующего диалога. Умение находить «золотую середину» и «двигаться по центру» также необходимо для участников компромиссного соглашения. Соглашение, заключенное в ходе взаимного обмена уступками, должно быть справедливым и разумным, удовлетворять каким-то наиболее важным потребностям каждой из сторон, и каждая сторона должна знать, что данное решение важно для других¹⁸. Компромисс называют стратегией поведения (выделено нами), которая предусматривает взаимные уступки и усилия сторон и требует, чтобы стороны признавали свои интересы и проявляли их легальным образом¹⁹. Так, например, в вышеописанной ситуации Фудзико, связанная традициями самураев, сумела вербализовать свои желания, т. е. заявила интересы, о самоубийстве или уходе в монастырь. В результате она получила разрешение на сэппуку, но с отсрочкой в полгода. Оба участника конфликтной ситуации пошли на уступки и, благодаря этому, ситуация конфронтации была искусно переведена в иную плоскость, что в дальнейшем привело к положительному результату взаимодействия.

Следующий пример из романа иллюстрирует компромисс, выраженный как вербально, так и невербально. В главе 31 романа местный феодал Ябу приглашает Блэкторна на встречу. Оми, племянник и вассал Ябу, приказывает Блэкторну сдать оружие, но Блэкторн категорически отказывается расстаться с пистолетами и по совету переводчицы Марико отдает их наложнице Фудзико для хранения на время визита. Та принимает оружие под свою защиту, а Оми с охраной вынужден отступить. На момент, в который происходит это действие, Блэкторн уже возведен Торанагой в ранг хатамото – высший чин самурая, приближенный к генеральскому. По этой причине он был обязан иметь при себе самурайские мечи, поэтому Фудзико подает ему эти мечи. Оми вынужден подчиниться кодексу бусидо

(кодекс воинской чести самурая) и принять ситуацию, хотя и угрожает доложить о происшедшем своему дяде Ябу.

В данном контексте процесс развития компромисса в условиях межкультурного взаимодействия прослеживается дважды. Европейец Блэкторн сталкивается с ритуалом японской аристократии являться на прием к вышестоящему чину без оружия. Европейский же порядок предусматривал всегда быть вооруженным пистолетами, что в данном случае нарушало бы японский этикет. Возражая против сдачи пистолетов сопровождающему самураю, Блэкторн выражает свой отказ сначала по-английски: “Tell Omi-san I won’t give him my guns”, а затем по-японски: “Iye, Omi-san! Wakarimasu ka? Iye!”, сопровождая свои слова движением головы: ... he shook his head. Следует еще одно действие в подтверждение отказа: Blackthorne whipped out the guns. “Iye”²⁰. С японской стороны продолжают настаивать: Omi-san says politely, “For the last time you are ordered to give me the guns. Now.”... “Kasigi Yabu-sama orders me to order you to give me your weapons. So sorry, Anjin-san, for the last time I order you to give them to me.” Однако при помощи третьей стороны – переводчицы Марико и наложницы Фудзико – Блэкторн находит решение: приказывает наложнице принять пистолеты и охранять их, не позволяя никому к ним прикасаться. После этого Блэкторн согласен пойти с самураем: “Mariko-san, please tell Omi-san I’ll go with him now”. В результате он не только избежал повиновения приказу самурая Оми, но и не имел при себе оружия. Однако это не устраивает Оми. Теперь его требования распространяются на наложницу: Omi spoke to Fujiko and held out his hand. ... He gave a short order. Наложница, в свою очередь, также отказывается сдать пистолеты: She shook her head. ... she shoved one pistol into the sash of her obi, held the other with both hands at arm’s length and leveled it at Omi. ... ‘Ugoku na!’ she said. Продолжая целиться в Оми, Фудзико отвечает ему отказом на его повторяющиеся приказы: “No, I’m sorry, Omi-san”. После нескольких попыток Оми отозвал своих людей: Omi said something curtly to her and to his men. They came back, а наложница опустила пистолет: She lowered the pistol.... Слова Оми означали, что он доложит обо всем своему дяде и господину: ... he would report this incident to Yabu-san²¹. Блэк-

¹⁸ Сафьянов В.И. Этика общения: проблема разрешения конфликтов. М.: Изд-во МГАП «Мир книги», 1997. С. 134–135.

¹⁹ Дмитриев А.В. Конфликтология: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2001. С. 287.

²⁰ Clavell J. Shogun. New-York : Dell Book, 1986. P. 476–477.

²¹ Clavell J. Shogun. New-York : Dell Book, 1986. P. 478.

торн, в свою очередь, также намерен доложить об этом господину Ябу. Таким образом состоялась первая компромиссная ситуация. С одной стороны, Блэкторн принимает предложение переводчицы Марико и отдает распоряжение Фудзико принять и охранять его оружие: I'm going to give you my pistols. You are to guard them. No one except me is to touch them, спрашивает, все ли она поняла: Wakarimasu ka?, а с другой – извиняется перед офицером Оми: I'm sorry there's been a misunderstanding и отступает с занятой прежде позиции, лицом к врагу, готовый к сотрудничеству: Blackthorne backed away, then turned. He faced Omi, 'Shall we go now?'²².

Вышеописанный эпизод интересен прежде всего языковой репрезентацией коммуникативного взаимодействия. Автор романа использует разнообразные лингвистические средства для передачи как положительных, так и отрицательных способов взаимодействия. Для выражения отказа что-либо сделать или возражения используются английские и японские слова в английской транскрипции с отрицательным значением: won't give, no, sorry, iye, ugoku na. При этом описаны действия персонажей для невербального подтверждения отказа что-либо сделать: shook head (дважды), whipped out (the guns), held (the other with both hands at arm's length), leveled (it at). Слово order использовано в данной ситуации как существительное и глагол восемь раз, что передает содержание настойчивого приказа. Также следует отметить использование авторского курсива для передачи японских слов с целью воспроизведения аутентичной обстановки коммуникации: Ugoku na! – Не двигайся! Wakarimasu ka? – Понимаешь? Iye! – Нет! (перевод на русский язык автора – Ю.М.). Согласие же выполнить какое-либо действие выражается утвердительной формой глагола I'll go (with him now), и описанием действий персонажей: came back, lowered (the pistol). Языковое выражение компромиссного решения выражается также двумя способами. Отданные Блэкторном вербальные распоряжения с выражением модальности I'm going (to give), (are) to guard, (No one is) to touch, его извинения I'm sorry, и вопросительное предложение с глаголом shall, обращенное к Оми, и его действия backed away, turned, faced (Omi) свидетельствуют о его уступке в данной ситуации. Офицер, в свою очередь, через переводчицу вербально высказывает свое намерение доложить

о произошедшем дайме Ябу: would report (this incident to Yabu-san).

Однако ситуация не исчерпывается только этим противостоянием. Фудзико, осознавая уязвимость безоружного Блэкторна, предлагает ему принять от нее самурайские мечи, поскольку воин в ранге хатамото обязан их иметь при себе: By our law it's a duty to carry swords. Блэкторн принимает подаренные мечи: Blackthorne took the short sword ... then the other, the longer one... и чувствует себя защищенным: Armed, he did feel better²³. Вопреки требованиям Оми, Блэкторн все же остается вооруженным, и, таким образом, реализуется вторая компромиссная ситуация. В этом случае предложение новой уступки выражено невербально, когда Фудзико приносит мечи и протягивает их своему господину: took (them reverently), offered (them to Blackthorne). Принятие этого предложения выражено действием, которое вербализовано в слове took (the short sword ... then the other, the longer one). Согласие с новыми условиями взаимодействия со стороны офицера Оми выражается в том, что он участвует в коротком обсуждении нового статуса Блэкторна – статуса самурая, поскольку не бывало еще прецедента в японской истории, чтобы хатамото не являлся самураем: (he) shook (his head), answered, (Omi-san) doesn't know (either).

Многоплановая компромиссная ситуация реализовалась в полилоге со многими участниками – носителями различных лингвокультур, опосредованном английским языком. При этом реализовался основной принцип компромисса – каждая сторона уступает, определяя для себя границы уступок. В результате каждая из сторон не получает всего, на что претендовала. По нашему мнению, положительный результат достигнут через стратегию компромисса, и, хотя противоречивость сторон сохранилась, взаимодействие не перешло в стадию конфронтации. В проанализированном примере интересна комбинация вербального и невербального способов выражения как противодействия, так и уступки, согласия, компромисса, при развитии ситуации от откровенного противостояния до соглашения, достигнутого через компромисс.

Вышеприведенные примеры предположительно можно соотнести с двумя направлениями развития коммуникации, которые могут быть представлены в виде схемы (рисунки).

²² Ibidem. P. 479.

²³ Clavell J. Shogun. New-York : Dell Book, 1986. P. 479.

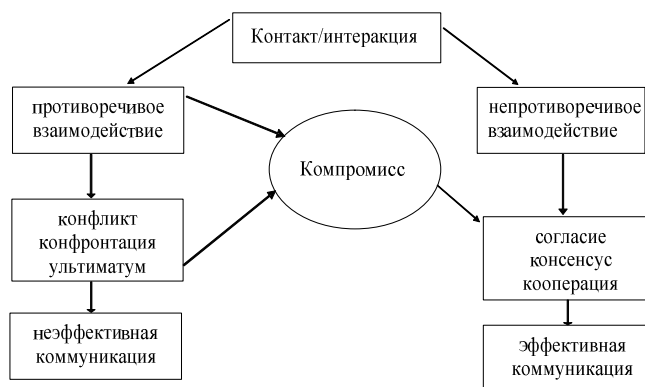

Рисунок. Схема развития коммуникации

Любой контакт может протекать как противоречивое и непротиворечивое взаимодействие. Развитие ситуации по пути противоречивого взаимодействия приводит к конфликту и, при дальнейшем неблагоприятном развитии, к конфронтации, что, казалось бы, неизбежно должно было бы привести к неэффективной коммуникации. Однако обоюдные усилия коммуникантов в приведенных выше примерах переводят ситуацию коммуникации из плоскости конфликта в плоскость непротиворечивого взаимодействия посредством компромисса.

Непротиворечивое взаимодействие, формируя ситуацию консенсуса или согласия, обеспечивает эффективную коммуникацию. Из нижеприведенной схемы видно, что компромисс в

качестве стратегии поведения, возникая преимущественно в неблагоприятных для взаимодействия сторон условиях, в том числе и бесперспективных с точки зрения успешности ситуациях конфронтации и ультиматума, позволяет достигать успеха в коммуникации.

При этом, как показывает проанализированный языковой материал, положительный исход коммуникации выражен в большинстве случаев вербально без языковой репрезентации невербальных действий участников коммуникации. Отрицательный результат выражен комбинационно посредством вербализации собственно высказываний и невербальных действий, однако, встречаются случаи языкового описания только невербальных действий, что свойственно японской культуре. Языковая объективизация компромиссных же решений, как правило, носит комплексный характер, где лингвистическое оформление невербальных действий сопровождается вербальным выражением принятия коммуникантами условия или решения друг друга. Изучение способов вербализации компромиссных решений и стратегии компромиссного поведения, опосредованных английским языком, считается заслуживающим внимания, поскольку результаты такого рода анализа могут быть использованы для эффективного меж- и монокультурного взаимодействия.

ПРОЗА ХАРБИНСКОГО ПОЭТА ГЕОРГИЯ ГРАНИНА

А.А. Забияко

Забияко Анна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, старший научный сотрудник НИИ ИНТА Амурского государственного университета.

В статье исследуются способы взаимодействия стихотворного и прозаического начала в прозе малоизученного поэта русского Харбина Георгия Гранина. Его прозаические маргиналии, предвосхитившие известную прозу В. Набокова и Г. Газданова, свидетельствуют о том, что литературный процесс русского Харбина не только отражал общие тенденции художественного развития русской литературы, но и формировался в собственной системе координат.

The ways of poetic and prose origin in the prose of a little-studied poet of Russian Harbin George Granin is studied in the article. His prose marginals which have appeared before the well-known prose of V. Nabokov and G. Gazdinov testify that the literary process of Russian Harbin not only reflected the general tendencies of the artistic development of Russian literature, but also was formed in its system of coordinates.

Несмотря на специфические условия своего формирования, литературный процесс русского Харбина развивался в русле устойчивых тенденций литературного процесса первой трети XX века. Представляется весьма логичным предположить, что проза харбинских поэтов с разной мерой успешности продолжала повсеместную тенденцию литературы 1910–1920-х годов к уничтожению границ между стихом и прозой. Прозаические опыты А. Белого, Б. Пастернака, М. Цветаевой, О. Мандельштама возникают как проза «великой поэтической эпохи», «литературных течений, идущих под знаком поэтической продукции»¹. Причины распада жанров в постсимволизме Р. Якобсон видел в том, что «несмотря на напор лирической стихии, на ее декларируемое главенство..., искала себе выхода стихия чистого эпоса»². Поэты испытывают настоятельную потребность в ином способе самовыражения, не утрачивая органичной для них лирической природы постижения мира. Динамическое возрастание подобных маргинальных форм (С.И. Кормилов) было во многом обусловлено усилением метапоэтического начала в литературе первой трети XX в., потребностью художника в саморефлексии и определении своего места в быстро меняющемся мире^{3,4}. При этом взаимодействие разных способов художественного высказывания проявлялось в разных формах и с разной степенью интенсивности – от «мирного сосуществования» в творчестве одного автора взаимно спроецированных друг на друга стиха и прозы (как в творчестве И. Бунина) до возникновения так называемых «гибридных

форм» дискурсивного выражения (в творчестве Б. Пастернака, а затем В. Набокова).

Представляется весьма логичным предположить, что проза харбинских поэтов с разной мерой успешности продолжала повсеместную тенденцию литературы 1910–1920-х годов к уничтожению границ между стихом и прозой. Безусловно, в харбинской литературе господствовало лирическое начало, однако, многие поэты с той или иной мерой успеха пробовали себя и в качестве авторов «рубежных рассказов» (А. Ачаир, Вс. Иванов, Ю. Крузенштерн, В. Перелешин, Е. Рачинская, Н. Щеголев и др.), даже – романа или хотя бы «отрывка из романа», заявки на крупную эпическую форму (Г. Гранин, Вс. Иванов, А. Несмелов, Н. Резникова и др.)⁵. Кроме того, А. Несмелов, А. Ачаир, Н. Щеголев и Г. Гранин успешно реализовывали свои литературные способности в передовых статьях и критических заметках, которые в определенной мере также можно отнести к прозаическому дискурсу, создаваемому поэтами. Правда, многие тексты прозаических произведений харбинских поэтов были утрачены, некоторые просто исчезли или никогда не были опубликованы⁶. Но само стремление харбинских литераторов, аттестующих себя в первую очередь лириками, к совмещению

⁵ Несмелов в письме к Л. Хаиндровой писал: «Я закончил вторую часть своего романа и даже уже перепечатал в трех экземплярах. Остается последняя, которая в черновике уже есть. За нее сейчас и засяду. Работается не очень хорошо, потому что много газетной муры». Солодка М.Б. «Бессмертна вещая созвучность...» (Письма А.И. Несмелова к Л. Ю. Хаиндровой) // Четвертые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2003. С. 37–67.

⁶ В настоящее время доступны корпус рассказов А. Несмелова, несколько рассказов Н. Щеголева, А. Ачаира, В. Перелешина, Г. Гранина, романы и рассказы Н. Резниковой, проза Вс.Н. Иванова. Бесследно пропал часто упоминаемый роман Н. Щеголева «Из записок одиночки», по всей видимости, не были дописаны «отрывки из романов» А. Несмелова, Г. Гранина.

¹ Якобсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 325.

² Там же.

³ Кормилов С.И. Маргинальные системы русского стихосложения. М., 1995. С. 91–110.

⁴ Там же.

в своем творчестве стихотворного и прозаического начала представляет несомненный интерес для исследования. Особенно показательным является прозаическое наследие молодых поэтов, не только вбирающее опыт своих предшественников и современников, но и экспериментально спроецированное в будущее литературы.

Так, дошедшее до нас прозаическое наследие одного из самых молодых поэтов Георгия Гранина, чья жизнь была трагически завершена самоубийством, состоит всего из 5 произведений: «Она» («Чураевка». 27 декабря 1932 г. № 7), «Монна Ванна». Из цикла «Неврастения» («Чураевка». 7 февраля 1933 г. № 48), «Прикосновения» («Парус». Декабрь 1933 г. № 15), «Стихи». Глава из романа «Небо» («Авангард». Февраль 1934 г. № 3), «Дуэль» (рассказ) («Авангард». Апрель 1934 г. № 5)⁷. В Библиографии Дяо Шао Хуа упоминается еще 5 передовых статей для «Чураевки», «Рассказ на тему» («Молодая Чураевка». 24 июля 1932 г. № 4), «Радость». Отрывки из романа («Чураевка». 28 марта 1933 г. № 3) и «Странные рассказы». Из романа «Небо», опубликованные в профашистской газете «Наш путь» (26.11.1933). Однако даже столь небольшой объем прозаических опытов становится довольно содержательным материалом для реконструкции более полной картины мира многообещающего, но рано погибшего художника слова.

Судя по подзаголовку, сопровождающему «Монну Ванну», Гранин задумывался над циклизацией неких прозаических произведений, и, возможно, находился на пути к большой форме. По крайней мере, 3 публикации свидетельствуют о том, что он работал над романом. Несмотря на то, что его проза относится к разряду маргиналий (текстологического и дискурсивного плана), она любопытна и как особая сторона художественного мира лирика, и как свидетельство стремления некоторых харбинских поэтов совмещать в своем творчестве разные способы дискурсивного самовыражения.

Известна мысль Р. Якобсона о том, что «проза поэта» обнаруживает ряд типологических черт, отражающих особенности поэтического мышления индивида⁸. Современное исследование данных феноменов художественного мышления осуществляется как в замкнутых пределах одного художественного мира, так и в контексте «различных видов интеграционных процессов, которые определяют проявления одной поэтической личности в ее эстетическом развитии на

фоне эволюции русской словесности XX в. Основное внимание при этом концентрируется на семантических преобразованиях с тем, чтобы установить глубинный изоморфизм между текстами, различающимися по своему дискурсивному выражению⁹. В указанном аспекте Н. Фатеева обращается к языковым трансформациям (так называемым метатропам). Более широкое исследование дискурсивного изоморфизма на уровне тематическом, сюжетном, композиционном, осуществленное на материале прозы В. Набокова, позволяет перенести этот опыт и на прозу поэта Георгия Гранина¹⁰.

Прозаические произведения Гранина объединяет метапоэтическая установка: каждое из них касается темы творчества – от лиризованного эссе «Она», посвященного столь необходимому поэту образу Музы, – к «отрывку из романа» «Стихи», где рассказывается о первых неловких поэтических опытах маленького поэта и, наконец, заканчивая интертекстуальным переосмыслением мотивов современной и предшествующей прозы в рассказе «Дуэль». Судя по датам, начало прозаическим штудиям Гранина было положено лирическим эссе «Она». Жанровая принадлежность произведения определяется в соответствии с его признаками: краткостью формы, свободной композицией, проникновенным лиризмом и разнообразными приемами лиризации повествования¹¹. Но отличительным признаком этого жанрового новообразования становится центонность, возведенная в объект лирической медитации и литературоведческого раздумья.

На лирическую волну настраивает само название произведения, непосредственно отсылающее читателя, во-первых, к вечному женскому образу поэзии всех времен и народов, во-вторых, к поэтике и эстетике «серебряного века».

⁹ Фатеева Н.А. Семантические преобразования в поэзии и прозе одного автора и в системе поэтического языка // Очерки истории языка русской поэзии XX века. М., 1995. С. 179.

¹⁰ Под дискурсивным изоморфизмом понимается «феномен сосуществования различных по своему дискурсивному выражению форм языкового творчества в пространстве одного художественного текста. Действие механизма такого рода создает иллюзию возможности существования альтернативной дискурсивной организации прозаической структуры». Так, в творчестве Набокова наиболее яркие случаи возникновения дискурсивного изоморфизма проявляются в метаэстетических размышлениях писателя о тайне художественного творчества. Авторские наблюдения за мучительным, почти утробным процессом рождения поэзии находят отражение в романах «Приглашение на казнь», «Дар». Подробнее об этом: Забияко А.А. Синэстетизация: метаморфозы художественной образности: монография. Благовещенск, 2004. С. 147–159.

¹¹ Эссе. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 1246–1247.

⁷ Здесь и далее проза Г. Гранина цитируется по публикации: Георгий Гранин... // Россияне в Азии. 1996. № 3. С. 30–45.

⁸ Якобсон Р. Указ. соч. С. 324–339.

Начиная с лирики Блока, в художественном пространстве русского модернизма «Она» – непременно с большой буквы – служит перифразом Прекрасной Дамы, Вечной Женственности и т. д. – иными словами, становится обобщенно-мистифицированным воплощением женского идеала.

Поэт предваряет произведение эпиграфом, представляющим строки из знаменитого стихотворения Н. Гумилева «Леопард» (1919): «Люди входят и уходят, / Позже всех уходит та»¹². Очевидно, что Гранину был важен не сюжет самого стихотворения, в котором трансформирована абиссинская легенда об оживающей шкуре леопарда, а именно эти строки, подчеркивающие особость той, «для которой в жилах бродит / золотая темнота». Так от названия прокладывается семантический «мостик» к начальным строкам произведения, утверждающий генетическую связь не только всех поэтов «серебряного века», но и поэтов метрополии, западной и восточной «волны» эмиграции:

«Всякий поэт сентиментален. Во всяком случае – иногда.

Всякий поэт ждет ее. Во всяком случае и всегда.

От пергаментов Брюсова – до белобедрых есенинских берез. От асфальтовых мостовых Маяковского – до голубых блоковских вершин несется вопль о Ней.

“Она все та ж: Линор безумного Эдгара”. И по ту сторону границы. И на западе. И здесь в Харбине».

Рефреном произведения становится лирическая реплика «Она все та ж», из стихотворения А. Блока «Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...»¹³ (на балладу Эдгара По «Ворон» [в переводе В. Брюсова], цикл «Страшный мир»). Баллада, в свою очередь, была указана Блоком в эпиграфе: «Ночь без той, зовут кого // Светлым именем: Ленора». Герой баллады Э. По, Эдгар, мучительно переживает смерть возлюбленной, а эпитет «безумный» по отношению к нему связан с легендой о душевной болезни самого Э. По. В интерпретации Гранина «безумный Эдгар» становится перифрастическим именованием любого вдохновенного поэта, всегда придумывающего свою возлюбленную.

Возникает своеобразная «реплика на реплику», интертекст в кубе: сквозь гумилевские стро-

ки сквозит гранинская рефлексия основы блоковской поэтики, рефлектирующей поэтику Э. По. Соотнеся образ возлюбленной с лирикой поэтов «серебряного века» (Брюсова, Блока, Есенина, Маяковского), поэт экстраполирует его на семантическое пространство уже харбинской лирики. Лаконично и емко он характеризует творчество «отчетливого, почти законченного Арсения Несмелова», «порывистого, ищущего Алексея Ачаира», «ветрового, недоверчивого Николая Щеголева», «осторожного, кабинетного Николая Петереца», устанавливая единство между ними в поиске образа «Ее». «Межмировые» интертекстуальные связи, пронизывающие текст в цитатном и реминисцентном материале, можно обозначить в виде цепочки: Гумилев – Брюсов – Есенин – Маяковский – Блок – Э. По – А. Несмелов – А. Ачаир – Н. Щеголев – Н. Петерец – Блок – Гумилев – Маяковский – Э. По.

Сам тон «эссе» совмещает высокую лирическую патетику (начало и конец произведения) с литературоведческой аналитикой (лаконичные характеристики харбинских поэтов, предваряющие цитаты-концепты из их текстов). В целом пафос произведения характеризуется восторженной романтикой, которая усиливает лиризацию и метризацию прозаического текста¹⁴. Метризация задается, в первую очередь, повторением цитат из знаковых стихотворений «серебряного века». Она усиливается за счет графической сегментации текста на короткие, порою изоморфные фрагменты, и использования анафорических повторов и рефренного звучания блоковских строк «Она все та ж: Линор безумного Эдгара», «Она все та ж», синтаксического параллелизма конструкций, выражающих кредо поэтов «серебряного века», грамматически и семантически кореллирующих между собою эпитетов, характеризующих харбинских поэтов. Кроме того, за счет использования омонимичных грамматических конструкций («Во всяком случае – иногда / Во всяком случае и всегда»), поэтики неполной определенности как одного из действенных приемов лиризации текста коррелирующие строки принимают харак-

¹⁴ Если метрическая проза похожа на обычный стих, то метризованная похожа на обычную прозу. Этому способствует слабая выдержанность горизонтального ритма (метра), его непродолжительность. Метризованную прозу часто называют «случайной» или «стихийной» благодаря ее особенности появляться спонтанно, произвольно, без графического сигнала. Подобные стихийные метры филологически неподготовленным читателем просто не воспринимаются. Орлицкий Ю.Б. Пушкинский ямб в романе Набокова «Дар» // А.С. Пушкин и В.В. Набоков: Сб. докл. междунар. конф. СПб., 1999. С. 198.

¹² Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. М., 1989. С. 338.

¹³ Цит. по : Блок А. Стихотворения : В 3 кн. / Кн. 3 : Страшный мир. Возмездие. Ямбы. Итальянские стихи. Разные стихотворения. Арфы и скрипки. Кармен. Соловьиный сад. Родина. О чем поет ветер. СПб., 1994. С. 48.

тер парадоксальных суждений¹⁵:

«Блоковская ли Незнакомка.

Та ли, с которой Гумилев хотел уйти – искать увянувшие розы и слушать мертвых соловьев.

Украденная ли Джококонда Маяковского.

Но везде. У всех поэтов парит предчувствие Ее».

Неполная определенность связана с отражением в лирике процессов внутренней речи и выражается прежде всего в грамматике стиха. Моделирование внутренней речи – одна из существенных особенностей лирической поэзии, ее специфическая принадлежность¹⁶. Как видно, в данном фрагменте средством создания неполной определенности становятся также недоговоренности, выраженные неполными предложениями и имитирующие процесс внутренней речи лирического субъекта.

Однако текст имеет и «подводное» семантическое наполнение, прозрачное только для тех, кто помнит блоковское стихотворение и контекст цикла «Страшный мир». Как известно, он хранит приметы драматического «кризисного» периода творчества поэта (от восторгов юности – к разочарованию и усталости, от веры – к безверию). Как следует из стихотворения Блока, цитата которого стала рефреном гранинского откровения, лирический герой встречается с неким незнакомцем демонической природы, открывающим герою глаза на «мучительный вопрос». Что это за вопрос, читатель, знакомый с предыдущими томами «трилогии вочеловечения» поэта, должен догадаться. Речь идет о сущности Той, которую герой так долго «предчувствовал», чьего «появленья» страшился, подозревая двойственность ее природы.

Как всегда в художественной системе Блока, полной ясности в толковании образов достичь невозможно. Намек на тайну вопроса содержится в реплике загадочного блоковского Незнакомца: «Она – все та ж: Линор безумного Эдгара. / Воз-

¹⁵ Термин «неполная определенность» вводит И.И. Ковтунова в книге: *Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста*. М., 1993. «Неполная определенность» – черта поэтического текста, которая особенно характерна для лирики, где предметы очерчены лишь несколькими штрихами, чувство лирического субъекта не называется, а передается, да и сам субъект не определен. Поэтика неопределенности – характерная черта поэзии начала XX века, в частности, поэзии символистов.

И.И. Ковтунова отмечает черты неполной определенности у таких поэтов XX века, как А. Блок, А. Белый, А. Ахматова, Б. Пастернак, М. Цветаева и ряда других поэтов.

¹⁶ Например, реализацию поэтики неполной определенности в прозе В. Набокова подробно исследовала Е.Г. Иващенко / Иващенко Е.Г. *Поэтика неполной определенности в романе В. Набокова «Приглашение на казнь»* // Вестник АмГУ. 2003. № 2. С. 89–91. (Сер. Гуманитарные науки).

врата нет. Пора смириться, со:р». Этот вопрос связан с Той, что так и осталась для героя лирики поэта непостижимой, неразгаданной. А указание на безумие становится иронической констатацией выдуманности этого идеала, его невоплотимости в реальной жизни для любого поэта, более того – его пагубной соблазнительности.

Похожие настроения, связанные с образом возлюбленной, отмечает Гранин и у харбинских мэтров. «Сон недавний», «золотая тоска» о Ней противопоставлены в лирике Несмелова обыденному роду занятий реальной спутницы его лирического героя («Вы кроите платье в модной мастерской»)¹⁷. У А. Ачаира мы слышим разочарованное признание в том, что «пославшая весть / Этой вестью живою не стала»¹⁸. Соединение героя Н. Щеголева и его Музы возможно только «в биеньи нерусского вальса», в тот момент, когда тот самозабвенно играет на рояле. То же самое происходит и с Николаем Петерцем, герой которого встречается со своей Возлюбленной только в момент творческого озарения: «снова вижу большие глаза / Снова вижу густые ресницы».

Таким образом, в прозаическом тексте на полстраницы в явном и скрытом виде присутствуют цитаты из 9 стихотворений (по 2 из Блока и Гумилева), упоминаются 9 авторов, указываются характерные образы их лирики. В малом по объему тексте Гранин сумел выстроить целую «генетическую» систему поэтических координат, при этом не приведя ни одной ссылки на свое творчество. По всей видимости, в этом тексте он декларирует не только свое знание и тонкое понимание сущности творчества всех перечисленных авторов, но и объявляет себя преемником их достижений.

Дискурсивная организация лирического эссе характеризуется как маргинальная и может быть определена как прозиметрум¹⁹ либо стихопроза²⁰. Помимо «монтажного» способа построения текста (скорее, напоминающего центон из текстов мэтров «серебряного века» и харбинских «мэтров»), в тексте Гранина наблюдаем стихотворные приемы, его лиризирующие, воплощающие

¹⁷ Несмелов А. *Узоры памяти* // Рубеж. 1929. № 1.

¹⁸ Ачаир А. *Элегия, 1931* // Стихотворения. В 2 т. Т. 2. Сан-Франциско, 2005. С. 213.

¹⁹ Орлицкий Ю., Анисова А. К типологии прозиметрического текста – стих и проза в романе «Доктор Живаго» // *Литературный текст – проблемы и методы исследования*. Тверь, 1997. С. 411–651. Среди прозиметрумов такого рода Ю. Орлицкий указывает «Борис Годунов» Пушкина, «Странник» Вельтмана, «Дар» Набокова, «Доктор Живаго» Пастернака и др.

²⁰ Федотов О.И. *Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха*. Т. 1. Метрика и ритмика. М., 2002. Указ. изд. С. 303–340.

личностное отношение автора. Задолго до В.М. Жирмунского, теоретически осмыслившего этот процесс, в прозе Георгия Гранина подведен общий знаменатель под символистскими, акмеистскими и футуристическими концептами. Кроме того, мы наблюдаем в этом произведении и интуитивное уловление новых тенденций развития литературы в сторону синтезирования стиха и прозы. Все это свидетельствует о тонком художественном чутье Георгия Гранина, незаслуженно критикуемым его товарищами (В. Перелешиным, Н. Петерецем, В.Слободчиковым).

Более сложный пример прозиметрума, или стихопрозаического текста, представляет собой «Монна Ванна». Здесь Гранин использует способ взаимодействия стиха и прозы, характерный уже для современной литературы (Б. Орлицкий), но не распространенный еще в 30-е годы прошлого века. В нем происходит смешение драматического, эпического и лирического дискурсов, реализуется игровое манипулирование высокими и низкими литературными жанрами, а интертекстуальность и автоинтертекстуальность в данном типе текста доведены практически до постмодернистского уровня понимания.

Композиция произведения определяет двигательную силу сюжета. Ею становится смена повествовательных стратегий. Первая – это редкая форма «я-повествования», выраженная через местоимение «Вы»:

«Странного формата – узкий и длинный, похожий на расчетную книгу – том Метерлинка.

Титульный лист давно вырван. Только неровная каемка бумаги прикрывает начальные буквы строк первой страницы.

Читаете укороченные имена действующих лиц: ...нна Ванна, жена Гвидо; ...инчивалле, начальник войска на жалованьи у Флоренции; ...ивульцио, комиссар республики.

Перелистываете продолговатые страницы».

А далее следует краткий пересказ (либретто) драмы «Монна Ванна» Метерлинка, диалогическая форма (разговор двух приятелей) и рассказ о стареющей эмигрантке, воплощенный в форме «он-повествование», но снова через местоимение «Вы». При этом каждая новая форма повествовательной организации содержит в себе разнообразные элементы лиризации: инверсирование, деление текста на практически соразмерные колонны, графическое выделение, возникновение стихийных метров, параллелизм синтаксических конструкций, немотивированное использование тире, вкрапление стихотворных строк в диалог, введение описательных конструкций и т. д.

Настрой на лиризм начинается с метризованного названия: «Монна Ванна». Та же стихийная метризация продолжается в звучании имен кратко излагаемой драмы Метерлинка, поначалу – в их отзвуках:

«Читаете имена действующих лиц: ...нна Ванна, [...]; ...инчивалле [...], ...ивульцио», затем в их полном варианте: «Принчивалле и Монна Ванна»; «Когда он был ребенком, его звали Джанелло, ее – Джованна»; «А Джанелло и Джованна любили друг друга».

Чередование хорейского и ямбического метров создает эффект погружения лирического субъекта в художественное пространство метерлинковской драмы. Не случайно каждый следующий колон возрастает в своем объеме – даже графика текста сигнализирует о процессе вовлеченности читающего (и одновременно создающего текст субъекта) в стихию любовных переживаний героев и в поток лирических ассоциаций. Финальная фраза драмы «Светлый сон начинается», также метризованная по типу анапеста, «неожиданно» обрывается внешне «прозаической» ремаркой «ЗАНАВЕС», которая создает эффект драматический неожиданности и незаконченности. Далее следует продолжение «выповествования», имитирующее квази-косвенную речь и также метризованное:

«Вам не хочется читать дальше. Вы бросаете книгу на стол»; «Всматриваетесь. Вчитываетесь. Соображаете: диалог – переписка».

Следующий сюжет, связанный с чтением молодыми людьми случайно выпавшего из книги листа, удивляющего «нарочитой стройностью записей», начинается с той же фразы, но теперь она – начало стихотворного фрагмента, вводящего нас в прозометрическую ткань полу-лирического – полу-прозаического диалога двух приятелей:

– Все когда-нибудь в мире кончается,

И тоска безнадежно сверлит,

А ведь радостный сон начинается –

Уверяет седой Метерлинк.

Это чье?

– Ранний Бальмонт.

– Врешь, – твое!

Один из собеседников – поэтического склада юноша, восхищенный Метерлинком, второй – скептик, профанирующий поэтические восторги своего собеседника, «слишком сентиментально» воспринимающего и жизнь, и образ девушки, случайно увиденной на лекции, напомнившей ему Монну Ванну. Брошенная Скептиком в ответ на высокопарное заявление Романтика («Ничего... Теперь ее нет, и мы думаем о том, что могло быть и чего не было») реплика: «Не пиши мне

фраз из «рубежных» рассказов» (метризованная по типу дольника), становится «жанровым сигналом» к смене повествовательной структуры в третьей части. «Вы-повествование» из обрамляющего переходит в разряд основного.

Сюжет третьей части как раз воплощает в себе одну из расхожих схем, предлагаемых в «рубежной» беллетристике: некая барышня-эмигрантка, мечтающая о светлой и чистой любви, читающая Метерлинка и понимающая, что все светлое осталось в прошлом: «Все как будто ничего. Все, как пять-семь лет тому назад. Только складки у губ стали чуть тверже, да – чуть глубже едва заметные морщинки у глаз». В настоящем же – «Борис Модестович, упорно пожимавший на встрече Нового года вашу руку».

Метризация текста становится точкой пересечения настроений персонажей драмы Метерлинка – «странных нелепых людей, живших пять веков тому назад», двух харбинских студентов и несчастной стареющей барышни Людмилы Павловны. Ее состояние также передается при помощи поэтических колонов: «Вы дочитали...», «Вы думаете...», «Вы думаете...» и использования неполных предложений:

«Поглядываете – пустым, отсутствующим взглядом.

Вам или скучно или грустно.

Одно из двоих».

Снова в прозаическом опыте Гранина возникает интертекстуальная и автоинтертекстуальная перекличка, на сей раз – с Метерлинком, его драмами «Монна Ванна» и «Синяя птица», лирикой самого Гранина и – харбинской беллетристикой, «рубежными рассказами». В результате своеобразного пастиша возникает текст, пронизанный не только «серьезными» метапоэтическими раздумьями, продолжающими тему «музы» из эссе «Она», но и ироническими, и даже – самоироническими интонациями. Ирония направлена в адрес мелодраматизма «рубежных рассказов», сценарий одного из которых разыгрывается в жизни Людмилы Ивановны, которая, в свою очередь, предпочитает ему – Метерлинка. Ироническое осмысление сценария проявляется в ретроспективной медитации героини, вспоминающей, как подобает сюжетной схеме, о самом светлом и чистом – своем «первом увлечении»:

«Помните, вы жили еще там, где-то возле Таганрога, а рядом была дача какого-то князя.

Ему было – девять, а вам – шесть. Вы с ним прохаживались под руку вдоль по заброшенной аллее: туда и обратно.

Помните: туда и обратно.

Он был настоящим князем, и пленило вас в

нем именно это самое настоящее джентльменство: –

Однажды, когда вы гуляли, он громко икнул и тут же, прикрыв рот платком, сказал полное удивительного благородства слово:

– Извините...».

Если бы мы не знали о времени создания «Темных аллей» И.А. Бунина, то могли бы принять этот отрывок за пародию на один из сюжетов его книги. Но это – оригинальное создание Гранина. На стыке sentimentalной «рубежной» фразеологии и детской непосредственности воспоминаний персонажа возникает не просто комический, а трогательный эффект. Образ икающего «князя», являющийся самым сокровенным воспоминанием героини, остается, разумеется, недостижимым идеалом для уже стареющей эмигрантки, чье воспринимающее сознание – объект изображения автора. Если поначалу история Метерлинка воспринимается ею свысока («Вы думаете о странных нелепых людях, живших пять веков тому назад»), то в финале рассказа за настроение барышни изменяется:

«Вы постоянно поглядываете в окно на подстриженные осенью кусты жимолости, окантовывающие газоны, теперь покрытые снегом.

Поглядываете – пустым, отсутствующим взглядом.

Вам или скучно, или грустно.

Одно из двоих».

Использование разнообразных композиционных форм речи в пределах довольно небольшого текста становится эффективным способом разграничения жанрово-тематических плоскостей единого художественного целого. Это была смелая заявка Гранина-художника, вряд ли прочувствованная и понятая его коллегами по цеху, а возможно – и непрочитанная. Гранин пытается не только экспериментировать с лиризацией текста, но и с самой системой повествовательной стратегии. Как считает Ю. Орлицкий, такой способ дискурсивной организации, когда в рамках небольшого текста соединяются компоненты разной метрической природы, становится актуальным только в современной поэзии²¹.

В финале «Монны Ванны» звучит перифраз знаменитой лермонтовской фразы «и скучно, и грустно...», скрещенный с гранинской самоиронической трансформацией устойчивого оборота «одно из двух»: «Вам или скучно или грустно. Одно из двоих». Настойчивое акцентирование в финале рассказа «неправильной» с точки зрения языковой нормы реплики одного из участников

²¹ Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. Указ. изд. С. 529–555.

диалога (персонажа явно автобиографического) также вскрывает метапоэтическую подоплеку данного художественного текста: «Неважно, это я из оригинальности», – бросает на замечание своего оппонента Романтик. Но именно его «неправильности» вторит Людмила Ивановна (что выражено в форме квази-косвенной речи) в финале. Вспоминается любимая фраза самого Гранина («оригинальности ли изменять?»), которую при анализе творчества юного поэта приводил А. Ачаир в передовой статье к «Чураевке». В звучании этой фразы – утверждение Граниным собственной писательской манеры, при которой, даже если так и «не говорится», то он, поэт Георгий Гранин, так говорит.

Дар «художественного остроумия» наиболее полно проявился у Гранина в «главе из романа» «Стихи». Она представляет ретроспективный экскурс в эпоху детства, когда в сознании автобиографического персонажа – маленького Ленки – впервые проснулись творческие импульсы:

«Как это началось?

Когда впервые проснулось и зазвучало чувство ритма, заставлявшее подбирать слова в равномерные певучие строки так, чтобы окончания их давали созвучия – рифму?

Как это началось?

Как получилось, что робкий застенчивый Ленка стал охотно выходить на эстраду, чтобы своим глухим голосом читать то, что называется стихами? Как нарастало волнение, как – сквозь холод и снег, тишину и гроыхание города, ночную гульбу и тихий шепот – бережно нес память о несказанном и грезящемся, но никогда не достигнутом чуде?

Как это началось?»²²

«Стихи» состоят из 4 частей. Первая часть, привычно для гранинской лиризованной прозы, имеет ступенчатую композицию, начало которой – лирическое вступление, пронизанное стиховыми элементами и представляющее метапоэтический пассаж. Вторая часть построена на сопоставлении сниженной обыденности окружающего маленького Ленку мира (бабка Чернышка и ее приглашение «кушайте, раз поставлено», угощение – «мятные, отдававшие нафталином пряники и монпансье, похожие на кусочки мыла»), материнской неизбывной мечтательности и тяги мальчика к поэзии. Толчком к ее пробуждению становится удививший мальчонку текст святочного гадания:

«Пытливо морщил лоб над этим и еще над другим: девки говорят – ложусь на новом месте,

приснись жених невесте, а как ему – Ленке – говорить надо.

Ворочался с боку на бок, попеременно засовывая то левую, то правую руку под подушку – такая у него была привычка – и думал.

Только засыпая уже, приоткрыл склеившиеся веки и для чего приподнял голову:

– придумал.

И звучало так: «Ложусь на новом меху, приснись невеста жениху».

А завершает этот сюжет резюме:

«Повторяя это, заснул. Но невесты во сне не увидел. Наверное, потому, что не на новом меху спал».

Обратим внимание на двойную природу повествовательной инстанции, синтезирующую два модуса: с одной стороны, наивность (принадлежащая детскому сознанию), с другой – иронию (исходящую от взрослого, рефлектирующего свое детство, повествователя).

Стихотворный дебют Ленки, со священными интонациями именуемый «первое», также был навеян фольклорной образностью:

Береза, ты бер-

Еза, березоньк-

А моя, под тобою дев-

Ушки хороводы вод-

Ят».

Подпись под стихотворением без рифмы и с «сугубо авторской» графикой, напоминающей эксперименты Крученых, гласила: «Писал поэт Пушкин-Герасименко». Четвертая часть – эпилог, в котором автобиографический повествователь с расстояния прожитых лет признается, что все, впервые «сочиненное» поэтом Пушкиным-Герасименко в детстве, уже, как потом оказалось, было сочинено. Но это становится неважным, понимает читатель. Главное – тяга к стихам, к творчеству, рожденная народной стихией, неотделимая от образов отца и матери, пропущенная сквозь пушкинский идеал.

Рокировка семантически близкими, но все же – паронимически различными фразами, относящимися к тому же к разным повествовательным инстанциям, становится, как видно, одним из характерных приемов финалов у Гранина, отражающего его установку на романтическую иронию («Во всяком случае – иногда // Во всяком случае и всегда», «Это, наконец, скучно! – Или грустно: одно из двоих // Вам или скучно или грустно. Одно из двоих»). В «Стихах» примером такой игры становится фраза: «Но невесты во сне не увидел. Наверное, потому, что не на новом меху спал» // «С щемящим чувством вспоминал, как однажды ночью повторял “При-

²² Георгий Гранин. Указ. изд. С. 38.

снись невеста жениху», и невеста не приснилась. Как жаль, что нового меха не было».

Рассказ «Дуэль» (1934) иллюстрирует, как развивался прозаический талант поэта. Он опубликован за восемь месяцев до гибели, и, по всей видимости, является последним напечатанным прозаическим произведением. Рассказ становится образцом поэтики дискурсивного изоморфизма в гранинской прозе. В «Дуэли» повествовательные планы уже не дифференцируются, наоборот, они настолько спаяны общим лирическим чувством и единством воспринимающего сознания, что пространство литературного текста «очень исторического рассказа», действительности, окружающей лирического субъекта в настоящем и в его детских воспоминаниях о России, не разграничиваются.

При этом формальное деление на части остается. Читательское сознание не сразу понимает, что происходит в реальности, существует лишь в воображении героя, а что – всплывает из его «давнего» прошлого. Аналогией подобного смещения пространственно-временных координат и повествовательных планов могут служить только достижения современного кинематографа, рассчитанного на очень взыскательного зрителя-интеллектуала. А в тридцатые годы в западном зарубежье подобная повествовательная стратегия поражала и возмущала читателей набокских произведений²³.

Первая часть «Дуэли» «воспроизводит» краткое содержание прочитанного рассказчиком «очень исторического рассказа». Вторая и четвертая части представляют авторефлективное повествование, посвященное апрельской ночи и рожденным ею ощущениям и воспоминаниям. И только третья часть соответствует определению «краткого повествования с острой фабулой и неожиданной ... развязкой»²⁴, в котором «противоборствуют» два героя²⁵, то есть тому, что можно назвать новеллистическим сюжетом. Пятая часть любопытным образом контаминирует тип лирического повествования о настоящем и фабульного повествования о прошлом. При этом переход от одной формы повествования к другой осуществляется столь неожиданно, что эффекта ретроспекции не возникает.

²³ Об этом, например: Забияко А.А. Набоков и кинематограф: эстетический поединок синэстетических возможностей // Синэстетика: метаморфозы художественной образности. Указ. изд. С. 175–185.

²⁴ Нинов А. Рассказ // Краткая литературная энциклопедия. М., 1967. Т. 6. Стлб. 190–193.

²⁵ Кожин В. Рассказ // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М., 1974. С. 309–310.

Сам способ скрепления хронотопических пластов осуществляется не с помощью традиционной смены композиционных форм речи, а на основе ассоциативной связи, как в сугубо лирическом тексте. События настоящего становятся поводом для этой «интро-ретроспективной» модели повествования. О них не говорится, лишь постоянно намекается на их драматизм для внутреннего сознания субъекта повествования:

«Апрельская ночь не только тиха, но и торжественна. Особенно после случившегося.

Я стою, опираясь на исчерченный столб. Он холоден, как камень, и тверд, как кастет.

Путаются мысли. Возвращаются назад, к сегодняшнему вечеру. Из хаоса, из лихорадочной неразберихи возникает, колеблется и звучит с убедительной непреложностью одно слово:

– ДУЭЛЬ...»;

«Путаются мысли, возвращаются к сегодняшнему вечеру».

Читателю остается только догадываться, что произошло «сегодняшним вечером» с героем – вероятно, нечто, задевшее его честь, связанное с женщиной (судя по тому, что предваряет все повествование рассказ о несчастливой любви), и, самое главное, что ассоциативная связь с детской дуэлью настраивает на готовую повториться в его жизни трагедию.

Основным приемом дискурсивной организации «Дуэли» вновь становится поэтика неполной определенности, при которой, по наблюдению Е.Г. Иващенко, «речь движется не логикой последовательного описания, а перескоками, она обрывочна, хаотична. Это создает особую фактуру дискурса, характерную для внутренней речи, где фразы строятся ассоциативно, где любое событие способно стать причиной обрыва словесной нити»²⁶. Позднее В. Набоков демонстрирует эффективное действие этой дискурсивной модели маргинального типа текста в романе «Приглашение на казнь» (1935–1936 гг.). Типология художественного мышления малоизвестного харбинского юноши и уже прославленного в западно-эмигрантской среде писателя, отзывы на которого писали и Вл. Ходасевич, и Г. Адамович, тем более потрясает, что именно в рассказе Гранина «Дуэль», за год до опубликования Набоковым романа, звучат те «тамтамы», которые станут знаковыми в поэтике неполной определенности «Приглашения на казнь».

В набокском романе Цинциннат Ц. мысленно обращается к образу «Тамариных садов» как к духовному спасению:

²⁶ Иващенко Е.Г. Поэтика неполной определенности в романе В. Набокова «Приглашение на казнь». Указ. изд. С. 90.

«Как он знал эти Сады! Там, когда Марфинька была невестой и боялась лягушек, майских жуков... Там, где, бывало, когда все становилось невтерпеж и можно было одному, с кашей во рту из разжеванной сирени, со слезами... Зеленое муравчатое Там, тамошние холмы, томление прудов, тамтам далекого оркестра» (Выделено мной. – А.З.)²⁷.

Но и в «Дуэли» эта местоименная поэтика «тамтамов» память будет связана с воспоминаниями о самом светлом и дорогом для героя, готовящегося к смертельному поединку. Лирический пассаж с местоимением «там» сигнализирует не только о начале воспоминаний героя, напрямую связанных с Россией, но и становится мостиком, отделяющим стих от прозы, а также реальность от прошлого, эмигрантскую жизнь от России:

«Только позади сопки – особенные: по расширяющейся щели вьется насыпь, проехав три туннеля, попадешь на разъезд Рассыпной, потом – Сосновая Падь и Гродеково...

Там начинается Россия,

Там...»

Образ «беседки полуразрушенной, полурастащенной» становится звукосемантическим коррелятом полумифического времени-пространства, обозначенного указательным местоимением «там», – «России». Оборвавшаяся в самом начале фраза «Там...» эхом отдается в звуковом оформлении следующих предложений, описывающих удручающее «тут»:

«Стоишь у беседки полуразрушенной, полурастащенной. На оставшихся основных крестовинах вырезаны, вычерчены, выцарапаны мысли и фразы. Как всегда в уединенных местах» (Выделено мной. – А.З.).

Если набоковские «тамтамы» не могли прозвучать для Гранина, то «Охранную грамоту» (1929 г.) Б. Пастернака харбинский «талантливый юнец» вполне мог прочитать. Именно в этом произведении, посвященном ретроспективной саморефлексии творческих импульсов, местоименная поэтика «тамтамов» была эффектно реализована до Набокова. Там же были испробованы и другие приемы лиризации художественной прозы. В частности, для организации «Охранной грамоты» характерны синтаксические симметрические конструкции, части которых начинаются с анафор, ритмизирующих повествование:

«Вот отчего ощущение города никогда не отвечало месту, где в нем протекала моя жизнь.

²⁷ Набоков В.В. Приглашение на казнь // Набоков В.В. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. М., 1990. С. 29.

Там, отдуваясь, топтались облака и, расталкивая их толпу, висел поперек неба сплывшийся дым несметных печей. Там линиями, точно вдоль набережных окунались подъездами в снег разрушавшиеся дома...»²⁸.

Но, скорее всего, что «тамтамы» неполной определенности стали поводом «разбудить» воспоминания о прошлом (или спроецировать возможные воспоминания) благодаря не Пастернаку, а куда более близкому современнику Гранина. Речь идет об Арсении Несмелове, к творчеству которого Гранин относился, по всей видимости, с вниманием и уважением. Тексты Несмелова то и дело всплывают в творчестве Гранина – и в виде заимствованных образов, и в переключке названий произведений («Прикосновения»), и текстуальной рокировке финальными фразами стихотворений «Ты о женщине надменной / Позабудешь как-нибудь» (А. Несмелов «Свет зажжен. Журнал разрезан...»)²⁹ // «Ты об этой, тебе предназначенной девушке / Позабудешь потом» (Г. Гранин «Ничего, что душа в девятнадцать изменчива...»)³⁰, и в любви к глагольной поэтике и т.д. В данном же случае «тамтампэтика», безусловно, связывает межмировыми линиями гранинскую прозу с несмеловским рассказом «По следам любви» (1933).

Основу рассказа составляет «дневник самоубийцы». Его герой, называющий себя «пилигримом», «шаг за шагом» идет «по следам любви», вспоминает все события, все места, все свои чувства. Посещая эти места, герой снова переживает все «значительные» события этого недолгого чувства. Сначала он хочет встретить свою возлюбленную, но затем понимает, что это ему не нужно: «Она мне не нужна, мне нужен я сам, взрастивший любовь. Нечто вроде самопожирания...»³¹. Герой изживает свою любовь и, изжив, умирает.

Подобная сублимация любовного чувства в «виртуальный роман» вызывает настойчивые аллюзии с набоковской «Машенькой» (1926 г.), где русский эмигрант Ганин отказывается от встречи с давней возлюбленной, предпочтя реальной жизни свои поэтические воспоминания, и «Возвращением Чорба» (1929 г.), где герой, похоронивший жену, также путешествует по «святым» местам своей любви, шаг за шагом воскрешая ее лучшие моменты. Параллели с «Ма-

²⁸ Цит. по : Пастернак Б. Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. М., 1990. С. 67.

²⁹ Рубеж. 1932. № 40.

³⁰ 1932 // Георгий Гранин. Указ. изд. С. 21.

³¹ Несмелов А. По следам любви // Несмелов А. Собрание соч. Т. 2. Рассказы и повести. Мемуары. Указ. изд. С. 537–546.

шенькой» прослеживаются и на уровне системы персонажей: Она, Он – Бибиков, дворянин трех с половиной веков родословной, и – Муж, который «спокоен и неуклюж», более того, он – «сын багажного раздатчика, пописывающий чувствительные стишки». Как известно, в набоковском романе муж Машеньки – Алферов – также раздражает дворянина Ганина своим плебейским происхождением и нелепостью облика, ничтожностью (по мнению Ганина) внутреннего мира. Даже фамилии «недостойных» мужей созвучны: Алферов – Абрамов, что же говорить о практическом совпадении «геральдических» реконструкций фамилий «Набок» и «Бибик»...

В рассказе Несмелова лирическое начало проявляется не спорадически, как это было в его предшествующих опытах лиризации («Короткий удар», «О себе и о Владивостоке» и др.), а определено в своеобразный локус «лирической патетики» (М.М. Гиршман) – «лирический дневник» Бибикова. Дискурсивная организация «дневника» отделяет беллетристическое начало «рубежного рассказа» от собственно лирического содержания. Например:

«Хожу по улицам и думаю: вот в этом доме я жил шесть лет тому назад. Эти окна были моими окнами, и за одним из них стоял мой письменный стол. За этим письменным столом сидел я, читал книгу, писал... Как чуждо, нелепо и грустно! Те, что воскреснут из мертвых в день Страшного Суда, так же будут пожимать плечами на свою прежнюю жизнь. Нет, не надо воскресать: воскресение не радует»³².

Прозаический текст дневника проявляет способность спонтанно перетекать в стихотворный:

«За окном ветер, и назойливо скребется в стекло какая-то глупая ветка. В душе – боль, почти физическая. Да, да, ветер тоже был когда-то. Тоже осенью.

На столбе фонарь качался,
Лысый череп наклонял,
А за нами ветер гнался,
Пыль крутил и листья гнал.

Обгонял и возвращался,
Плащ на голову кидал.
Глупости!»³³.

Только графическая сегментация отделяет одну дискурсивную форму от другой, если бы не она, читательское восприятие не сразу бы преодолело инерцию прозаического дискурса. Стихи и проза являются равноправными участниками мыслительного процесса героя.

³² Несмелов А. Указ. изд. С. 423.

³³ Там же. С. 423.

Как раз в этом рассказе Несмелов использует местоименную поэтику, максимально абстрагирующую те пространственные координаты, по которым герой реконструирует пережитые когда-то чувства. Многократное повторение местоименного слова «там» звучит, словно заклинание, создавая суггестивный эффект, присущий лирическому тексту: «Милая, через несколько часов я буду опять там, где ступала твоя нога. Милая, когда меня не будет на земле, посети наши места. Там так хорошо!...»³⁴. Следующее за «там-там»-описанием описание с указательным местоимением «тот», вопреки ожиданию большей степени конкретности не прибавляет: «И сладко подумал: если бы купить тот садик, те деревья, ту скамью!»³⁵. Несмотря на узкие границы реального пространства, описываемого в рассказе, местоименная поэтика лишь усиливает неопределенность и условность объекта описания. Бибиков Несмелова, несмотря на прозаичность своего имени, действительно, сродни Цинциннату: он – творческая личность, чудака, который так и остался бы «непрозрачен» для окружающих, если бы не найденный после его самоубийства дневник. Аналогичен и финал героев: несмотря на разность путей ухода из жизни, этим персонажам нет места на земле. Но весьма важно подчеркнуть: Несмелов публикует свой рассказ в 1933 г., минимум за 2 года до выхода в свет первых частей набоковского «Приглашения на казнь» (1935).

То, что Несмелов опережал своих младших коллег и в сфере овладения стихотворным мастерством, и в области теоретической рефлексии литературных тенденций, нет сомнений. На новые веяния в области литературного творчества он откликнулся концептуально продуманной статьей «О белом стихе» (в порядке дискуссии) (1931 г.)³⁶. В ней, в частности, Несмелов размышлял о путях преодоления современной поэзией «инерции слова». Формальному мастерству, которым, по его мысли, грешат современные поэты, он противопоставил другую сторону искусства – словесную, смысловую. «Что же для этого надо сделать? И много и мало: вновь вызвать к жизни те признаки слова, которые общи как поэтической (стихотворной), так и прозаической речи. Говоря грубо, реформа должна идти по линии увеличения содержания, т.е. смысловой

³⁴ Там же. С. 427.

³⁵ Там же. С. 427.

³⁶ А.Н. О белом стихе // «Понедельник». (Шанхай). 1931. № 2. Цит. по: Русский Харбин / сост. предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ: Наука, 2005. С. 105.

нагрузки произведения» (Курсив мой. – А.З.)³⁷. Не известно, знаком ли был Несмелов с потебнианской концепцией поэтического как объединяющего начала для поэзии и прозы, но А. Белого, творчески осмыслившего труды А.А. Потебни, харбинский поэт, скорее всего, читал. Надежды, которые он «возлагает» на «белый свободный стих», обнажают скрытые механизмы творческой лаборатории поэта, по всей видимости, в данный период устремленные на «обновление художественной впечатлительности» в области стиха через усиление «семантической, смысловой» стороны искусства. В отличие от А. Белого, стремящегося уравнивать стих и прозу, Несмелов разграничивает эти формы дискурсивного выражения, рассматривая их как потенциальное поле семантического обогащения друг друга: «Свободный белый стих является тончайшей тканью поэзии. Утратив все особенности условной организации поэтической речи, лишенный размера, рифмы, готовый ежеминутно соскользнуть в область прозы, он все же продолжает оставаться орудием поэтической речи, как в свою очередь ритмическая проза, как бы близко она ни приближалась к стихам, остается все-таки прозой»³⁸ (Курсив мой. – А.З.).

Помимо переключек с А.А. Петебней и А. Белым, многие положения, выдвинутые автором, буквально переключаются с работой Ю.Н. Тынянова «Проблемы стихотворного языка», опубликованной в 1924 году. По всей видимости, с этой книгой А. Несмелов знаком не был, иначе ее рефлексия каким-либо образом была бы отражена в его дискуссионной статье. Иногда его мысли практически совпадают с новаторскими изысканиями Тынянова. Конечно, с опозданием, но Несмелов все-таки ищет свои подступы к решению этой проблемы, способной, по его мнению, «вызвать к жизни те признаки слова, которые общи как поэтической (стихотворной), так и прозаической речи»³⁹. Как видно, Несмелова интересовал именно практический характер изменений в области версификации и – шире – семантики стиха: «Можно лишь предположить, что поэзией белый стих делает его семантика, понимая под ней проблему значения слова в поэтической речи. Каждое слово в нем берется как поэтическая тема – значение, своеобразный прием художественного воздействия»⁴⁰ (Курсив мой. – А.З.). В своих теоретических размышлениях харбинский поэт далеко не точен, смешивая «белый стих» и «сво-

бодный стих», приемы сугубо прозаические (повествование) и «эпичность» стиха. Важно, однако, что в своих интуициях он практически обозначил те направления в определении метрической сути и типологии верлибра, которые будут заявлены отечественным стиховедением лишь в 1972 г. в ходе специальной дискуссии (А.П. Квятковский, В.С. Баевский, А.Л. Жовтис)⁴¹.

Возвращаясь к Гранину, «замкнувшему» чурьевскую историю, а вслед за этим и историю «харбинской ноты», подчеркнем, что его интертекстуальные переключки с А. Несмеловым весьма показательны. В первую очередь, невзирая на декларации молодых чурьевцев, они свидетельствуют о реальной значимости для них художественной практики харбинского мэтра, уловившего основные тенденции развития мировой литературы 30–40-х годов.

Взаимодействие стиха и прозы у Гранина стало еще одним способом воплощения личной мифологии, при котором лирический субъект открывает для себя большие возможности для саморефлективного высказывания. В нем иронические пассажи переключаются с драматическими, а предсмертные записки становятся автоинтертекстуальным комментарием к его прижизненным стихам. В своих прозаических штудиях Гранин демонстрирует себя не просто тем «талантливым юнцом», о котором при жизни уничижительно отзывался в эпиграммах Н. Петерек и с покровительственными интонациями писал А. Ачаир, именуя его при этом «Жоржиком». Перед нами возникает образ ироничного и самироничного художника, весьма начитанного и стремящегося к новому знанию, способного к интертекстуальной игре, к эффектному манипулированию жанровыми и стилистическими масками, к философским раздумьям. И самое интересное – его проза, проникнутая лиризмом, не оставляет у читателя впечатления навязчивой, порою надуманной безысходности и обреченности, которые сопровождают лирику поэта.

³⁷ Там же.

³⁸ Несмелов А. О белом стихе. Указ. изд. С. 105.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Квятковский А.П. Русский свободный стих // Вопросы литературы. 1963. № 12. С. 67–72; Баевский В.С. Стих русской советской поэзии. Смоленск, 1972. С. 66, 68; Жовтис А.Л. Границы свободного стиха // Вопросы литературы. 1966. № 5. С. 117–118.

ВОЕННАЯ ПРОЗА АРСЕНИЯ НЕСМЕЛОВА

Е.Г. Иващенко

Иващенко Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Амурского государственного университета.

«Рассказы о войне» харбинского поэта Арсения Несмелова представлены в статье в контексте прозы «детей четырнадцатого года» – Э. Хемингуэя, Э.М. Ремарка и др. Автор считает, что проза русского эмигранта уловила общие тенденции литературного процесса первой половины прошлого столетия

The article reveals the poetics of the short stories about the World War I of a well-known Russian Harbin writer Arseniy Nesmelov.

В прозаическом наследии Арсения Несмелова обращают на себя внимание рассказы о Первой мировой войне. Казалось бы, выбор темы закономерен для писателя, ведь Несмелов оказался не только современником событий 1914 г., но и их непосредственным участником, проведя на австрийском фронте три года. Удивляет другое: в собрании сочинений А. Несмелова¹, не являющемся полным, но отражающем общие тенденции творчества писателя, рассказов и повестей о событиях Первой мировой войны десять, в то время как рассказов о гражданской войне всего два². Подобная расстановка тематических приоритетов не типична для русской литературы, поскольку и в литературе метрополии, и в литературе эмиграции события Первой мировой отражены более скудно, чем трагедия 1917–1921 гг. Причина понятна – революция и гражданская война тяжелейшими последствиями затмили воспоминания о Первой мировой. Примечательно, что в творчестве зарубежных писателей (хрестоматийные примеры – Э.М. Ремарк, Э. Хемингуэй, Р. Олдингтон) Первая мировая, не затменная другими событиями, получила более широкий резонанс.

Впервые к теме Первой мировой Несмелов обратился в 1915 г., когда был опубликован его сборник «Военные странички: "Проза и стихи"»³. В последующем автор вернулся к этой теме. В период с 1928 по 1944 г. он публиковал рассказы в периодических изданиях (журналах «Сибирские огни» и «Рубеж»), многие из которых вошли в сборник 1936 г. «Рассказы о войне»⁴. Таким образом, процесс осмысления событий мировой войны за-

нял у Несмелова двадцать девять лет зрелого творчества и завершился едва ли не вместе со смертью писателя. Очевидно, что война не стала проходным моментом в достаточно богатой событиями биографии Несмелова, недаром на протяжении всей жизни он возвращался к этой теме.

Попробуем обозначить основные особенности изображения войны Несмеловым и установить наличие традиций и влияний на художественный мир и поэтику писателя.

Все рассказы о Первой мировой войне, включенные в собрание сочинений, условно можно разбить на две группы: собственно повествования о военных действиях на передовой и «шпионские» [Е.И.] истории.

«Шпионские» истории («Золотой зуб», «Встреча на мосту» и «Контрразведчик») носят беллетризованный приключенческий характер, они остросюжетны и занимательны, при этом основаны на жизненном материале. Как пишет Е. Витковский «...таланта фантаста Несмелов был лишен начисто: многие его рассказы так или иначе автобиографичны и построены на собственном жизненном опыте»⁵, и указанные тексты это подтверждают. Их основная задача – развлечь читателя, серьезные вопросы в этих произведениях писатель старается не поднимать.

Произведения второй группы затрагивают значимые проблемы бытия. В них автор осмысливает прошедшие события, дает им нравственную оценку, размышляет о смысле жертв, показывает поведение людей в критической ситуации. Остановимся на наиболее ярких и симптоматичных, на наш взгляд, произведениях А. Несмелова «Короткий удар» и «Полковник Афонин».

«Короткий удар» (1928 г.) – одно из лучших прозаических произведений Несмелова. Автор повествует о жизни переднего края, показывая фронтовую реальность. Основную проблему

¹ Несмелов А. Собр. соч. Т. II. Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток : Альманах «Рубеж», 2006. 732 с.

² Следует оговориться, что в поэзии Несмелова, напротив, доминирующей является тема революции и гражданской войны.

³ Сборник является библиографической редкостью. Установить его содержание автору не удалось.

⁴ Несмелов А. Собр. соч. Том II. Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток : Альманах «Рубеж», 2006. 732 с.

⁵ Витковский Е. Формула бессмертия. Арсений Несмелов. Собр. соч. Т. I. Стихотворения и поэмы. Владивосток : Альманах «Рубеж», 2006. С. 8.

произведения можно определить как проблему выбора – выбора смерти.

В роту поступает приказ захватить военнопленных из числа австрийских солдат. Вполне рядовой приказ оказывается смертельным приговором. Он невыполним, поскольку австрийцы заняли позицию за рядами колючей проволоки и ведут непрерывный обстрел наших войск. Пробраться незаметно к ним в тыл невозможно, и столь же бессмысленно наносить по австрийцам короткий удар полуротой, как того требует штаб. Людей посылают на заведомую смерть, и что самое страшное – смерть бессмысленную.

Автор дважды моделирует ситуацию выбора, показывая, что даже в самом безвыходном положении человек волен определять свою смерть. Первый приказ об атаке полуротой поступает прапорщику Янушевичу, в прошлом студенту-математику Московского университета. Понимая, что он идет на смерть сам и ведет «на убой» солдат, молодой прапорщик теряет, опускает руки. Несмелов показывает физиологические ощущения обреченного человека: ступор, тошноту, чувство сосущей тоски. Янушевичу от страха и зависти к тем, кого не коснулся приказ, хочется плакать. Унтер Романченко, получив легкое ранение, а вместе с ним возможность не идти в атаку, испытывает «дикую животную радость». Несколько раз в жесткоиронической манере звучит лозунг: «служим Царю и Отечеству», но он не находит отклика в душах людей. Несмелов развенчивает ложный патриотический пафос войны, показывая, что зачастую за громкими лозунгами прячется глупость высших чинов, их честолюбивые замыслы и полное безразличие к людям. Гренадеры и не против умереть за отечество, но их ужасает заведомая бессмысленность жертвы, провальность задачи: «Романченко остановился на повороте рва.

– Ваше благородие! – начал тихо солдат.

– Ну? – с ненавистью крикнул Янушевич.

– Не по силам это, ваше благородие! Все лягем и пленных не возьмем.

– А разве я этого не знаю? – закружля серые добродушные и теперь почти плачущие глаза, закричал прапорщик. – Разве я не понимаю этого?

И, повторяя слова Рака, но уже с явной издевкой, он закончил:

– Дисциплина. Служим Царю и Отечеству!

Но солдат принял его слова попросту:

– Разве я против этого! Но ведь зря-то чего же погибать?»⁶.

⁶ Несмелов А. Короткий удар. Собр. соч. Том II. Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006. С. 210–211.

Солдаты отказываются выполнять приказ, и по военному суду четверых из них, выбранных фактически наугад, расстреливают. Янушевич остается жив.

Приказ об атаке отдается во второй раз. Вести солдат в бой выпадает на долю подпоручика Ярыгина. Оказавшись на месте Янушевича, этот человек забывает о собственной участи, пытается максимально облегчить положение вверенных ему людей. Понимая неизбежность смерти, он решает уберечь хотя бы часть своей роты. Принцип отбора очень символичен: в обход приказа от атаки освобождаются старики и те солдаты, у которых остались дети, а в бой идут молодые и отчаянные grenадеры. Солдаты, недавно отказавшиеся умирать, теперь готовы идти на смерть добровольно, ведь она приобретает смысл – они отдадут свою жизнь за стариков и за будущее, которое олицетворяют дети. Несмелов не вкладывает в уста поручика громких слов, не вспоминает лозунг «служим Царю и Отечеству», но самые обыденные фразы Ярыгина содержат истинно христианские ценности: «Ребята, дело наше паршивое, трудное дело, но не выполнить его нельзя... Но стариков, у которых дети и прочая мура, пожалеть стоит. И должны их пожалеть вы сами»⁷. Автор намеренно снижает пафос повествования, влагая в уста персонажа просторечные слова, но делает акцент на слове жалость. Чувство «жалости» – одно из отличительных свойств русского национального характера, «предрасположенность к этому чувству типична для русского человека, «русской души»⁸. Как отмечает И.Б. Левонтина, категория «жалости» в среде простого народа осознавалось как одна из высших нравственных ценностей, в некоторых аспектах совпадающих с чувством любви. Несмелов акцентировал внимание именно на этой традиции употребления слова, подразумевая, как кажется, любовь семейную. Когда поручик говорит о стариках и детях, он вызывает у солдат чувство родства, ощущение семьи, за благо которой нужно пострадать. Смерть солдат обретает смысл, во имя близких они без каких-либо колебаний жертвуют своей жизнью. Ярыгин погибает вместе со всеми.

В книге А.А. Хисамутдинова «Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке» приводится любопытная ре-

⁷ Там же. С. 225.

⁸ Левонтина И.Б. Помилосердствуйте, братцы! // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. / Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 270.

цензия неизвестного автора – современника писателя – на сборник «Рассказы о войне», в который вошел «Короткий удар»: «Автор просмотрел и романтику, и героизм, и жертвенность, которые были проявлены русскими офицерами и солдатами, погибшими во имя своей родины и идеи».⁹ Позволим себе не согласиться. Героика, без сомнения, присутствует в произведениях Несмелова. Негативный отзыв, на наш взгляд, был спровоцирован новым подходом Несмелова к изображению войны.

Обратившись в 1928 г. к теме Первой мировой, Несмелов оказался перед характерной проблемой писателей своего времени: «как писать»? Ответы на новые вопросы, предлагаемые временем, трудно было найти у классиков, но и новые приемы изображения войны еще не сложились в русской литературе.

Несмелов не стал полностью отказываться от классического наследия. В рассказе ощутимо влияние Льва Толстого, произведения которого не раз упоминаются в тексте. Преемственность прослеживается прежде всего в развенчании образов «маленьких Наполеонов», которые ради честолюбивых устремлений губят людей. Индивидуализм, властолюбие, стремление к славе и почестям, равнодушие к людям – черты, которыми «награждает» Несмелов генерала Нилова, отдавшего приказ об атаке. Нилов, мня себя Багратионом, не думает о людях: «Он ни на секунду не задумался над тем, что переживают сейчас люди, которые через полтора часа по его приказанию должны будут броситься на немецкую проволоку и под беспощадным захлебывающимся огнем пулеметов рвать ее привинченными к штыкам автоматическими ножницами... Да и люди ли должны броситься на проволоку? Люди это то, что мыслит, говорит, сопротивляется. Люди это то, с чем очень трудно иметь дело. Он же имеет дело не с людьми, а с частями, в данном случае с полуротой»¹⁰.

Противопоставление бездушия «маленьких Наполеонов» и подвига простого народа сближает произведение Арсения Несмелова с творчеством великого классика. Несмелов не отказывается от рефлексии, психологического анализа, присутствующих Толстому. Но при этом в рассказе отсут-

ствует патриотический пафос и эпический размах: молодой автор концентрирует свое внимание на судьбе нескольких десятков человек, а не на судьбе нации в целом, не описывает батальных сцен.

Толстовская традиция не могла полностью удовлетворить Несмелова. Изменилась литературная ситуация – новое время требовало новых способов выражения, способных «впечатлеть» читателя. К тому же война с Наполеоном и Первая мировая были разные по духу войны: Первая мировая не была освободительной войной, простой народ не понимал ее причин, не был столь заинтересован в победе. Несмелов, изображая другую войну, вынужден был искать другие способы и формы повествования

К 1928 г., когда по сведениям Е. Витковско-го, было опубликовано произведение Несмелова, новые традиции изображения войны только складывались в русской прозе. Литература метрополии могла дать образцы для подражания: уже были опубликованы «Железный поток» А. Серафимовича, «Чапаев» Д. Фурманова, «Голый год» Б. Пильняка. Но эти произведения были посвящены прежде всего революции и гражданской войне и показывали военные события сквозь призму формирования революционного сознания масс. Подобные тенденции были чужды прозе Несмелова.

Иное дело – зарубежная литература, где Первая мировая нашла достойное воплощение. Ей посвящены лучшие произведения Э.М. Ремарка, Р. Олдингтона, Э. Хемингуэя, Дж. Дон Пассоса. Неслучайно И.Н. Голенищев-Кутузов сопоставил «"Короткий удар" Несмелова с творчеством Ремарка: "Короткий удар" (в «Багульнике») не уступает лучшим страницам нашумевшего романа Ремарка»¹¹. Соглашаясь с известным критиком, хотим акцентировать внимание на одной детали: «Короткий удар» был опубликован в 1928 г., тогда как роман «На западном фронте без перемен» датируется 1929 г., так же как «Прощай, оружие!» Хемингуэя и «Смерть героя» Олдингтона. Первичность произведения Несмелова дает основание говорить об улавливании харбинским прозаиком тенденций, витающих в воздухе: Несмелов, как один их талантливейших писателей восточной эмиграции, почувствовал специфику войн XX века и сумел подобрать наиболее яркие художественные средства.

⁹ Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: библиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 219.

¹⁰ Несмелов А. Короткий удар. Собр. соч. Т. II. Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006. С. 213–215.

¹¹ Голенищев-Кутузов И.Н. Русская литература на Дальнем Востоке // Русский Харбин. М.: Изд-во МГУ: Наука, 2005. С. 107.

Новаторство Несмелова проявилось прежде всего в изображении «окопной правды». В произведении показана не батальная сторона войны, а фронтовой повседневный быт со всеми неприглядными сторонами и отсутствием пафоса. Очевидно нежелание автора приукрашивать ситуацию, игнорировать трагизм войны. «Короткий удар» – произведение не о войне, а «изнутри» войны. Писателя интересует не столько героика военных действий, сколько поведение человека, переживания солдата и рядового офицера, их ощущения на передовой, душевное состояние во время обстрелов. Несмелов помещает своих персонажей в экзистенциальную ситуацию ожидания смерти и дает им возможность выбора – выбора смерти. Это, безусловно, находка харбинского писателя.

Несмелов не пошел так далеко в изображении трагизма войны и психологии человека на войне, как Ремарк, Хемингуэй, Олдингтон. Его персонажи не столько думают, размышляют о смысле жертв, сколько действуют, отсутствует глубинный психологический анализ переживаний героев, в сценах смерти автор прибегает к фигуре умолчания. Но в целом, произведение Несмелова можно считать новаторским для своего времени. Писатель смотрит на войну «изнутри», глазами рядового участника, он разоблачает ложный пафос войны, формирует представление о подлинном героизме людей, готовых умереть ради ближнего. В целом, «Короткий удар» представляет собой сложный сплав классических традиций русской литературы и новых форм повествования.

Рассказ «Полковник Афонин» был опубликован в 1936 г., через восемь лет после «Короткого удара». Казалось бы, срок небольшой, но рассказ написан совсем в ином ключе. Это связано, на наш взгляд, с изменением сознания Несмелова – за эти восемь лет он стал эмигрантом, изгнанником, потерявшим Родину. Из произведений видно, как изменилось отношение писателя к прошлому. Если в «Коротком ударе» Несмелов изображает «окопную правду», то теперь у него возникает потребность в идеализации утраченного, свойственная многим изгнанникам, и эта потребность провоцирует писателя на мифологизацию дореволюционной России.

В рассказе события на передовой становятся фоном для сознания идеализированного образа белогвардейского офицера. Полковник Афонин – простой русский солдат, всей душой преданный отечеству. Если в «Коротком ударе» явно звучит недоверие к высоким словам и лозунгам, то теперь молитва Афонина преисполнена героического и романтического пафоса: «Дай мне,

Боже послужить Родине моей всем разумом моим и всей кровью моей». Или «Маленькое сердце каждого, павшего за Родину, вечно будет биться в бессмертном сердце Нации».

Описывая личность Афонина, Несмелов акцентирует внимание на следующих положениях: Афонин – простой человек, сибиряк, у него прямая, мужественная, великодушная душа, он глубоко религиозен. Несмелов использует толстовский прием – заурядный персонаж в трудной ситуации преобразуется в подлинного героя. Смертельно раненый Афонин принимает командование, чтобы не подвести свой полк. Он просит перемирия не из страха, а из жалости к раненым, молящим о помощи, – он человеколюбец. Очевидно желание Несмелова создать миф о величии белогвардейского офицера, которое отсутствовало в «Коротком ударе».

И вновь истоки образа Афонина следует искать у классиков: в творчестве Л. Толстого и Н. Гоголя. От толстовской традиции идет описание Афонина как обычного заурядного человека, вырастающего до статуса героя, от «Тараса Бульбы» Гоголя – отношение между Афониним и солдатами как между отцом и сыновьями – «батько» и дети. Классическая традиция, преломляясь в художественном тексте нового времени, сближает произведение Несмелова с формирующейся поэтикой литературы соцреализма. Несмелов, как Фурманов в «Чапаеве» и Серафимович в «Железном потоке», создает романтизированный образ эпического человека, героя эпоса. Но если персонажи Фурманова и Серафимовича создают миф о рождении нового мира, то Несмелов мифологизирует прошлое и людей прошлого.

Таким образом, в «Полковнике Афонине» Несмелов возвращается к традициям русской классической литературы, а все новейшие художественные веяния оставляет в прошлом: в произведении нет места быту, повседневности, нет отрицания войны и осуждения ее бессмысленности, нет внимания к психологии и внутреннему миру человека, нет экзистенциальной ситуации выбора. Мифологизируя дореволюционную Россию и романтизируя образ главного героя, Несмелов как бы высвечивает духовные ценности, теряющие свое очертание в водовороте эмигрантской жизни.

Рассказы о войне А. Несмелова симптоматичны для своей эпохи. Они демонстрируют нравственные духовные метания писателя, а также позволяют заглянуть в творческую лабораторию, где перерабатывались приемы классической литературы и оттачивались новые формы повествования.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С.Е. ТУРКУЛЕЦ «ИДЕЯ ПРОЕКТИВНОСТИ В СТАНОВЛЕНИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА: ФИЛОСОФСКИЕ ОЧЕРКИ»

Философия права в последнее время становится весьма популярной отраслью социально-гуманитарного знания. Обращение к фундаментальным теоретико-правовым вопросам характерно для переходных этапов общественного развития. Кризисные состояния общества настоятельно требуют глубокого переосмысления устоявшихся теоретических подходов, переоценки и обновления ценностей.

Монография С.Е. Туркулец (Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2007) представляет собой оригинальную попытку постановки проблемы сущности и предназначения права. Основная гипотеза автора состоит в том, что сущность права на разных этапах социального развития заключалась в том, что оно выступало проектом человеческого существования. В качестве фундаментальной цели монографической работы определяется исследование идеи проективности в процессе становления философии права. Указанная цель достигается автором путем решения таких задач, как рассмотрение взаимодействия отдельных форм общественного сознания через призму осуществления идеи проективности в данных формах духовного освоения мира; сравнительный анализ мифа и права в контексте проективности человеческого бытия; исследование философско-правовых идей философов античности о достойном человеческом существовании и христианского проекта праведной жизни человека.

Несмотря на утверждение автора, что монографическое исследование носит исключительно постановочный характер, в нем обнаруживается целый ряд глубоких, обоснованных и оригинальных положений и выводов. Так, на наш взгляд, интересным является положение о том, что право всегда использовало и продолжает использовать и сегодня нормативный потенциал мифа, с помощью которого эффективно манипулирует сознанием масс. «Когда резервы этих форм духовного освоения и проектирования бытия не противоречат, а дополняют друг друга, они приобретают силу могучего фактора развития цивилизованных социальных отношений»¹.

Несмотря на краткость, и в этом смысле некоторую поверхностность анализа философско-правовых взглядов античных философов, автору удалось обосновать идею об их проективном характере. Отмечая, что право рассматривается античными мыслителями с рациональных позиций как веление разума (Логоса) и ассоциируется со справедливостью, порядком, добродетелью, С.Е. Туркулец актуализирует положение о том, что высшей ценностью для эпохи Античности являлся «закон как проявление сущности полисной жизни. Личность подчинена идее долга»².

На наш взгляд, особо следует отметить проведенный автором анализ христианского проекта праведной жизни человека. Обращение к библейским текстам, теологическим учениям средневековых мыслителей, интерпретационным источникам позволило автору эксплицировать идею проективности христианского мировоззрения «Общий пафос проективных идей средневековых философов проявляется в желании усовершенствовать бытие человека. Религиозные тексты как воплощение проективных идей дают достаточно четкие и конкретные нормативные указания на то, как следует поступать человеку, дабы достичь высшего блага»³.

В рецензируемой монографии приводятся материалы из самых разнообразных источников, наряду с первоисточниками и интерпретационной литературой автор весьма успешно использует статьи различных периодических изданий.

Монография С.Е. Туркулец обладает научной новизной и практической значимостью. Материалы исследования могут быть полезны студентам и аспирантам, изучающим философию, теорию права, спецкурсы по социальной философии и философии права, а также преподавателям, разрабатывающим учебные дисциплины и спецкурсы соответствующей направленности.

*Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии Тихоокеанского
государственного университета,
Пахомкина Майя Федоровна*

¹ Туркулец С.Е. Идея проективности в становлении философии права: философские очерки : монография. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2007. С. 35.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 66.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование. Рецензии авторам не предоставляются, имена рецензентов не сообщаются.

3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.

4. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п.л. (20 000–40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.

5. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

5.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5” и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

5.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.

5.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией по-

сле текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1-2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.

5.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

5.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

6. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

7. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

8. К статье прилагается короткая аннотация в несколько строк на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке.

9. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 3235. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 99 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

<p>Извещение</p> <p>Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p>подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2008 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
<p>Квитанция Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p>подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2008 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>

**Указатель статей, помещенных в журнале
«Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» за 2007 год**

	№№	Стр.
Философия и культурология		
<i>Арташкина Т.А.</i> Проблема ответственности и структура социального заказа	1(13)	16
<i>Бортнюк О.А.</i> Зачем Малеру Фауст? Загадки Восьмой симфонии, или Вольные ассоциации к лебединой песне Гёте	4(16)	21
<i>Герасименко А.П., Змеу В.И., Ковтун И.П.</i> А.И. Герцен – русский классик неклассической философии	1(13)	26
<i>Докучаев И.И.</i> Онтологические основания морфологии культуры	4(16)	5
<i>Затулий А.И.</i> Культурологические комментарии к костюмо-образам Arkadius, представленным в коллекциях 2001–2004 годов	3(15)	13
<i>Исакова Н.В.</i> Ценности традиционной этнической культуры как критерий анализа социальных процессов	1(13)	4
<i>Конончук Д.В.</i> Образ жизненной первоосновы в истоке греческой и китайской философских традиций	4(16)	10
<i>Поздеева Н.В.</i> Потребности человека в системе социокультурных ценностей	3(15)	4
<i>Потапчук Е.Ю.</i> Роль метафоры в трансформации социокультурной реальности (на примере поэмы В.В. Маяковского «Хорошо!»)	2(14)	4
<i>Пустовая О.С.</i> Языковая игра в структурах повседневности	2(14)	15
<i>Тюрина Ю.А.</i> Влияние паранауки и оккультизма на сферу образования: современное состояние процесса глазами социолога	4(16)	15
Психология и педагогика		
<i>Бельды М.П.</i> Этническое самосознание как критерий кризисности этноса (на примере коренных малочисленных этносов Севера и Дальнего Востока)	3(15)	36
<i>Воробьева К.И., Атюнина В.С.</i> Образ успеха в русской языковой картине мира	4(16)	29
<i>Воробьева К.И., Четвергова Е.П.</i> Психологический анализ профессиональной деятельности стоматолога	2(14)	26
<i>Губин И.И., Губина Т.И.</i> Копинг как личностный ресурс в адаптации человека к социальным изменениям	4(16)	38
<i>Коломийцева С.В.</i> О психологических аспектах современных подходов изучения проектирования баз данных	3(15)	45
<i>Коршунова Н.Л.</i> Социальная ответственность педагогов	1(13)	42
<i>Кулишов В.В.</i> Роль мотивации в развитии профессионально-важных качеств военных психологов на военной кафедре гуманитарного университета	3(15)	42
<i>Лукьянова Е.Л.</i> Специфика этнических проявлений механизмов психологической защиты у русских и китайских студентов	1(13)	61
<i>Невструева Т.Х., Резанова Н.В.</i> Уровень притязаний в системе личных стремлений личности	3(15)	19
<i>Новикова Т.А.</i> Модель и моделирование как основы совершенствования	1(13)	53
<i>Скрынникова Н.В.</i> Психологическая детерминированность мышления и контролируемое обучение иностранному языку	2(14)	22
<i>Сокольская М.В.</i> К вопросу о саморегуляции как детерминанте субъектной активности личности	3(15)	29
<i>Чернобай А.Д., Данченко С.А.</i> Непрерывное морское образование как фактор эффективной подготовки профессионалов	4(16)	44
Социология, политология, право		
<i>Апоревич В.Н.</i> Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых в результате нарушений правил безопасности при ведении строительных работ	4(16)	77

<i>Войшинис В.Э.</i> Участие электората южных регионов Дальнего Востока в президентских выборах в Российской Федерации (1991–2004 г.)	3(15)	50
<i>Войшинис В.Э.</i> Финансирование избирательной кампании кандидатов в депутаты Государственной думы по одномандатным избирательным округам Приморского и Хабаровского краев (2003 г.)	2(14)	36
<i>Воронин И.К.</i> Применение рейтинговой оценки в управлении деятельностью правоохранительных органов	1(13)	79
<i>Завалишин А.Ю.</i> Современные методологические перспективы социологии региона (регионализма)	1(13)	66
<i>Казаку О.В.</i> Мотивационный механизм регулирования воспроизводства трудового потенциала Тындинского отделения ДВЖД	4(16)	
<i>Лазарева И.В.</i> К вопросу о криминалистической методике расследования преступлений, связанных с несанкционированным доступом к сети сотовой Радиотелефонной связи	1(13)	83
<i>Лымарь С.И.</i> «Сменевеховство» в контексте политического компромисса с советской властью	3(15)	71
<i>Ляпустина Н.С.</i> Проблемы правового регулирования перемещения через таможенную границу Российской Федерации объектов фауны и флоры, подпадающих под действие СИТЕС	2(14)	56
<i>Марусенко О.Н., Смирнов Б.В.</i> Роль ценностей в активизации человеческого фактора социального института армии	4(16)	60
<i>Печерица В.Ф., Довгаль Г.В.</i> Дальневосточная элита: успехи и просчеты самоорганизации	1(13)	75
<i>Распутная Л.И.</i> Позиция стран Северо-Восточной Азии по северокорейской ядерной проблеме	2(14)	41
<i>Синякин С.В.</i> К вопросу о новой модели взаимоотношений между Россией и Китаем	3(15)	68
<i>Спасский Е.Н.</i> Партийная система Германии и основные тенденции ее развития на современном этапе	3(15)	61
<i>Стремиллова О.В.</i> Маргинальность и ее исследование в социологической традиции	4(16)	53
<i>Ткаченко А.В.</i> Понятие человеческого капитала и его научные трактовки	4(16)	48
<i>Шаповалов В.А.</i> К вопросу об истории развития отечественного законодательства о дезертирстве	2(14)	51
<i>Шаповалов В.А.</i> Личность дезертира: характеристика, особенности, типология	3(15)	77
<i>Шереметьева А.К.</i> Формирование законодательства в сфере таможенного налогообложения	2(14)	61
<i>Шурухнов Н.Г., Гостевский Д.Ю.</i> Систематизация следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации	4(16)	73

История

<i>Барбенко Я.А.</i> Периодизация заселения крестьянами Приморской области во второй половине XIX – начале XX вв.	4(16)	99
<i>Бондарь М.В.</i> Саморазвитие музыкальных учебных заведений как центров сохранения культуры на юге Дальнего Востока России в конце XX – начале XXI вв.	4(16)	109
<i>Галактионова Л.В.</i> Организационно-правовые формы осуществления деятельности на железнодорожном транспорте в Российской империи (1836–1917 гг.) и современной России	3(15)	91
<i>Горбатюк Е.С.</i> Теоретическое осмысление английского самоуправления в русской либеральной мысли	1(13)	95
<i>Залесская О.В.</i> Некоторые аспекты национальной политики в отношении китайских мигрантов на советском Дальнем Востоке в 20–30-е гг. XX в.	2(14)	67
<i>Зеленская С.Ю.</i> История деятельности иностранных консульств на Дальнем Востоке России	3(15)	83

<i>Иванов А.В.</i> Актуальные проблемы изучения истории отечественной кооперации начала XX в.	2(14)	91
<i>Марьясова Н.В.</i> Пути духовного возрождения России через особую роль нравственных сил молодежного движения	4(16)	114
<i>Масло О.А.</i> Научные общества Дальнего Востока России и их вклад в развитие отечественной ориенталистики (конец XIX – начало XX вв.)	2(14)	77
<i>Моисеева Л.А.</i> К истории концепции «соразвития» дальневосточного предпринимательства с деловым миром стран АТР в конце XX в.	4(16)	87
<i>Пилилян Е.К.</i> Становление «правового поля» для предпринимательской деятельности на юге Дальнего Востока в период конца XX – начала XXI века	1(13)	89
<i>Тихий К.Т.</i> Палестина или Россия: дискуссии в американском обществе о решении еврейского вопроса в СССР в 1920–1930-е гг.	2(14)	86

Филология

<i>Ахмыловская Л.А.</i> Терминология Станиславского в кросскультурном театральном процессе	3(15)	101
<i>Бирюкова О.А.</i> Семантические и стилистические возможности русских частиц («именно» в прозе С. Довлатова)	1(13)	105
<i>Боголепова Т.Г.</i> Тема и образ Франции в поздней прозе Диккенса	4(16)	118
<i>Власова Т.М.</i> Прагматические аспекты речевой коммуникации (на материале английского художественного текста)	1(13)	117
<i>Григорьева Ю.С.</i> Концептуализация представлений о Боге в картине мира англосаксов	2(14)	101
<i>Еременко А.В.</i> Когнитивные механизмы образования фразеологических единиц, репрезентирующих концепт MARRIAGE в английском языке	4(16)	128
<i>Жук М.И.</i> Концепт ЛЮБОВЬ в языковой картине мира Булата Окуджавы	3(15)	106
<i>Забияко А.А.</i> Проза харбинского поэта Георгия Гранина	4(16)	156
<i>Иващенко Е.Г.</i> Военная проза Арсения Несмелова	4(16)	168
<i>Кабакчи В.В., Юзефович Н.Г.</i> Транслитерация русизмов в англоязычном описании русской культуры (к столетию поисков системы транслитерации русизмов)	3(15)	115
<i>Крыкова И.В.</i> Национально-культурные особенности семантики англоязычных эргонимов и словесных товарных знаков Японии	4(16)	133
<i>Максимова Ю.С.</i> Способы выражения компромисса и других видов взаимодействия в тексте художественного произведения (по материалам романа Джеймса Клэвелла «Сегун»)	4(16)	151
<i>Модина Г.И.</i> Поиски Абсолюта: проблема бесконечности в ранней прозе Флобера	1(13)	113
<i>Надежкина Т.О.</i> Мифологема пути в трилогии А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер»	4(16)	145
<i>Надежкина Т.О.</i> О литературных аллюзиях в трилогии А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер»	2(14)	104
<i>Перцевая К.А.</i> Частица <i>уже</i> в осложненном предложении (полупредикативность)	2(14)	111
<i>Петрова Т.И., Чекмез А.Ю.</i> Малые письменные жанры в языковом облике города Владивостока	2(14)	116

Философы шутят

<i>Туркулец А.В.</i> Сущность мировоззрения (философский этюд)	1(13)	129
--	-------	-----

Научная жизнь

<i>Коломацкий В.Г.</i> О приоритетах С.Н. Трегубова в развитии науки криминалистики	2(14)	126
<i>Лившиц Р.Л.</i> Мудрецы и простецы (профессиональная этика ученого и возможности современных информационных технологий)	3(15)	125
<i>Пахомкина М.Ф.</i> Рецензия на монографию С.Е. Туркулец «Идея проективности в становлении философии права: философские очерки»	4(16)	172

Научное издание

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал № 4(16) 2007

Редактор *А.А. Иванова*
Технический редактор *О.В. Сенчихина*

План 2007 г. Поз. 11.4.

Сдано в набор 20.11.2007 г. Подписано в печать 27.12.2007 г.
Формат 60×84¹/₈. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Times New Roman». Печать RISO.
Усл. печ. л. 21,15. Зак. 377. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.